

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БРЕСТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ, СОВРЕМЕННОСТЬ
И ПЕРСПЕКТИВЫ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ КАФЕДР
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

*Под общей редакцией доктора социологических наук,
профессора Лапиной С.В.*

Основан в 2004 г.

Выпуск VII

Брест 2010

ББК 66+60,5
УДК 301+327

Сборник научных трудов содержит результаты исследований ученых проблеме трансформационных и интеграционных процессов, проявляющихся в Беларуси и других европейских стран. Анализируются различные аспекты данных явлений: экономический, политический, культурно-образовательный, экологический и др.

Сборник трудов кафедр социально-гуманитарных наук

Редакционный совет:

Варич В.Н. – кандидат философских наук, доцент (Беларусь)
Грибов Г.М. – кандидат философских наук, профессор (Беларусь)
Титаренко Л.Г. – доктор социологических наук, профессор (Беларусь)
Черкасова М.С. – доктор исторических наук, профессор (Россия)
Плева Альфред – доктор, профессор (Германия)
Сытник А.И. – кандидат философских наук, доцент (Украина)
Поплавский Тадеуш – доктор, профессор (Польша)
Попко О.Н. – кандидат исторических наук, доцент (Беларусь)

Рецензенты:

Б.М.Лепешко, доктор исторических наук, профессор
А.А.Горбацкий, доктор исторических наук, профессор



Издано при содействии информационно-просветительского учреждения
«Новая Евразия»

СЕМЬЯ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

И.И. Акинчиц

Брестский государственный технический университет

В условиях системной трансформации белорусского общества семья стала более чувствительной к социальным изменениям по сравнению с предыдущей эпохой. Она реагирует на эти изменения в своеобразной форме, определяемой ее спецификой как замкнутой группы, источники единства и сплоченности которой находятся в чувствах супружеской и родительской любви. Семья воздействует на развитие общества благодаря социально-духовному становлению в ней новых поколений. Она не только аккумулирует духовно-нравственные ценности, но и их творит. Несомненно, крепкая семья – это одно из важнейших условий высокой нравственности общества. Но по мере того, как в условиях системной трансформации общества ослабевают внешние «обручи», скреплявшие ранее семью, усиливается процесс размывания границ между браком и внебрачным сожительством. Начинаются поиски «альтернативы» институту семьи, растет либерализм в поведении значительной части молодежи, фетишизируются материальные ценности. Следовательно, глобализация и системная трансформация белорусского общества увеличивают опасность утраты семьей роли важнейшей социальной ячейки.

В связи с этим в Беларуси в последнее время демографическая политика приобрела особую актуальность. Государство стремится обеспечивать необходимые социально-экономические условия жизнедеятельности семьи, посредством законодательных актов регулировать брачно-семейные отношения, укреплять институт семьи. Крепкая семья становится важной целью государственной политики, о чем наглядно свидетельствуют принятые за последнее время «Закон о демографической безопасности» и «Национальная программа демографической безопасности».

На наш взгляд, в целях укрепления брачно-семейных отношений необходимо обратиться к позитивному опыту прошлого, закрепить его в народной традиции. Согласно «Повести временных лет», у восточных славян в языческие времена еще не было единых, общих для всего населения форм брака. Вопросы вступления в брак и его расторжения, а также другие внутрисемейные отношения разрешались в зависимости от обычаев конкретного племени. Но в семейных отношениях самое серьезное значение придавалось браку. В дохристианский период для его признания достаточно было согласия родителей на этот брак и свадьбы, а также предварительной договоренности между женихом и невестой. Тогда же возник обычай, согласно которому невеста должна была принести приданое в дом будущего мужа. Оно зависело от достатка семьи невесты. А после свадьбы жена получала вену (материальное обеспечение), равное 1/3 от имущества мужа. Это обеспечивало ей свободу в осуществлении обязанностей по ведению домашнего хозяйства, ухода за детьми, а также предоставляло возможность женщине в случае необходимости расторгнуть брак. Данный обычай позволял жене быть независимой от мужа в материальном отношении. В дальнейшем все это было закреплено в обычном праве, согласно которому за преступление против женщины устанавливалась повышенная уголовная ответственность, а размер денежных взысканий увеличивался вдвое. Нарушения нравственности наказывались достаточно строго.

После принятия восточными славянами христианства практически все вопросы, связанные с браком и семьей, отходят к компетенции церкви. Она установила ряд условий признания брака законным, запретила браки между троюродными братьями и сестрами, запретила многоженство, а также добилась признания права наследования только за детьми, рожденными в церковном браке. В соответствии с установившейся традицией создание новой семьи включало сватовство, венчание, застолье. Сватами были наиболее уважаемые близкие родственники жениха. Они шли свататься только в «счастливые» дни: вторник, четверг, субботу. Они же решали вопросы дня свадьбы, размера подарков, которые должны были дать молодым родители жениха и невесты. До венчания молодые ехали в церковь порознь, а после венчания уже вместе. Застолье сначала было в доме молодой, а на второй день – в доме жениха. В дальнейшем, живя в окружении родственников, друзей и знакомых, каждый член такой семьи был на виду. Окружение всегда адекватно реагировало на то или иное его поведение. Например, нравственным долгом детей был досмотр состарившихся родителей. И этот долг дети исполняли практически повсеместно и всегда. Однако приоритет в деле нравственного укрепления отношений между супругами, родителями и детьми принадлежал церкви. Она строго контролировала взаимоотношения в семье, поэтому разводы в христианских семьях были очень редкими. Затем за годы советской власти роль церкви как хранительницы нравственных устоев семьи была сведена на нет.

Общеизвестно, что за последнее время существенно возросло количество разводов. Если в советское время официально распадался каждый третий брак, то в текущем десятилетии распадается практически уже каждый второй брак. Согласно результатам конкретно-социологических исследований, в поведении верующих молодых людей, вступающих в брачные отношения, наблюдается отклонение от традиционных нормативных стандартов религиозной этики. Например, в сельской местности 75% опрошенных верующих осуждают сожительство мужчины и женщины до заключения брака и венчания в церкви, а 25% - не видят в этом морального зла. В городах уже 63,5% опрошенной молодежи не считают добрачное сожительство безнравственным, и лишь 36,5% - рассматривают его как моральное зло. Следовательно, религиозные нравственные нормы не стали доминирующими в сознании и поведении верующей молодежи, которая составляет ныне почти половину молодежи республики. В этих условиях должна возрасти роль церкви в решении проблем семейной этики.

Разумеется, в условиях системной трансформации белорусского общества церковь стала более активно воздействовать на социальные отношения, в том числе на семейный быт. Но прежней позиции она пока не заняла. Согласно результатам конкретно-социологических исследований, абсолютное большинство современной молодежи отрицательно относится к обряду венчания и, напротив, позитивно настроено по отношению к так называемому гражданскому браку. По нашим данным, почти 80% респондентов считают нормальным явлением «гражданский» брак. Такие молодые люди убеждены в том, что в «гражданском» браке можно детально проверить свою бытовую совместимость, которую взаимная влюбленность и сексуальное влечение не всегда гарантируют. При этом они учитывают, что «гражданский» брак, как правило, не одобряется их родителями, поскольку он юридически не оформлен.

Результаты конкретно-социологических исследований также свидетельствуют о том, что многие молодые люди не проявляют особого желания заключать брак и создавать семью. Главными причинами такого нежелания являются: сохранение личной свободы (парни в городе – 56,0%, в деревне – 51,5%; девушки в городе – 40,0%,

в деревне – 36,7%), неуверенность в будущем (парни в городе – 27,2%, в деревне – 23,6%; девушки в городе – 18,1%, в деревне – 9,4%), опасение за пристрастие к алкоголю будущего супруга или супруги (парни в городе – 2,3%, в деревне – 4,0%; девушки в городе – 32,5%, в деревне – 38,7%), невозможность найти хорошего спутника жизни (парни в городе – 8,4%, в деревне – 12,7%; девушки в городе – 9,0%, в деревне – 13,2%), иные причины (парни в городе – 6,1%, в деревне – 8,2%; девушки в городе – 0,4%, в деревне – 2,0%).

Таким образом, абсолютное большинство молодых людей в качестве главной причины называет боязнь потерять личную свободу. Но у девушек второй по значимости причиной является опасение, что будущий супруг может стать алкоголиком. Молодые девушки прямо заявляли о том, что в наши дни встречается очень мало неженатых парней, которые были бы равнодушны к спиртным напиткам.

Согласно результатам исследования, 42,5% женатых респондентов и 46% замужних респонденток не желают иметь в семье более одного ребенка. Они заявляют, что только одному ребенку в дальнейшем можно будет обеспечить получение высшего образования, приобретение отдельной квартиры и ее обустройство, оказание на первых порах необходимой материальной помощи. А если в семье будет больше детей, то такой помощи они оказать своим детям не смогут. Значит, главным мотивом такой семейной политики является неуверенность в будущем, отсутствие социального оптимизма. Только 5,5% молодых мужчин и 3,0% замужних молодых женщин хотят, чтобы в их семьях было много детей. По их мнению, в многодетной семье дети, как правило, становятся высоконравственными людьми и сами обеспечивают свое материальное благосостояние. В этой связи следует заметить, что многодетная семья всегда более устойчивая и жизнеспособная по сравнению с той, в которой только один ребенок. Наши далекие предки это хорошо понимали и поэтому создавали крепкую семью, т.е. состоящую, как правило, из семи человек. В такой семье было много разнообразных форм социальных отношений, в том числе трудовой деятельности, но каждый член семьи старался строго выполнять свои обязанности. Поэтому прежняя семья была более прочной. К сожалению, данный мотив в наши дни уже не играет столь важной роли. Именно этим во многом обусловлена тенденция ежегодного почти 50-тысячного уменьшения численности населения Беларуси. Для того чтобы преодолеть процесс депопуляции, необходимо, в первую очередь, решить проблему повышения престижа семейного образа жизни и повышения ценности многодетной семьи.

Решению данной проблемы будет способствовать обращение к историческому опыту. Здесь уместно вспомнить о М.В.Ломоносове, который в сочинении «О размножении и сохранении русского народа» предлагал ряд конкретных мероприятий, направленных на укрепление брачно-семейных отношений, увеличение численности населения России. В ходе реализации его рекомендаций были законодательно закреплены преимущества многодетных отцов на государственной службе по сравнению с неженатыми мужчинами и малолетними отцами. Им обеспечивалось продвижение по службе, систематически предоставлялась материальная помощь, устанавливалось более высокое пенсионное пособие и т.д. Следует также вспомнить о демографической политике советского государства после Великой Отечественной войны, хотя некоторые постановления правительства того времени нравственно оправдать нельзя (например, запрет абортов). Но именно тогда многодетные семьи, матери-одиночки получали существенную поддержку со стороны государства (финансовая помощь, освобождение от оплаты за получение детьми среднего образования и т.д.).

В современной Беларуси демографическая политика должна быть постоянно ориентирована на повышение престижа семейных ценностей. Необходимо в первую очередь повышать социальный статус замужней женщины. В этом отношении уже много сделано нашим государством. Например, женщинам, имеющим маленьких детей, предоставляются социальные льготы (отпуск по уходу за ребенком до 3-летнего возраста с сохранением рабочего места, оплачиваемый бюллетень в случае болезни ребенка и т.д.). Однако на предприятиях таких женщин в большинстве случаев считают невыгодными работницами. Ведь они по вышеуказанным причинам уменьшают производительность труда, увеличивают расходы своего предприятия. Преодолеть подобное отношение к женщине-матери является важной задачей демографической политики государства. Наверное, государству следует взять на себя расходы предприятий, связанные с оплатой отпусков, бюллетеней и т.д. таких женщин. Здесь приоритетными должны быть общегосударственные интересы.

Демографическая безопасность тесно связана с формированием патриотизма, национально-государственного самосознания. Современная семья находится в постоянном взаимодействии с обществом и государством. Выполняя репродуктивную, воспитательную, хозяйственно-экономическую и другие функции, семья влияет на различные сферы жизнедеятельности государства. В ней начинается социализация личности, закладываются основы гражданственности и патриотизма. Семья в трансформирующемся обществе все более и более вовлекается в идеологические и политические процессы, ибо ее члены в той или иной мере поддерживают определенные идеологические установки, политические партии. А государство объективно заинтересовано в том, чтобы они были апологетами его идеологических ценностей, чтобы в нужном направлении происходила их политическая социализация, формировалось позитивное отношение к национально-государственной самоидентификации.

В связи с этим приобретает особую актуальность проблема осмысления и использования механизма трансляции этих ценностей от государства к личности через институты государства и семью. В этом деле важную роль должны сыграть средства массовой информации, учреждения образования и культуры. Они призваны формировать у каждого человека гражданственность и патриотизм. Вместе с тем нельзя уменьшать роль семьи, являющейся первичным фактором этнизации детей, формирования национальной самоидентификации, ибо именно в семье они воспринимают патристические и национальные черты своих родителей. В семье сначала происходит эмоциональное восприятие окружающей действительности, формируется чувство любви к малой родине, а затем оно поднимается на национальный уровень, делает человека патриотом своей страны.

Демографическая безопасность в трансформирующемся белорусском обществе во многом зависит от решения проблемы молодой семьи. Ведь молодежь — это самая активная возрастная группа. Она стремится получить образование, освоить ту или иную профессию, повысить свой культурный уровень. В этом возрасте происходит формирование нравственных устоев, общественно-политической позиции, социальное становление личности. Именно молодые люди, как правило, создают семьи. Но от того, как сложится жизнь, взаимоотношения в такой семье в первые годы, зависит ее дальнейшее функционирование. Следует при этом учитывать, что еще многие молодые семьи испытывают трудности с трудоустройством, получением жилья, неустойчивостью быта и т.д. Темпы изменения благосостояния таких семей относительно невысокие, что приводит к разрушению брачно-семейных отношений, к разводу. Массовый характер расторжения брака — это тревожный симптом. Поэтому государству необходимо скорректировать молодежную политику, обратив особое внимание на решение проблем молодой семьи.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ

Г.Ф.Бедулина

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь

Происходящие в белорусском обществе перемены обуславливают формирование нового ценностного сознания. Реальность показывает, что молодежь обладает особой социальной мобильностью в сравнении с другими слоями общества. Именно поэтому возникновение новых ценностных ориентаций и уход от прежних затронули молодежь в наибольшей степени.

Проблемы современной белорусской молодежи стали предметом самого пристального внимания многих ученых и практиков. Работами белорусских социологов Е.М.Бабосова, Г.Н.Соколовой, В.И.Русецкой, С.В.Лапиной установлено, что именно социальные структуры - экономическая, стратификационная, политическая, социально-культурная, социально-территориальная - играют важную роль в становлении и развитии молодежи как специфической социальной общности.

Молодежь можно рассматривать как отдельную социальную группу, имеющую свои, присущие только ей, особенности и признаки, которые во многом обусловлены конкретными объективными и субъективными факторами. Так, различные формы общественной, экономической, политической жизни влияют на потребности, интересы, определяют ценностные ориентиры молодых людей, что в конечном итоге формирует социальный портрет молодежи Беларуси. Важно не только создать социальный портрет современной белорусской молодежи, но и выявить основные направления реформирования молодежной политики.

Разумеется, решение вопросов молодого поколения не может осуществиться без основательного изучения самого объекта - молодежи, ее интересов и ценностей. Изучение ценностных ориентаций в молодежной среде должно помочь создать теоретическую базу для прогнозирования возможных социальных трансформаций белорусского общества, а также для управления ими.

Согласно социологическим представлениям и теориям, молодежь - это динамично развивающийся ресурс, в определенных социальных обстоятельствах быстро превращающийся в динамичную и активно действующую силу социально-политических, экономических, культурных трансформаций, поведенческих проблем.

Современные исследователи выделяют следующие факторы идентификации молодежи как особой общности: 1) возрастные границы и социально-психологические особенности; 2) специфику социального статуса ролевых функций, социокультурного поведения; 3) процесс социализации как единство социальной адаптации молодежи и индивидуализации. Эти факторы объединяют разных молодых людей в социальную общность и позволяют рассматривать молодежь как целостность в соотношении с другими социально-демографическими группами.

Что касается возрастных границ, то в отечественной практике они определены в интервале от 15 до 30 лет. Естественно, существует внутренняя дифференциация: подростки - до 18 лет, молодежь - 18-24 года, молодые взрослые - 25-30 лет. К психологическим характеристикам, бесспорно, относятся: динамичность, страстность, эмоциональная восприимчивость, жажда впечатлений, повышенное ощущение жизни, максимализм. В социологическом аспекте молодежь находится в процессе профессионального, гражданского, семейного становления [1, с.37].

Сущностные черты и особенности различных половозрастных и профессиональных групп молодежи формируются под воздействием природной, производственной и социальной среды, духовных и материальных условий жизни. Молодежь как наиболее восприимчивая группа общества отражает сложившиеся общественные отношения во всех областях жизни: экономике, политике и культуре. В то же время она является субъектом деятельности, может проявлять различную степень производственно-трудовой, общественно-политической, культурно-познавательной и семейно-бытовой активности, а также социальную мобильность в зависимости от реальных условий бытия, сформированных потребностей, интересов, ценностных ориентаций. Ей свойственен сложный и противоречивый процесс социализации и адаптации в трудовых коллективах. Характерными особенностями нынешнего поколения молодых людей являются ускоренная акселерация, раннее физическое, половое развитие и замедленное социальное, неполнота социального статуса, профессионально-квалификационного становления молодежи. Все эти и другие социальные проблемы вызывают необходимость всестороннего научного социологического исследования социальных проблем молодежи как объекта общественного управления. Важно знать сущностные характеристики этой социальной группы общества.

В начале 90-х годов развитие Беларуси вступило в период острейшего кризиса, охватившего все демографические процессы: рождаемость, смертность, брачность, миграцию. Изменилась возрастная структура населения республики: примерно на 25% уменьшилась доля детского населения (0-15 лет), на 12,5% увеличилась численность лиц старше 60 лет, а также на 2% увеличилось количество молодых людей в возрасте 16-29 лет. [2, с.35] Среднегодовая численность молодежи в возрасте 16-29 лет в 2005 году достигла почти 2200 тыс. человек и составила около 22% всего населения республики (в 1990 году - 2077,6 тыс. человек, или 20,4%) [2, с.41].

Численность городского населения на начало 2007 года составила 7045,5 тыс. человек (71,5% населения республики), в том числе 23,8% - молодые люди в возрасте 16-29 лет, сельского населения - 2803,1 тыс. человек (28,5% населения республики), из них 15,7% - молодежь. В общей численности молодежи городские жители составили 78,8%, жители села - 21,2% [2, с.45].

В числе занятых в экономике доля молодежи составляет 23% (из них 61,2% - рабочие, 38,8% - служащие). В промышленности занято 28% работающей молодежи, в сельском хозяйстве - 9%, в образовании, на предприятиях торговли и общественного питания - по 12%, в строительстве - почти 7% [2, с.65].

Молодежи присуще собственное мнение относительно проблем общества. Так, в большей степени, чем людей старшего поколения, их волнует жилищная проблема, безработица, состояние экологии. В то же время более лояльно, чем население в целом, молодые люди относятся к росту цен, расслоению общества на богатых и бедных [49].

Учащаяся молодежь составляет более половины в общем количестве молодежи республики. Значительную долю учащейся молодежи составляет студенчество. Менее чем за 10 лет число студентов в республике увеличилось на 70%. Сегодня на 10 тыс. населения в республике приходится 370 студентов (в 1995/96 учебном году - 194). Доступность высшего образования, прозрачность вступительной комиссии, разумная система льгот при поступлении привели к тому, что студенчество представлено всеми социальными категориями граждан республики [2, с.40].

Из 2,3 млн. молодых граждан Беларуси 485 тыс. проживает в сельской местности. Сельская молодежь неоднородна по своему составу: это молодые специалисты-агроarii с высшим образованием, служащие среднего звена, сельскохозяйственные рабочие. Они вместе решают важнейшую для страны задачу: нарастить агропромышленное производство и тем самым поднять уровень жизни сельчан. Сельская молодежь с энтузиазмом восприняла государственную инициативу по возрождению села. Уже сегодня она активно проявляет себя в республиканских соревнованиях по уборке урожая, в заготовке кормов, выращивании льна, в производстве животноводческой продукции.

Ценности молодежи - индикатор общей культуры общества и семьи, показатель эффективности воспитательной работы в среде, где живут и общаются юноши и девушки, свидетельство действенности средств массовой информации и коммуникаций. Известно, что молодежь сейчас духовно и нравственно раскрепощена; потому ответы молодых респондентов при социологических опросах достаточно искренние. Сравнивая их по одним и тем же параметрам сегодня с ответами пятнадцатилетней давности, можно заметить, что у всех слоев молодежи на первые места в шкале ценностей выдвинулись те, что связаны с личностным благополучием: любовь, семья, здоровье, дружба, материальное благосостояние и бытовое устройство, комфортность; зато показатель степени рвения к исполнению общественного долга, патриотических обязанностей значительно снизился. Однако не следует в этом усматривать проявление какой-то потребительской позиции, социальной индифферентности или нравственной инфантильности молодежи: в конечном счете вся политика цивилизованного государства и его долгосрочных программ преследует цель максимального обеспечения благосостояния человека — труженика и гражданина; и чем больше будет благоустроенных людей в личной жизни, тем более патриотичным будет само общество и отдельный человек.

Показательно, что на вопрос социологов: «Какое значение, по-вашему, имеет в жизни человека работа?» - ответы молодых людей распределились так: это возможность содержать свою семью (79%); реализовать свои знания (33,5%); быть в коллективе (30,4%), стать профессионалом (24,8%), быть полезным обществу (18,9%), сделать карьеру (18,9%), исполнить долг гражданина (12,2%). Кстати, на вопрос социологов: «Что, по-вашему, заставляет молодых людей уезжать за границу?» - получены ответы: низкая оплата труда (88,1%) стремление посмотреть мир (30,8%), невозможность реализовать свои творческие способности (19,8%) [3, с.50].

Бесспорно, все вопросы гражданско-нравственного и патриотического воспитания легче решаются в организованных коллективах, тем более - учебных заведениях различного уровня. Разумеется, само образование - уже нравственная ценность и выгодное вложение «капитала». Однако во время его приобретения продолжают формироваться такие качества личности, которые составляют духовную основу гражданственности и патриотичности: гордость за историческое прошлое, героизм отцов и дедов, коллективизм, товарищество, трудолюбие, культура общения, порядочность, стремление быть полезным людям и др.

Вся социальная среда, вовлеченная в процесс личностного восприятия самореализации, так или иначе подпитывает патриотические чувства и настроения молодежи. По мнению молодых респондентов, любви к Отчизне и уважению к законам своего государства учит семья (62% ответов), телепрограммы по данной тематике (57%), газетные материалы, журнальные публикации (18%-19,8%), радио (17,5%), литература (17%), встречи с именитыми людьми (7,6%), армия (6,3%), церковь (6,2%). 58,2%

опрошенных юношей и девушек гордятся своей страной - Республикой Беларусь (затрудились определиться - 20,2%). Живут надеждами (60,3%) и уверенностью (26,2%) большинство юношей и девушек, каждый четвертый испытывает чувство неопределенности [1, с. 54].

Ценностные ориентиры, жизненные установки характеризуют молодежь как особую социальную категорию, что подтверждают социологические исследования. Приоритетное значение для современной молодежи имеют семья (73,2%), дружеские отношения (55,6%), сохранение и укрепление своего здоровья (41,5%), карьера, деловой успех (39,6%), личная свобода (38%), самореализация (30,8%) и хорошее образование (29,4%) [4, с. 36].

Труд и занятость остаются у молодежи одной из наиболее значимых жизненных ценностей и, соответственно, создание необходимых условий для профессиональной и трудовой самореализации молодых людей является приоритетной задачей государства в области регулирования социально-трудовых отношений. Основными формами работы с молодежью, обратившейся в службу занятости, являются: содействие в трудоустройстве, профессиональная помощь в выборе и получении профессии за счет средств государственного фонда содействия занятости, организация временной занятости молодежи в свободное от учебы время.

На современном этапе молодежь как стратегический резерв социального развития республики находит максимум возможностей для самореализации в рамках суверенной и процветающей Беларуси. У государства есть молодое поколение, ориентированное на устойчивое развитие и созидательный труд во имя будущего страны.

Таким образом можно в самом общем плане сформировать портрет современной белорусской молодежи в начале XXI века. Характеристики, присутствующие в портрете, позволяют определить их модальность, т.е. частоту их проявления в объективных и субъективных показателях, к которым относятся ценностные ориентации и поведенческие предрасположенности.

На основе этого «социальный портрет» как научная метафора может быть представлен в виде собирательного образа сегодняшней белорусской молодежи:

1. Современная молодежь Беларуси представляет собой жизнеспособную, социально активную, нравственно здоровую, прогрессивную часть общества.

2. Упорядочению процессов самоутверждения различных категорий молодежи способствует целенаправленная социальная политика президентских, управленческих и правительственных структур, законодательная база последних лет.

3. В последнее десятилетие политическое сознание молодежи претерпело значительные изменения, пройдя путь от состояния хаоса и растерянности в молодежном движении до известной степени упорядоченной самоорганизации. В иерархии жизненно важных ценностей молодых людей стали преобладать те, которые направлены на обеспечение личного благополучия и семейного комфорта.

Для переходного общества, находящегося в стадии трансформации, такие ориентации молодежи не могут быть оценены однозначно положительно. Несмотря на специфичность проблем современной молодежи, кардинальное их решение в целом лежит в русле социально-экономических и демократических преобразований в суверенной Беларуси.

LITERATURA

1. Молодежь Беларуси на современном этапе: состояние, проблемы, и пути их решения: книга для педагогов и организаторов воспитательной работы с молодежью / Под ред. С.Д. Лаптенка – Минск: ИСПИ, 2004. - 294 с.

2. Социальный облик современной белорусской молодежи: Сб.ст./А.А.Буданова, Е.В.Лебедева, М.С.Марков, Т.Н. Шушунова; под ред. Е.В. Лебедевой.- Мн.: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2008. – 123 с.

3. Сапелкин Е.П. Молодежная политика в Республике Беларусь: Системный анализ: Монография/Е.П.Сапелкин - Минск: УП «Технопринт», 2004. – С.240.

4. Сапелкин Е.П. Социальный статус молодежи / Е.П. Сапелкин – Минск.: УП «Технопринт», 2002. – С.245.

5. Студенческая молодежь Беларуси в мире современной культуры: Материалы постоянно действующего семинара руководящих работников республиканских государственных органов / С.В. Лапина, Г.М. Грибов, А.А. Жарикова. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2004. – 172 с.

STARZENIE SIĘ SPOŁECZEŃSTWA POLSKIEGO: SKUTKI, PROBLEMY, I ROZWIĄZANIA

Alina Borowska

Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

„To, że się starzejemy, jest jednakże dla wszystkich, to, jak się starzejemy, jest różne dla każdego” – Ks.Leon Dyczewski [1. s.111]

Celem niniejszej pracy jest przedstawienie problemów związanych ze starzeniem się polskiego społeczeństwa oraz możliwości ich rozwiązania.

W krajach najbardziej rozwiniętych, również w Polsce daje się zaobserwować od kilkudziesięciu lat proces starzenia się społeczeństwa. Oznacza to wzrastającą wciąż w społeczeństwie liczbę osób starych. Według prognoz GUS w 2020 roku, osoby powyżej 60 roku życia będą stanowić ponad 26 % całej populacji [6]. Jest to zjawisko nowe, bowiem nigdy w historii świata takie zjawisko nie występowało. Zwykle ludzie starsi nie dożywali sędziwego wieku, a jeśli tak, to były to nieliczne przypadki.

Przyczyną długowieczności jest wzrost jakości życia w krajach najbardziej rozwiniętych i rozwiniętych, powszechny dostęp do opieki lekarskiej oraz zdobycze techniki i medycyny, w profilaktyce i leczeniu ludzi. W związku z powyższym wzrasta ilość osób w wieku 80 lat i więcej i przewiduje się, że tendencja ta będzie wzrastała.

Proces i problem starzenia się dotyczy zarówno jednostek jak i całego społeczeństwa, skutki tego stanu rzeczy są jednostkowe, społeczne i ekonomiczne, rodząc wiele problemów.

Starość i starzenie się

Podejście do starości na przestrzeni wieków, nigdy nie było jednoznaczne. W starożytnych społeczeństwach ludzie starzy byli źródłem wszelkiej wiedzy i mądrości, strażnikami tradycji, nauczycielami i wychowawcami. Przez całe swoje (w tamtych czasach krótkie życie) byli użyteczni dla swojej społeczności. Władza była powierzana wyłącznie

starcom, z uwagi na ich zakumulowaną w ciągu życia mądrość i wiedzę, ale również pozbywano się ich przez porzucenie lub skłaniano do samobójstw w momentach głodu. W społeczeństwach tradycyjnych, status osoby starszej był, z uwagi na ustny przekaz wiedzy, mądrości i doświadczenia bardzo wysoki, co obrazuje metafora afrykańska: „Gdy umiera starzec, płonie cała biblioteka”.

Dziś w kulturach nastawionych na rozwój (społeczeństwa zachodnie) starość utożsamiana jest ze schyłkiem i upadkiem, a w kulturach nastawionych na harmonię stosunków międzyludzkich (większość krajów Azji i Afryki), wiek stary traktowany jest na równi z innymi fazami życia, takimi jak dzieciństwo, młodość czy wiek dojrzały [4].

W dobie wysokich technologii i natychmiastowym dostępie do wiedzy i informacji, rola starców jako dostawców wiedzy i informacji oraz jako nauczycieli zanika.

W „wieku dostępu” to wnukowie są nauczycielami dziadków w zakresie nowych technologii. Stare role ludzi starych znikły w nowym świecie, ale to nie oznacza, że nie można stworzyć czy przypisać nowych ról do tej fazy życia. Bowiem to, że znikły stare role, nie oznacza, że nie ma nowych, trzeba je po prostu odkryć i wykorzystać. Starzy ludzie również dziś mają dużo do wniesienia w życie społeczeństw. Ich kapitał wiedzy, mądrości, doświadczenia i czasu wolnego, jest niezbędny do harmonijnego rozwoju współczesnych społeczeństw, a odrzucenie tego kapitału i wykluczenie tej wzrastającej grupy społecznej może przynieść wiele strat dla całego społeczeństwa.

Starość i jej problemy.

Wydaje się że najważniejszym problemem starości i starzenia się, problemem zarówno jednostkowym jak i społecznym, jest stosunek do starości w naszej części świata. W naszej kulturze panuje kult młodości i piękna, nachalnie wzmagany przez reklamę. Kult ten jest ściśle związany z „Wielkim Rynkiem”, oznacza bowiem ogromne zyski dla producentów wszelkich środków farmaceutycznych, kosmetycznych oraz usług związanych z poprawianiem urody. Celowo wzmaga się niezadowolenie z własnego wyglądu (nie tylko u ludzi starych), aby tylko skłonić do zakupu środków „piękności” lub skorzystania z usług poprawiających lub przedłużających piękno i wiek. Powszechny proces starzenia się jest postrzegany w naszej kulturze jako niepożądany, (starość jest brzydka) i ludzie robią wszystko aby go opóźnić lub zminimalizować za pomocą diet, operacji plastycznych czy ćwiczeń. Ludzie nie godzą się na starość (jakby mieli coś do powiedzenia w tym względzie) i może stąd pochodzi problem eutanazji, który jest bardzo groźnym zjawiskiem moralnym, bowiem pojawia się wraz z nim problem kultury śmierci, która związana jest z coraz powszechniejszym hedonizmem i sekularyzacją i która zagraża podstawowym wartościom humanizmu.

Eutanazja grozi banalizacją śmierci, która jest tajemnicą, grozi nam również przymus umierania oraz obniżenie zaufania do lekarzy.

Starzenie się społeczeństwa powoduje problemy jednostkowe, społeczne i ekonomiczne.

Problemy jednostkowe to zmniejszenie atrakcyjności wyglądu zewnętrznego, zmniejszenie sprawności fizycznej i ewentualne pogorszenie stanu zdrowia, co często oznacza uzależnienie od innych ludzi. Bardzo często starość oznacza obniżenie standardu życia, z uwagi na zmniejszenie zarobków. To bardzo często samotność, utrata sensu życia, poczucie bezużyteczności i w związku z tym utrata poczucia własnej wartości. To i odczuwane lekceważenie oraz wszelkie dyskryminacje spotykające powszechnie ludzi w Polsce powoduje, że stary – w mentalności przeciętnego człowieka znaczy gorszy. Starość to lęk przed śmiercią, społeczne wykluczenie, samotność, brak sensu życia.

Problemy społeczne wynikające ze starzenia się społeczeństwa, to zwiększająca się ilość osób zależnych od opieki społecznej, coraz większa liczba osób chorych, zwiększająca się sfera ubóstwa. Odsunięcie często w pełni sprawnych 50 i 60 -latków na boczny tor, traktowanie ich jako bezproduktywnych powoduje utratę kapitału ludzkiego i społecznego.

Problemy ekonomiczne wynikają z problemów społecznych, wzrastają bowiem koszty opieki socjalnej i społecznej. Wzrastająca liczba osób „bezproduktywnych” wynika również z sukcesywnego skracania czasu pracy, powoduje problemy ekonomiczne, grozi to zachwianiem równowagi, między tymi co zarabiają a tymi co są na utrzymaniu społeczeństwa.

Z badań CEBOS 2007, wynika, że wraz z tempem przemian zwiększa się dystans międzypokoleniowy, powstaje coraz więcej uprzedzeń i niechęci między coraz odleglejszymi w czasie pokoleniami, a potencjalne korzyści ze współpracy międzypokoleniowej nie są dostrzegane [13].

Coraz powszechniejsza staje się dyskryminacja ludzi starych, która wynika z wielu stereotypów dotyczących starości, takich jak: niesprawność i chorowitość, niezdolność do uczenia się, utrata pamięci, brak adaptacji do zmian i niechęć do nich, uciążliwość w kontakcie.

Zdaniem autorów pracy pt. *Stop dyskryminacji ze względu na wiek*, „o dyskryminacji osób starszych w Polsce, można bez wątplenia mówić wówczas, gdy odmawia się im zaspokojenia jakiejś ważnej potrzeby, a głównym powodem tej odmowy jest wiek” [6].

Dyskryminacja ze względu na wiek nazywana jest *ageism*, w Polsce przyjęto polską nazwę tego pojęcia czyli „wiekizm” i oznacza to „wyznawanie irracjonalnych poglądów i przesądów dotyczących jednostek lub grup opartych na ich wieku. Przyjmuje się stereotypowe założenia na temat fizycznych lub umysłowych cech ludzi z określonej grupy wiekowej i zwykle wyraża się je w sposób poniżający. Najczęściej wiekizm kieruje się przeciwko ludziom starym” [7, s.421]. W Polsce dyskryminacja ludzi starych najczęściej dotyczy pracy i zdrowia.

Dyskryminacja przejawia się głównie na rynku pracy gdyż pracodawcy wolą zatrudniać ludzi młodych na 1.5 etatu niż młodych i starych w zmniejszonym wymiarze godzin, bo jest to dla nich bardziej opłacalne.

Przejawia się ona również w dostępie do usług zdrowotnych, w obszarze pomocy społecznej jak również w obszarze partycypacji społecznej, ale również w dostępie do usług finansowych i ubezpieczeniowych, w traktowaniu ludzi starszych w urzędach i środkach transportu.

Jeśli chodzi o dyskryminację osób starszych na rynku pracy w porównaniu do świata, to w Polsce jest najniższy: wskaźnik zatrudnienia osób w wieku 55-64 lata -26.1%. Dla porównania w UE- 38.7%, USA 59.5%, Japonia 61.6% [13]. Powoduje to istotne konsekwencje makrospołeczne i makroekonomiczne, bowiem niski wskaźnik w tej grupie wiekowej oznacza z jednej strony mniejszą produktywność społeczeństwa, a z drugiej większe obciążenie dla budżetu (emerytury, renty, zasiłki, opieka społeczna).

Praca jest również wartością niematerialną. Nadaje sens życia, określa jej pozycję i miejsce w społeczeństwie. Aktywność zawodowa wspiera również zaangażowanie w innych sferach życia. W wyniku badań autorzy opracowania, podali listę zjawisk, które można uznać za źródła dyskryminacji:

- negatywne stereotypy dotyczące starości,
- kult młodości (rozpowszechniany przez kulturę masową),
- kryzys etyczny w przypadku zawodów zaufania społecznego (np. w zawodach medycznych),

- brak rzetelnej wiedzy o starości wśród pracodawców, decydentów i wśród osób świadczących usługi osobom starszym,
- bezrobocie nasilające konkurencję na rynku pracy,
- niedostatek pieniędzy w gospodarstwach domowych i w polityce społecznej,
- nasilenie potrzeb w starszym wieku – zdrowotnych i opiekuńczych,
- procedury dzielenia środków finansowych pomiędzy instytucje polityki społecznej,
- niskie wykształcenie i osamotnienie ludzi starych,
- zła organizacja pracy instytucji obsługujących osoby starsze, (np. brak kompleksowej opieki geriatrycznej).

Starość może być piękna

Ester Vilar, w swoim manifestie przeciwko kultowi młodości, stwierdza, że „starość może być piękna”. [10] Co to znaczy piękna starość? To starość godna i pogodna. A to oznacza przede wszystkim zabezpieczenie finansowe, opiekę w wypadku choroby czy niesprawności, poczucie przydatności i pełnej wartości w społeczeństwie, możliwość wpływania na losy swojej wspólnoty lokalnej, możliwość twórczego spędzania czasu wolnego, to jest takiego, w którym jest miejsce na zabawę, rekreację i samorozwój. Ale to również godzenie się na starość i przeżywanie tego szczególnego etapu naszego życia z godnością. Godne przeżywanie starości wymaga przygotowania się do niej. Tak jak do dorosłości, tak do starości należy przygotować się i zaplanować ją sobie.

Piękna starość to życie w bezpieczeństwie finansowym, fizycznym i emocjonalnym. To życie wciąż twórcze, wśród ludzi, z poczuciem sensu i satysfakcji, bez lęku przed biedą, niesprawnością, osamotnieniem, bez lęku przed śmiercią. To szacunek dla samych siebie i szacunek od innych członków społeczeństwa.

Starość – ta faza życia człowieka jak każda inna ma swoje wartości: doświadczenie, wiedza, mądrość życiowa, dorobek materialny czy niematerialny, czas wolny, możliwość rozwoju zainteresowań, na które nie było do tej pory czasu, możliwość spędzania czasu z przyjaciółmi czy nawiązywania nowych więzi, poczucie trwałego szczęścia ze spełnionego życia, duma z powodzenia życiowego dzieci i wnuków.

Ludzie starzy wnoszą do społeczeństwa bardzo wiele: swój kapitał ludzki i społeczny, który wyraża się w: wiedzy, umiejętnościach nabytych w toku pracy zawodowej, w mądrości życiowej, doświadczeniu. Wnoszą opiekunczość i aktywność społeczną, dzięki której można rozwijać wiele organizacji lokalnych, wnoszą altruizm, cierpliwość i wyrozumiałość. Wnoszą również kapitał czasu wolnego. W naszej kulturze metaforą czasu jest pieniądź, mówimy: „czas to pieniądź”, możemy więc potraktować czas wolny jako kapitał. Łącząc obie formy kapitału, to jest ludzki i czasu wolnego, możemy stwierdzić, że ludzie starzy wnoszą do społeczeństwa szczególną wartość, którą można nazwać kapitałem seniora. Wnoszą również swój kapitał społeczny i stanowią oni jednocześnie wielkie jego źródło, bowiem mogą wpływać na wzrost tego kapitału w lokalnej społeczności. Problemem jest tylko to, czy te formy kapitału zostaną zauważone i wykorzystane przez „pełnoprawnych” obywateli i decydentów.

Co zrobić aby starość była piękna?

Aby starość była piękna niezbędna jest interwencja państwa i pewne regulacje prawne dotyczące dyskryminacji osób starych w instytucjach państwowych. Wobec ludzi starych powinna być zastosowana polityka społeczna, czyli „działalność równych podmiotów, której celem jest zaspokojenie potrzeb tej zbiorowości oraz kształtowania odpowiednich relacji między starszym pokoleniem a młodszymi generacjami – drogą ograniczania uzależnienia starszych od młodszych, likwidacji różnych form wykluczenia ludzi starych oraz kształtowanie stosunków międzypokoleniowej solidarności” [11].

Niezbędna jest edukacja do starości* poprzez media i rozpowszechnianie zdrowych i aktywnych (fizycznie i intelektualnie) stylów życia oraz likwidacji mitów na temat starości, którym ulegają zarówno młodzi jak i starzy.

Jan Amos Komeński, postulował uruchomienie zgodnie z fazami życia 8 instytucji wychowawczych, w tym "szkołę starości" (*Schola Senii*) i "szkołę śmierci" (*Schola Mortis*). Stwierdził on m.in.: „A skoro starość jest częścią życia, przeto jest częścią szkoły, a więc musi mieć swoich, nauczycieli, swoje przepisy, swoje cele i studia, i swoją karność, aby postępy w życiu starców były możliwe” [3, s.267].

Niezbędna jest likwidacja uprzedzeń i stereotypów dotyczących starości, które są źródłem dyskryminacji, czyli edukacja całego społeczeństwa.

Konieczne jest nadanie starości właściwej rangi, takiej jaką cieszyli się oni w społeczeństwach tradycyjnych i dopisanie nowych ról społecznych.

Niezbędne jest tworzenie społeczeństwa obywatelskiego, w którym najlepiej można wykorzystać kapitał seniora, i które w największym stopniu może zapewnić miejsce pracy dla „najmłodszych” seniorów w III sektorze, aktywność dla sprawnych seniorów w różnego rodzaju stowarzyszeniach czy grupach samopomocy, opiekę dla niesprawnych, miejsce integracji pokoleń i tworzenie dobra publicznego dla dobra wszystkich zainteresowanych.

Obowiązek przygotowania się do starości i zmiany swego wizerunku mają również „starzy”. Oni też powinni wykazać się perspektywicznym myśleniem i przygotowywać się do tej nowej roli z wyprzedzeniem. Nie powinni ulegać istniejącym stereotypom i potulnie się do nich dostosowywać. Trzeba wykazać się odwagą i kreatywnością i stworzyć sobie swój nowy (mały czy większy) świat czy chociaż „wysepkę”. Trzeba zadbać też o swój wizerunek: elegancja i dbałość o wygląd, sympatia i życzliwość do otoczenia. Umiejętność obrony swoich praw w urzędzie i na ulicy, domaganie się szacunku, nie zwalnia nas od emanowania dobrocią i życzliwością zamiast zgorzknieniem i nienawiścią. Znany polski pedagog Aleksander Kamiński twierdził też, że sposób, w jaki ludzie starsi traktowani są przez otoczenie, zależy od nich samych, od ich wyglądu, zachowania; głosił hasło: dodajmy życia do lat, a nie lat do życia!

Warunkiem pogodnej starości jest również pozytywny stosunek do innych ludzi – sympatia do innych zjednuje sympatię, życzliwość i pomoc od tych „innych”. Tragiczną postawą jaką prezentują często ludzie starzy, jest nieżyczliwość, wścibskość, złość, gniew, brak zaufania i demonstrowanie wrogości. Mądrość starych przyciąga innych ludzi, natomiast głupota odstręcza ich. To czy starość będzie gorzka czy pogodna, zależy w bardzo dużym stopniu od człowieka i jego osobowości jak również od jego wysiłków skierowanych w kierunku przygotowania się do godnej starości.

O tym jak ważne jest myślenie i przygotowywanie się zawczasu do tej nieuchronnej fazy życia, tak aby przeżyć ją z godnością, mówi poniższa bajka.

Dawno temu, była sobie pewna wioska, w której panował dziwny obyczaj. Co roku lud wybierał sobie nowego władcę spośród siebie, który panował przez rok, a potem był wyganiany na samotną wyspę, gdzie miał spędzić resztę życia. Ludzie widzieli z daleka swoich byłych królów, każdego na samotnej wyspie, którzy jęczeli i narzekali na swój los.

* W Polsce koncepcja wychowania do starości sięga swymi korzeniami XVI i XVII wieku. Propagowali ją S. Marycki w dziele "O szkołach, czyli akademiach ksiąg dwoje" wydanym w Krakowie w 1551 roku oraz J. A. Komeński w dziele "Pampaedia" z 1656 roku. Współczesnym orędownikiem edukacji dla starości oraz dla czasu wolnego był znany pedagog Aleksander Kamiński.

Któregoś razu nowo wybrany król, zwrócił się do mędrca i rzekł: To okropne! Mam rządzić jeden rok, a resztę życia spędzić samotnie? Co robić?

Mędrzec odparł: Jesteś królem sprawującym władzę przez cały rok. Bądź mądry. Już teraz zacznij rozwijać tę wysepkę, uczyni z niej cudowny ogród, zbuduj sobie wspaniały pałac, wypełnij go książkami i wszystkim co lubisz. Kiedy nadejdzie czas wygnania, twoja wyspa będzie małym rajem, a nie piekłem, które mają twoi poprzednicy za to, że trwonili czas i próżnowali zamiast planować zawczasu [2].

Ogromną rolę w edukacji do starości, (która jest niezbędna dla wszystkich, bowiem wszyscy będą starzy), mają do spełnienia media. Ich siła oddziaływania i kreowania wzorów myślenia i działania jest ogromna i skuteczna. Edukacja medialna jest konieczna, aby:

- zapobiec „gerontofobii” czyli powstawaniu wrogiego uczucia w stosunku do starych ludzi, przejawiający się w obojętności i braku zrozumienia dla osób wymagających opieki, pomocy czy miłości; w lekceważeniu ludzi starych w urzędach i na ulicy;
- likwidacji mitów, stereotypów i uprzedzeń w stosunku do starości;
- „programowania” umysłów ludzkich do normalnego podejścia do starości, szacunku i zrozumienia dla niej.

Działania w celu integracji międzypokoleniowej oraz likwidacji problemów związanych ze starzeniem się podejmuje Akademia Filantropii, która podejmuje wiele działań w celu likwidacji problemów związanych ze starzeniem się społeczeństwa polskiego. Powstaje również wiele projektów, mających na celu zwiększenie integracji społecznej ludzi starych, np. projekt „Działania na rzecz aktywizacji społecznej osób starszych” realizowany w ramach Stowarzyszenia na rzecz edukacji i rozwoju osobistego AKADEMIA + 50. [12] Jednakże, jak stwierdza Zbigniew Woźniak na podstawie danych z Systemu Analiz Samorządowych, programy aktywizujące seniorów, maksymalizujące potencjał seniorów oraz wzmacniające zasoby służące samoopiece i samopomocy pojawiają się incydentalnie. Przyczyną tego stanu rzeczy jest zdaniem Z. Woźniaka niski poziom wykształcenia, problemy zdrowotne, koncentracja na rolach wewnątrzrodzinnych oraz niewielki zasób doświadczeń starszego pokolenia w działalności społecznej. [9]

W Polsce ofertę dla ludzi III wieku mają również Uniwersytety III wieku, które są doskonałym sposobem na twórcze i zdrowe zagospodarowanie czasu wolnego. Jednakże aby nie stały się one swoistymi gettami, dobrze by było połączyć ich działalność z Uniwersytetami Dziecięcymi, które właśnie powstają w Polsce. Baza do tego rodzaju działalności istnieje, bowiem jest dużo uczelni zarówno publicznych jak i niepublicznych i są one otwarte na wszelkie inicjatywy społeczne. Jedyny problem, to powszechny brak przywódców czyli animatorów społecznych czy inaczej przedsiębiorców społecznych.

Bardzo korzystną dla seniorów inicjatywą, która pojawiła się w Polsce kilka lat temu, jest idea Banków Czasu¹. [10] Jest ona bardzo pożyteczna, dotyczy ona wszystkich grup społecznych i wiekowych, pobudza integrację społeczną i stanowić może wymierną pomoc ekonomiczną. Ludzie zgromadzeni w Bankach pomagają sobie wzajemnie, opiekują się, dają wsparcie psychologiczne. Należąc do tej nieformalnej grupy samopomocowej, można otrzymać pomoc w wielu dziedzinach życia i dać coś z siebie. Bycie potrzebnym, dawanie coś od siebie, powoduje że życie nabiera na nowo sensu.

¹ Banki Czasu rozwijają się na świecie, znalazły wspaniałe zastosowanie w problemach związanych ze starością. Organizacja „Partnerzy w opiece” (*Partners in Care*), działająca od 1993 roku w Maryland, wykorzystuje czas i energię seniorów do udzielania pomocy i opieki nad innymi seniorami. Centrum Zdrowia *Rushey Green Health Centre* w Londynie, gdzie pacjentom, których głównym problemem jest samotność, depresja lub niedogodności z powodu starości, zamiast pigułek przepisuje się udział w Banku Czasu. Dobre kontakty z ludźmi, możliwość wspólnych spacerów, robienia czegoś z innymi lub dla innych, okazały się dla wielu skuteczną terapią.

Jak rozwiązują problemy starości inni?

W krajach najbogatszych, starość stała się czymś nienaturalnym, ludzie nie chcą cierpieć i znosić niedogodności związanych z bezsilnością, chorobami, czy brakiem sensu życia, odbierają sobie życie. Problem eutanazji pojawił się w krajach najbogatszych a wraz z nim pojawiło się zjawisko turystyki śmierci.

W krajach tych występuje bardzo wysoki poziom życia oraz kult młodości i sprawności podsycany przez reklamę i kulturę masową. Kultura zachodu nie ceni ludzi starych. Może to właśnie dlatego ludzie nie chcą dłużej żyć. Długość życia w tych krajach jest bardzo wysoka, najwyższa w najbogatszej Szwajcarii.

Powstaje nowy rodzaj turystyki – zwanej turystyką śmierci, która ma miejsce w Szwajcarii, w klinice Dignitas².

Najbardziej długowieczny naród na świecie i jeden z najbardziej rozwiniętych krajów na świecie, Japonia ma coraz większą ilość emerytów. Szacuje się, że 20% ludności Japonii, to ludzie w wieku powyżej 60 lat, a liczba ludzi, którzy przekroczyli 100 lat wynosi 26 000 osób. Japończycy budują właśnie swoje getto dla ludzi starych i samotnych. Będzie ono w mieście Fukuoka (na półwyspie) gdzie będą mieszkać samotni ludzie i roboty. Roboty będą pełnić rolę opiekunów fizycznie i będą towarzyszami ludzi aby przeciwdziałać ich osamotnieniu. Na wydziale Robotyki w Kyushai University trwają prace nad wyprodukowaniem robota, który zastąpi człowieka w opiece nad ludźmi starymi, zaspokoi również ich potrzebę bliskości. Japończycy są również producentami różnych maskotek - robotów, które zastępują zwierzęta a nawet dzieci, reagują one na głos ludzki, komunikują się z człowiekiem na poziomie 5 – letniego dziecka [13].

Badania nad wykorzystaniem robotów do opieki nad starymi i chorymi ludźmi prowadzi się również w Auckland w Nowej Zelandii, oraz na uniwersytetach w Korei.

Motywy tych działań jest brak siły roboczej do opieki nad ludźmi starymi albo jej koszt. Gdy tymczasem w krajach „ościenych” np. w Tajlandii, jest bardzo dużo taniej siły roboczej, która mogłaby być zaangażowana do opieki nad ludźmi starymi.

To przykład technicznego myślenia w społeczeństwie wysokich technologii, w którym panuje przekonanie, że każdy problem społeczny można rozwiązać za pomocą techniki. Ludzka kreatywność i możliwości umysłu zaangażowane są w rozwiązanie problemu społecznego, który będzie narastał.

Jednym ze sposobów kształtowania postaw wobec starości jak również sposobem na zagospodarowanie czasu wolnego emerytów, jest działalność szkół wyższych w Austrii. Na studia w szkole wyższej można zapisać się bez względu na wiek. Można wybrać dwie formy kształcenia: formalną z egzaminami i dyplomem jak i nieformalną – status wolnego słuchacza [11, s.36].

Inną bardzo ciekawą inicjatywą w Austrii jest Giełda Wiedzy. Jest to forma pracy Stowarzyszenia „Z pierwszej ręki”, którego celem jest pomoc w nawiązywaniu kontaktów między ludźmi w różnym wieku, którzy chcą bezinteresownie przekazać innym ludziom swoją wiedzę i doświadczenie. Stowarzyszenie wydaje biuletyn „Mądrość sów”, który umożliwia wzajemny kontakt [11. 37].

Na Florydzie w USA już około 20 lat temu powstał Florydzki Parlament Srebrnowłosych, w skład którego wchodzi około 300 byłych sędziów, profesorów, lekarzy i menedżerów oraz innych osób o średniej wieku 80 lat. Grupa ta w czasie swojej wieloletniej działalności dokonała wielu zmian w prawie stanowym. W wielu innych stanach USA działają takie grupy starych ludzi, którzy w ramach różnych organizacji działają na rzecz poprawy bytu ich samych oraz społeczności w których mieszkają. Nazywani są oni Srebrnymi Panterami [4, s.244].

² Dignitas - szwajcarska organizacja, której celem jest pomoc w samobójstwie ludziom, którzy są nieuleczalnie chorzy i nie chcą dłużej żyć. Z uwagi na to, że większość państw świata ma dużo surowsze przepisy prawne, do Szwajcarii przyjeżdżają ludzie z innych krajów, w celu popełnienia samobójstwa.

Podsumowanie:

Konieczna jest społeczna inkluzja ludzi starych, ich aktywizacja tak, aby możliwe było wykorzystanie ich kapitału ludzkiego i społecznego.

Problem starzenia się społeczeństwa polskiego powinien być rozwiązywany na wielu płaszczyznach i na wielu poziomach: państwowym, lokalnym i jednostkowym.

Państwo powinno stworzyć politykę społeczną, tak aby wykształcić w społeczeństwie pozytywny obraz starości i zapewnić jej pozycję pełnoprawną z innymi fazami życia.

Wiele problemów jednostkowych, społecznych i ekonomicznych związanych ze starzeniem się społeczeństwa może rozwiązać społeczeństwo obywatelskie, w którym jest miejsce dla wszelkiej aktywności ludzi starych.

Konieczne są działania mające na celu integrację międzypokoleniową oraz aktywizujące ludzi starych do działania. Aktywność ludzi starych to korzyści zarówno jednostkowe jak i społeczne oraz ekonomiczne.

Konieczna jest edukacja medialna i kształtowanie właściwych postaw wszystkich ludzi: młodych (którzy kiedyś będą starzy) i starych oraz likwidacja uprzedzeń i stereotypów.

W ramach edukacji do starości powinny być organizowane szkolenia rozwoju osobistego oraz przypisywanie nowych ról społecznych w zmieniającym się szybko świecie.

Edukacja medialna powinna likwidować stereotypy i uprzedzenia dotyczące starości, dostarczać wzorów zdrowych stylów życia, promować wszystkie inicjatywy społeczne sprzyjające integracji społecznej oraz aktywności fizycznej i intelektualnej ludzi starych.

Media powinny być głównym edukatorem społeczeństwa.

„Starość posiada te same apetyty, co młodość, tylko nie te same zęby”.

Magdalena Samozwaniec

LITERATURA

1. Dyczewski, L. Ludzie starzy i starość w społeczeństwie i kulturze, Lublin 1994
2. Khavari, K.A. Inteligencja duchowa. Praktyczny przewodnik po drogach ku szczęściu. Wyd. Medium, Warszawa 2002.
3. Komeński, J.A. Pampaedia, Wyd. Polskiej Akademii Nauk, Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk 1993.
4. Minos, G. Historia starości. Od antyku do renesansu. Wyd. Marabut, Warszawa 1995.
5. Nawarro, M. „Elderly wield their might in Floryda”, „New York Times”, 19 October 1997, w: Fisher H., Pierwsza pleć, Wyd. Jacek Santorski & CO, Warszawa 2003
6. Stop dyskryminacji ze względu na wiek, Red. B. Tokarz, Wyd. Akademia Rozwoju Filantropii w Polsce, Warszawa 2005.
7. Słownik socjologii i nauk społecznych, red. G. Marshall, WN PWN, Warszawa 2004,
8. Szatur-Jaworska, B. Polityka społeczna a aktywizacja seniorów, www.filantropia.org.pl
9. Woźniak, Z. Globalne cele polityki społecznej wobec seniorów priorytetem programów gerontologicznych, www.filantropia.org.pl
10. Vilar, E. Starość może być piękna, Wyd. Agencja Dramatu i Teatru „AUDIT”, Warszawa 2008.
11. Zaorska, Z. Dodać życia do lat, Wyd. KLANZA, Lublin 1999.
12. www.banki.czasu.pl
13. www.filantropia.org.pl
14. www.akademiaplus50.ning.com
15. TV SAT, Program Planete, z grudnia 2008, pt. „Emeryt solo”.

ИННОВАЦИОННЫЙ ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

И.Н. Браницкая

Институт философии Национальной Академии Наук Беларуси, г. Минск, Беларусь

Каждая историческая эпоха имеет свои специфические характеристики. Важнейшей особенностью современной эпохи, отличающей её от других эпох, следует признать её инновационный характер. Инновации охватывают фактически все сферы общественной жизни, в том числе и образовательный процесс. При этом под инновацией понимают, как правило, не всё из того нового, что создано мыслящим человеком и констатируется как данный факт, а лишь то, что возникло вновь и имеет при этом своё будущее, что способствует поступательному развитию. Инновация – это, в первую очередь, новшество, вводимое в оборот с положительным эффектом.

Можно однозначно утверждать, что инновации сегодня являются доминирующим фактором развития высшей школы: способность к восприятию инноваций и выбор инновационного развития позволяет выживать и развиваться вузу в условиях нарастающей социальной динамики.

Инновационное развитие современного вуза – это объективно обусловленный, целенаправленный и необратимый, разворачивающийся во времени процесс перехода вуза из одного состояния в другое. Осуществляется данный процесс преимущественно путем целенаправленного внесения в деятельность вуза качественно новых элементов, свойств и характеристик, содержание и смысл которых ориентированы на надлежащее научное образование.

В рамках инновационной стратегии вузы проводят научно обоснованную политику ориентации и переключения на потребительский спрос, тщательное изучение контактов с конкурентами, новыми коммерческими структурами, определяя при этом их надежность и перспективу.

Выбор инновационного типа развития, создание и внедрение наукоёмких технологий, растущая роль знаний и информации в социально-экономическом развитии страны порождают массовый спрос на высококвалифицированных специалистов. Это требует новых форм интеграции образования, науки и производства и ставит перед высшей школой в числе первоочередных задач подготовку конкурентоспособных специалистов.

Новые целевые установки в образовании, определяющие приоритет личности, актуализируют проблему формирования инновационного компонента профессиональной деятельности специалиста в условиях высшей школы, обеспечивающего успешность решения профессиональных задач в условиях современной конкурентной среды.

Несмотря на достижения теории и практики в области развития методологии образования (Ю.К. Бабанский, Е.В. Бондаревская, А.П. Денисова, З.Д. Жуковская, В.И. Журавлев, Б.М. Кедров и др.), приходится констатировать, что проблема формирования инновационного компонента профессиональной деятельности специалиста в условиях современной информационной динамично изменяющейся конкурентной среды до сих пор не решена, а поэтому требует особого внимания и отдельного научного исследования.

Инновационная система подготовки специалистов реализуется через образовательные программы: бакалавриата, магистратуры, программ дополнительного образования, программ повышения квалификации. К принципиальным свойствам данной системы относятся вариативность, нелинейность, индивидуально ориентированный способ освоения компетентностей. Отличительной особенностью системы является

принцип модульно-компетентностного «апгрейдинга» образовательных программ, позволяющий наращивать необходимые компетентности для осуществления гуманитарно-технологических функций в самом широком пространстве подготовки и повышения квалификации специалистов. Формат инновационной образовательной программы включает ряд сопоставляемых модулей и реализуется в двух основных формах: через дополнительные образовательные программы и магистерскую образовательную программу.

Инновационный подход к управлению образовательной программой предполагает: формирование интегрированных баз административного, учебного, методического, научного, справочно-информационного и других профилей; разработку технологий эффективного и мобильного сетевого взаимодействия; создание технологической и концептуальной поддержки образовательного процесса, в том числе создание оригинальных профильных информационно-технологических средств обучения и профессиональной деятельности. Такой подход включает также создание единой деловой среды для автономной, индивидуальной, групповой и совместной деятельности поставщиков и пользователей образовательных услуг, взаимодействие со структурированной в многопрофильных базах данных информацией, диагностику и выявление индивидуально-психологических характеристик обучающихся с целью определения их готовности к предстоящей профессиональной деятельности.

Инновационная модель развития университета диктует необходимость глубокой интеграции научной, образовательной и инновационной деятельности, разработки и внедрения механизмов, повышающих реальную конкурентоспособность вуза за счёт повышения качества всех видов его деятельности.

Главная задача инновационного университета состоит в качественной подготовке инновационно-ориентированных специалистов в приоритетных областях техники и технологий на основе единого процесса получения, распространения и применения новых знаний.

В контексте вышесказанного стратегия инновационного развития вуза должна затронуть все основные направления его деятельности, а именно: образовательную деятельность; воспитательную работу с учащимися; научную деятельность; международную деятельность; деятельность в области информатизации; экономико-финансовую деятельность; материально-техническую базу университета.

Суть инновационного образования можно выразить фразой: «Не догонять прошлое, а создавать будущее» [1, с. 125]. Инновационный потенциал необходимо ориентировать не столько на передачу знаний, которые постоянно устаревают, сколько на овладение базовыми компетенциями, позволяющими затем, по мере необходимости, приобретать знания самостоятельно.

Одним из приоритетных направлений деятельности университета является внедрение инновационных технологий как в сам процесс образования, так и непосредственно в научно-исследовательскую работу, максимальное участие подразделений университета в проектах, грантах, различных фондах, в том числе международных.

Стратегия в области создания, внедрения и использования новых образовательных технологий может реализовываться в таких основных направлениях:

- повышение качества образования за счет повышения эффективности самого учебного процесса, создания личных учебных материалов с применением новых технологий и их доступности для обучающегося; разработки надёжной системы контроля качества образования;

- повышение общего культурного и образовательного уровня учащихся за счёт эффективной подготовки абитуриентов, т. е. наращивания базового уровня знаний будущих студентов, освоения преподавателями новых образовательных технологий;
- повышение престижа и конкурентоспособности университета на внутреннем и международном рынке образовательных услуг.

Важно отметить значение научной деятельности, обслуживающей инновационные преобразования в подготовке специалистов, существенно влияющей на развитие базовых компонентов инновационной образовательной среды университета, разработку и внедрение инноваций в образовательный процесс, развитие информационного пространства и наращивание кадрового потенциала, качества которого проявляются как в профессиональных приобретениях, так и в его высокой внутренней мотивации.

В исследовательских проектах и научно-методических материалах должна быть воплощена идея интеграции фундаментальной науки и социальной практики, синтеза фундаментальных результатов и новых образовательных технологий на гуманитарной основе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Котлярова И.О. Систематизация управления инновациями в образовательном учреждении: Монография. – Челябинск: ЮУрГУ, 1998. – 129 с.

МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ И ОППОЗИЦИЕЙ В СТРАНАХ ЕС

В.В. Бусленко

Вольнский национальный университет имени Леси Украинки, г. Луцк, Украина

В статье рассматриваются модели взаимодействия между правительством и оппозицией в странах ЕС. Анализируется позитивный опыт взаимодействия для Украины.

Byslenko V.V. Models of co-operation between government and opposition in countries EU. In the article examined to the model of co-operation between a government and opposition in countries EU. Positive experience of co-operation is analysed for Ukraine.

В странах с уже окрепшей демократической системой институциональным инструментом согласования противоречий между государством и обществом и обеспечение политической стабильности, основанной на балансе политических сил, выступает политическая оппозиция. Р. Даль в книге «Политическая оппозиция в западных демократиях» справедливо заметил, что «система, управляемая главными политическими конфликтами, вызванными допуском одной или более политических партий к общему руководству с проправительственными партиями является не только общественным открытием. С уверенностью это является одним из крупнейших и неожиданных общественных открытий, осуществленных человеком». Как свидетельствует опыт развитых демократий, предоставление оппозиционным силам полноценной возможности выражать свою, отличную от официальной, точку зрения, набирать проекты альтернативных общественных решений и правительственной политики, конкурируя с правящей партией в политическом процессе, создает благоприятные условия для стабилизации политической структуры общества.

Сам термин «оппозиция» происходит из латинского слова «*oppositio*», что означает сопротивление, противопоставление, сопротивление. Он употребляется для характеристики действий, приводящих к сопротивлению относительно конкретных политических процессов, политической линии, политического действия, критики доминирующей идеологии, противопоставления конкретным институтам или организациям. Но было бы неправильно рассматривать оппозицию только как выражение непримиримой вражды, одного только соперничества, противостояния субъектов за власть. Этот подход не позволяет выявить многообразие форм и методов деятельности оппозиции, показать ее демократический характер. По мнению С. Рябова, ограничение смысла оппозиции только деконструктивным отрицанием существующих основ общественной жизни свойственно для тоталитарной политической практики.

Анализируя этимологию современного английского слова *opposite* (*том, который расположен напротив, противоположный, обратный*) можно охарактеризовать оппозицию несколько с другой стороны - как политическую силу, являющуюся равнозначной во взаимоотношениях с властью, имеющей альтернативные мнения, идеологию, концепции и т.д. Энциклопедические трактовки политической оппозиции зачастую связаны с отнесением ее к группам, которые создают политическую альтернативу правящей политической силе. Так, российский ученый В. Васильев рассматривает оппозицию как противостояние различных субъектов политической жизни (социальных групп, классов, общественных движений и т.п.) государственной власти, во внутренней и внешней политике. Подобную позицию занимает Д. Зеркин, который под политической оппозицией понимает организованную группу активных индивидов, объединенных осознанием общности своих политических интересов, ценностей и целей, которые ведут борьбу с господствующим субъектом за доминирующий статус в системе государственной власти [1, 96].

В демократических обществах политическая оппозиция, имеющая конституционные гарантии для деятельности, это прежде всего оппозиция к правительству. Парламентская оппозиция является одной из форм политической оппозиции. Ее субъектами выступают депутатские объединения (фракции, парламентские группы, партии), которые имеют законное право на реализацию власти. Существование парламентской оппозиции является необходимым условием обеспечения прав меньшинства в условиях доминирования принципа большинства при принятии важных законодательных решений. А. Гульельмо Ферраро отмечал, что при демократии оппозиция - не менее важный орган народного суверенитета, чем правительство. Подавить оппозицию означает подавить суверенитет народа [3, 37].

Политическая оппозиция, как правило, ассоциируется с теми политическими партиями, которые потерпели поражение на выборах и соответственно не принимают участия в формировании правительства. Потеряв власть, они должны решать различные по характеру задачи. Как отмечает С. Поршаков, эти партии должны:

- убедить общество в своей дееспособности;
- выработать программу действий, которая будет отличаться по важнейшим параметрам от официального курса;
- попытаться получить политическую власть в результате общенациональных президентских или парламентских выборов [2, 43].

Но одной из важнейших задач для парламентской оппозиции является определение оптимальной линии поведения при взаимодействии с правительством. При этом оппозиция стремится к доминирующему влиянию на реализацию исполнительной

власти. Ее важной стратегической задачей является превращение в парламентское большинство. Тактический арсенал, который использует парламентская оппозиция для достижения этой цели достаточно широк. Руководствуясь собственными стратегическими мотивами и исходя из стремления поддержания, или, наоборот, разрушения достигнутого политического статуса-кво, оппозиция может по отдельным вопросам объединить усилия с некоторыми из партий правящей коалиции (или с отдельными их фракциями) и единым фронтом выступить против других участников правительственного альянса. Например, во второй половине 60-х годов СДПГ проложила путь к власти через «большую» коалицию с ХДС / ХСС. Тем самым она зарекомендовала себя в глазах западногерманского общества в качестве силы, которая готова в дальнейшем к полноценному управлению нацией.

Нарастание кризисных процессов в обществе, когда политический курс правительства начинает терять былую привлекательность, предоставляет оппозиционным партиям явное преимущество. В этих условиях они пытаются проводить аргументированную и конструктивную критику официального курса по различным проблемам экономики и политики страны, выдвигая собственные контраргументы и предложения. Используя шанс для прихода к власти, оппозиция пытается дистанцироваться от правительственного курса. Она, как правило, идет на обострение разногласий с правящими партиями, порой осознанно увеличивая разделяющую их идейно-политическую дистанцию, подвигаясь влево или вправо (в зависимости от своей ориентации) от центра [4, 11].

В конечном результате такая политика оппозиции может привести к конфронтации с правительством и впоследствии дестабилизировать политическую ситуацию в стране. Модель отношений, когда оппозиция не сотрудничает в одной плоскости с правительством, называют конфронтационной. Саму причину конфликтности политических отношений можно рассматривать через функцию партий репрезентации и защиты интересов различных социальных групп. Оппозиция, как правило, представляет те группы населения, чьи интересы не защищены в полной мере властью. Но только проправительственные партии могут реализовать такое стремление, обладая доминирующим властным ресурсом. Отсюда конфликт интересов проходит по линии «большинство» - «меньшинство», «власть» - «оппозиция».

Конфронтационный стиль реализации политики преимущественно характерен для стран, которые ступили на путь демократического развития и в которых еще не выработано устоявшихся демократических традиций и процедур, не установлено прозрачных правил политической конкуренции. Отсюда перманентное переформатирование правящей коалиции, имеющие следствием смены правительства и его политики, как например в Украине в 2006-2007, 2010 годах.

Причинами конфликтного стиля взаимоотношений может стать сужение политико-правового поля для деятельности оппозиции, вытеснение ее на периферию политической жизни через минимизацию влияния на деятельность правительства. В таких условиях оппозиция часто прибегает к неконструктивной критике исполнительной власти, не предлагая при этом собственной альтернативы. И. Шумпетер предостерегал в свое время, что политики в парламенте не должны поддаваться искушению использовать каждую возможность, чтобы нанести правительству поражение или создать ему дополнительные сложности. Из-за таких условий успешная политика невозможна. Это означает,

что сторонники правительства должны согласиться на его ведущую роль и позволить ему разрабатывать и осуществлять собственную программу, а оппозиция должна признать лидерство своего «теневое кабинета» и дать ему возможность вести политическую войну в пределах определенных правил. Выполнение этого требования (систематическое нарушение которого означает начало конца демократии) потребует умеренного традиционализма. Защита этого традиционализма - одна из тех целей, для достижения которых существуют парламентский регламент и правила этики [5, 483].

Характерно, что конфронтационная модель отношений между правительством и оппозицией успешно действует в ряде европейских стран, где функционирование оппозиции имеет глубокие политические традиции. Классическим примером является Великобритания. В общих чертах эта модель основывается на том, что политическая оппозиция не имеет существенного влияния на работу правительства, которое пользуется поддержкой парламентского большинства. Зато в парламенте представители оппозиции инициируют дебаты вокруг деятельности кабинета, тем самым осуществляя над ним опосредованный контроль. Несмотря на то, что в стране не существует писаной конституции, политическая оппозиция имеет четкие институализированные формы и осуществляет публичную критику правительства через функционирование «теневое кабинета». Министры этого кабинета - это всегда высокие специалисты в своей сфере, отслеживающие деятельность правительства, предлагая собственные альтернативные решения.

Политическая оппозиция в условиях неэффективной политики правительства, имея собственную программу и значительный кадровый потенциал, не выражает политического интереса в глубоком сотрудничестве с правительством или его активной поддержке. Дистанцирование от линии правительства аргументировано прежде всего борьбой за голоса избирателей на предстоящих выборах. В стране наблюдается минимум консенсуса между правительством и оппозицией. Но следует заметить, что в отличие от «молодых демократий», где четко прослеживается разделение партий по идеологическому признаку, в Великобритании различие между двумя основными партиями лежит в основном в плоскости решения экономических вопросов и в меньшей степени идеологических или аксиологических. Как отмечает польский политолог Т. Кравчик, «такая ситуация приводит к тому, что правительство использует часть политических постулатов оппозиции, а оппозиция не выдвигает радикальных требований в сторону правительства» [6, 131].

Демократические институты и процедуры позволяют минимизировать конфликтный потенциал как правительства, так и оппозиции и в конечном счете создать благоприятные условия для консенсуса и сотрудничества. В современных странах западной демократии можно выделить еще одну модель взаимоотношений между правительством и оппозицией - кооперационную. Она характеризуется образованием различных союзов и взаимопонимания в конкретных политических вопросах. При этом степень политического компромисса оппозиции с правительством зависит от партийной системы, институциональных параметров, а также от социополитических делений в обществе.

Примером страны, где функционирует кооперационная модель является Франция. С 1986 г. в стране установлены специфические связи (cohabitation) между президентом и премьером, которые представляют два конкурентных политических лагеря. Тогдашний президент Ф. Миттеран - лидер Социалистической партии и премьер И. Хирац, возглавлявший правительство, сформированное консервативной коалицией,

реализовали между собой политику основанную на взаимных компромиссах и уступках. Так, без согласия президента парламентское большинство из лагеря правых не могло бы образовать правительство. Благодаря такой умеренной кооперации, удалось избежать политического кризиса и уравновесить баланс сил в парламенте. Консенсус между сторонниками правительства и политической оппозиции связывают в конечном счете с изолированием и маргинализацией «полюсовых» партий. Одновременно наблюдалось усиление влияния «лояльных» к правительству партий из сил оппозиционного лагеря.

В демократических системах К. Бейм отличал нордический и латинский тип оппозиции. По его мнению, нордический тип оппозиции, связанный с британской традицией, распространен прежде всего в странах немецкоязычных, в частности в Северной Европе. Оппозиция при этом акцентирует внимание общественности и правительства на «второстепенных вопросах». В терминологии, сформулированной Дж. Сартори, это ответственная оппозиция, которая готова к широким компромиссам с правительством для общего блага. Первый тип оппозиции ассоциируется с Австрией, Швецией, Германией.

Оппозиция латинского типа характеризуется «конфликтом вокруг фундаментальных вопросов», а ее неответственность заключается в первичности собственных политических интересов и вторичности интересов общественных. Второй тип оппозиции присущ для Франции и Италии.

Таким образом, в европейских странах в основном сложились конфронтационная и кооперационная модели взаимодействия между правительством и оппозицией. Характер их отношений зависит от политических традиций, типа политической культуры, формально-правовых аспектов, партийной системы. С точки зрения стабильности функционирования институтов политической системы, для страны является полезной политическая борьба, в ходе которой конкурирующие стороны приходят к консенсусу. Это позволяет как правительству, так и оппозиции в полной мере выполнять свои общественные функции в системе распределения и балансирования власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зеркин, Д.П. Политический конфликт и оппозиция // Социально-политический журнал, 1998. – № 5. – С. 89-107.
2. Поршаков, С. Политическая оппозиция в странах Запада // Мировая экономика и международные отношения, 1993. – № 3.
3. Сартори, Д. Основы теории демократии: народ и управление // Демократия: Антология / Сост. А. Проценко – М.: Смолокип, 2005. С. 25-40.
4. Слиски, Л. Парламентская оппозиция как фактор политической стабильности демократических режимов // Власть, 2001 – № 10. – С. 9-14.
5. Шумпетер, И.А. Элитарная демократия и теория конкурентного лидерства // Демократия: Антология / Сост. А. Проценко. М.: Смолокип, 2005. С. 467-486.
6. Krawczyk, T. Stosunki między rządem a opozycją w wybranych państwach Europy. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2005. – 480 s.

К ВОПРОСУ О ЦЕННОСТЯХ ИННОВАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

В.Н. Варич

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

В оценках современной культуры и мировоззренческих предпочтений общества на рубеже тысячелетий достаточно отчетливо представлены два противоположных подхода, один из которых рассматривает нынешнюю эпоху как этап завершения и даже исчерпания возможностей развития западной цивилизации, а другой, напротив, - сущность нашего времени видит в постоянно ускоряющемся обновлении и экспоненциальном росте инноваций во всех сферах человеческой жизни, благодаря которым человечество если не в обозримом будущем, то в относительно недалекой перспективе станет наконец единым и процветающим.

Первый подход берет начало в критическом анализе классической рационалистической культуры, у истоков которого стояли такие фигуры, как Ницше и Шопенгауэр, а также в трезвом осмыслении недостатков буржуазной либеральной демократии, рыночной экономики и функционирующего на их основе общества потребления (к примеру, в сочинениях Бердяева, Отрега-и-Гассета, Хайдеггера и других). Этот анализ получил масштабное продолжение в развернутой критике основных интенций просветительской прогрессистской культуры в рамках постмодернистской традиции философствования. Так, к примеру, Ж. Бодрийяр, характеризуя современное состояние западного общества (а в тенденции – и всего человечества, если оно воспримет западные ценности), отмечает, что все утопии уже обрели реальность, и теперь остается только бессмысленно двигаться в неизвестном направлении: «...мы спешим в пустоту, потому что все конечные цели освобождения остались позади, нас неотступно преследует и мучает предвосхищение всех результатов, априорное знание всех знаков, форм и желаний», - пишет философ. «Мы живем в постоянном воспроизведении идеалов, фантазмов, образов, мечтаний, которые уже присутствуют рядом с нами и которые нам, в нашей роковой безучастности, необходимо возрождать снова и снова» [1, с. 9].

С такой точки зрения бурное умножение научных открытий и технических новшеств, художественных направлений и религиозных субкультур, стилей, жанров, школ и способов мышления можно вслед за Бодрийяром оценивать не как прогресс, ведущий в светлое будущее всего человечества, а как своего рода метастазирование, злокачественный рост: «Когда вещи, знаки, действия освобождаются от своих идей и концепций, от сущности и ценности, от происхождения и предназначения, они вступают на путь бесконечного самовоспроизводства. Все сущее продолжает функционировать, тогда как смысл существования давно исчез. Оно продолжает функционировать при полном безразличии к собственному содержанию. И парадокс в том, что такое функционирование несколько не страдает от этого, а, напротив, становится все более совершенным» [1, с. 13]. Сама идея прогресса исчерпала себя, но рост продолжается; представление о конечных целях экономического развития практически отсутствует, но производство прирастает; в политике нет развитых и отчетливых идеологий, но политические игры не прекращаются; потребитель духовной продукции стал анонимным реципиентом с неразвитым вкусом, но культурные формы множатся без перерыва; на смену культурной деятельности приходит симуляция. Такая сумрачная картина духовной и общественной жизни, в которой нет вдохновляющей идеи, а говорить об об-

щественном идеале представляется просто неприличным, может быть названа по-разному – «сумерками богов» или «ситуацией постмодерна», - но это не изменяет ее сущности, предвиденной задолго до ее окончательного оформления: «Наша установка на жизнь становится все более механической. Наша основная цель состоит в том, чтобы производить вещи, и в ходе этого поклонения вещам мы превращаем самих себя в предметы потребления», - отмечал Э. Фромм едва ли не полвека назад [3, с. 43].

Будучи наконец свободным от власти идей и от тирании вождей, современный человек, тем не менее, не стал творчески активным субъектом, о котором так долго и страстно мечтали философы-классики. Идейный и общекультурный плюрализм в сочетании с пресловутой политкорректностью, с одной стороны, и возрастающий уровень благосостояния и комфортности жизни – с другой, а также появление и нарастающее влияние современных средств массовой коммуникации привели к повсеместному признанию того обстоятельства, что поведение человека вовсе не так полно детерминируется его разумом, как представлялось мыслителям Нового времени. В силу этого и мировоззренческая установка, в соответствии с которой любое человеческое начинание должно строиться на рациональной основе, постепенно утратила свое значение. Ее место заняла ориентация на бездумное производство товаров, моделей, желаний и влечений: «Это метаморфоза и поворот от власти труда к влечению, поворот от модели, в основе которой лежит система презентаций (знаменитая «идеология») к модели, действие которой основано на системе аффекта...» [2, с. 49] В такой системе любой соблазн и любой способ соблазнения базируется на социальном императиве немедленной реализации желания: «Наш центр тяжести действительно сместился к бессознательной и либидинальной экономии, оставляющей место только тотальной натурализации желания, которое обречено на то, чтобы разделить участь влечений, или на простое механическое функционирование, но прежде всего на воображаемое подавление и освобождение» [2, 52].

Эти процессы находят зримое воплощение в социальной жизни конца XX – начала XXI столетия, когда буквально воочию происходит перестройка основных принципов западной культуры Новейшего времени: взамен стандартизации и монолитных идеологий приходят разнообразие и идеологический плюрализм; происходит децентрализация и фрагментация структурных отношений во всех сферах культуры; постепенно выстраивается новая социальная иерархия, которая не только отличается от традиционного сословно-классового деления общества, но и не является стратификацией по признанным критериям. Общество состоит из многофункциональных ситуативных ячеек, которые столь же изменчивы, как действующие лица «Метаморфоз» Овидия. В то же время ускорение темпов развития и множество новаций ведут к утрате культурной преемственности, к размыванию единых консолидирующих установок и распадению доминирующей культуры на множество атомарных субкультур, вызывая ощущение безвременья и неопределенности: «В бездумной гонке за новизной нам не дает покоя все возрастающее чувство недостаточности, неудовлетворенности и неуверенности. Мы разучились жить тем, что имеем, но живем ожиданием новых ощущений, живем не в свете настоящего дня, но в сумерках будущего, где в конце концов – по нашему убеждению – взойдет солнце». Продолжая эту мысль, несомненный знаток человеческой души К.Г. Юнг отмечает: «... отдельный человек теряет навсегда последние родовые корни и инстинкты,

превращаясь лишь в частицу в общей массе и следуя лишь тому, что Ницше назвал "Geist der Schwere", духом тяжести» [5; с. 32].

Положение усложняется еще и тем, что рядовой обыватель приобретает черты, сходные с шизофреническими, подпадая под тотальное воздействие непрерывного информационного потока, который охватывает и его частную жизнь, и все публичные формы жизнедеятельности. По словам Ж. Бодрийера, возникает своего рода «экстаз коммуникации», печальным следствием которого является социальная инерция, распространившаяся на все институты и структуры цивилизованного общества и вызывающая потребность в том, чтобы в цивилизационный процесс вовлекались все новые и новые народы и культуры. Как полагает Э.М. Чоран, цивилизация в современном виде – это не только дело рук и навязчивая идея западного человека, но и наказание, которым он готов поделиться с теми, кто еще пока им не затронут. Эта цивилизация базируется на бесконечно увеличивающихся потребностях и сама не может существовать иначе, кроме как порождая новые запросы, влечения и желания: «... чтобы продлить свое существование, она стремится пробуждать у нас все новые потребности и бесконечно множить их, ибо всеобщая практика атараксии имела бы для нее более тяжкие последствия, чем самая разрушительная война. Желания, источник потребностей, порождают у нас постоянное беспокойство, невыносимое, но совсем в ином смысле, чем дрожь, сотрясающая нас в естественном состоянии, в момент возникшей опасности. Мы уже не вздрагиваем время от времени, мы дрожим постоянно» [4; с. 46]. Обеспеченные современной техникой и мощью транснациональных корпораций комфорт и безопасность скрывают это перманентное беспокойство, глубинные феномены человеческого бытия затемняются тревогой («заботой» или «тошнотой» в терминах экзистенциализма). Появляются искусственно культивируемые влечения, многие из которых в традиционных культурах были бы восприняты как извращения или тяжкие грехи. Влечения эти по сути бессознательны, но культивируются вполне сознательно и последовательно, поскольку без их подпитывания потребительская цивилизация не смогла бы не только прирастать, пусть и в «дурной бесконечности», но и вообще функционировать: «... безумие снова становится парадоксальным разумом общества, которое слишком долго тревожилось об его отсутствии и на этот раз установило его (нормализованный) культ под знаком своего собственного освобождения» [2; с. 64].

Второй подход, представленный в сочинениях мыслителей широкого спектра, со своей стороны также констатирует ценностные сдвиги в современном трансформирующемся обществе, однако их смысл и возможные последствия понимает совершенно иначе. Согласно взглядам представителей различных концепций индустриального и постиндустриального общества, «третьей волны» или техногенной цивилизации, мировоззренческие доминанты современного западного общества формируются с того времени, как научно-технический прогресс стал неоспоримым фактором общественного прогресса, под действием которого возник особый тип социального развития, главные признаки которого принципиально отличаются от характеристик традиционных цивилизаций [см. 6, гл. 1]. Когда новый тип цивилизации сформировался в более или менее зрелом виде, то темп социальных изменений стал возрастать с невиданной ранее скоростью, экстенсивное развитие истории сменилось интенсивным, а пространственное сосуществование культур – временным. Наиболее же существен-

ное изменение, имеющее общечеловеческое значение, состояло в том, что возникла новая система ценностей, в которой наиболее значимой из них стала считаться сама инновация, оригинальность, вообще все новое. В ценностной иерархии одно из самых высоких мест заняла автономия личности, которая не допускает жесткой сословной, кастовой, корпоративной, религиозной или политической привязки. Современный человек должен обладать умением гибко и разнообразно строить свои отношения с людьми, погружаться в разные социальные общности и даже в иные культурные традиции.

Наиболее ранними предпосылками западной цивилизации в рамках данного подхода считаются демократия и теоретическая наука, появившиеся в античной культуре. В европейском средневековье была всесторонне обоснована способность человека, созданного по образу и подобию Бога, с помощью своего разума постигать божьи творения. Идея богоподобности (а в силу этого – и непреодолимой мощи) человеческого разума не утратила своей значимости и в период Ренессанса, когда, собственно, и сформировалась та культурная матрица, которая нашла воплощение в предындустиальном, индустриальном и постиндустриальном обществах. Основой социальной динамики стала техника, совершенствующаяся благодаря всеохватывающему и все более полному развитию научного знания. Этот новый тип общественного развития основан на ускоряющемся изменении не только природной среды, но и того предметного мира, который создает сам человек, причем преобразование внешней среды сопровождается трансформацией социальных связей и отношений. Постоянная ускоряющаяся смена форм коммуникации, типов личности и культуры, образа жизни на фоне процессов информационной, экономической и социальной глобализации, формируют представление о необратимости исторического времени с выраженной ориентацией на будущее, причем это светлое будущее рассматривается как рост завоеваний цивилизации, обеспечивающих рациональное и счастливое устройство мира. При этом как бы за скобками прогрессистских чаяний остается то обстоятельство, что экспансионизм западной культуры зачастую приводит к гибели менее динамичных сообществ и уничтожению многих культурных традиций. Те же традиционные культуры, которые смогли выжить под натиском модернизации и техногенного развития, достаточно радикально преобразовали собственные смысложизненные установки.

В любом случае представление о человеке как о субъекте постоянной экспансии, находящемся в деятельном отношении к миру в целях его преобразования и подчинения, нашло выражение и в особенностях духовной культуры, которая активно поддерживает и ценит постоянное производство новых образцов, идей, концепций, – при том, что лишь немногие из них могут реализовываться в настоящее время, а остальные являются возможными направлениями будущей жизнедеятельности. Более того, установка на постоянное обновление представляется самоочевидной, распространяясь не только на экономическое и политическое развитие, но и на сферу социальных отношений, которые определяются непрекращающимся обменом результатами деятельности в объектной и знаковой форме, в предметной и виртуальной реальностях.

Суммируя взгляды представителей указанных подходов, можно отметить, что находясь на противоположных позициях и принципиально по-разному оценивая сущность инновационного процесса, они приходят, в общем-то, к одному и тому же выводу: любой новый тип социального развития (тем более такой, который в перспективе имеет глобальный масштаб), требует выработки новых ценностей и новых мировоззренческих ориентиров. Так же очевидным представляется в рамках обоих подходов и

заключение о том, что ускоренное развитие современного общества весьма затрудняет проблему социализации и формирования личности. При этом, правда, критики инновационной культуры исходят из того, что она сама является симптомом глубинного заболевания общества, которое исчерпало потенциал своего развития, - общества, в котором уже состоялось торжество всех возможных форм и направлений его количественного развития и качественного усовершенствования, в котором сбылись представления о земном рае и которому некуда и незачем больше стремиться; общества, которые ныне находится в состоянии, названном Ж. Бодрийяром состоянием «после оргии». Возможно, аналогия с непродуктивным, но приятным изнеможением после вакханалии была бы чересчур смелой, однако определенный резон в убеждении о том, что история закончилась, социальность исчезает, а на смену обществу пришла инертная масса, безусловно, есть.

Убежденные сторонники преимуществ и достоинств инновационного развития общества, со своей стороны, в качестве несомненных наследников сциентизма и техницизма, видят в непрерывном обновлении если не панацею и некое подобие философского камня, посредством которого можно будет наконец превращать свинец в золото, а жизнь - в сказку, то залог грядущего благополучия новых поколений: достаточно ознакомиться с нашумевшим два-три года назад американским публицистическим фильмом «Дух времени», который завершается благостной картиной общечеловеческого процветания под мудрым руководством технических специалистов в технологической утопии. Как бы там ни было, столь радикально различающиеся оценки инновационного характера современного общества имеют и некий общий знаменатель: признание неизбежной (и уже происходящей) трансформации ценностей и ценностных ориентаций, а также неотвратимой перестройки ценностной иерархии на личностном и социальном уровнях. Понимание сути и характера происходящих переориентаций, без сомнения, столь же различно, однако с достаточным основанием можно утверждать, что представление о современном человеке как о пилигриме на развилке дорог, каждая из которых почти неминуемо ведет к бессмысленному существованию или гибели, является общим фоном, на котором разворачивается осмысление современной культуры: «Цивилизация не в состоянии начать с того, чтобы поставить под вопрос ценности, которые она еще не создала. Но, едва они появились, она устает и отстраняется от них, рассматривая и взвешивая их с губительной для них объективностью. Различным верованиям, которые она породила, она противопоставляет целую систему сомнений, она организует свое метафизическое крушение...» [4, с. 63]

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. - М., 2000.
2. Бодрийяр Ж. Забыть Фуко. - СПб., 2000.
3. Фромм Э. Душа человека. - М., 1992.
4. Чоран Э.-М. Портрет цивилизованного человека / Апокалипсис смысла: Сборник работ западных философов XX-XXI веков. - М., 2007.
5. Юнг К.Г. Аффект цивилизации / Юнг К.Г., Фуко М. Матрица безумия. - М., 2007.
6. Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки. - М., 1999.

РОЛЬ КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

С.П. Винокурова

Белорусская государственная академия искусств, г. Минск, Беларусь

В силу кардинальности перемен, происходящих в мире в целом и на постсоветском пространстве в частности, фактору безопасности стало придаваться значительно более широкое значение. Общая обстановка еще долго будет нести на себе отпечаток динамичного и противоречивого периода, характеризоваться переходной формой власти и системы национально-государственного переустройства. Это обуславливает длительную перспективу социальной напряженности - периода, в котором выработка эффективных мер по сохранению обстановки всеобщей безопасности и ненасильственных действий будет одной из стратегических задач. Все это актуализирует анализ проблематики, связанной с безопасностью личности и общества.

В общем плане под безопасностью понимается такое состояние социальных взаимодействий и общественных отношений, которые исключают политическое, экономическое и духовное подавления личности и социальных групп, применение насилия и вооруженных сил по отношению к ним со стороны государства и других социальных субъектов [1. С. 95].

В современном понимании действие фактора безопасности распространяется, прежде всего, на социально-экономическую, медико-биологическую, экологическую, военную, правовую и иные сферы общества. Именно в этом плане осуществляется выработка соответствующих инструментальных концепций: концепции политической безопасности, концепции экономической безопасности, концепции информационной безопасности, концепции лекарственной безопасности и т.д. В частности, формирование общественной системы национальной и международной безопасности осуществляется в интересах выживания человечества, укрепления всеобщего мира и безопасности народов и граждан в процессе их взаимодействия с другими нациями, государствами, природой, современной информационной средой, техносферой. Вопросы безопасности в гуманитарной сфере в свою очередь затрагивают обширный круг проблем, связанных с организацией образования, науки, наличием условий для реализации здорового образа жизни в обществе.

Интерес, проявляемый к проблеме безопасности, является симптоматичным. Это свидетельство того, что современные реалии отчетливо обозначили позицию озабоченности и тревоги, связанную с нарушением устоявшихся правил человеческой коммуникации, натиском массовой культуры, нивелировкой граней между добром и злом, приоритетом релятивистских принципов перед абсолютами морали. При этом все аспекты безопасности в конечном итоге воспринимаются через призму судеб культуры и возможностей духовного развития личности. Не случайно в общем плане безопасность рассматривается как отсутствие опасности, как состояние защищенности личности от угроз, как стабильность и устойчивость общественного и государственного развития.

Когда речь идет о глубинных основаниях безопасности, критериях и целях деятельности, направленной на обеспечение безопасности, то их нельзя рассматривать вне контекста человека, особенностей его природы, свойств и предназначения человеческой личности. В этом смысле безопасность представляется неотчуждаемым правом человека в правовом государстве, ее нельзя рассматривать в отрыве от человеческой личности, природы человека, его мировоззренческой культуры, духовных устремлений, личностных качеств и деятельности.

Предлагаемое размышление о роли культуры личности в системе общественной безопасности продиктовано желанием привлечь внимание к проблеме специфических модусов человеческого бытия. Эти модусы связаны с образованием в структуре сознания личности опорных нормативных точек, отражающих сущностное своеобразие человеческого существования как такового. Культура касается вопроса активного (субъективного) самоопределения человека. Она задает особое измерение внутреннего мира человека, посредством которого совершается опыт отдельной личности. Выступая в качестве хранительницы образцов прошлого опыта, культура в актуальном мире «замыкает» человека в нормах морали, религии, права, эстетических ценностях. Культура — это особое социальное пространство, в котором ценности выстраиваются в системную иерархию, при этом духовные смыслообразующие ценности имеют безусловный приоритет. Культура, таким образом, представляет собой творческое духовное самостроительство личности.

Неоднозначность интересов, взглядов, убеждений и ценностных ориентаций, индивидов, социальных групп, обуславливают то, что их взаимоотношения регулируются системой динамично развивающихся правил, в результате уровень общественной безопасности не остается неизменным. Именно это обуславливает необходимость постоянного поиска в направлении определения наиболее полного перечня возможных угроз для защиты национальных государственных и общественных интересов, выявление, нейтрализацию (или уничтожение) источников их порождения. Успешность этой работы в применении к характеристике современной ситуации представляет достаточно противоречивый материал для рассуждений по этому поводу.

Так, польский кинорежиссер К. Занусси характеризует процессы, протекающие в современном обществе как «усиливающееся хамство в культуре», тем самым подчеркивая разрушающее, дестабилизирующее влияние культурных флуктуаций на общественное развитие [2. С. 84]. В этих условиях наиболее значимым с позиции безопасности оказывается вопрос жизнеспособности базовых ценностей культуры.

Безусловно, в личностной характеристике человека культурная составляющая играет исключительно важную роль. И если область духовных интересов все заметнее перемещается на периферию общественного сознания, жизнь человека становится все более бессмысленной, под угрозой оказывается само существование личности.

Особый интерес представляет проблема культурной, духовно-нравственной самореализации личности в современном обществе, где она разворачивается в исторически уникальной ситуации, обусловленной стремительными темпами роста объема информации. Кроме того, с вовлечением в жизненную практику новых и новых объектов, с расширением границ личностного выбора меняется исторический облик человека. Когда материальный мир, мир вещей, созданных человеком, начинает изменяться значительно быстрее, чем духовный мир самого человека, его внимание и интерес все более приковывается к вещам. В настоящее время поток новых объектов явно потеснил в сфере интересов человека духовные ориентиры: роскошь человеческого общения, упоение искусством, щедрость души, бесребренничество [3. С. 281]. В такой ситуации все сложнее становится улавливать социальный запрос, обращенный к духовной составляющей личности.

Культурный фактор, обеспечивающий сохранение безопасных форм жизнедеятельности общества и человеческих действий, основан на менталитете, в основу которого положены убеждения и привычки, принципы, верования, ценности, законы и нравы, формирующие ненасильственные картины мира. Непременным условием этого является уважение каждым человеком жизни, достоинства, свободы и независимости другого человека.

Разработка проектов, раскрывающих роль культуры личности в обеспечении устойчивого развития общества, осложняется ввиду того, что в сфере общественной и деловой жизни культура не рассматривается как существенная парадигма развития. Недооценка роли культуры в обеспечении и гарантировании задач безопасного развития приводит к соответствующим приоритетам в финансировании.

Решение задачи, связанной с достижениями безопасности в гуманитарной сфере невыполнимо без соответствующих организационных, законодательных, кадровых мер. В частности, в сфере законодательства на обеспечение безопасности в социально-гуманитарной сфере направлен ряд Указов Президента Республики Беларусь и иных правовых актов, касающихся де бюрократизации общества, работы государственных органов и организаций по принципу «одного окна».

Процессы кризисных явлений в культуре в настоящее время дополнились мировым финансовым кризисом, что позволило с большими основаниями признать глобальный характер кризисных явлений в современном обществе. Между тем сущность кризиса проистекает не столько из экономических причин или теоретических прозрений, сколько из вдруг возникшего острого осознания краха представлений о самом человеке, как особом существе, от природы наделенном разумом и нравственностью. Не случайно, Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, выступая на церемонии вручения премии «За духовное возрождение», высказал твердое убеждение в том, что экономический кризис явился следствием кризиса духовного: «Людская зависть, воровство, обман, спекуляции на финансовых рынках, коррупция накапливались годами и захлестнули весь мир. Духовный кризис гораздо страшнее любых экономических потрясений. Предательство, подлость, ложь разъедают душу, подрывают физическое и нравственное здоровье не только отдельного человека, но и целых наций, народов... Вызовам современной цивилизации может противостоять лишь духовно сильная личность» [4. С. 3].

Культурный фактор безопасности на уровне личностной модели связан с формированием адекватных изменчивых параметров реальности моделей социального поведения и мировоззренческих ориентаций, построением новых форм коммуникаций, профессиональных сфер. Возникновение новых культурных паттернов в свою очередь, способно содействовать или препятствовать стабилизации социума, обеспечивать эффективное разрешение конфликтов или усугублению напряженности.

Вместе с тем в современных подходах к проблеме обеспечения общественной безопасности заметно доминирование объектно-материальной составляющей в разработке стратегий и концепций государственной безопасности. Возможно, в определенном плане это оправдано. Однако эффективная система безопасности должна быть ориентирована на создание не только соответствующей инфраструктуры, строительства специальной сети учреждений и организаций, но и на формирование соответствующих субъектов деятельности.

Ориентация на личность как главную движущую силу общества позволит постепенно преодолевать объект-ориентированную политику. При этом понятие культуры не должно редуцироваться лишь к одной из сфер общества, так как в условиях постановки задач устойчивого развития культура является единственным средством и гарантом обеспечения устойчивого взаимодействия всех сфер общества. Культура может рассматриваться как полиразмерное поле интеграции искусства, науки, промышленности и бизнеса. Постановка данных задач заостряет необходимость интерпретации и формулирования социально-экономических программ, стратегий государственного управления в контексте приоритетов программ устойчивого культурного развития, а не наоборот.

Известно, что поспешные выводы и некомпетентные суждения, которые искажают вопрос, уводят от понимания этой проблемы. Именно поэтому сама жизнь подталкивает к решительному повороту исследований в область социальных измерений, требует всестороннего изучения последствий для человека и общества происходящих нововведений.

Среди проблем, требующих оперативного вмешательства, такие насущные вопросы, как забота о жизни и ее сохранении, здоровье людей, демографическая проблема, духовные, культурные и нравственные ценности, потребность в общении с другими людьми, отношение к представителям иных культур и народов.

Проблемный характер государственной и социальной безопасности вызвал к жизни широкое развертывание междисциплинарных исследований, необходимость применения системного подхода, комплексного анализа, проводимого методами многих наук. Важнейшими условиями для развития научного и художественного творчества является свобода критики, обмен мнений и наличие творческих дискуссий. Критическая рефлексия над основаниями деятельности, познания, оценочных суждений служит целям оправдания того, что мы делаем, как мы мыслим.

В результате обсуждений такого рода проблем происходит формирование культурного пространства на основе размышления о судьбе культуры и общества, раскрывается роль личности в развитии культуры и общества, а также роль культуры в развитии и общества и личности, определяются интеллектуальные и духовные горизонты белорусского общества, консолидируются конструктивные силы.

Если культура претендует не только на свое сохранение, но и на развитие, ей не обойтись без анализа собственных оснований для уяснения направления, по которому она движется, чтобы понять глубину и характер изменений социальной и культурной жизни, выбранного направления. Успехи в обществе обычно достигаются благодаря опоре на национальную культуру и особенности самосознания населения.

При анализе современной культуры зачастую в качестве исходных понятий используются представления о кризисе культуры. Безусловно, противоречивая игра экономических и политических интересов дает достаточно оснований для такого рода выводов. Все более очевидным становится процесс «диффузии», взаимного проникновения и сближения различных, в том числе и полярных культур. В результате современная культура развивается, порождая новые проблемы. Одной из таких проблем является всесторонняя характеристика системы ценностей, необходимых современному обществу.

Каковы традиции этой системы и как они согласуются с духом новаторства, присущим культуре в целом? Среди негативных аспектов культуры выделяются потребительский вещизм, неудовлетворительный уровень отдельных продуктов художественной культуры, рассчитанный на массовое сознание в литературе, публицистике, живописи, музыке, сфере обслуживания, включая рекламу. В обществе не в равной мере реализуется принцип равенства возможностей в овладении ценностями культуры, пользовании благами культуры, включая доступность цен на услуги учреждений культуры и средств массовой информации (театр, музеи, кино, телепрограммы и т.п.). Все эти фрагменты развития требуют аналитического и критического подхода, в том числе и с позиции общественной безопасности.

Культура, как правило, оценивается с экономической точки зрения и в этом плане подчеркивается то, что культура относится к непроизводственной сфере. Между тем от культурного и образовательного уровня зависит не только успешность научных разработок, научных дискуссий, но и возможности внедрения достижений науки, сознательная дисциплина труда.

Действующая система показателей культурного развития построена именно в рамках экономического подхода. Однако количественные показатели культурного развития (рост клубов, дворцов культуры, библиотек, кинотеатров, музеев) не дает исчерпывающего представления о содержательных процессах в сфере культуры. Не менее

важно учитывать реальный уровень потребностей населения в культурных ценностях. С позиций политики в области культуры важно представлять, какой масштаб потребностей будет через 10-15 лет и в далекой перспективе. Кроме того, важно определить, какой масштаб следует считать целесообразным и достаточным. В этом плане научного обоснования требует вопрос территориального размещения клубных учреждений; театров, внедрение в кинотеатрах новых технических средств. Безусловно, обращение к культурной и духовно-нравственной составляющей не может исчерпать многообразие факторов безопасного существования личности и общества, однако позволяет установить наличие осевых нитей, вокруг которых это многообразие существует, распределяясь и соотносясь. Нравственность связана с направленностью жизненного пути, его проектностью, заданностью. На наш взгляд, именно этическая интерпретация онтологической ситуации и жизненного пути в целом позволяет определить некоторые смысловые акценты, а наличие так называемых нравственных «вершин» в реализации онтологических возможностей способно обеспечить высокий уровень нравственной самооценки, сформировать и поддерживать позитивный интерес человека к миру и самому себе.

Иногда может показаться, что культурный фактор сильно преувеличен, когда мы пытаемся вывести какие-либо объективные причины безопасности или обозначить следствия. Однако сфера действия безопасности теснейшим образом связана с человеческим фактором, распространяется на все социальные сферы, выступает как факт, как явление жизни. Для преодоления современного духовного кризиса необходимо осознать глубину этого кризиса и мобилизовать все интеллектуальные и духовные творческие ресурсы, чтобы разработать и осуществить оптимальную жизненную стратегию человечества, обеспечивающую безопасность и развитие общества и личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабосов Е.М. Социология: Энциклопедия – Минск.: Книжный дом, 2003.
2. Кшиштоф Занусси. Между ярмаркой и салоном – Мн., 2003.
3. Головахо, Е.И. Между богом и животным: в поисках третьего пути // Время пути: Исследования и размышления – Киев, 2008.
4. Лукашенко, А.Г. Информационный бюллетень Администрации Президента Республики Беларусь – 2010. – №2.

ОПЫТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА БЕЛАРУСИ ПО УТВЕРЖДЕНИЮ В НАРОДЕ ТРЕЗВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Восович С.М.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Страшнейшим бичом человечества является пьянство, приводящее к обеднению населения, его физическому вырождению, падению нравственности и упадку семейных устоев, огрублению нравов и возрастанию преступности, потере чистоты и целомудрия в подрастающем поколении. Ограничение распространения данного зла является необходимым условием и даже основой формирования и существования стабильного гражданского общества, залогом его культурных, экономических и политических успехов. Опыт истории может помочь глубже увидеть, проанализировать и разделить средства и способы борьбы с пьянством.

В борьбе с пьянством в конце XIX – начале XX в. принимала активное участие и Русская Православная Церковь, так как в то время считалось, что нравственное совершенствование человека возможно только в единении с церковью. Св. Синод неоднократно предписывал руководителям епархий активизировать проповедническую деятельность подчиненного им духовенства, направленную на разьяснение вреда пьянства и необходимости трезвого образа жизни. Еще в 50-х гг. XIX в. Св. Синод благословил священно- и церковнослужителей примером личной трезвой жизни и проповедями содействовать стремлению некоторых городских и сельских обществ воздерживаться от употребления вина. Именно в конце 50-х гг. XIX в. на территории Северо-Западного края появились первые православные общества трезвости. В 1885 г. Святейший Синод предписал руководителям епархий не допускать «раздробительной» продажи спиртных напитков на церковных и монастырских землях.

С 1895 г. для ограждения населения от чрезмерного употребления вина царское правительство ввело казенную продажу спиртных напитков (Первоначально она была введена в виде опыта в Пермской, Уфимской, Самарской и Оренбургской губерниях, а затем распространена на все остальные губернии Российской империи). Одновременно правительство повсеместно учреждало попечительства о народной трезвости, в состав которых обязательно входили представители епархиальной власти и местного духовенства. В Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Минской и Могилевской губерниях попечительства о народной трезвости были созданы с 1 января 1897 г. Определением от 10–25 ноября 1895 г. за № 3592 Св. Синод разьяснил степень участия духовенства в учреждаемых попечительствах. Представители духовного ведомства, участвуя в губернских и уездных комитетах попечительства о народной трезвости, должны были распространять среди населения информацию о вреде чрезмерного употребления крепких напитков. Как и другие члены попечеств, они обязаны были заботиться о предоставлении населению возможности проводить свободное время вне питейных заведений. С этой целью представители духовенства обязаны были устраивать народные чтения и собеседования, составлять и распространять издания, объясняющие вред злоупотребления крепкими напитками, открывать чайные, народные читальни и другие культурно-просветительные учреждения. Священники – члены попечеств также должны были заботиться об открытии и содержании лечебных приютов для алкоголиков, оказывать содействие учреждениям и частным обществам, деятельность которых была направлена на достижение тех же целей, какие имели и попечительства. Открытие попечеств о народной трезвости не исключало самостоятельной деятельности местных учреждений духовного ведомства по искоренению в народе пьянства.

Более целенаправленно Св. Синод стал бороться с пьянством в начале XX в. Указом от 12 июня 1909 г. за № 13 Св. Синод обратился к епископам всех епархий Российской империи с просьбой обязать подчиненное им духовенство воздействовать на прихожан «живой, убежденной проповедью и беседами о вреде пьянства, о необходимости искоренения его, особенно во время праздников церковных и семейных, при решении дел общественных и частных» [1, с. 76]. Призывая духовенство к борьбе с народным пьянством, духовное ведомство издало указания для руководства, где были перечислены средства, которые могли применяться. В антиалкогольной деятельности духовенство обязано было использовать следующие средства:

- 1) учреждать в городских, сельских, деревенских приходах общества трезвости, образцом для которых служило Александро-Невское общество трезвости г. Петрограда;

2) обязательно включать в задачи церковно-приходских попечительств, церковных братств, приходских советов борьбу с пьянством, используя для этого выработанные самими членами общественных объединений под руководством священников мероприятия, учитывающие местные условия;

3) постоянно проводить при любом подходящем случае в своей пастырской деятельности «живые» проповеди о вреде пьянства и распространять в приходах книги, брошюры, листки, описывающие негативные последствия злоупотребления алкоголем;

4) совершать, особенно в праздничные дни, торжественные вечерние богослужения, с чтением акафистов, с общим исполнением присутствующими церковных песнопений, произнесением проповедей и чтением жития святых;

5) организовывать в школах религиозно-нравственные и патриотические чтения, сопровождаемые демонстрацией соответствующих картин и общим пением присутствующими церковных песнопений; объяснять на таких чтениях вред, наносимый организму человека чрезмерным употреблением спиртного;

6) личным примером трезвого образа жизни подтверждать истинность проповедуемых взглядов.

Помимо вышеперечисленных средств, Св. Синод рекомендовал проводить мероприятия, предложенные Учебным комитетом и направленные на ознакомление воспитанников духовных семинарий, особенно старших классов, с негативными последствиями алкоголизма.

Обращение Св. Синода 1909 г. нашло живой отклик у православного духовенства Российской империи. Везде были созваны епархиальные съезды духовенства, на которых были выработаны практические меры к скорейшему выполнению выработанных Св. Синодом мероприятий по борьбе с алкоголизмом. Принятые епархиальными съездами меры борьбы с народным пьянством, по возможности, и выполнялись духовенством епархий.

Главнейшим средством воздействия священников на народ являлась церковная проповедь. В храмах с церковной кафедры и вне храмов при любом подходящем случае духовенство неустанно проповедовало народу о греховности и большом вреде пьянства в религиозно-нравственном, гигиеническом, общественном и экономическом отношениях. В проповедях приводились доказательства греховности и вреда пьянства из Священного Писания, произведений святых отцов, выдержки из исследований ученых. Православное духовенство особенно усиливало свои проповеди перед престольными праздниками, свадьбами, проводами новобранцев в армию.

Для отвлечения народа от питейных заведений и праздности по вечерам в воскресные и праздничные дни осенью и зимой служились вечерни с чтением акафистов Спасителю, Божьей Матери, святым, сопровождаемые общенародным пением и беседами религиозно-нравственного содержания. Проводились также народные чтения, в том числе и о вреде пьянства.

Действуя всеми средствами на взрослых, духовенство особенно старалось оказать влияние на молодое поколение. В школах законоучителя на уроках и после уроков объясняли детям вред употребления спиртных напитков. Для большей убедительности и наглядности использовались картины, изображающие пораженные алкоголем внутренние органы человека.

Православное духовенство активно участвовало в торжествах, посвященных праздникам трезвости. В эти дни устраивались крестные ходы, молебны, произносились проповеди, продавались брошюры и листки, осуществлялся сбор пожертвований в пользу местных трезвенных организаций.

В приходах по инициативе или при активной поддержке священно- и церковнослужителей открывались общества трезвости (в 1910 г. в Гродненской епархии подобных обществ насчитывалось 8, в Литовской – 7, в Полоцкой – 4, в Могилевской – 2, в Минской – 1), в которых бывшие алкоголики, вырванные из круга пьяных людей, встречали сочувствие и братскую помощь. Благодаря поддержке трезвенников, у бывших алкоголиков укреплялись утраченные сила воли и мужество. Ободряемые и поддерживаемые членами общества трезвости, укрепляемые верой, молитвой и пастырскими наставлениями, они не только временно воздерживались от употребления спиртного, но и постепенно становились трезвенниками.

Особенно много уделялось внимания созданию обществ трезвости в Могилевской епархии. В № 18 «Могилевских епархиальных ведомостей» за 1913 г. было опубликовано предложение епископа Могилевского и Мстиславского Константина (Булычева) об открытии во всех приходах обществ трезвости. Правящим архиереем Могилевской епархии обращалось внимание на то, что деятельность обществ трезвости должна была носить не канцелярский и формальный характер, а практически-полезный. Обществам трезвости рекомендовалось устраивать праздники трезвости, паломничества, крестные ходы с привлечением жителей соседних сел, бесплатно раздавать и продавать противоалкогольную литературу. Могилевский епископ разрешил расходовать на приобретение религиозно-нравственных книг и брошюр до 10 руб. из церковных сумм. Для проведения вечерних чтений рекомендовалось выписывать в каждый приход на церковные или школьные деньги один из следующих журналов: «К свету», «Вестник трезвости», «Трезвая жизнь».

Для руководства деятельностью приходских обществ трезвости епископ Могилевский и Мстиславский Константин 5 ноября 1913 г. утвердил «Нормальный устав приходского общества трезвости в Могилевской епархии» [2]. По этому уставу трезвенники не только давали обещание перед местночтимой иконой не употреблять никаких крепких напитков в течение определенного времени, но и не должны были угощать своих гостей водкой на крестинах, свадьбах, похоронах, поминовении усопших, а также на торжествах по случаю храмовых и приходских праздников. Видя хмелеющего человека, трезвенники, по возможности, старались удержать такового от дальнейшего употребления спиртного, а пьяному «в силу братской христианской любви» должны были оказать помощь и заботу. Бедным и нуждающимся членам трезвенного общества трезвенники должны были оказывать посильную помощь: или личным трудом, или деньгами, вещами. В обязанности трезвенников вменялось выявление тайной продажи в приходе водки и лиц, ее производящих, для своевременного принятия соответствующих мер к их пресечению. Каждый трезвенник при своей записи в общество обязывался вносить в общественную кассу установленный членский взнос. Бедняки, по постановлению совета общества, могли освобождаться от обязательного взноса.

В случае нарушения обета трезвости или неуплаты членского взноса трезвенник исключался из общества. Однако не считалось нарушением обета употребление вина или какого-либо другого крепкого напитка по предписанию врача. В целом, трезвенники делились на две группы: одни давали обет полной трезвости, а другие обещали не пить лишь водки и подобных ей по крепости напитков.

По «нормальному уставу приходского общества трезвости» делами обществ заведовали особые советы, в состав которых входили: председатель совета (он был и председателем общества) и не менее пяти членов, избираемых из общего числа трезвенников большинством голосов сроком на один год. Совет обязан был заботиться о расширении

общества, выбирать и приобретать книги, брошюры и листки религиозно-нравственного и просветительного содержания, выписывать для библиотек и распространять среди населения прихода журналы, брошюры и листки о вреде пьянства и борьбе с ним, рассматривать просьбы о пособиях и назначать их бедным трезвенникам. Совет общества должен был организовывать продажу при храме крестиков, молитвословов, поминальниц и других предметов религиозного культа, ежемесячно проверять приход и расход сумм общества, составлять годовые отчеты и представлять их общему собранию трезвенников.

Приходские общества трезвости распоряжались суммами, образованными из обязательных членских взносов, добровольных пожертвований и выручки от продажи при церквях икон, брошюр, крестиков и других предметов религиозного характера.

Из всех существующих в Могилевской губернии трезвенных обществ своей активностью в борьбе с пьянством выделилось Могилевское центральное общество трезвости. Чтобы отвлечь простой народ от пьянства, могилевское общество организовывало по инициативе епископа Могилевского и Мстиславского Константина религиозно-нравственные чтения. Так, в начале 1914 г. подобные чтения проводились почти каждое воскресенье в трех местах г. Могилева. Для местной интеллигенции с благословения могилевского епископа организовывались богословские чтения. Могилевское общество трезвости открыло не только «приют трезвости» с бесплатной читальней, раздачей и продажей противоалкогольных брошюр и листов, но и с конца 1913 г. стало организовывать в здании могилевской городской управы вечера трезвости. На данных вечерах исполнялись песни, трезвенные гимны, читались соответствующие стихотворения, заслушивались интересные сообщения не только о вреде пьянства, но и о деятельности могилевского общества трезвости. В организации вечеров трезвости принимали участие учащиеся средних учебных заведений и школьники. 13 июня 1914 г. могилевское общество трезвости организовало торжественный крестный ход трезвенников и богомольцев из г. Могилева в с. Польшковичи по случаю отмечаемого там храмового праздника [3; 4].

Таким образом, признавая малоэффективность только одних административных мер в борьбе с пьянством, царское правительство в начале XX в. пришло к выводу о том, что целесообразно бороться с пьянством путем нравственного воздействия на население, прибегая к помощи Православной Церкви. В утверждении среди населения Беларуси трезвого образа жизни православное духовенство использовало различные способы и средства. Оно старалось не только ограничить распространение пьянства, но и отвлечь народ от питейных заведений путем укрепления в нем православной веры и организации различных христианских мероприятий в праздничные и воскресные дни. Указанный опыт необходимо использовать Белорусской Православной Церкви на современном этапе, которая не имеет право остаться в стороне от столь важной для нашей страны проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. От Святейшего Правительствующего Синода о борьбе с пьянством в народе // Литовские епархиальные ведомости. – № 14–15. – часть официальная. – С. 75–77.
2. Нормальный устав приходского общества трезвости в Могилевской епархии // Могилевские епархиальные ведомости. – 1913. – № 22 (часть официальная). – С. 328–331.
3. Летопись епархиальной жизни: поступления пожертвований в Могилевское общество трезвости // Могилевские епархиальные ведомости. – 1914. – № 9 (часть неофициальная). – С. 270–271.
4. Летопись епархиальной жизни: паломничество в с. Польшковичи, Могилевской губернии, 13 июня 1914 г. // Могилевские епархиальные ведомости. – 1914. – № 14 (часть неофициальная). – С. 413–414.

НОВЫЕ ПРИНЦИПЫ И ИНСТИТУТЫ УПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

П. Ганчев

Геополитический центр «Евразия», г. София, Болгария

Последние несколько десятилетий самые видные умы человечества всерьез обеспокоены кризисными проявлениями современной цивилизации, грозящими катастрофическим исходом. К сожалению, инерция исторического движения, хищнические интересы транснациональных корпораций, необоснованный оптимизм философов и политиков, а также глупость и невежество миллиардов людей усугубляют эту критическую ситуацию. В числе наиболее серьезных проблем, угрожающих безопасности человечества, можно выделить те из них, которые связаны с противоречиями в отношениях человечества и природы, и те, которые коренятся в самом обществе и в международных отношениях.

В первую очередь среди этих проблем можно назвать неравномерность экономического и социально-политического развития между региональными цивилизационными образованиями, а также входящих в них государственных образований, социальных групп и общностей. Подобного рода диспропорции не возникли внезапно, а унаследованы от предшествующих ступеней развития общества; однако в настоящее время, когда человечество оснащено мощнейшими техническими средствами, неравные условия и возможности развития могут привести к непредсказуемым последствиям. По данным З. Баумана и М. Джекобса, еще в начале девяностых годов 85-86 процентов населения Земли пользовалось лишь 15 процентами мирового богатства, а 14-15 процентов – 85 процентами. К традиционно бедным странами в результате происшедших в 80-90-е годы событий примкнули и постсоветские страны, которые утратили статус развитых индустриальных государств.

Потребительский бум последних десятилетий совпадает по времени с катастрофическим упадком уровня жизни в беднейших странах мира: около 2,8 млрд. человек живут менее, чем за два доллара в день, и еще 1,2 млрд. человек – менее, чем за один. Больше половины человечества не имеет в достатке питьевой воды и продовольствия, не знакомо с элементарными удобствами и бытовыми приспособлениями. 358 богатейших людей мира обладают таким же достоянием, как 2,3 млрд. наиболее бедных. При этом разрыв в скорости увеличения или уменьшения доходов также постоянно увеличивается: с 1979 по 1993 г. доходы 10% беднейших слоев населения Земли уменьшились на 20 процентов, а доходы 10% самых богатых – увеличились на 61 процент.

Очень выразительно и точно о возможных катастрофических последствиях бездумного экономического развития, основанного на ценностях потребления, написал в одном из своих первых докладов в Римском клубе нобелевский лауреат Ян Тинберген: «Попытки человечества построить новый мир нельзя основывать исключительно на философии экономического роста и материального богатства. Опыт производящих стран показал, что даже беспримерный экономический рост не ведет обязательно к росту общественного равенства и распределения власти. /.../ Стремление к количест-

ву и расхищение ресурсов отодвинули проблемы справедливого распределения материальных благ и качества жизни. И мы все больше убеждаемся в том, что забота главным образом об экономическом росте оказывает разрушительное воздействие на мораль и нравственность; что философия, которая лежит в основе мании потребления, угрожает самым важным человеческим ценностям» [1, с. 108]

Каковы же наиболее опасные следствия бедности и доминирующей в западном обществе идеологии неолиберализма, обосновывающей рост потребительских запросов?

1. Бедность является одной из наиболее глубоких причин нравственной деградации на индивидуальном и массовом уровне. Если в прежние времена бедность была характерным признаком достаточно закрытых субкультур или отдельных сословий, то в наше время она является «информированной бедностью», которая знает об окружающем богатстве и стремится овладеть им праведными или криминальными способами. Возможно, именно поэтому масштабы преступности в современном мире поражают, а очень многие сообщества живут в криминальной атмосфере.

Направления и формы криминализации общества весьма разнообразны – это и торговля людьми, и контрабанда оружия, и наркоторговля, и коррупция. Преступность создает свой собственный глобальный мир, который во многих государствах срастается с политическими и экономическими структурами. Сотни миллиардов долларов и евро отмывается по преступным каналам. Так, каждый год только доходы от наркоторговли реализуются на сумму более, чем в 700 млрд. долларов, то есть каждый день легализуется порядка 2 млрд. долларов.

Современная бедность представляет собой питательную среду для различных радикальных движений, которые обещают разрешить проблему бедности путем перераспределения богатства или с помощью жестокой диктатуры. Такие движения угрожают национальной и международной безопасности, хотя попытки совершить настоящую революцию или государственный переворот в наши дни достаточно редки. Но одним из самых страшных социальных явлений, связанных с бедностью, является национальный и международный терроризм. Террористы провозглашают различные цели – изменение политического и социального строя, утверждение собственной идеологии, дестабилизация положения в данной стране или регионе, контроль правительства, уничтожение конкретных политических деятелей или журналистов и т.п. Одной из наиболее серьезных угроз для мирового сообщества является терроризм, основывающийся на исламском фундаментализме. При этом политика вооруженного противостояния террористам, проводимая, к примеру, США в Афганистане и в Ираке, не приносит ощутимых результатов, и 51% респондентов, опрошенных в 51-й стране мира, указали, что за последние десятилетия мир стал местом, более опасным для жизни [см. 2, с. 50].

2. Наряду с угрозами для национальной и международной безопасности, обусловленными бедностью, большую опасность представляют продолжающаяся милитаризация общественной жизни и нарушение демографического баланса в отдельных странах и во всем мире. Демографические перекосы ведут к изменениям в культуре и государственных структурах современного мира по схеме так называемой «биологической бомбы», когда этническое или религиозное меньшинство благодаря колос-

сальному воспроизводству вытесняют основной этнос (так произошло, к примеру, с албанцами и сербами в Косово; существует также угроза уменьшения болгарского этноса в силу большого прироста цыганского населения).

Бедность и нарастающий демографический дисбаланс являются основными причинами нарастающих потоков мигрантов из Азии, Африки и Южной Америки в Европу и Северную Америку. Эти процессы сопровождаются различными негативными эффектами, так как большая часть мигрировавшего населения неохотно интегрируется в культуру принимающей страны, а становится очагом преступности и терроризма.

3. Бедность и демографические проблемы являются не только причиной многих социальных проблем современного общества, но и следствием глубинного дисбаланса во взаимоотношениях человечества и природы. В своей книге «К критике политической экономии», написанной в 1859 г., К. Маркс писал, что отношения между людьми в обществе зависят от их отношения к природе. Если в XIX веке такое мнение оправдано, то в наши дни оно наполняется новым значением: характер экономических, политических, социальных и других отношений между людьми и между народами во многом зависит от отношения общества к природе, от степени его технологических возможностей, от нравственной зрелости людей и организации их деятельности по отношению к природе. Социальные противоречия какое-то время могут оставаться неразрешенными, но противоречие между обществом и природой требует немедленных мер, поскольку нарушения в биосфере и геосфере могут привести к необратимым изменениям и гибели цивилизации [см. 3, с. 50]. Негативное воздействие человека на природу имеет множество форм и проявлений: 1) загрязнение воздуха, почвы и воды различными отходами (из 300 млрд. т вещества, потребляемого производством, 280 млрд. т являются источником загрязнения); 2) увеличение объемов потребляемых природных ресурсов (на одного жителя США, к примеру, приходится более 34 тонн ресурсов ежегодно), которое может привести к исчерпанию невозобновляемых ресурсов и источников энергии; 3) эмиссии диоксида, накапливающегося в окружающей среде и вызывающего глобальные изменения климата; 4) связанное с изменениями климата ускоренное таяние арктических и антарктических льдов и возможные из-за этого изменения в течениях Гольфстрим и Эль-Ниньо, влияющих на погоду в акватории Атлантического океана [4, с. 25-26]; 5) нарушение биологического равновесия в Мировом океане из-за его продолжающегося загрязнения (в частности, разрушение коралловых рифов); 6) радикальное изменение ландшафта Земли из-за вырубki лесов и пожаров; 7) разрушение плодородного слоя почвы и наступление пустынь.

Главной причиной возникшего противоречия во взаимоотношениях природы и общества является безудержный экономический рост, философия беспредельного господства и потребления, поддерживаемая самыми богатыми индустриальными странами и прежде всего США. Экологический кризис наиболее негативным образом сказывается на бедных странах, так как они не обладают экономическими и техническими возможностями для преодоления его последствий. Очевидно, что здоровая и эффективная экономика может развиваться только во взаимодействии со здоровой природной средой. При этом экологическое благополучие имеет вполне определенную экономическую цену. Так, в 1997 году эколог-экономист Роберт Констанца и его коллеги

определили стоимость одной из «услуг природы» – способности корней деревьев удерживать почву, а мангровых деревьев – предохранять сушу от наводнения. Оказалось, что стоимость превышает 33 триллиона долларов, то есть в два раза больше, чем брутто валового мирового продукта в 2003 году [4, с. 21-22].

Таким образом, современная цивилизация неумолимо изменяет геобаланс планеты, угрожая не только климатическими переменами, но и трудно-предсказуемыми экономическими, демографическими, социальными и культурными проблемами, вызывая опасение за продолжение самой жизни на Земле [см. 5]. В силу этого становится очевидной необходимость радикальных перемен и утверждения новых принципов и институтов управления и организации международной и глобальной безопасности человечества. Для этого необходимо пересмотреть те критерии, по которым оценивается социальный прогресс, в частности, уйти от привычного представления о степени развития общества по размерам его валового национального продукта. Такое экономическое благосостояние, которого достигли наиболее развитые экономики мира (в частности, США), не может стать общим показателем для всего человечества: «Ясно, что материальное потребление нельзя универсализировать, потому что нужно огромное наращивание материального производства. Чтобы универсализировать нынешний стандарт, нужно, чтобы производство выросло в сто тридцать раз» [17, с. 50]. Прежде, чем человечество хотя бы приблизится к такому стандарту, разразится экологическая катастрофа.

В этой связи, **во-первых**, необходим радикальный пересмотр принципов организации международных отношений. Место действующих принципов должны занять следующие: 1) *принцип свободы* – организация общественной жизни на основе уважения свободы и прав каждого гражданина независимо от его расовой, религиозной, этнической или иной принадлежности; 2) *принцип ответственности* – обязанность властных структур обеспечивать свободы и права своих граждан, относиться с уважением к соседним народам и другим культурам; 3) *принцип справедливости* – равное отношение к другим правительствам и государствам; 4) *принцип солидарности* – помощь другим государствам и народам в случае угрозы их безопасности, природных и гуманитарных катастроф; 5) *принцип субординации* – обязательное верховенство международных принципов и договоренностей перед национальными, а также демократический централизм внутри государств; 6) переход от принципа господства слабых над сильными («делай так, потому что мне так удобно») к принципу «учись и бери то положительное в моем примере, чтобы и ты преуспел»:

Во-вторых, пришло время для переустройства существующих международных и мировых институтов и создания новых в соответствии с актуальными проблемами человечества. Для этого необходимы: 1) изменения в статусе и полномочиях ООН, которая за годы, прошедшие со времени ее организации, во многом утратила свой авторитет и практическую силу; 2) включение в Совет Безопасности ООН тех стран, которые развили мощную экономику и обладают серьезной политической силой – к пятерым постоянным членам Совета Безопасности следует присоединить Индию, Японию, Бразилию, ЮАР и Германию; 3) ограничить влияние Международного валютного фонда, Мирового банка и Всемирной торговой организации, которые в течение

долгого времени фактически были инструментами США и навязывали развивающимся экономикам крайне либеральную модель; 4) образование новых форм регионального сотрудничества – таких, как ЕС, СНГ, ЕврАзЭС, ШОС, ИК, ОАЕ и др.; 5) переориентация военных блоков (НАТО, ОДКБ и других) на решение проблем, связанных с обеспечением международной и глобальной безопасности; 6) принятие новой международной валюты, обеспечивающий эффективное функционирование глобальной финансовой системы.

В-третьих, назрела необходимость радикальной трансформации самих принципов организации и функционирования системы общественных отношений в каждом обществе. Это означает, что 1) необходимо социализировать крупную частную собственность, переводя ее в коллективные формы и ограничив тем самым влияние крупного капитала на все сферы жизни общества; 2) экологизировать всю систему общественных отношений; 3) пропагандировать ценности солидарности со всеми людьми на Земле в условиях глобализирующегося мира.

В-четвертых, необходимо восстановить роль государства в национальных и международных отношениях, существенно ограничив при этом и влияние транснациональных корпораций и других внесударственных структур. Государство должно выполнять стратегическую роль в функционировании и развитии каждого общества, включая его в глобальные структуры, но гарантируя интересы собственных граждан. Для решения подобных задач, с которыми человечество никогда прежде не сталкивалось, государство, **в-пятых**, должно вступать в активное и плодотворное сотрудничество с другими государствами. На смену неолиберализму в экономике и политике должны прийти, **в-шестых**, коллективные формы собственности, которые весьма высоко зарекомендовали себя в бывших социалистических странах Центральной и Восточной Европы.

Безусловно, все эти преобразования натолкнутся на противодействие со стороны тех групп и структур, которые обеспечивают нынешнюю политическую и экономическую модель на международном уровне. Однако жизненная необходимость реформ международных принципов организации и управления подтверждается современным мировым финансово-экономическим кризисом, который не только вызвал напряжение во всей системе мирового капитализма, но и показал неспособность неолиберальной политики вывести страны из кризиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тинберген Я. Пересмотр международного порядка. М.; 1980.
2. Sven Bekrend, Ulf Gartzke. Davos 2004: Auf Suche nach einer neuen globalen Ordnung, Internationale Politik, 2/ 2004.
3. Федотов А.П. От стихийного к управляемому устойчивому развитию человечества // Международная жизнь. – 1995. – № 7.
4. Состояние планеты. – София, 2001.
5. Ганчев П. Глобализация цивилизации и необходимость новых форм философии // Вопросы философии. – 2007. – № 8.
6. M. Carley and J. Christie, Managing Sustainable Development, Minneapolis: University of Minnesota, Press, 1993.

СІСТЭМНАЯ ТРАНСФАРМАЦЫЯ СЕЛЬСКОЙ ГАСПАДАРКІ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ ў 1921-1939 гг.

В.П. Гарматны

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, г. Мінск, Беларусь

У выніку падпісання 18 сакавіка 1921 г. Рыжскай мірнай дамовы амаль палова беларускіх зямель апынулася ў складзе Польшчы (II Рэчы Паспалітай). Паводле сельскагаспадарчага перапісу 1921 г. бяднейшыя слаі сялянства (з надзелам да 10 га) налічвалі ў Заходняй Беларусі 284 706 двароў, што складала 80,15% агульнай колькасці насельніцтва. Сярэдні памер зямельнага надзела такіх сялян складаў 4,93 га: 5,78% сялянскіх гаспадарак мелі зямлі менш за адзін гектар, 7,9% – ад 1 да 2 га, а ў гэты ж час 5987 мясцовых памешчыкаў валодалі 2 948 305 га зямлі (55,21% зямельнага фонду).

Тэрыторыя Заходняй Беларусі ўвайшла ў склад чатырох ваяводстваў: Палескага, Навагрудскага, Віленскага і Беластоцкага. На гэтыя землі польскія ўлады на падставе закона аб асадніцтве ад 17 снежня 1920 г. пачалі перасяляць вайсковых асаднікаў (перасяленцаў-каланістаў з карэннай Польшчы, якія пад час савецка-польскай вайны 1919-1921 гг. ваявалі ў шэрагах Войска Польскага) [7, s. 268; 9, s. 433]. У распараджэнні старшыні Галоўнай зямельнай управы ад 23 сакавіка 1921 г. тлумачылася, каго закон разумеў пад салдатамі польскай арміі – гэта шэрагоўцы, афіцэры, генералы, служачыя польскай арміі і падраздзяленняў добраахвотнікаў (апалячэнцаў), якія неслі вайсковую службу не менш чатырох месяцаў – усе яны мелі права на бясплатнае атрыманне асады (надзела зямлі на "Крэсах Усходніх"). Згодна з законам, не маглі атрымаць зямлю салдаты, якія былі пакараны за дзэзертырства, злачынства супраць узброеных сіл польскай дзяржавы ці тыя, хто самавольна бралі ў карыстанне чужыя землі [2, с. 68-69].

У планах сістэмнай трансфармацыі сельскай гаспадаркі (на аснове законаў аб аграрнай рэформе, прынятых Сеймам Другой Рэчы Паспалітай 7 мая 1920 г. і 10 студзеня 1922 г.) [5, 1920, № 42; 1922, № 10] прадугледжвалася ліквідацыя сервітутаў (сумеснага зямельнага карыстання сялян і памешчыкаў) добраахвотным ці прымусовым шляхам. Сяляне пазбаўляліся адвечнага права карыстацца агульнымі пастбішчамі, выганамі, збіраць у лесе грыбы і ягады і г. д. За талон на права збору грыбоў, ягад і нават моху вяскоўцам патрэбна было заплаціць па 2-3 і больш злотых. Калі ж ляснік павіў селяніна ў лесе і той не меў талона, то за гэта бралі вялікі штраф. Варта адзначыць, што сяляне знайшлі выйсце з гэтай сітуацыі – куплялі сумесна на вёску некалькі такіх талонаў і хадзілі ў лес па чарзе.

Пры правядзенні аграрнай рэформы дзяржаўцы імкнуліся перадаць сялянам замест сервітутных зямель раўназначны надзел такіх жа памераў ці меншы, але з лепшаю якасцю зямлі. Нягледзячы на гэтыя намаганні, усё роўна пры ліквідацыі зямельных сервітутаў польскім уладам не ўдалося пазбегнуць канфліктаў з мясцовым сялянствам [1, с. 36]. Такім чынам, ліквідацыя сервітутаў стала самай супярэчлівай часткай сістэмнай трансфармацыі сельскай гаспадаркі Заходняй Беларусі – з аднаго боку, ўпарадкоўваліся зямельныя адносіны, але з другога боку, парушаўся звыклы лад жыцця заходнебеларускай вёскі (асабліва на Палессі, дзе асабістыя сялянскія надзелы выступалі ў якасці дадатка да сервітута) [2, с. 88]. Сялянам становілася вельмі цяжка трымаць каня, карову і нават свойскіх птушак.

Сялянства Заходняй Беларусі выступала рэзка супраць скасавання сервітутаў, бо пры гэтым страчвала значна больш, чым атрымоўвала ўзамен: каля 75% сервітутных зямель пераходзіла ва ўласнасць мясцовых памешчыкаў і асаднікаў, таму ліквідацыя сервітутаў праходзіла пераважна ў прымусовым парадку. З 1923 г. па 1938 г. 115 700 гаспадарак Заходняй Беларусі страцілі сервітуты, узамен якіх сяляне ў якасці кампенсцыі атрымалі 189 000 га зямлі і 127 100 злотых.

Погляды лідараў ПНП-“Пяст” (“людзаўцаў”) Вінцэнта Вітаса і ННС (“эндэкаў”) Рамана Дмоўскага на аграрную рэформу не супадалі, з-за чаго ім не ўдалося стварыць кааліцыю ў Сейме 1922 г. Свае супярэчнасці выбітныя польскія палітыкі змаглі вырашыць 13 мая 1923 г. на сустрэчы ў Ланцкароне, маёнтку сенатара Людвіка Гамерлінга, дзе яны заключалі часовы і даволі нетрывалы кампраміс (так званы “Ланцкаронскі пакт”) [4, s. 131; 7, s. 268]. На працягу 1925 г. канчаткова аформіўся саюз паміж ПНП-“Пяст” і ННС, да якіх далучылася ППС (PPS, Польская Партыя Сацыялістычная), якія імкнуліся вырашыць зямельнае пытанне ў краіне шляхам прыняцця і выканання закона аб аграрнай рэформе [3, с. 74].

У снежні 1924 г. урад Уладзіслава Грабскага (ННС) выступіў з новым законапраектам па аграрнаму пытанню, паводле якога прадугледжвалася адчужэнне без выкупу памешчыцкіх зямель Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны на карысць вайсковых і грамадзянскіх асаднікаў [1, с. 29]. 26 ліпеня 1925 г. Сейм Другой Рэчы Паспалітай пры падтрымцы праўрадавых партый ППС і ПНП-“Вызваленне” адхіліў законапраект левых і прыняў “Закон аб правядзенні зямельнай рэформы” [6, s. 215], які ўвайшоў у гістарыяграфію як “Закон аб парцэляцыі і асадніцтве”.

28 снежня 1925 г. Сейм II Рэчы Паспалітай прыняў канчатковы варыянт аграрнай рэформы [5, 1926, № 1; 9, s. 434]. Новы закон фактычна адмяніў зямельную рэформу 1920 г. і стаў асноваю далейшай аграрнай палітыкі. Аграрная рэформа складалася з насаджэння вайсковага і цывільнага асадніцтва, ажыццяўлення парцэляцыі (распродажу памешчыцкай зямлі невялікімі надзеламі – парцэламі), правядзення камасацыі (хутарызацыі) і ліквідацыі сервітутаў. Паводле закону “зямельнае ўпарадкаванне Рэчы Паспалітай Польскай будзе абапірацца на моцныя, здаровыя, здольныя да інтэнсіўнай вытворчасці гаспадаркі рознага тыпу і памеру, прадстаўляючыя прыватную ўласнасць іх уладальнікаў” [5, s. 2, art. 1]. Гэта азначала далейшую трансфармацыю сельскай гаспадаркі Заходняй Беларусі на капіталістычнай аснове.

Закон ад 28 снежня 1925 г. афіцыйна замацаваў механізм продажу памешчыкамі часткі сваіх зямель. Парцэляцыі падлягалі маёнткі, што належалі раней прадстаўнікам дынастыі захопніцкіх дзяржаў, Рускаму Сялянскаму банку, царкве, ліквідаваным манастырам, іншаземцам, набытыя пад час вайны пры дапамозе ліхварства і зямельнай спекуляцыі [1, с. 30]. Парцэляцыя магла праводзіцца прыватнымі асобамі і таварыствамі, але пад кантролем дзяржавы. Парцэляваная зямля вызначалася ўрадам на патрэбы “дробных гаспадарак”, але толькі тых, якія ўжо маюць зямлю і сродкі яе апрацоўкі і здольны паспяхова весці далей гаспадарку (артыкул 51). Батракі распарцэляваных маёнткаў маглі набыць за грошы надзелы зямлі, якія яны раней апрацоўвалі, альбо кампенсцыю ад сваіх былых уласнікаў у памеры 500 злотых. Праз месяц пасля спынення працы ў памешчыка батракі павінны былі вызваліць свае пакоі.

Парцэляцыя павінна была праходзіць добраахвотна, але не бясплатна – разглядаемы закон дапушчаў магчымасць адчужэння прыватных зямель праз выкуп па кошту, вызначаным урадам, прадугледжваў пашырэнне прывілеяў памешчыкаў і свабодны продаж зямлі па рынкавым кошце [3, с. 75].

Памешчык меў права самастойна выбіраць надзел зямлі пад правядзенне парцэляцыі – зразумела, што гэта была зямля горшай якасці. Законам прадугледжвалася парцэляцыя 200 000 га зямлі штогод (на працягу першых дзесяці гадоў, артыкул 11). Калі на працягу года ў краіне прадавалася менш 200 000 га памешчыцкай зямлі, то дзяржава прымушова пускала на продаж частку зямель буйных маёнткаў па рынкаваму кошту, каб сяляне набывалі штогод не менш 200 000 га. Парцэляваныя надзелы прадаваліся надзеламі да 20 га ў велікапольскіх землях і да 35 га ў Заходняй Беларусі і Заходняй Украіне (артыкул 50, параграф 1).

Памешчыкі захоўвалі зямельны надзел у памеры 60 га каля прыгарадаў буйных гарадоў, а ў іншых раёнах Польшчы гэты памер складаў 180 га (артыкул 4). У сувязі з тым, што на "Крэсах" гаспадарка была больш экстенсіўная і польскія памешчыкі разглядаліся ў якасці апоры цэнтральнай улады, то тут максімум складаў 300 га (калі ў маёнтку налічваліся прадпрыемствы для перапрацоўкі сельгаспрадукцыі, то максімум павялічваўся да 1 000 га) [8, s. 302]. Разам з тым у законе адзначалася, што маёнткі высокай сельгасгаспадарчай культуры, з пункту гледжання меліярацыі, прадукцыйнасці і тэхнічнай, забяспечанасці, парцэляцыі не падлягалі. Уласнасцю памешчыкаў заставаліся таксама сады, лясныя масівы плошчаю звыш 50 га (на "Крэсах Усходніх" – звыш 100 га), рыбныя сажалкі плошчаю звыш 3 га і іншыя вадаёмы – звыш 20 га. Агульная плошча зямель, не падлягаючых парцэляцыі, складала для ўсёй Польшчы 600 000 га.

Закон аб аграрнай рэформе 1925 г. у параўнанні з законам ад 15 ліпеня 1920 г. ствараў для памешчыкаў больш спрыяльныя асновы для парцэляцыі сваіх маёнткаў, але землеўладальнікі ўсё роўна выступалі супраць страты нават часткі сваіх зямель.

Новы аграрны закон прымаўся ў Сейме ва ўмовах жорсткай міжпартыйнай барацьбы і не быў канчаткова распрацаваны. Як пісаў былы міністр аграрных рэформ Вітольд Станевіч: "закон ад 28 снежня 1925 г. недастатковы і, здаецца, незадавальняе нікога ні справа, ні злева; ён з'яўляецца вынікам вызначанага кампраміса, дасягнутага ў надзвычай жорсткай барацьбе" [2, с. 136].

У плане сістэмнай трансфармацыі сельскай гаспадаркі Заходняй Беларусі прадугледжвалася ліквідацыя цараспалосіцы (камасацыя), што азначала правядзенне масавай хутарызацыі сялянскіх гаспадарак. 31 ліпеня 1923 г. Сеймам выдадзены закон аб камасацыі, але масава яна стала праводзіцца толькі з 1927 г. Для ажыццяўлення работ па правядзенню камасацыі ўлады падбіралі вопытных і спрактыкаваных людзей, пераважна з былых афіцэраў, для якіх адкрываліся 6-месячныя курсы падрыхтоўкі землемераў. Акрамя таго, матэрыяльна заахвочваўся ўдзел у правядзенні камасацыі мясцовых навучэнцаў дарожна-будаўнічых і іншых інжынерных школ.

Сяляне павінны былі плаціць за камасацыю кожнага гектара зямлі ў залежнасці ад яе якасці ад 14 да 20 злотых, а таксама за складанне праектаў меліярацыі, утрыманне землеўпарадкаў, перанясенне дарог і г.д. Таму камасацыя першапачаткова праходзіла марудна. З мэтай паскарэння хутарызацыі 14 студзеня 1927 г. выдадзена сумеснае распараджэнне Міністэрства зямельных рэформ і Міністэрства фінансаў аб аказанні дапамогі сялянам, якія выходзілі на хутары. На 15-гадовы тэрмін выдаваўся крэдыт: 1 200 злотых на перанос будынка і 600 злотых на меліярацыю [9, s. 447].

Да восені 1939 г. на хутары ў Заходняй Беларусі выйшла 259 000 (больш 40%) сялянскіх гаспадарак. Камасацыя была прагрэсіўнай з'явай – садзейнічала ліквідацыі цараспалосіцы, стала лагічным працягам сталыпінскай аграрнай рэформы. Пераход на хутары дазваляў сялянам палепшыць апрацоўку сваёй зямлі, зменшыць колькасць неабходных для яе апрацоўкі працадзён і ўзняць прадукцыйнасць сельскай гаспадаркі.

З ажыццяўленнем польскімі ўладамі ў міжваенны перыяд сістэмнай трансфармацыі сельскай гаспадаркі Заходняй Беларусі паскаралася эканамічная дыферэнцыяцыя мясцовага сялянства і масавае разарэнне яго бяднейшай часткі, што было заканамерным і непазбежным вынікам развіцця капіталістычных адносін. У выніку рэалізацыі аграрнай рэформы памешчыкі хутчэй уцягваліся ў капіталістычныя адносіны, акрамя таго парцэляцыя дапамагала заможным сялянам ствараць асабістыя фермерскія гаспадаркі па прускаму варыянту.

Праведзеныя польскімі ўладамі ў 1920-1930-х гг. у рамках сістэмнай трансфармацыі сельскай гаспадаркі мерапрыемствы часткова абмежавалі памешчыцкае землеўладанне – за 1921-1929 гг. у заходнебеларускіх ваяводствах яно скарацілася прыкладна на 13%, а за 1930-я гг. – яшчэ на 3,7%. У выніку некаторага памяншэння памешчыцкага землекарыстання і значнага абмежавання землеўладання сельскай буржуазіі ўзніклі ўмовы дзеля больш хуткага і паспяховага развіцця капіталізму ў заходнебеларускай вёсцы. Разам з тым памешчыцкае землеўладанне захоўвалася, што спрыяла павелічэнню зямельнага голада ў бядняцкіх гаспадарках, колькасць якіх вырасла: калі ў 1921 г. беднякі складалі 62%, сярэднікі – 30%, заможныя – 8% заходнебеларускіх сялян, то ўжо на сярэдзіну 1930-х гг. адпаведна 78-80%, 15-17% і 5%.

Аб зменах, якія адбыліся ў становішчы заходнебеларускіх сялян у міжваенны перыяд, можна атрымаць уяўленне з наступнай табліцы.

СТРУКТУРА ЗЕМЛЕКАРЫСТАННЯ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ ПА ПАМЕРАХ
ГАСПАДАРКІ (1931 г.) [1, с. 40]

групіроўка гаспадарак па колькасці належа- чай ім зямлі, га	у 1931 г.		рост ці памяншэнне ў параўнанні з 1921 гг., %
	колькасць гаспа- дарак, тысяч	адносная колькасць гаспадарак, %	
менш 2 га	57,0	10,3	+15,6
2 – 5	191,2	34,5	+52,1
5 – 10	165,2	29,8	– 0,5
10 – 15	46,7	8,4	няма дадзеных
15 – 50	26,8	4,8	+48,9
звыш 50	3,2	0,6	– 11,1
гаспадаркі вайсковых асаdnікаў	7,0	1,3	няма дадзеных
невядомыя гаспадаркі	57,2	10,3	няма дадзеных

Такім чынам, сістэмная трансфармацыя сельскай гаспадаркі праводзілася ў Заходняй Беларусі з мэтай адраджэння разбуранай Першаю сусветнаю (1914-1918 гг.) і савецка-польскай (1919-1921 гг.) войнамі вытворчасці краю. Аграрная рэформа польскіх улад, праведзеная ў 1920-1930-х гг., расчышчала шлях развіццю капіталізма ў заходнебеларускай вёсцы і садзейнічала павышэнню таварнасці сельскай гаспадаркі. Акрамя таго, адначасова з правядзеннем аграрнай рэформы, польскія ўлады праводзілі і палітыку каланізацыі Заходняй Беларусі праз насаджэнне на свабодных мясцовых ворных землях вайсковых і цывільных асаdnікаў.

Дзякуючы правядзенню польскімі ўладамі мэтанакіраванай сістэмнай трансфармацыі сельскай гаспадаркі Заходняй Беларусі ўжо ў 1929 г. дасягнула даваеннага (1913 г.) ўзроўню развіцця, а потым і значна пераўзышла яго. У вёсцы павялічылася

колькасць сельскагаспадачых машын, пашырылася сфера ўжывання штучных угнаенняў. Разам з тым у выніку дэмаграфічных працэсаў (перанаселенасць вёскі), застою ў прамысловасці, усеагульнага беспрацоўя ўзрастала колькасць дробных гаспадарак і сялянскай беднаты. Аграрная рэформа 1920-1930-х гг. не была даведзена да канца (яе ажыццяўленне спыніла Другая сусветная вайна) і таму не змагла канчаткова вырашыць зямельнага пытання ў Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд.

ЛІТАРАТУРА

1. Кухарев, Б.Е. Сельское хозяйство Западной Белоруссии (1919-1939 гг.) / Б.Е. Кухарев. – Минск: Вышэйшая школа, 1975. – 112 с.
2. Сорокин, А.А. Аграрный вопрос в Западной Белоруссии (1920-1939 гг.) / А.А. Сорокин. – Минск: Наука и техника, 1968. – 204 с.
3. Титова, А.А. Позиция Польской Социалистической Партии по вопросу аграрной реформы в 1924-1925 годах / А.А. Титова // Советское славяноведение, 1984. – № 6. – С. 72-76.
4. Brzoza, Cz. Polska w czasach niepodleglosci i drugiej wojny swiatowej (1918-1945) / Cz. Brzoza. – Krakow: Fogra, 2001. – 424 s.
5. Dziennik ustaw Rzeczypospolitej Polskiej – [Warszawa]; Kancelaria Prezesa Rady Ministrow, 1926. – № 1. – S. 2-19.
6. Historia chłopow polskich / pod redakcją Stefana Inglota. – Wrocław, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1995. – 395 s.
7. Jezierska, A.; Leszczynska, C. Historia gospodarcza Polski / A. Jezierska. – Warszawa, Key Text, 1999. – 560 s.
8. Kostrowicka, I.; Landau, Z.; Tomaszewski, J. Historia gospodarcza Polski XIX i XX wieku / I. Kostrowicka. – Warszawa: Ksiaska i Wiedza, 1975. – 590 s.
9. Odlanicki-Poczobutt, St. Wojewodztwo Nowogrodzkie / St. Odlanicki-Poczobutt. – Wilno: Nakladem Wilenskiej Izby Rolniczej, 1936. – 498 s.

GORBACZOW – WOKÓŁ OKRĄGLEJ ROCZNICY (PRÓBA PRZYPOMNIENIA)

Бартłомiej Garczyk

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Polska.

W marcu bieżącego roku minęła 25 rocznica nominacji Michaila Gorbaczowa na stanowisko sekretarza generalnego KC KPZR. Mimo, iż od tamtego wydarzenia minęło ćwierć wieku, problematyka dezintegracji Związku Radzieckiego i państw bloku socjalistycznego – a w efekcie rozpad *bipolarity* – nadal wywołują dyskusje. Gorbaczow przyczyniając się do zmiany konstelacji politycznej świata, przeszedł tym samym do annałów historii, stając się jednym z głównych autorów historycznych przemian XX wieku. Można spotkać się również z twierdzeniem, że jeśli jednostka może mieć wpływ na bieg historii to niewątpliwie był nią on [4]. Dzisiaj, mimo ukończenia blisko osiemdziesięciu lat, ostatni przywódca ZSRR nadal uczestniczy w życiu publicznym oraz politycznym, choć jego działalność została mocno zmarginalizowana. Niemniej jednak, Gorbaczow pełni funkcję honorowego przewodniczącego Rosyjskiej Partii Socjaldemokratycznej; jest założycielem międzynarodowej organizacji ekologicznej

Green Cross International [9] a także założycielem Niezależnej Demokratycznej Partii Rosji, która względem Władimira Putina, przyjęła politykę „uprzejmej opozycji” [1]. Gorbaczow również wiele podróżuje, odczytując wykłady na europejskich i amerykańskich uczelniach, podobno bierze także udział w kontrowersyjnych spotach reklamowych [6].

Na temat osoby i działalności Gorbaczowa napisano już wiele*. Publicyści i biografowie, mniej lub bardziej przychylnie, oceniają przebieg i skutki zainicjowanych przez niego reform. Często stawia się pytanie – czy Gorbaczow zdawał sobie w pełni sprawę z tego jakie siły uruchomił? Adam Michnik stwierdził, że wydarzenia przerosły Gorbaczowa. Jego zdaniem, Gorbaczow nie przewidział wielu skutków zdarzeń, które niechcący sprowokował. Był niekonsekwentny. Nie rozumiał całej dynamiki wzrostu popularności Borysa Jelcyna i spraw narodowych, dlatego popełniał błędy [10]. W podobnym duchu wypowiedział się Włodzimierz Marciniak, który uważał że Gorbaczow nie zdawał sobie sprawy z gigantycznego charakteru zachodzących zmian. Raczej – twierdził – musiały istnieć plany częściowych reform systemu, nie mógł natomiast istnieć całościowy plan naprawy. „Pierestrojka nie była jednakże chłodnym i wy kalkulowanym planem, ale raczej straceńczym skokiem w nieznane. Skok taki mógł wykonać tylko prostolinijny i w znacznym stopniu naiwny człowiek. Przede wszystkim wierzący, że można wrócić do źródeł i w sposób twórczy odczytać marksizm – leninizm” [5, s. 110]. Nie ulega wątpliwości, że Gorbaczow nie chciał demontować systemu, chciał go jedynie usprawnić. Wiedział w jak fatalnym stanie znajduje się państwo, ale czy do końca przejrzał jak dalece postąpiła erozja systemu? Wyzwolone procesy wymknęły się spod jego kontroli jednak czy można się temu dziwić?

Abstrahując od zróżnicowanych ocen, należy skonstatować, że to właśnie Gorbaczowi świat zawdzięcza wyprowadzenie wojsk z Europy Wschodniej, zburzenie muru berlińskiego i zniesienie żelaznej kurtyny oraz zjednoczenie Niemiec. Choć nie szczędzi mu się słów krytyki, a dla wielu Rosjan jest symbolem upadku radzieckiego supermocarstwa, to jego wkład w międzynarodowy pokój i odprężenie jest niepodważalny.

W lata osiemdziesiąte ZSRR wchodził w stan stopniowo pogłębiającego się kryzysu gospodarczego i społecznego. Napięcie społeczne dodatkowo zaoğniała trudna sytuacja międzynarodowa będąca konsekwencją zimnowojennej rywalizacji dwóch bloków polityczno – wojskowych. Zastój, który ogarnął niemalże każdą dziedzinę życia społecznego kraju, długie lata był ignorowany przez radzieckie kierownictwo. Propaganda jednak informowała o sukcesach. Już pod koniec lat siedemdziesiątych coraz bardziej był widoczny stan zaco fania ZSRR w stosunku do Zachodu. Niezbędne stały się zmiany, które zwiększyłyby gospodarczą efektywność. Na podjęcie pierwszych śmiałych kroków i unaocznienie społeczeństwu olbrzymiej dysproporcji zdobył się dopiero Gorbaczow.

Gorbaczow był osobą nietuzinkową. Jako pierwszy przywódca radziecki publicznie ujawnił słabości systemu komunistycznego – jako ostatni wierzył jeszcze w komunistyczną ideologię i możliwości socjalizmu [7, s. 5; 122]. Jak trafnie zauważył Adam Daniel Rotfeld,

* Na całym świecie ukazało się wiele książek historycznych, wspomnień, biografii oraz prac publicystycznych. W języku polskim ukazały się dotychczas między innymi: A. Zinowiew, *Gorbaczowizm: czyli rządy iluzji*, Warszawa 1988; J. Smaga, *Era Gorbaczowa?*, Warszawa 1989; A. Coldefy-Faucard i in., *Inny Gorbaczow*, Warszawa 1989; M. Heller, *Słódmy sekretarz. Blask i ędza Michaiła Gorbaczowa*, Lublin 1993; M. F. Rakowski, *Gorbaczow: pierwszy i ostatni*, Warszawa 1992; A. Graców, *Gorbaczow*, Warszawa 2003; M. Wilk, *Michaił Gorbaczow*, Łódź 2004.

paradoks Gorbaczowa polegał na tym, że zapoczątkował on upadek radzieckiego imperium całkowicie nieświadomie, co więcej, nie rozumiał do końca nieuchronności dziejowych procesów*. Jeszcze zanim objął najwyższą funkcję w państwie, podczas zagranicznych podróży dał się poznać jako polityk elokwentny i dynamiczny, o analitycznym umyśle. Przykuwał uwagę i wzbudzał sympatię. Umiał kontaktować się z ludźmi. Nie stwarzał barier komunikacyjnych jak zwykli czynić to jego poprzednicy. Bystrość pozwalała mu znaleźć się w każdej sytuacji [7, s. 9–30]. Zachodnia prasa zwracała uwagę, że jest to nowy typ radzieckiego wodza – wykształcony, inteligentny, dobrze ubrany. „Podziwiano u *Mister Gorbacshoff* wszystko: od modnego krawata, po ogładę i sposób bycia. Zachwyt budziła też europejska sylwetka przyszłej first lady – Raisy Maksimowny – a porównanie z małżeństwem Johna i Jacqueline Kennedy nasuwało się samo” [8, s. 292].

Po objęciu władzy, priorytetem dla Gorbaczowa była zmiana najbliższych współpracowników. Wiedział, iż potrzebni mu są ludzie nowi, myślący podobnie jak on. W tym celu dokonał rotacji personalnych w Biurze Politycznym i poszczególnych resortach, rezygnując z pomocy wysłużonych aparatczyków**. Po tym – swoistym preludium zmian – nastąpiła roczna przerwa, podczas której dokonano krytycznej analizy gospodarczej i politycznej funkcji państwa, której wyniki i wnioski przedstawiono na XXVII Zjeździe KPZR 25 lutego 1986 roku. Zjazd odbył się w 30 rocznicę historycznego XX Zjazdu. Liczono na jego wyjątkowy charakter. W założeniach miał być największym i najbardziej radykalnym programem przeobrażeń od czasu wprowadzenia przez Lenina NEP-u w 1921 r. W wygłoszonym referacie politycznym Gorbaczow sformułował koncepcję przyspieszenia społeczno – gospodarczego i rozwoju społeczeństwa radzieckiego, proklamując oficjalnie triadę: *pierestrojka, głasnost, uskorienije*.

Inicjacja na XXVII Zjeździe reform została poprzedzona krytyczną analizą stanu faktycznego sytuacji politycznej, społecznej i ekonomicznej, jaka wytworzyła się w ZSRR do połowy lat osiemdziesiątych [3]. W gospodarce nastąpił poważny kryzys. Pogłębił się spadek tempa rozwoju i wzrostu dochodu narodowego. Spadła efektywność produkcji i jej jakości – przede wszystkim liczyła się ilość. Pogoń za wskaźnikiem globalnym stała się zadaniem nadrzędnym, wręcz samym w sobie. Wznoszono kosztowne i nierentowne inwestycje. Za najlepsze przedsiębiorstwo uznawano takie, które zużywało najwięcej zasobów pracy, materiałów i pieniędzy. Bogate złoża surowców naturalnych powodowały, iż gospodarka radziecka rozwijała się ekstensywnie. Jednak ekstensywne czynniki rozwoju uległy wyczerpaniu. „Bogate zasoby naturalne i zasoby pracy naszego kraju – pisał w swej poczytnej książce Gorbaczow – rozpieścili nas a nawet zdemoralizowali”. Wysokie nakłady roboczo-godzin, materiałów i surowców przyczyniały się do olbrzymiej materiału i energochłonności radzieckiego przemysłu. Nagminnie praktykowano fałszowanie sprawozdań. Dewizy płynące z eksportu zasobów paliwowo – energetycznych były „przejadane”, przeznaczano je bowiem nie na modernizację i inwestycje, a na bieżące potrzeby.

Stagnacja gospodarcza wpłynęła na inne dziedziny życia społecznego. Kulejąca ekonomia odbijała się na sferze socjalnej państwa. Od początku istnienia ZSRR – jego twórcy

* A. Rotfeld, ze wstępu do wydania polskiego A. Graczow, *op.cit.*, s. 10 i 13.

** Na miejsce ministra spraw zagranicznych Andrieja Gromyki powołał Eduarda Szewarnadze. Na stanowisku premiera Mikołaja Tichonowa zastąpił Walentin Pawłow. Miejsce ideologa partyjnego zajął Aleksander Jakowlew.

manifestowali fakt, że ustawa zasadnicza Związku Radzieckiego, jako pierwsza w świecie zawierała bogaty i szeroki katalog praw socjalnych. Rosjanie chętni się, że jako pierwsi stworzyli system prawny, urzeczywistniający sprawiedliwość społeczną i żądania ludzi pracy. Jednak w ZSRR zastój ekonomiczny poważnie zaciążył na sferze socjalnej. System nie nadążał z zaspokajaniem elementarnych potrzeb takich jak: mieszkania i konsumpcja. Występowały trudności w służbie zdrowia i oświacie. „Powstawała absurdalna sytuacja. Ogromna skala produkcji stali, surowców, paliw i energii, w której to ZSRR od dawna nie ma sobie równych i jednocześnie – ich brak (...) Jedno z pierwszych miejsc na świecie pod względem produkcji zboża – i konieczność dokupywania co roku milionów ton zboża na pasze. Największa liczba lekarzy i miejsc szpitalnych (...) i jednocześnie poważne niedociągnięcia, pogorszenie jakości opieki lekarskiej. Nasze rakiety (...) lecące na spotkanie z planetą Venus, a obok tego triumfu myśli naukowo – technicznej, wyraźne pozostawanie w tyle, jeśli chodzi o wykorzystanie osiągnięć naukowych dla potrzeb gospodarki narodowej”. Sukcesy w dziedzinie kosmonautyki i zbrojeń nie miały odbicia na rynku konsumpcyjnym. Nawarstwiający się problemy socjalne przekładały się na kondycję społeczeństwa radzieckiego. Nieustanne kłopoty z artykułami spożywczymi, usługami, spadek stopy życiowej, wywoływały rozgoryczenie i nadszarpane wartości moralne. Pojawił się alkoholizm, narkomania i przestępczość. Propaganda sukcesu, przepaść między słowami a czynami, hasłami a rzeczywistością zrodziły z kolei społeczną bierność, bezideowość i pospolitość. Zdaniem Gorbaczowa kryzys dotknął także partię, a jej kierownicza rola uległa osłabieniu. Zastój w jej kierownictwie doprowadził do ograniczenia zdolności pracy Komitetu Centralnego oraz aparatu państwowego i partyjnego. Organy partii znalazły się poza wszelką kontrolą, co było przyczyną uchybień, korupcji i nadużywania władzy. Brak dyscypliny i poczucia odpowiedzialności był maskowany fasadowymi imprezami i masowym rozdawnictwem odznaczeń i nagród. Z dnia na dzień powiększał się rozdziew między rzeczywistością, a rzekomym dobrobytem.

Zainicjowana przez Gorbaczowa „przebudowa” była pojęciem złożonym. Odnosiła się bowiem do całokształtu życia społecznego kraju, a także zawierała wytyczne co do polityki zagranicznej i stosunku ZSRR do świata zewnętrznego – była próbą remontu systemu w obszarach gospodarki, polityki i społeczeństwa. Według Gorbaczowa *pierestrojka* była kontynuacją i pogłębieniem „wielkiego października”, stąd wynikał jej rewolucyjny charakter. Źródłem, z którego czerpał Gorbaczow był niewątpliwie Lenin. Niemalże każdy aspekt planu przebudowy miał swoje odniesienie w jego dziełach. Gorbaczow wielokrotnie podkreślał, że to właśnie sięgnięcie do spuścizny Lenina zainspirowało partię a bez Lenina nie byłoby przebudowy. „Takich rewolucji, które po ich wywalczeniu można było by włożyć do kieszeni i spocząć na laurach, w historii nie było” [3, s. 61]. Według autora *pierestrojki* reformy były nagłą koniecznością. Aby im sprostać należało przywrócić zasady socjalizmu, a co za tym idzie zasady demokracji. Jak już wspominałem Gorbaczow nie zamierzał odchodzić od socjalizmu. Zmiany miały być przeprowadzone w socjalistycznym duchu. „Tych, którzy liczą na to, że zboczymy z drogi socjalizmu, czeka gorzkie rozczarowanie” [3, s. 42]. Reformy miały uruchomić powszechną demokratyzację życia, która była warunkiem sprowadzenia socjalizmu na właściwe tory. „Potrzebny jest nam nie czysty, doktrynerski i wydumany socjalizm, lecz realny, leninowski”. A według Lenina „socjalizm i demokracja są nierozdzielne” [3, s. 36, 124].

Demokratyzacja miała ogarnąć całe życie polityczno – społeczne, jego wszystkie aspekty i przejawy. Z demokracją ściśle związana została *glasność* – jeden z fundamentalnych filarów przebudowy. *Glasność* miała na celu wprowadzić w życie społeczne, gospodarcze i polityczne jawność decyzji i działań, a także zlikwidować monopol informacyjny partii. Odtąd

odpowiedzialna krytyka miała stać się nieodłączną częścią życia społeczeństwa. Słynne gorbaczowowskie – „więcej światła” – umożliwiło wprowadzenie krytyki jako nowego instrumentu politycznego. Legalizacja krytyki była z kolei rodzajem kuracji wstrząsowej i cierpkiego leku. *Głasność* ożywczo wpłynęła głównie na politykę i kulturę, wprowadzając pluralizm, wolność słowa, informacji i twórczości.

W sferze gospodarczej przebudowa inicjowała między innymi *uskorzenie* – przyspieszenie społeczno gospodarcze rozwoju kraju. W założeniu, koncepcja przyspieszenia zakładała rozwój przemysłu, elektroniki i elektrotechniki, zwiększenie nakładów inwestycyjnych w przemyśle oraz podniesienie wskaźnika wzrostu dochodu narodowego. Nowa polityka gospodarcza miała za zadanie zreformować zcentralizowaną strukturę gospodarki ZSRR – zastąpić administracyjne metody zarządzania ekonomicznymi, wprowadzić szeroką demokratyzację zarządzania, rozszerzyć samodzielność funkcjonowania spółdzielni i przedsiębiorstw, przedstawiając je na własny rozrachunek oraz doskonalić i intensyfikować metody i formy pracy wykorzystując postęp naukowo techniczny [3, s. 38–39].

Animatorzy *pierestrojki* wytyczyli sobie ogromne zadanie. Dzisiaj wielu autorów krytykuje ówczesne założenia twierdząc, iż w większości były utopijne. Wydaje się, że jakakolwiek racjonalna próba naprawy nie mogła się powieść przy zastosowaniu połowicznych metod. Efektywność wymagała podjęcia generalnej restrukturyzacji, na którą ekipa Gorbaczowa nie miała odwagi i nie mogła się zdecydować. Zarzut Michnika niekonsekwencji wobec Gorbaczowa, miał swoje uzasadnienie. Gorbaczow deklarując potrzebę pluralizmu form własności nie zdobył się na uznanie prawa rolnika do własności prywatnej. Deklarując prawo do pluralizmu w polityce, nie zakwestionował kierowniczej roli partii. Co więcej, powstaje zasadnicze pytanie: czy mogła udać się przebudowa, której ideowym źródłem uczyniono spuściznę Lenina?

Pierestrojka, zanim zdążyła się na dobre rozwinąć, już zyskała sobie przeciwników. Otóż jawność i demokratyzacja pozbawiła biurokrację najpotężniejszego oręża, jakim był dostęp do informacji. Ponadto radykalna reforma była wówczas niczym innym jak odstępstwem od dotychczasowej linii – wręcz herezją [7, s. 32, 95]. W tej sytuacji zhierarchizowana kadra poddała pod wątpliwość słuszność dalszych reform. Ambiwalentnie reagowało społeczeństwo. Część – głównie rosyjska inteligencja – początkowo była zafascynowana Gorbaczowem, widząc w jego działaniach realną szansę na zaktywizowanie społeczeństwa. W republikach tworzone fronty ludowe na rzecz poparcia *pierestrojki*. Rosyjska inteligencja zyskiwała otwarcie na świat, dostęp do informacji, swobodę mówienia i tworzenia [2, s. 194]. Natomiast pozostała część społeczeństwa nie rozumiała haseł Gorbaczowa. W końcowej fazie istnienia ZSRR, kiedy przebudowa prócz demokracji i pogorszenia warunków życia nie przyniosła spodziewanych efektów, zawiedzione społeczeństwo odwróciło się od niego. Smutną ilustracją spadku popularności Gorbaczowa był fakt, iż człowiek dekady, laureat pokojowej nagrody Nobla w wyborach prezydenckich w 1996 r., zdobył zaledwie 0,5 % głosów*.

LITERATURA

1. Baczyński, J. Byłaby wielka wojna, „Polityka” 26.10.2009, nr 44.
2. Chłopecki, J. Dezintegracja czy transformacja?, w: W. Bonusiak, K. Z. Sowa (red.), Rosja. Kontynuacja czy punkt zwrotny?, Rzeszów 1994, s. 194.

* W styczniu 1990 r., *Time* ogłosił Gorbaczowa człowiekiem dziesięciolecia.

Результаты и обсуждение

Ландшафтно-биологическое разнообразие и особенности природопользования среди других областей Беларуси выделяют Брестчину по более чем 80-ти раритетным позициям, или показателям, экологического рейтинга [1, 2, 3]. Относительно высокий экологический рейтинг служит удачной предпосылкой для развития природного потенциала и в туристической сфере. Природный туризм – один из прогрессирующих направлений в развитии польской и украинской частей Еврорегиона «Буг» [4, 5]. В Брестской области в последние годы достаточно активно развивается сеть субъектов агротуризма. На конец 2008 г. насчитывалось более 70-ти субъектов агротуризма – от усадьбы (туристического комплекса) «Рынкаўка» вместимостью в несколько десятков гостей до небольших (для 3-4-х гостей) агрокоусадеб [1].

Ландшафтно-пейзажная респектабельность агротуристических субъектов существенно различается. Есть субъекты, расположенные в городской застройке (Пружаны). Преобладающую часть составляют субъекты в окружении сельской застройки, агроландшафта и в разной мере представленности естественного ландшафта.

Отмечается заметное тяготение субъектов агротуризма к особым природным территориям. По состоянию на конец 2008 г. из 75 субъектов агротуризма [1] 37 из них (50%) располагались в непосредственной близости от национального парка «Беловежская пуща», республиканских ландшафтных заказников «Стронга», «Выгонощанское», «Споровский», «Званец», «Средняя Припять», биосферного резервата «Прибужское Полесье», республиканского памятника природы «Дубое», местного заказника «Бугский».

В ландшафтном отношении большинство агрокоусадеб открываются видом или размещены вблизи рек: больших (Припять), средних (Щара, Мухавец, Ясельда, Пина, Льва, Цна, Мышанка), малых (Волхва, Смердь, Белая, Лесная Правая, Лесная, Самаровка, Шевня, Жабинка, Спановка, Копаявка, Градовка, Середовая, Сервечь). На Днепробугском канале расположены 3 агрокоусады. На больших водохранилищах расположены также 3 агрокоусады. На побережьях или вблизи озер Споровское, Сомино, Бобровицкое расположены 5 агрокоусадеб.

Ручьи Кречет, Павлиновский, Шестаковский, а также мелиоративные каналы протекают около 13 агрокоусадеб. Всего 5 агрокоусадеб (3,75%) оказались «безводными». За исключением небольших родников в 0,5-2 км, водные источники здесь не выражены. Возле пойм рек, ручьев и озер, небольших болотцев или крупных болотных массивов (мелиорированных или естественных) расположены практически все агрокоусады.

Возле крупных лесных массивов (Беловежского, Барановичского, Телеханского, Ружанского, Брестского, Лунинецкого) расположено около 25% усадеб. В безлесной местности расположено менее 10% усадеб.

Большинство агрокоусадеб расположено в природной среде, отражающей типичные ландшафтно-географические особенности Предполесья и Полесья. Биологическое естественное разнообразие представлено лесными, луговыми, болотными, водными сообществами, а также их антропогенными аналогами: парками, лесопарками, агроудьями, искусственными водотоками и водоемами.

На наш взгляд, элементарной административно-хозяйственной единицей, которая в наиболее оптимальной мере благоприятствует гармоничному прогрессу агротуризма, социально-экономической сфере села, интересам людей, следует считать агрокоусаду. Процесс становления и развития агрокоусады непростой и сопряжен с рядом сложностей: материальных, административных, ментальных и др.

Агроэкоусадебное движение, поддерживаемое нормативно-правовыми документами распорядительного характера государственных и местных органов управления, а также государственными программами и общественными организациями, находится, тем не менее, в активной фазе развития.

В процессе становления любой агроэкоусадыбы закономерным первоначальным этапом оказывается обеспечение необходимых сервисных условий проживания гостей, прежде всего – жилищно-коммунальных. Далее, чуть раньше или чуть позже, обязательным компонентом успешного и целевого развития агроэкоусадыбы выступает комплекс задач по вовлечению природного потенциала: локального, местного, регионального. Комплекс таких задач разновекторный и разномасштабный, их решение зависит как от самого владельца, так и от иных субъектов: законодательной и исполнительной власти, контролирующих органов, государственных и смежных частных природопользователей.

В процессе знакомства с практической работой агроэкоусадеб, собеседованием с туристами и владельцами выяснилось, что типичные, универсальные проблемы на пути более активного вовлечения природного потенциала в агроэкотуристическую сферу Брестчины следующие.

1. Несовершенство нормативно-правовой базы на право пользования владельцами и гостями агроэкоусадеб природными ресурсами (побочными лесными, рекреационно-информационными, земельными, водными и иными) смежных государственных землепользователей.

Расположенные по периферии и в окрестностях конкретной агроэкоусадыбы угоды иных землепользователей очень часто имеют ведомственные «правила игры» на посещение леса, побережий, плавание на лодках, разведение костров, устройство бивуаков и т.п. Широкий, нередко бессистемный, характер ограничений природопользования в окрестной зоне селений явно нуждается в урегулировании.

2. Невысокий уровень ландшафтно-архитектурной и природно-ландшафтной организации сельских населенных пунктов, малых городов и их окрестностей. Эта комплексная проблема пока находится в ювенальной стадии решения.

3. Отсутствие нормативно-правовой и естественно-экологической основы по поддержанию достаточного ассортимента (резерва) традиционных природных промыслов (ресурсов для личного потребления) в сельской местности.

Эта проблема свойственна не только для агроэкоусадеб, но и для любых приусадебных хозяйств. Определенные перспективы улучшения ожидаются в случае внедрения разработанной в ПАЭИ НАН Беларуси системы упрощенного природопользования (сервитутизации) для коренного населения и их гостей.

4. Недостаток презентабельных и общедоступных площадок и маршрутов для продуктивного и быстрого экскурсионного обозрения природных и краеведческих достопримечательностей особо охраняемых природных территорий (национального парка, заказников, парков-памятников природы) и охраняемых природных территорий (водоохранных и прибрежных полос, особо защитных участков леса и т.п.). Проблема требует консолидированных межведомственных решений.

5. Нарастающие природные сукцессии, затухание приусадебного хозяйства, нивелирующие ландшафтное своеобразие, природно-хозяйственные раритеты, традиционную специфику деревенского быта. Недоучет ландшафтно-географических особенностей природопользования, механическая экстраполяция западноевропейского опыта охраны природы; новая социально-экономическая ситуация на селе стали причинами этой проблемы, которая требует неординарных действий.

6. Отсутствие локальных и местных сетей зеленых маршрутов, недостаток региональных зеленых маршрутов. Предполагается (в качестве модельной территории) в экспериментальных формах внедрить систему зеленых маршрутов в центре Полесья в рамках Государственной программы «Припятское Полесье» в 2010-2012 гг.

7. Невысокий уровень или отсутствие научно-информационного обеспечения (аннотированных каталогов, путеводителей, перечня раритетов, рекомендаций по приусадебному землепользованию, экскурсионному и интерактивному экотуризму) существующих агроэкоусадб. По нашему мнению, каждая агроэкоусадба должна иметь свой «экологический паспорт», персональный бренд и прочие эксклюзивные материалы.

8. Отсутствие прогрессирующего механизма заинтересованности государственных природоохранных учреждений (ГПУ) в развитии агроэкоусадб.

Есть основания предполагать, в случае возможного включения в плановую деятельность ГПУ показателя «Число и наполняемость сопредельных агроэкоусадб», экспансивное увеличение агроэкоусадб по периметру всех заказников, национального парка биосферного резервата.

По состоянию на начало в 2009 г. агроэкоусадбами, к сожалению, не были «закрыты» республиканские заказники «Стронго» (северная половина), «Подвеликий мох», «Борский», «Еловский», «Ружанская пуща», «Бусловка», «Радостовский», «Луково», «Простырь», «Тырвовичи», «Выгонощанское» (восточная половина), «Средняя Припять» (западная половина), «Прибужское Полесье» (южная половина), «Званец» (южная половина).

9. Ограничения в создании «петних агроэкоусадб».

В удаленных живописных местностях нередко удручающие сюжеты ухода в полный упадок добротных строений вымирающих малых деревень и хуторов. Из-за низкой дорожной и иной инфраструктуры, ведение какого-либо хозяйства здесь нерентабельно. Альтернативой полного вымирания малых деревень и хуторов могли бы стать для этих типов селений сезонные агроусадбы, факультативно управляемые владельцами недвижимости, независимо от их местожительства. Реализация такого подхода могла бы способствовать решению и смежных проблем: упорядочению садово-огородных товариществ; доступности отдыха для малоимущих слоев населения, детей и юношества; возрождения реального патриотизма.

10. Отсутствие постоянного и доступного центра научно-консультационного содействия по агроэкологическим вопросам. Такие центры могли бы состояться при общественных советах по агроэкотуризму.

Таким образом, на наш взгляд, выглядит первая десятка проблем на пути использования природного потенциала в агроэкотуризме белорусской части Еврорегиона «Буг».

Решение указанных проблем инициативно или при содействии общественных и государственных и других учреждений несомненно будет способствовать повышению агроэкотуристического рейтинга белорусской части Еврорегиона «Буг» в национальном и международном соизмерении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грибов, Г.М. Развитие агроэкотуризма в Брестской области в 2009-2010 гг. (концептуальные основы) / Г.М. Грибов, В.Т. Демянчик, В.С. Мисиук, Н.И. Шайко – Брест, 2008. – 36 с.

2. Демянчик, В.Т. Михальчук Н.В., Самусевич В.П. Природа Брестчины на рубежах столетий. – Брест, 2001. – 170 с.

3. Демянчик, В.Т. Полесская робинзонада : экспедиционная полевая практика по экологическому краеведению : пособие для студ. биол. и геогр. специальностей высш. учеб. заведений / В.Т. Демянчик, М.Г. Демянчик ; Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина. – Брест: Альтернатива, 2007. – 49 с.

4. Можливості міжнародної співпраці у галузі охорони природи і впровадження зрівноваженого розвитку на новому етапі програмування Європейської Спільноти (2007-2013) / под ред. І. Козак – Люблін, 2007. – 114 с.

5. Anasiewicz A. et.al. Tyrystyka przyrodnicza w regionie lubelskim. – Lublin. 2007. – 25 s.

KORUPCJA JAKO PROBLEM SPOŁECZNY, GOSPODARCZY I POLITYCZNY

Marta Dyszkiewicz

Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

Wprowadzenie

Korupcja to jedno z najpoważniejszych przestępstw we współczesnym świecie. Zjawisko to nie omija żadnego Państwa, czy systemu. Jest bardzo poważnym problemem, z którym stykają się zarówno kraje bogate, jak i biedne. Walka z nią jest więc jednym z podstawowych wyzwań, przed jakimi stoją rządy tych państw. Korupcja pojawia się tam, gdzie pojawia się rozróżnienie podziału na dobro publiczne i interes prywatny. Możemy zmieniać, doskonalić normy etyczne, przepisy prawne powoływać nowe instytucje do walki z tą patologią, lecz to od nas i od naszej postawy zależy czy uciekniemy od tego zjawiska.

Powszechnie uważa się, że korupcja jest niczym innym jak wręczeniem tzw. „koperty”, czyli łapówki. Nic bardziej mylnego. Pojęcie to ma wiele znaczeń i skonstruowanie definicji korupcji sprawiło ekspertom niesłychanie wiele problemów. Nie istnieją wspólne, dla wszystkich państw oraz instytucji zajmujących się tym zagadnieniem, zasady analizy zakresu, przyczyn i natury korupcji. Rozumienie tego słowa zależy zarówno od perspektywy badawczej, jak i od instytucji czy państwa je sterujących. Inaczej jest to rozumiane z punktu widzenia psychologii, socjologii, etyki, historii czy prawa. Inaczej zagadnienie to będzie wyglądać w ujęciu prawnym, a inaczej w administracyjnym czy gospodarczym.

Istota i rodzaje korupcji

Pierwotnie nazwa korupcja oznaczała psucie się, gnicie, rozkład moralny, potem włączono w jej zakres znaczeniowy pojęcie łapownictwa jako podstawowego przejawu zachowania korupcyjnego. W obecnym zastosowaniu prawnym oraz w codziennej percepcji jest pojęciem szerokim, utożsamianym z różnorodnym zakresem zachowań, zjawisk, praktyk i sytuacji. Pierwszą i jedyną legalną definicję korupcji zawiera obecnie art. 1 pkt 3 ustawy z dnia 9 czerwca 2006 r. o Centralnym Biurze Antykorupcyjnym (Dz.U. 2006 nr 104 poz. 708), który stanowi, że korupcją, w rozumieniu tej ustawy, jest obiecywanie, proponowanie, wręczanie, żądanie, przyjmowanie przez jakąkolwiek osobę, bezpośrednio lub pośrednio, jakiejkolwiek nienależnej korzyści majątkowej, osobistej lub innej, dla niej samej lub jakiejkolwiek innej osoby, lub przyjmowanie propozycji lub obietnicy takich korzyści w zamian za działanie lub zaniechanie działania w wykonywaniu funkcji publicznej lub w toku działalności gospodarczej. Najprostsza definicja korupcji to „wykorzystywanie władzy publicznej dla celów prywatnych” [7]. Tę definicję należy jednak uściślić, wskazując, że stanowiska publiczne obejmują - w kontekście korupcji - wszelkie urzędy, gdzie można uzyskać owe korzyści od innych ludzi.

Chodzi więc przede wszystkim o polityków i urzędników państwowych, ale nie tylko – również lekarzy, od których zależy dostęp do pieniędzy podatników, egzaminatorów na uczelniach, dziennikarzy czy przedsiębiorców.

Proces rozwoju korupcji był bardzo długi i to właśnie on spowodował, że obecnie rozróżniamy kilkanaście typów tego zjawiska:

- korupcja administracyjna. Jest ona związana ze świadczeniem pozaekonomicznych usług w zakresie oświaty, służby zdrowia, opieki społecznej. Występuje ono w różnych działach administracji publicznej. Przykładami tego typu korupcji mogą być: wpływanie na treść decyzji administracyjnej, przyznanie kredytu, legalizacja pojazdów, wydawanie uprawnień i zdawanie egzaminów państwowych;

- korupcja gospodarcza. Są to tylko te akty przekupstwa i sprzedaży, które mają miejsce w życiu gospodarczym państwa. Sektor gospodarki, w szczególny sposób jest uzależniony od decyzji instytucji państwowych i społecznych. To w szczególny sposób sprzyja kwitnięciu korupcji. W przypadku takiego typu korupcji, popełnianie przestępstwo ma na celu zjednanie osoby pełniącej funkcję publiczną dla swoich celów, osiągnięcie zysków materialnych z działalności gospodarczej. Cechą tego typu korupcji jest jej "długotrwałość" - czas trwania działalności korupcyjnej jest uzależnione od czasu trwania współpracy między dającym i biorącym. To przestępstwo najczęściej jest prowadzone pod pozorem legalnych operacji gospodarczych, finansowych, handlowych;

- korupcja wyborcza. Ma miejsce wówczas, gdy zachodzi przekupstwo i sprzedażność w związku z wyborami do władz publicznych i ma na celu wywarcie wpływu na sposób głosowania;

- korupcja polityczna. Jest nią akt przekupstwa i sprzedaży, związany z przejęciem władzy państwowej lub jej utrzymaniem. Może być ono realizowane przy pomocy: nagród, stypendiów naukowych, darów, zapomóg, sponsorowania. Jest oferowaniem stanowisk i korzyści w sektorze publicznym gospodarki. Korupcja polityczna jest nieformalnym wynagrodzeniem polityków za wykorzystanie ich wpływów lub poparcie w konkretnych sytuacjach, np. zajmowanie miejsc w radach nadzorczych, pobieranie wynagrodzeń bez świadczenia pracy, diet i innych apanaży czy korzyści tylko z tytułu pozostawania w określonym układzie władzy państwowej;

- korupcja samorządowa. Jest to oferowanie stanowisk i korzyści dla polityków lub urzędników w sektorze powiązanych z gospodarką komunalną i usługami na rzecz miast i gmin. Ten rodzaj korupcji jest bardzo rozpowszechniony w związku z faktem, iż większość spraw związanych z realizacją inwestycji czy obsługą mieszkańców jest załatwiana na szczeblu lokalnym.

- korupcja legislacyjna. Jest to wpływanie na kształt ustawodawstwa w zamian za korzyści dla parlamentarzystów. Zjawisko to jest ściśle powiązane z lobbieniem, ale występuje tylko wówczas, gdy w zamian za poparcie konkretnych rozwiązań następuje określona forma zapłaty nie związana tylko z poparciem wyborczym (np. finansowa w naturze, poprzez specjalne usługi itp.);

- korupcja koncesyjna. Jest to stwarzanie sztucznych barier w celu uzyskania korzyści. Najczęściej jest związana z wydawaniem decyzji administracyjnych przy pozwoleniach, zezwoleniach, licencjach czy koncesjach. Stwarzanie "sztucznych" trudności ma za zadanie wytworzyć u przedsiębiorcy przekonanie, że bez uzyskania specjalnej "pomocy" od urzędnika niemożliwe jest załatwienie sprawy;

- korupcja informacyjna. Polega ona na sprzedaży ważnych informacji będących w posiadaniu władz publicznych, których wcześniejsze posiadanie przez biznes może umożliwić

osiągnięcie specjalnych zysków. Korupcja informacyjna może też oznaczać sprzedaż informacji będących w posiadaniu jednostek prywatnych np. spółek giełdowych, władz giełdy, maklerów, zarządów spółek itp., których wykorzystanie niejawne może narazić pozostałych akcjonariuszy na straty;

- korupcja w zakresie zamówień publicznych. Jest tym rodzajem, który jest najszerzej opisany. Korupcja ta polega na oferowaniu korzyści urzędnikom w zamian za uzyskanie zlecenia lub zamówienia. Korupcja w zakresie zamówień publicznych jest bardzo różnicowana i może dotyczyć różnych faz procesu realizacji zamówienia publicznego;

- korupcja w zakresie zamówień prywatnych. Jak okazało się korupcja występuje również w kontaktach pomiędzy firmami prywatnymi. Dotyczy to zwłaszcza nieuczciwości w służbach zaopatrzenia lub zakupów, które często uzależniają zakup towaru od dostawcy, od uzyskania od niego osobistych korzyści. Sytuacje tego typu są bardzo częste np.: w sieciach supermarketów.

Profesor Andrzej Kojder wymienia też trzy rodzaje postaw wobec korupcji: akceptację, przyzwolenie oraz dezaprobatę [3, s. 2]. W naszym kraju, według profesora Kojdera, najczęstsza jest postawa przyzwalająca. „Polacy nadal godzą się na miękkie formy korupcji, takie jak drobna łapówka (niekiedy trudno ją odróżnić od dowodów wdzięczności), protekcyjizm i pośredniczenie w niezupełnie legalnych transakcjach. Z tą postawą idzie w parze przekonanie, że korupcja jest najbardziej rozpowszechniona w handlu i biznesie, administracji, służbie zdrowia i szkolnictwie, a więc w tych dziedzinach, z którymi niemal każdy ma codzienny lub bardzo częsty kontakt.” [4? S. 389]. Odrzucane deklaratywnie są, według profesora Andrzeja Kojdera, wszelkie tak zwane twarde formy korupcji: przekupstwo, sprzedajność, nepotyzm, szantaż, płatna protekcja oraz nadużywanie uprawnień. Nie uznaje się bowiem, iż w trudnych sytuacjach życiowych, mogą one stanowić usprawiedliwioną konieczność. „Oburzenie, które towarzyszy ujawnionym, choć sądownie nie rozliczonym, wielkim aferom, zdaje się świadczyć o tym, że na 'twardą' korupcję nie ma w Polsce społecznego przyzwolenia, ale też nie istnieją jeszcze siły, które zdolne są się jej przeciwstawić.”

Przyczyny korupcji

Trudności następują nie tylko zdefiniowanie korupcji, lecz także określenie jej przyczyn. W dotychczasowych badaniach naukowych wskazano na wiele czynników wywołujących to zjawisko. Wśród nich znalazły się takie dziedziny jak religia, dziedzictwo historyczne czy położenie geograficzne państwa, a także czynniki ekonomiczne i polityczne: poziom rozwoju gospodarczego, wielkość sektora państwowego, forma ustrojowa oraz różne typy instytucji politycznych. Co do większości domniemyanych wyznaczników korupcji wśród badaczy trwa spór. Po pierwsze nie jest zupełnie jasne, czy czynniki te wywołują korupcję, czy raczej z niej wynikają [6, s. 3].

Powodów korupcji jest wiele i nie wszystkie oddziałują z jednakową siłą. Jedne wynikają z wrodzonego przyzwyczajenia, inne z nabytego doświadczenia. Najważniejszą z przyczyn jest niewątpliwie niesprawny system prawny – najczęściej ustawy inspirowane bieżącymi wydarzeniami lub widocznymi patologiami, przygotowane w sposób chaotyczny zawierają luki prawne, które tworzą możliwości korpumpowania. Kolejną z przyczyn jest niesprawna administracja, miernie określone kompetencje pracowników administracji publicznej, praktyczne skupienie władzy, stwarzanie sztucznych barier w celu uzyskania korzyści prywatnej. Stwarza im to dowolność wyboru przy podejmowaniu decyzji, niezależnie od obowiązujących zasad i norm społecznych. Praktyczne rozstrzygnięcie decyzji uzależnione jest od prywatnego zdania, czyli w rzeczywistości przekłada się na uzyskane wpływy, utrzymywane znajomości czy możliwości osiągnięcia prywatnej korzyści.

Często wydaje się nam że „wręczenie koperty” jest jedynym wyjściem z sytuacji. Dzięki temu możemy załatwić wiele ważnych, pilnych i trudnych spraw bez zbędnych procedur. Staje się to powodem naszego przyzwolenia na pierwsze pojedyncze przekupstwo, później na kolejne i jeszcze następne, co z czasem staje się patologią. Rzadko zdarza się, że otwarcie przyznajemy się do naszego działania. Wręcz często krytykujemy to zjawisko, uważając je za negatywne. Zaletą korupcji w oczach obywateli może wydawać się to, że obie strony, zarówno biorący jak i dający uzyskują obopólną korzyść osobistą. Zyskuje zarówno biorący „łapówkę”, jak również dający. Najprostszym przykładem owego myślenia jest wręczanie łapówek lekarzom w celu skrócenia okresu oczekiwania na zabieg, operację czy inne usługi medyczne. Często jednak zapominamy o jednej zasadniczej kwestii: względne korzyści odnoszone są kosztami całego społeczeństwa oraz są niezgodne z prawem i sprawiedliwością społeczną. Posługując się, przykładami wskazanymi przez Magdalenę Środę bądź własnymi, poniższa klasyfikacja przedstawia zawężoną w sensie ilościowym, jednak dość barwną w kontekście językowym, grupę uzasadnień dla zjawisk korupcji:

- uzasadnienie powszechne: „wszyscy to robią”;
- uzasadnienie egzystencjalne: „na tym polega niestety dorosłe życie”;
- uzasadnienie humanitarne: „nie przeżyję z pensji”;
- uzasadnienie altruistyczne: „robię to dla rodziny, a nie dla siebie”;
- uzasadnienie z konieczności: „inaczej się nie da”;
- uzasadnienie obronne: „jak nie będę taki jak wszyscy, to mnie zaszczują i zgine”;
- uzasadnienie solidarnościowe: „inni tak robią, nie będę się wyróżniać”
(w Polsce bardzo nośne);
- uzasadnienie etatowe: „należy mi się godziwa płaca za odpowiedzialną/ ciężką pracę”;
- uzasadnienie gry z wynikiem: „zarówno dający i biorący coś zyskują, nikomu to nie ('dodatnim') szkodzi”;
- uzasadnienie filozoficzne: „skoro nie jest zabronione, to nie jest zakazane, czyli dozwolone”.

Konsekwencje działań korupcyjnych

Korupcja jest z pewnością jednym z największych wyzwań współczesnego świata. Podkopuje rządy, narusza fundamenty polityki społecznej, prowadzi do złej alokacji zasobów, kaleczy sektor prywatny, jednak najczęściej uderza w biednych. Korupcja nie wpływa korzystnie na efektywność, ponieważ kraje, które są nią przesiąknięte tracą w międzynarodowej konkurencji o pomoc finansową i kapitał zagraniczny. Wielu biznesmenów nie chce bowiem ryzykować utraty pieniędzy w takich krajach. Są tacy którzy twierdzą, że zjawisko to nie zawsze jest negatywne i rozróżniają korupcję dobrą i złą. „Dobra jest wtedy, gdy delikatne posmarowanie rączek pobudza leniwego urzędnika do działania; zła – gdy odpłacamy ministrów za poparcie dla biznesowego projektu” [8, s. 56]. Pogląd taki zmusza jednak do zastanowienia się nad smutną sytuacją, gdy trzeba odwołać się do łapówki, aby załatwić sprawę z urzędnikiem, który powinien taką czynność wykonać bez żadnych dodatkowych gratyfikacji. Korupcja najczęściej przynosi korzyść tylko osobom przyjmującym łapówki. Często osoby te nie są w stanie załatwić sprawy, ponieważ to co załatwia się jednego dnia, następnego może być odebrane przez innego bądź tego samego urzędnika. Łapówki jako „zachęty pieniężne” najczęściej jednak nie działają przez przyspieszenie spraw, ale przez spowalnianie aprobaty dla rywali i konieczność przebijania wysokości łapówki oferowanych przez konkurentów. Sytuacja taka wydaje się być jeszcze gorsza, gdy zdamy sobie sprawę, że korupcja pomnaża samą siebie. Biurokraci widzą w takiej sytuacji okazję do nie tylko podtrzymywania błędnych przepisów, ale nawet do ich pomnażania.

Powszechnie znany jest także fakt, że korupcja jest nierozzerwalnie związana z brakami w etyce i demoralizacją społeczną. „Wszyscy: biznesmeni, politycy, biurokraci i indywidualni obywatele mogą uświadamiać sobie korzyści z przedsięwzięć rynkowych i rozumieć, że arogancki rząd wytwarza więcej i więcej korupcji. Ale w krajach, gdzie efektywne mechanizmy rynkowe dopiero się wyłaniają, często korupcja postrzegana jest jako smar konieczny do natłuszczenia kół działalności gospodarczej” [2].

Według profesora Leszka Balcerowicza korupcja szkodzi rozwojowi gospodarki na kilka zasadniczych sposobów:

- związane z nią „opłaty” stanowią dodatkowy podatek, który obniża zdolność przedsiębiorstwa do inwestowania, a przez to do tworzenia nowych miejsc pracy. Szkody są duże zwłaszcza wtedy, gdy pobieranie i wielkość korupcyjnych opłat są trudne do przewidzenia. Wtedy dodatkowo pojawia się niepewność, która jest szczególnie niekorzystna dla podejmowania decyzji inwestycyjnych; one bowiem zawsze polegają na tym, że najpierw trzeba włożyć pieniądze, oczekując, że zwrócą się z nawiązką;

- korupcja może podważać finanse publiczne i przez to szkodzi rozwojowi gospodarki. Głównym niebezpieczeństwem jest wówczas duży deficyt, który podbija stopy procentowe i zwiększa dług publiczny, a przez to związane z nim ciężary. Korupcja podmywa finanse publiczne głównie wtedy, gdy osoby mające odpowiednią władzę umożliwiają innym wyłudzenie pieniędzy podatników. Nadmiernie rosną wówczas wydatki budżetowe, a przez to zwiększa się deficyt lub podatki. Taka korupcja jest w Polsce szeroko rozpowszechniona. Stanowi poważne zagrożenie dla rozwoju gospodarki i dla tworzenia miejsc pracy;

- korupcja osłabia konkurencję – główną siłę napędową gospodarki. Przy dużym natężeniu korupcyjnych praktyk o wynikach finansowych firm zaczynają bowiem decydować „dojścia” do władzy publicznej, a nie ich sprawność;

- korupcja na wysokim poziomie odstrasza poważnych inwestorów zagranicznych [1].

Podsumowując rozważania nad kosztami korupcji można stwierdzić, że ponoszą je wszystkie sfery życia; zarówno gospodarczego, politycznego jak i całe społeczeństwo skorumpowanego kraju.

Sposoby zwalczania korupcji

W Polsce podobnie jak w innych krajach przeciwdziałanie i zwalczanie korupcji nie jest w gestii tylko jednej wyspecjalizowanej instytucji. Zadania w tym zakresie realizują m.in.: Ministerstwo Spraw Wewnętrznych i Administracji, Ministerstwo Finansów i organy kontroli skarbowej, Prokuratura, Policja, Straż Graniczna, Urząd Zamówień Publicznych, Urząd Ochrony Konkurencji i Konsumentów, Najwyższa Izba Kontroli, Rzecznik Praw Obywatelskich, a w końcowym etapie sądownictwo. Problematyka przeciwdziałania i zwalczania przestępstw korupcji jest także przedmiotem pracy analitycznej, operacyjno-rozpoznawczej i dochodzeniowo-śledczej funkcjonariuszy Agencji Bezpieczeństwa Wewnętrznego i Centralnego Biura Antykorupcyjnego. Ostatni z wymienionych to najlepiej wyspecjalizowany urząd do walki z korupcją, posiadający bardzo szerokie uprawnienia dochodzeniowo-śledcze. Do ustawowych i statutowych zadań CBA należy podejmowanie i prowadzenie działań mających na celu zwalczanie korupcji poprzez ściganie karnie przestępstw przeciwko działalności instytucji państwowych oraz samorządu terytorialnego, wymiarowi sprawiedliwości, wyborom i referendum, porządkowi publicznemu, wiarygodności dokumentów, mieniu, obrotowi gospodarczemu, obrotowi pieniędzmi i papierami wartościowym, jeśli pozostają w związku z korupcją, obowiązkom podatkowym i rozliczeniom z tytułu dotacji i subwencji, jeśli pozostają w związku z korupcją lub działalnością godzącą w interesy ekonomiczne państwa.

We wrześniu 2003r. w MSWiA został utworzony Zespół do Spraw Koordynacji Strategii Antykorupcyjnej, do której zadań należy koordynowanie i monitorowanie działań podejmowanych przez administrację rządową w ramach realizacji Strategii Antykorupcyjnej, opracowanie analiz i ocena zjawisk korupcyjnych w działalności publicznej, a także współpraca z organizacjami pozarządowymi i organami Unii Europejskiej. Jednym z bardziej istotnych działań w ramach realizacji II Etapu Strategii Antykorupcyjnej (drugi etap obejmował lata 2005-2009) było przyjęcie przez MSWiA w maju 2006 r. planu działań edukacyjno-informacyjnych w zakresie promowania przejrzystej, sprawnej i przyjaznej administracji publicznej.

Plan odwoływał się do zadań określonych w projektach twinningowych realizowanych we współpracy z partnerami z Wielkiej Brytanii, Holandii i Niemiec. W jego realizację zaangażowany był Zespół Sterujący złożony z przedstawicieli strony rządowej, samorządowej oraz organizacji pozarządowych, ponieważ jak pokazują doświadczenia innych krajów partnerska współpraca z reprezentantami samorządu terytorialnego i organizacji pozarządowych jest najbardziej skutecznym sposobem podnoszenia świadomości zjawisk korupcyjnych.

Bardzo duży wkład w działania ograniczające skalę korupcji mają obok wyspecjalizowanych służb i instytucji państwowych także organizacje pozarządowe. Ich działania mają bardzo szeroki zakres, koncentrują się na rejestrowaniu przypadków korupcji, monitorowaniu prawa, włączaniu się w projekty zmierzające do jego naprawy oraz prowadzeniu licznych działań informacyjnych, badawczych i edukacyjnych. Najaktywniejsze z nich to m.in. Transparency International Polska, Fundacja im. Stefana Batorego, Centrum Edukacji Obywatelskiej.

Walka z korupcją polega na ustaleniu jej obszarów, przyczyn i okoliczności sprzyjających oraz na skutecznym ich usuwaniu lub przynajmniej ograniczaniu ich oddziaływania. Tylko systemowe i systematyczne ograniczenie korupcji może przynieść trwale pozytywne rezultaty. Wszelkie odosobnione przedsięwzięcia, a także doraźne akcje, mają często raczej propagandowy niż merytoryczny cel, są na dłuższą metę nieskuteczne, a nawet przeciwskuteczne, gdyż potwierdzają przekonanie i niemożliwość walki z korupcją.

Podsumowanie

Z opublikowanego pod koniec roku 2009 przez Transparency International raportu wynika, że w naszym kraju spada poziom korupcji. W podsumowującym rankingu zajmujemy 48 miejsce na 180 przebadanych krajów. Na szczycie tegorocznej listy znajdziemy Nową Zelandię, Danię i Singapur. To zdaniem ekspertów kraje najmniej na świecie dotknięte korupcją. Polska została w rankingu zdystansowana nie tylko przez kraje skandynawskie, ale także Niemcy czy Węgry. Natomiast nieco niżej niż nasz kraj uplasowały się Czechy i Litwa.

Oczywiście ostatnia poprawa wyniku może cieszyć, lecz nie wolno popadać w euforię. Korupcja jest zjawiskiem, którego skalę trudno miarodajnie ocenić. Wskaźniki określające poziom korupcji można badać głównie poprzez przekonania i odczucia ludzi. Bazując na badaniach opinii społecznej, należy stwierdzić, że Polska jest postrzegana przez swoich obywateli jako kraj stosunkowo silnie dotknięty tą patologią. Zdecydowana większość Polaków (89%) uważa, że korupcja stanowi duży problem w naszym kraju. Co więcej, tylko 14% badanych dostrzega zmniejszanie się od dwóch lat zakresu tej patologii, dwukrotnie więcej zaś (30%) - jej rozszerzenia. Najbardziej skorumpowane dziedziny życia społecznego to – zdaniem ankietowanych – polityka oraz służba zdrowia, a w dalszej kolejności również sądownictwo i prokuratura oraz działalność urzędów samorządowych i centralnych [5]. Na pewno w dużej mierze wynika to z osobistych doświadczeń badanych, trzeba jednak zaznaczyć, że temat korupcji w ostatnich latach mocno zaznacza swą obecność w polskiej debacie publicznej w kontekście działań antykorupcyjnych. Paradoksalnie sukcesy w walce ze zjawiskami korupcyjnymi, spora liczba spraw ujawnionych przez organy ścigania i

нагłośnionych przez media, mogą rodzić przekonanie, że nasz kraj jest bardziej skorumpowany, niż ma to faktycznie miejsce. Walka z korupcją to długi proces, który wymaga od każdego z nas postawy etycznej w każdej dziedzinie życia. Musimy pamiętać i edukować młodsze społeczeństwo, że to przede wszystkim zmiana postawy ludzi może skutecznie przeciwdziałać praktykom łapówkarskim.

LITERATURA

1. Balcerowicz, L. Choroba brudnych rąk. „Rzeczpospolita”, 17.01.1999r.
2. Hessel, M., Murphy, K. Ukraść państwo i całą resztę. Przegląd korupcji w świecie postkomunistycznym. www.poslaniec.pl/2000/01/01stealing.htm.
3. Kojder, A. Anatomia Korupcji i jej cechy w okresie zmiany ustrojowej, Warszawa 2001r.
4. Kojder, A. Godność i siła. Szkice socjologiczno-prawne, Warszawa 2001 r.
5. Komunikat CBOS „Opinia społeczna o korupcji w Polsce”, kwiecień 2009r.
6. Lambsdorff, J. Causes and Consequences of Corruption: What Do We Know from a Cross-Section of Countries?, w: International Handbook on the Economics of Corruption, 2006.
7. Senturia, J.J. Encyklopedia of Social Sciences, 1993, t. VI
8. The Economist: Globalna wojna z łapówkarstwem „Businessman Magazine” marzec 1999r.

ОСОБЕННОСТИ РАННЕГО НЕМЕЦКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Д. Ейдукене

Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса, г. Вильнюс, Литва

До Наполеоновских войн о немецком либерализме не могло быть и речи - его как самостоятельного общественного течения не существовало и не могло существовать. Это вполне соответствовало объективным и субъективным устоям существования немецкого общества. Для большинства немцев «просвещенная монархия» времен Фридриха Великого была путеводной звездой, а сам Фридрих Великий сочетал в своей деятельности свободолюбивые идеи с тенденциями всесторонней опеки над подданными. Этот «революционер на троне»¹ оставил в назидание преемникам не только благородный образ монарха, стоящего на страже народных интересов, но и образ либерала, который в борьбе с феодальными элементами становился на эмансипационную точку зрения.

С другой стороны, до Наполеоновских войн, в эпоху Фридриха II, народ Германии был политически индифферентным: он смиренно держался в стороне от политической и общественной жизни, не обнаруживая к ней никакого интереса, целиком уйдя в раковину тихой и размеренной домашней жизни. Более того, так называемое «четвертое» сословие - городская мелкая буржуазия, интеллигенция, студенчество и крестьянство - было не только отстранено от всякого самостоятельного и сознательного участия в политической жизни страны, но и сурово отучено это делать немецким правительством, возводившим абсолютное политическое воздержание в высший принцип гражданской мудрости и добродетели.

До сих пор немецкое правительство видело в полнейшем невмешательстве граждан в политические дела страны основную гарантию прочности и непоколебимости существующего государственного строя, но, как непререкаемо показали наполеоновские войны, эта основная гарантия представляла огромную национальную опасность. Немецкое правитель-

ство оказалось в совершенно безвыходном положении, когда отражение победоносного шествия наполеоновской армии потребовало со стороны немцев гражданского мужества, гражданской стойкости и тесной сознательной сплоченности правительства с народом. Ничего подобного Германия не могла противопоставить Наполеону.

Благодаря наполеоновским войнам, внутреннее несовершенство общественного строя Германии (в особенности Пруссии), до сих пор скрывавшееся за толстой корой внешнего официального благополучия, прорвалось наружу. И это не могло раньше или позже не привести к естественно вытекающему из них политическому выводу об элементарной национальной опасности существовавшего тогда государственного строя, что, в свою очередь, не могло не привести к резкому столкновению между правительством и обществом.

И действительно, война и поражения научили людей воспользоваться своим правом и подвергнуть критике тот государственный строй, который так плохо оградил и защитил их. Она вовлекла народ в большую политику и приобщила к решению и пониманию, пусть стихийному и частичному, того, что лежало прежде за границами его первоначально индивидуального «Я».

Таким образом, в Германии начало складываться либеральное течение. Немецкие либералы начала XIX века осуждали немецкую отсталость, политическую рутину и раздробленность, сохраняя страх перед «якобинской опасностью». Вместе с тем в воззрениях и стремлениях первых немецких либералов проявлялись и новые черты. Критика германских порядков утрачивала прежний отвлеченный характер. Она становилась конкретной и требовательной, в ней все настойчивее абсолютизму противопоставлялся конституционный строй. Таким образом, немецкая либеральная буржуазия выражала стремление демократизировать страну. Она использовала для этого лозунг объединения Германии и требовала введения конституции и конституционных свобод, призывая к демократическим реформам.

Первыми работами по этому поводу, обратившими на себя внимание немецкой общественности, были книги фрейбургского профессора истории права и политической экономии Карла Роттека² «Всеобщая история» (2) и «Государственное право конституционной монархии» (3). В своих трудах профессор заявлял об исторической необходимости воссоединения Германии и мыслил это только на основе подлинного народного представительства. Естественный первообраз государства для Роттека - демократия. Он восстает против системы двух палат и против отдельного представительства наследственной аристократии. Конституция, говорил он, правомерна лишь в том случае, если она устанавливает господство общей воли.

Роттек осуждал произвол германских князей и говорил о «естественном праве народов». В определении понятия права он придерживался взглядов Канта, исходя из свободы человека, но свобода одного не должна препятствовать свободе другого.

О политической значимости Роттека говорит тот факт, что в 1848 г. во Фрейбурге ему был воздвигнут памятник, который после подавления революции был снят, а в 1862 г. снова восстановлен.

1814 г. публицист, профессор государственного права, Карл-Теодор Велькер³ издал книжку под названием «Свобода Германии, речь для правителей и народа» (4). В ней Велькер в требовательном тоне изложил свои мысли о том, что Германии необходимы не только свободное представительство, но и национальный парламент. Вместе с Дальманом, Фальком, Твестеном он издавал газету „Kieler Blätter“, имевшую

большое влияние и смело обсуждавшую конституционные вопросы. В 1840 г. Велькеру было запрещено чтение лекций. Против него был начат судебный процесс, но суд оправдал его, что явилось немаловажной деталью, свидетельствующей об определенном настрое общества.

Тем временем правительство всяческим образом старалось пресекать всякое либеральное свободомыслие. Несмотря на преследования правительства, брожение, загнанное репрессиями внутрь общественного организма, в верхних слоях немецкого общества продолжалось. В 1830 г. произошла, как известно, в Париже июльская революция, оказавшая глубокое потрясающее влияние на развитие общественной жизни и социальных теорий Германии. Общественное мнение Германии всегда находилось под сильным влиянием далеко ушедшей вперед Франции, но ни одно событие французской истории не оказало на Германию такого влияния, как июльская революция, это «политическое землетрясение», как называл ее Гейне.

Вскоре после июльской революции в некоторых местах Германии произошли народные волнения, правда, не принявшие особенно широких и грозных размеров. А между тем король не только не был склонен исполнить свое обещание, но он был готов засадить в тюрьмы и расстрелять всю мыслящую Германию. Но, несмотря на то, что, в 1832 г. один из вождей либеральной оппозиции Зибенпфейфер⁴ обратился с воззванием к немецкому народу, предлагая отпраздновать в замке Гамбах день издания баварской конституции. Это предложение было встречено с энтузиазмом, и тотчас же начались оживленные приготовления к посылке депутаций и представителей. Встревоженное правительство взялось было за обычные меры пресечения, но неожиданно наткнулось на столь стойкий и дружный отпор и на такую твердую решимость во что бы то ни стало устроить национальное празднество, что, несмотря на свое первоначальное запрещение Гамбахского празднества, в конце концов, не приняло никаких мер, чтобы фактически не допустить его.

Так, 27 мая 1832 г., в Гамбахе состоялась широкая демонстрация оппозиционных сил. Здесь присутствовали преимущественно представители буржуазно-демократической интеллигенции, прибывшие из различных частей Германии, а отчасти из Франции и из других стран. Произносились горячие, зажигательные речи, в которых ораторы требовали создания в Германии республиканского конституционного строя. Именно в Гамбахе власти Германии были впервые открыто названы врагами ее национального единства, и мысль о том, что политическое сплочение страны должно осуществиться без содействия ее государей и вразрез с их волей, получила общее признание.

Вирт⁵ произнес горячую речь (за которую поплатился долгим тюремным заключением), поднял свой бокал за «свободные государства», за «объединенную республиканскую Европу», и воскликнул, потрясая мечом: «Прокляты, трижды прокляты правители Германии!» И возбужденное собрание отвечало ему криками: «К оружию! К оружию!»

В конце праздника Зибенпфейфер и Вирт, водрузив трехцветное германское знамя с надписью «Возрождение Германии», провозгласили верховенство народа принципом государственного строя и указали, как на конечную цель своих стремлений, на объединение Германии в виде федеративной республики и конфедерацию европейских республик (1, с. 25-31).

Новые надежды у немецких либералов были возбуждены вступлением на прусский престол Фридриха-Вильгельма IV. Еще когда он был наследником, в либеральных кругах ходили слухи о его либерализме, тонкой образованности сочувствии новым политическим идеям. Когда же 7 июня 1840 г. Фридрих-Вильгельм IV вступил на престол, то слухи эти всеми стали восприниматься за достоверность, и политический дух раннего немецкого либерализма снова воспрянул. Новые идеи носились в воздухе, но это продолжалось недолго.

Свой политический дебют Фридрих-Вильгельм IV начал с того, что созвал в Кенигсберге съезд провинциальных ландтагов для принесения присяги. 6 августа открылось заседание ландтага. Прежде всего произнес речь депутат города Кенигсберга купец Гейнрих. Речь свою он закончил словами, что Фридриху-Вильгельму IV предстоит выполнить королевское слово – то, что еще 22 мая 1815 г. было дано немецкому народу, – дать конституцию. Гейнрих предложил резолюцию, чтобы в Берлине была собрана комиссия с привлечением земских представителей и выработан проект конституции.

Предложение Гейнриха было поддержано обер-президентом Шёном и другими лицами и, в конце-концов, было принято, после оживленных дебатов, девяносто голосами против пяти.

Ответа короля ждали с лихорадочным нетерпением – вопрос об объявлении конституции был поставлен очень определенно, и характер ответа короля должен был сразу определить его отношение к кардинальному вопросу немецкой общественной жизни. Вопросу, в котором, как в фокусе, концентрировались лучи пробуждавшегося общественного сознания. Общество ждало. Надежды либералов возлагались на предстоящую сессию провинциальных собраний. Это ожидание породило поток оппозиционной литературы. Среди него две брошюры обратили на себя всеобщее внимание.

Первая брошюра вышла анонимно в 1840 г. под кратким названием «Откуда и куда?» (6). Стоустая молва приписывала ее авторство крупному либеральному деятелю тогдашней эпохи – обер-президенту в Кенигсберге фон Шёну, который открыто высказывал свое решительное сочувствие конституционным стремлениям и, благодаря его близости к королю, либералы надеялись, что он склонит короля даровать конституцию.

И действительно, автором брошюры оказался Шён. В ней это официальное лицо германского государства говорит о необходимости перемены политического курса в стране и доказывает необходимость конституции. По его мнению, на съезде депутатов провинциальных собраний в Кенигсберге было ясно сказано, что немецкий народ достаточно созрел для политического самоуправления. Депутаты «сделали только то, что они должны были сделать... Петиция (о конституции) была подписана не людьми, не знающими ни собственности, ни родины, не легковесным юношеством, не умами, сразу вскипающими и жаждущими новизны. Эту петицию подали люди зрелого обсуждения и опыта, люди, убежденные сединами, люди, которые при всяком проявлении анархии и нелояльности, потеряли бы, конечно, больше, чем само существующее правительство» (7, с. 24).

Шён убежден не только в необходимости народного представительства, но также видит в нем спасение, благодаря которому может возникнуть в Германии общественная жизнь. Уже в 1813 г. занялась было заря общественной жизни. И только благодаря этой заре, по призыву короля, все стар и млад, стекались под его знамена. Если теперь впервые наступит у нас эпоха полной общественной жизни, то мы станем несокрушительными, и трон подымется на ту высоту, которая соответствует культурному положению страны. Более того, Шён убежден, что если настал день и движение солнца нельзя остановить, он считает, что время так называемого отеческого или патриархального правления, видевшего в народе лишь массу несовершеннолетних людей, которыми надо управлять по своему усмотрению, безвозвратно минуло. «Того, кто не хочет брать время таким, каково оно есть, выбирая из него все доброе и содействуя его развитию, того карает время» (7, с. 25), – говорил обер-президент.

Брошюра Шёна вызвала огромную сенсацию как в правительственных, так и в общественных кругах. Вслед за ней появилась новая под названием «Четыре вопроса» (6), написана гораздо жестче, чем брошюра Шёна и произвела, благодаря этому, еще большую сенсацию. Ее автором был кенигсбергский врач Якоби.

Он пишет, что результатом наполеоновских войн была полная потеря доверия обществом немецкому правительству. По его мнению, успокоить взволнованную страну и восстановить утраченное доверие правительству может только свободная общественная жизнь и представительство. Участие граждан в государственных делах должно основываться на твердых статьях закона. И если петиции и просьбы не помогут, то он чисто в якобинском духе рекомендовал либералам, добиваться и требовать, как неотъемлемого, права того, о чем до сих пор только просили (6, с. 16-17).

Либеральная оппозиция сразу же приветствовала Якоби, как своего вождя, а правительство издало приказ о судебном преследовании Якоби и, лишив гражданских прав, заключило его в крепость на три с половиной года.

Вот такая несложная история показывает, что ранний немецкий политический либерализм был детищем своего времени. Все надежды на лучшее будущее и настоящее он связывал с политическими, в основном с конституционными требованиями. Экономическая отсталость ему еще не позволяла осознать зреющего в обществе рабочего вопроса. Но, начиная с 30-40-х годов XIX столетия, вместе с молодой капиталистической промышленностью в немецком либерализме обозначается экономически-оппозиционное направление. Развитие капитализма в Германии внесло свои коррективы в социально-политическую жизнь страны. В первую очередь это проявилось тем, что в тридцатых-сороковых годах XIX столетия передовой слой немецкой буржуазии настраивался по отношению к правительству не только на политико-оппозиционный, но и на экономически-оппозиционный лад. Это было обосновано противоречием, к которому к тому времени пришли экономические интересы буржуазии и экономическая политика страны с ее официальной идеей современного государства. Эта идея соответствовала идеалам нового экономического либерализма, который в конце XVIII - начале XIX века уже и в Германии привлек на свою сторону просвещенных мыслителей и политиков через влияние французских физиократов и английское учение Адама Смита. Это была программа свободы торговли и промышленности, в основе которой лежала доктрина «естественного порядка», со своей знаменитой формулой „laissez faire", laissez passer⁶. Эта формула означала ограничение задач правительственной власти и государства своим вмешательством, только тормозящим стихийный процесс самоорганизации. Следуя ей, идея государства сводилась только к охране права, именно того, которое является условием свободной меновой экономики.

Смитанцы с восторгом говорили о том, что в условиях «свободного» общества каждый должен заботиться о себе сам. Менее всего на государство они могли возлагать какие-либо социальные функции. Ее кредо: «При всякой хозяйственной нужде совестливый экономист может дать только старый совет: «работайте и сберегайте» (7, с. 410). Без сбережений не может никоим образом улучшиться чье-либо положение.

Такой же точки зрения придерживались и официальные власти Германии. Смитианство в то время было для них путеводной звездой. Но общественно-экономическая система «естественного равновесия» с вытекающими из нее постулатами экономической политики не могла быть для Германии долговечной. В связи с поздним вступлением ее на путь капиталистического развития доминирующим фактом была крайняя экономическая отсталость страны. Перед экономической мыслью Германии властно выдвигался вопрос о причинах этой отсталости и путях ее ликвидации. Перед лицом конкуренции индустриально

развитых стран молодая капиталистическая промышленность Германии нуждалась в государственном покровительстве. В связи с этим группа профессоров-экономистов решается порвать со смитианскими традициями. Идее невмешательства государства в область экономики они противопоставляли идею «этизации народного хозяйства», идею «нравственной общности предпринимателей и рабочих» и предотвращения социальных конфликтов с помощью санкционированных государством реформ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Например, не решаясь ликвидировать крепостных отношений, он, однако, сдерживал помещичий произвол, ограничивая захват общинных земель и отдавая приказы восстанавливать снесенные крестьянские дворы. На доменах Фридрих отменяет личные повинности и создает льготные условия выкупа земли.

² К. Роттек (1775-1840), профессор истории права и политической экономии Фрейбургского университета. В 1819 г. университет выбрал его своим депутатом в баденскую первую палату, где он решительно выступил за отмену крепостного права. В 1831 г. он был избран во вторую палату, где он до самой смерти был одним из вождей либеральной партии. В 1832 г. реакция добилась его удаления с кафедры и запрещения основанной им газеты "Свободомыслие".

³ К. Велькер (1790-1869), немецкий публицист, профессор государственного права в Гейдельберге, в Бонне и в Фрейбурге, брат Фридриха Великого. В 1830 г. Велькер послал в союзный сейм обратившую на себя всеобщее внимание петицию «Совершенная и полная свобода прессы» (Фрейбург, 1830 г.). Избранный в 1831 г. депутатом в баденскую палату, он отстаивал сохранение конституционной системы. Вместе с Роттеком и Деттингером он основал первое бесцензурное периодическое издание «Свободомыслие», нашедшее обширный круг читателей. Сейм запретил газету. В марте 1848 г. участвовал в комитете семи, который подготовил в Гейдельберге созыв представительного парламента во Франкфурте.

⁴ Зибенпфейфер - редактор баварской газеты „Deutsche Tribune“, вождь радикальной партии Баварии.

⁵ Вирт Георг-Август (1798-1848) - в 1831 г. издавал газету „Der Kosmopolit“ республиканского характера. С 1 июля 1831 г. начал издавать „Deutsche Tribune“, которую в марте 1832 г. запретили. За речи на Гамбахском празднике был осужден, отсидел 2 года. В 1836 г. бежал во Францию, где в 1847 издавал „Deutsche Nationalblatt“ в конституционно-монархического направления.

⁶ „laissez faire“, laissez passer - «свободу предпринимательству», «свободу торговли».

ЛИТЕРАТУРА

1. Becker A. Hambach und Pirmasens. Beiträge zur Geschichte des Hamburger Festes, Permasses, 1928.

2. K. Rotteck. Allgemeine Geschichte vom Anfang der historischen Kenntnis bis auf unsere Zeit. - Freiburg, 1813-1818.

3. Rotteck. Staatsrecht der konstitutionellen Monarchie. - Altenburg, 1824-1827.

4. K. Welker. Deutschland Freiheit, eine Rede an die Fürsten und das Volk. - Kiel, 1814.

5. Woher und Wohin? - Königsberg, 1840.

6. Vier Fragen. - Königsberg, 1840.

7. П. А. Берлин. Очерки общественной жизни и мысли в Германии (тридцатые и сороковые годы). - Краснодар, 1924.

8. Prince-Smith'a - „Die sogenannte Arbeiterfrage“ в „Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft“. - Tübingen, XXVIII B., 1872.

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ РЕСУРС ОБЩЕСТВА

А.А. Жарикова

Академия управления при Президенте РБ, г. Минск, Беларусь

О.Н. Жарикова

Белорусский государственный университет культуры и искусств, г. Минск, Беларусь

В современных условиях знания и образование оказываются включенными в категорию «глобализированных» общественных благ, то есть, если раньше проблемы и перспективы развития систем образования ставились и решались на национальном уровне, то теперь ряд вопросов, связанных с образованием, выносятся на обсуждение международными организациями. В качестве примера можно упомянуть о проблеме неравномерного доступа к начальному образованию, обсуждаемой в «Декларации тысячелетия», принятой ООН в 2000 году. Проблема глобального неравенства заключается не в знаниях, а в обеспечении доступа к ним и в издержках, связанных с получением знаний. В мире до сих пор не решена проблема всеобщего начального образования: в Африке около 40 млн детей, свыше 60% которых – девочки – не имеют доступа к школьному образованию [1]. Итак, мы имеем две стороны одной медали:

- 1) знания являются движущей силой развития цивилизации;
- 2) источником роста глобального неравенства.

Эта проблема является одной из наиболее масштабных, связанных со сферой образования и науки, но далеко не единственной, с которой сегодня приходится иметь дело. Таким образом, рост значимости знаний для развития современных обществ побуждает мировое сообщество обращать все большее внимание на сферу образования и науки. В этой связи необходимо акцентировать внимание на научных школах современности. Именно объединенные усилия научной элиты разных стран должны способствовать поиску решений различного рода проблем.

Научные школы, в традиционном понимании – сложившийся коллектив исследователей различных возрастных групп и научной квалификации, связанных проведением исследований по общему научному направлению и объединенных совместной научной деятельностью. Указанный коллектив должен осуществлять подготовку научных кадров, иметь в своем составе руководителя, а также молодых исследователей. В научной школе преобладают новые идеи, инициатива, самостоятельный постоянный многолетний поиск с введением новых методик, подходов.

Одной из самых важных мировых тенденций двух последних десятилетий ученые считают чрезвычайно возросшие возможности коммуникации. Слияние компьютерных и коммуникационных технологий, особенно в рамках Интернета, разрушает стоимостные, временные и дистанционные связи, возвещая о начале эры глобальных информационных сетей. На сегодняшний день Интернет образует ядро, обеспечивающее связь различных информационных сетей и систем, принадлежащих различным организациям во всем мире. «Интернет – это коммуникационный медиум, который впервые сделал возможным общение многих людей со многими другими в любой момент времени и в глобальном масштабе» [2, с. 15].

В связи с глобальными трансформациями современного культурного пространства сегодня речь идет уже не столько о научных школах в их традиционном понимании, сколько об инновационной форме их взаимодействия и сотрудничества – посредством виртуального пространства. В настоящее время такие коммуникации становятся все более популярными и востребованными, постепенно занимая лидирующее положение.

Мировая система научной коммуникации предназначена для объединения целенаправленной деятельности большого числа ученых, проживающих в разных странах, говорящих на разных языках и работающих в одной тематической области.

В Республике Беларусь также действуют научные школы в различных областях науки. Так, например, преподаватели, аспиранты и магистранты Белорусского государственного университета культуры и искусств проводят систематическую и целенаправленную научно-исследовательскую работу по культурологии, искусствоведению, библиотековедению и др. Ведущая школа в области культурологии сформировалась в университете. Наличие научных школ, которые занимают ведущее место в сфере культуры, помогает активной и глубокой разработке проблемных вопросов, качественной подготовке научных кадров, повышению статуса БГУКИ.

Своеобразной иллюстрацией научных достижений университета является научно-методический журнал «Вестник» БГУКИ, который издается с 2002 года. Каждый номер состоит из статей известных ученых университета, докторантов, аспирантов, посвященных важнейшим проблемам в рамках научных направлений университета. Также университет активно сотрудничает и с зарубежными вузами, объединяя значительное число ученых, работающих в одной тематической области. Однако следует отметить, что данная форма коммуникации научных школ развита меньше, чем традиционная.

Одним из ведущих научных центров страны в области государственного управления является Академия управления при Президенте Республики Беларусь. Академией управления проводятся фундаментальные и прикладные научные исследования по актуальным проблемам социально-экономического развития республики, информационного общества, по вопросам формирования идеологии белорусского государства, эффективной кадровой политики, философии и социологии государственного управления, правового обеспечения системного реформирования государственной службы, другим социогуманитарным проблемам развития современного общества.

В Академии управления издаются «Научные труды Академии управления при Президенте Республики Беларусь» и научно-практический журнал «Проблемы управления». Оба издания входят в «Список научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований».

Академия управления располагает значительным интеллектуальным потенциалом. Ежегодно сотрудниками Академии управления публикуются сотни научных статей, десятки монографий и учебных пособий. Академия управления является организатором республиканской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов, ежегодных международных научно-практических конференций, в том числе и интернет-конференций, которые объединяют ученых различных стран, работающих в рамках единого тематического поля.

Также значительную деятельность в развитии инновационной формы сотрудничества научных школ играет ведущая научная организация страны Национальная Академия наук. Организации Национальной академии наук Беларуси выполняют значительный объем научных исследований и разработок по заданиям президентских, народнохозяйственных, социальных, научно-технических, международных программ, инновационных проектов, а также в рамках исследовательских грантов отечественных и зарубежных фондов (Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований (БРФФИ), Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), Международная ассоциация содействия сотрудничеству с учеными новых независимых государств бывшего СССР (ИНТАС), Международный научно-технический центр (МНТЦ), Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) и др.).

Таким образом, ученые Беларуси плодотворно взаимодействуют с учеными других стран по различным направлениям и отраслям науки и образования. Такая коммуникация выступает средством взаимного стимулирования творческой активности, основным механизмом функционирования и развития науки и образования, одним из важнейших механизмов ее связей с обществом, а также необходимым условием формирования личности ученого. Осуществление же межкультурной коммуникации в сфере науки и образования несет надежду на обогащение национальных культур, такие коммуникации («гармоничные» коммуникации) задают направление новых теоретических поисков, приводят к переосмыслению традиционных идей и выявляют острую необходимость в соответствующей научной парадигме, базирующейся на эвристических возможностях коммуникации и культуры.

И все же стоит отметить, что в Беларуси пока преобладают традиционные формы коммуникации научных школ. Необходимо способствовать большей доступности информационно-коммуникативных технологий для получения информации и знаний, что предполагает изучение и овладение современными средствами общения, открывает новые творческие возможности для полноценного научного сотрудничества.

Огромное значение приобретает международная мобильность ученых, всевозможные обмены и стажировки. Необходимо расширять международное сотрудничество, повышать профессиональный уровень, проводить научные исследования и обмен опытом по вопросам сохранения и приумножения наследия знаний, открытого доступа к результатам научно-исследовательской деятельности. Международное сотрудничество научных школ должно становиться более многообразным и глубоким для того, чтобы решать проблемы в сфере науки и образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Образование для инновационных обществ в XXI веке / Официальный сайт Председательства Российской Федерации в «Группе восьми». Санкт-Петербург. 16 июля 2006 г. <http://g8russia.ru/docs/12.html>
2. Кастельс, М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс - Екатеринбург: У-Фактория, 2004. - 327 с.

СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЗАЩИТЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОДХОДА В СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

А.М. Жук

Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Беларусь

Основной целью социальной политики в белорусском социальном государстве является дальнейшее повышение уровня и качества жизни населения. Общим принципом социальной политики, реализуемой белорусским государством, является предоставление всем трудоспособным гражданам равных прав и гарантий в созидании собственного личного и семейного благосостояния. В то же время нетрудоспособным и особо нуждающимся гражданам государство обеспечивает адресную социальную помощь и поддержку.

Уровень и качество жизни всего населения гарантированы государственными минимальными социальными стандартами. Однако в белорусском обществе ушли от необоснованных уравнилельных тенденций в организации социальной защиты и отказались от категорийности в социальном обеспечении (оказание социальной помощи не отдельным гражданам, а категориям граждан). В белорусской модели социальной политики одним из основополагающих принципов сегодня стал дифференцированный подход к разным категориям населения, различным социальным группам и слоям, представленным в социальной структуре современного белорусского общества [1].

В этой структуре особое место занимает студенческая молодежь, которая сегодня нуждается в определенной социальной поддержке для того, чтобы успешно справляться с важными социальными задачами, стоящими перед ней. По объективным причинам (возраст, получение образования, незавершенный процесс профессионального становления, создание молодой семьи, рождение детей и т.д.) молодежь в целом попадает в категорию социально уязвимых слоев населения, нуждающихся в социальной поддержке. Это же в очень большой степени относится и к студенческой молодежи, которая в силу специфики своего основного вида деятельности – учебы с целью получения высшего образования – несколько ограничена в средствах и способах самообеспечения, прежде всего, материального.

Система социальной защиты молодежи входит в качестве важного звена в комплекс мероприятий государственной молодежной политики Республики Беларусь. В то же время специфика социального статуса студенчества отображается в реализуемой и, в еще большей степени, в перспективной организации системы социальной защиты студенческой молодежи. В ее показателях важную роль должны сыграть особые характеристики студенчества, выделяющие эту категорию из общей молодежной социально-демографической группы и выражающиеся в формах и направленности социальной активности студентов, их жизненных целях и ценностных ориентациях, в поведенческих предрасположенностях и оценках социальной ситуации в стране и в мире.

В итоге, совершенствование системы социальной защиты студенческой молодежи становится одним из актуальных направлений в исследованиях творческого и инновационного потенциала этой особой социальной группы, от социальной активности которой зависит, в конечном итоге, реализация широкомасштабных планов и программ, целью которых является созидание процветающей Беларуси [2].

Систематизация реализованных в отечественной и зарубежной практике концептуальных подходов, реализуемых в практике организации социальной защиты студенческой молодежи (СЗС), позволяет выделить в качестве теоретико-методологических оснований выбора той или иной системы СЗС следующие концептуальные подходы: социально-нормативный, социально-экономический и социокультурный (аксиологический).

Для первого, социально-нормативного подхода характерна ориентация на разработку и практическую реализацию специальной нормативной правовой базы, закрепляющей социальные гарантии и права студенческой молодежи в сфере удовлетворения их основных потребностей. Это касается создания благоприятных условий для учебы, трудовой занятости и отдыха, удовлетворения всех социальных потребностей молодых людей в творческой реализации и общественной работе, охране здоровья и поддержании здорового образа жизни, обеспечении жильем и поддержке студенческих семей и т.д. В реализации этого типа социальной защиты студенческой молодежи

жи, имеющего в нашей стране глубокие исторические корни и утвердившегося во времена Советского Союза, можно выделить две крайние формы: государственно-патерналистскую и корпоративно-активистскую.

Государственно-патерналистская форма социальной защиты студенческой молодежи выражается в строгой централизованной «опеке» всей жизнедеятельности студентов со стороны государства. На местах, в конкретных вузах, и на уровне самих студентов такого рода организация социальной защиты сводилась к неукоснительному соблюдению норм и правил, закрепленных в общей нормативной базе. Обязанности студентов закономерно определялись их правами, закрепленными в нормативных актах. Корпоративно-активистская форма характеризуется возможностями внесения корректив в нормативную базу, касающуюся регулирования студенческой жизнедеятельности, на уровне отдельных организаций – вузов, с одной стороны, а с другой, права студентов в такого рода организации ставились в определенную зависимость от выполнения их обязанностей (показатели учебы, общественной работы и т.д.). В «чистом» виде указанные формы использовались крайне редко и носили условный характер, так как чрезмерное усиление параметров как первой, так и второй приводило к негативным социальным последствиям – бюрократизму в первом случае и волюнтаризму – во втором. Министерство образования как ключевое управленческое звено в регулировании процессов социальной защиты студенческой молодежи постоянно сталкивалось с необходимостью устранения последствий указанных крайностей. Специалисты в этой области считают, что реформы в системе высшего образования, которые никогда не прекращались, как в дореволюционные времена, так и ныне, во многом связаны с преодолением негативных тенденций, обуславливаемых организационными крайностями.

Второй тип организации СЗС – социально-экономический – основан на учете экономических факторов и в контексте социальной защиты студенческой молодежи носит распределительный характер. Это, по своему содержанию, форма социального обеспечения, которая, как и в общегосударственном масштабе, могла носить общесоциальный (солидарный) либо субсидиарный (корпоративно-групповой) характер. В первом случае механизм распределения носил универсальный всеобщий характер, в котором бюджетные средства делились по вузам в соответствии с утвержденными нормативами, во втором – к нормативным бюджетным средствам добавлялись внебюджетные составляющие, которыми отдельные вузы распоряжались по своему усмотрению. Появление платных форм образования в значительной степени расширило возможности использования субсидиарной формы социальной защиты в вузах.

Третий концептуальный подход в обосновании организационных форм социальной защиты, в отличие от первых двух, носил еще более условный характер, так как зачастую использовался в неявном виде. Так, сложившиеся в конкретной социокультурной среде традиции и обычаи, идеалы и ценности, закрепляющие на уровне массового сознания отношение к студенческой молодежи (разброс возможен от позитивного до негативного), ценность образования в целом и высшего, в частности, переносились в официальную среду, определяющую социальные нормативы и экономические механизмы социальной защиты студенческой молодежи. Такая форма носила характер традиционности. В явном виде социокультурные основы социальной защиты определялись в ходе конкретных социологических исследований, направленных на выявление

ние социальных проблем студенческой молодежи, изучение их потребностей и ценностей. И такая форма организации СЗС приобретала характер инновационности.

В современном белорусском обществе, как показывает проведенный теоретический анализ и конкретные социологические исследования, функционирует смешанный тип организации социальной защиты студенческой молодежи (СЗС), сочетающий характеристики государственно-патерналистского и социально-активистского вида. В то же время актуализируется работа по обоснованию и внедрению в практику СЗС элементов субсидиарности и инновационности, что ведет в целом к обоснованию нового типа организации СЗС в виде социально-управленческой модели.

Перспективным направлением совершенствования системы социальной защиты студенческой молодежи в современном белорусском обществе является внедрение в практику ее организации социально-управленческой модели, основанной на взаимодействии традиционных и инновационных параметров (социокультурный подход), общесоциальных и личностно-групповых параметров (социально-нормативный и социально-экономический подходы) и преобразующей СЗС в систему социальной поддержки на основе развития студенческого самоуправления. Структура социально-управленческой модели воспроизводит внутригрупповую (микросоциальную) структуру конкретного студенческого сообщества по критерию нуждаемости в социальной помощи и поддержке (объективные параметры) и параметры ее организации, представленные в оценках и ожиданиях студентов (базовые потребности и уровень их удовлетворенности, ценностные ориентации и социальные ожидания, оценка СЗС в целом и отдельных форм студенческого самоуправления).

Апробация специальной социологической методики в деятельности информационно-аналитической службы студенческого самоуправления воспроизводит социально-управленческую модель СЗС на прикладном уровне. Использование этой методики, позволяющей самим студентам вносить обоснованные предложения по совершенствованию СЗС на основе выявления и измерения параметров внутригрупповой структуры конкретного студенческого сообщества, базовых потребностей и ценностных ориентаций студентов в данном коллективе, оценки системы социальной защиты в целом и оценки эффективности функционирования отдельных форм студенческого самоуправления, дает возможность рассматривать использование такого рода организации системы социальной защиты студентов (социально-управленческая модель, реализованная в аналитико-исследовательской работе студентов) в качестве перспективного направления ее совершенствования в современном белорусском обществе [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Основы социального государства: пособие / С.В. Лапина [и др.] ; под общ. ред. С.В. Лапиной. – Минск: БГПУ им. М.Танка, 2008.
2. Лапина, С.В., Жук, А.М. Мир повседневности современного белорусского студента // Сацыяльна-педагагічная работа.. – №6 (76). –2007.
3. Жук, А.М. Студенческое самоуправление как фактор совершенствования социальной защиты молодежи // Проблемы управления. – 2009. - № 3.

EROTYKA W PRZEKAZACH REKLAMOWYCH

Jarosław Zalejski

Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

„Piękno i seksapil stały się istotnymi osobistymi aktywami w zerotyzowanej kulturze współczesnych liberalnych społeczeństw i często są równie ważne, co wykształcenie”

dr Catherine Hakim, London School of Economics and Political Science

1. WSTĘP

We współczesnym świecie reklama stała się zjawiskiem powszechnym. Obecna we wszystkich massmediach, ściśle wiąże się z życiem codziennym człowieka i istotnie wpływa na zachowania konsumenckie. Reklama kreuje rzeczywistość, wyznacza trendy i uświadamia potrzebę wykorzystania produktu i pomaga w podejmowaniu decyzji zakupu. Coraz częściej porusza tematy kontrowersyjne. Od czasu, gdy seks przestał być tematem tabu, trudno spotkać reklamę, która nie zawierałaby w sobie, choćby pierwiastka erotyzmu.

R. Cialdini, znany psycholog społeczny, zapytany dlaczego w reklamach wykorzystuje się roznegliżowane modelki, odpowiedział: „Bo to działa”. Dostrzegają to twórcy reklam, sięgając po nagość, która przyciąga wzrok i wpływa na emocje. Jednak skuteczniejsze oddziaływanie mają wszelkiego rodzaju przekazy reklamowe, w których wykorzystuje się symbole i metafory związane z erotyką. U potencjalnych klientów wywołują nie tylko grę skojarzeń, ale także zmuszają do wyłączenia uwagi i obiecują znacznie większy zakres korzyści, aniżeli reklamowany produkt faktycznie może im zaoferować [5, s. 26].

Problematyka związana z wykorzystaniem podtekstów seksualnych w tworzeniu kreatywnych przekazów reklamowych będzie przedmiotem niniejszego opracowania.

2. KSZTAŁTOWANIE PRZEKAZU REKLAMOWEGO

Informacja reklamowa i środki reklamy są ze sobą ściśle powiązane. Inaczej mówiąc stanowią przekaz reklamowy. Wyraża on ideę reklamy, czyli treść, która ma być przekazana odbiorcy. Przekaz reklamowy jest określany jako kreatywny element polityki komunikacji.

Przekaz reklamowy, aby był atrakcyjny i skuteczny dla grup docelowych, powinien nawiązywać do następujących wielkości orientacyjnych:

- pobudzenie zainteresowania - przedstawienie korzyści wynikających z zakupu danego produktu,
- oryginalność - wskazanie na elementy wyróżniające dany przedmiot reklamy,
- aktualność - powołanie się na aktualne wydarzenia, np. sportowe,
- przejrzystość - kompleksowość i przystępność treści informacji reklamowej,
- wiarygodność - wskazanie możliwości udowodnienia informacji za pomocą neutralnych testów produktu [8].

Struktura przekazu reklamowego obejmuje cztery elementy:

- treść przekazu - określenie co należy przekazać odbiorcom, aby wywołać pożądaną reakcję.

Wykorzystuje się na tym polu trzy rodzaje argumentacji: racjonalną (odwołanie się do korzyści, np. slogan reklamowy w reklamie prezerwatyw „Unimil sobie życie”), emocjonalną (odwołanie się do uczuć odbiorcy, np. slogany wykorzystane w reklamach lodów firmy Algida „Zgrzesz z Magnum siedem razy” i firmy Koral „Zawsze jest pora na lody Koral”) oraz

moralną (kierowaną do odczuć audytorium kategoriach dobra i zła, np. kampania reklamowa "Veggie Love" zachęcająca do wegetarianizmu, która ma przekonać, że wegetarianie są lepszymi kochankami (Studies show vegetarians have better sex. Go veg.);

- struktura przekazu

Na budowę przekazu mają wpływ trzy elementy:

- sposób wnioskowania (kto powinien wyciągać wnioski: nadawca czy odbiorca reklamy?),

- sposób argumentacji (czy w przekazie pokazywać tylko pozytywne strony czy też pewne słabości produktu?)

- kolejność przekazywanych argumentów (czy nadawca powinien najsilniejsze argumenty używać na początku za pomocą „efektu zaskoczenia”, czy na końcu jako „efekt ostatniego słowa”);

- kształt

Przekaz musi być wyrażony za pomocą określonych symboli, które wykorzystuje się w apelach racjonalnych, emocjonalnych czy moralnych. Wpływ na ich stosowanie ma rodzaj mediów, które zostaną użyte w kampanii reklamowej;

- atrakcyjne źródło przekazu

Osoby wykorzystywane powinny kojarzone lub związane z produktem, np. zastosowanie odpowiedniej postaci w reklamie podnosi jej wiarygodność (Dorota Rabaczewska (Doda) reklamująca lody Koral) [7, s. 55–57].

Ostatnie lata wskazują, że coraz większą rolę w reklamie odgrywają emocje, które są mniej zorientowane na cechy i właściwości produktu oraz są dużo bardziej niewerbalne [9, s. 56–58]. Trend ten w tworzeniu informacji reklamowej wynika z faktu, że coraz więcej produktów staje się standardowymi, produkty nie są specjalnie atrakcyjne czy też wzrasta natężenie konkurencji w wielu kategoriach. Zarządzający przedsiębiorstwami wiedząc o tych zależnościach próbują wykorzystać takie techniki, które wpływają na emocje potencjalnych odbiorców, np. zaskoczenie, szokowanie, rozśmieszanie czy wzbudzenie ciekawości. Przykładem takiego kształtowania informacji reklamowej była kampania reklamowa operatora usług pre-paid Heyah, gdzie zastosowano działania reklamowe na kilka miesięcy przed wprowadzeniem usługi na rynek. Kampania zakończyła się wielkim sukcesem. Na bardzo konkurencyjnym rynku pre-paid operator zdobył ponad 1 milion klientów.

3. ELEMENTY KREATYWNEGO PRZEKAZU REKLAMOWEGO

Niektóre reklamy o kreatywnym charakterze (np. emitowane w telewizji) w szczególności sposób trafiają do podmiotów reklamy i nie ma znaczenia dla tego procesu, czy są oni tego świadomi czy nie. Uzależnione to jest od użycia w przekazie reklamowym odpowiedniej symboliki, metafor i muzyki.

Przekaz reklamowy jest konstrukcją elementów, które przybierają formy werbalne i pozawerbalne. Formy te w różnym stopniu decydują o sile oddziaływania na odbiorców. Badania ludzkiego mózgu w ostatnich latach poszerzyły wiedzę na temat percepcji. Wyniki tych badań stanowią obecnie podstawę do sformułowania założeń stanowiących punkt wyjścia do opracowania skutecznych przekazów reklamowych. Główne założenia to:

- 95% informacji trafia do mózgu poza naszą świadomością, pozostałe 5% do świadomości;

- spośród dziesięciu podstawowych systemów informacyjnych składających się na komunikację międzyludzką tylko jeden opiera się na języku werbalnym;

- komunikacja międzyludzka aż w 80% jest realizowana za pomocą środków niewerbalnych, 20% to werbalne. Konsumenci myślą więc obrazami, a nie słowami [1, s. 11].

Z powyższego wynika, że niewerbalna komunikacja jest skuteczniejsza. Jest to jednak pewne uogólnienie, ponieważ przekazy werbalne także mogą docierać do podświadomości. W znacznym stopniu mogą zwiększać skuteczność przekazu (przykładem może być slogan reklamowy) a przekaz niewerbalny może być także realizowany za pomocą mniej skutecznych środków, np. związanych z „mową ciała” takich jak dotyk czy gest. Skuteczność przekazu reklamowego zależy więc, od umiejętnego połączenia symboli i przekazów werbalnych.

W Kopaliński definiuje symbol jako „przedmiot, znak zastępujący, reprezentujący, oznaczający, przywołujący na myśl (na zasadzie umowy, asocjacji myślowej) jakieś pojęcie, czynność, przedmiot, zwl. widomy znak czegoś niewidzialnego” [11]. W reklamie symbole występują w prawie każdym przekazie reklamowym, co sprawia, że przekaz staje się silny, wartościowy i zapadający w pamięć. Przykładem na tym polu może być wykorzystanie symbolu „byka” w reklamie preparatu Penigra, leku zapobiegającego impotencji i wzmacniającego męskie libido. Lek został zasugerowany w spotach przez obraz atrakcyjnej kobiety ujeżdżającej byka, z początku słabego i oswiałego, później pełnego energii (podtekst seksualny spotów był na tyle czytelny, że jedna z wersji reklamy mogła być emitowana tylko późnym wieczorem). Aluzyjny charakter miał także towarzyszący spotom slogan reklamowy „wskocz na byka”. Byk tradycyjnie symbolizuje wcieleń siły i potęgi, a także męskości i potencji seksualnej.

Innym ważnym elementem przekazu reklamowego jest slogan, który jest środkiem ekspresji językowej pozwalającym na wyrażenie jednej myśli za pomocą innej. Jako przykład można przedstawić slogan z kampanii reklamowej marki Heyah „Luźne gadki” (czyli chodzi o swobodną rozmowę bez ograniczeń). Heyah w ten sposób proponuje użytkownikom darmowe rozmowy.

Slogan reklamowy „wyraża główną myśl reklamy za pomocą niewielkiej liczby słów, których sens, dobór, brzmienie i rytm umożliwiają wywarć dużego wrażenia i sprzyjają zapamiętaniu” [10, s. 288]. W sloganie można zmieścić wiele, ale nie ma obowiązku umieszczania czegokolwiek [3, s. 126]. Definicja tworzenia sloganów reklamowych została sprowadzona do angielskiego słowa „KISS!” (Keep It Short and Simple), czyli „mów krótko i prosto”.

W sloganach wykorzystuje się następujące środki poetyckie:

- metafora (przenośnia)
 - personifikacja (nadawania przedmiotom i zwierzętom cech ludzkich), np. „Harlequin-Ogrody miłości”, reklama papierosów PALL MALL z hasłem „rozpalić noc”;
 - hiperbola - przesadne i wyolbrzymiane przedstawianie zjawisk, cech lub przedmiotów, zwłaszcza wartości reklamowanych produktów, np. w reklamach skierowanych do mężczyzn kobiety przedstawiane są czasem jako nienasycone seksualnie i operujące określonym systemem skojarzeń, czego przykładem reklama Renault Clio i wykorzystany w niej slogan - „wymiar ma znaczenie”;
 - metonimia - zastępowanie różnych pojęć, np. część ciała - całego człowieka, składnik - produkt, produkt zastępuje producenta, np. reklama obuwia sportowego Reebok „Reeformuj swoją pupę”;
 - porównanie - zestawienie dwóch pojęć mających wspólne cechy, np. „Nowe wedlowskie ptasie mleczko jest jeszcze bardziej puszyste”;
 - epitet - wyraz nadający rzeczownikowi specyficzne znaczenie, np. slogan najnowszej kampanii reklamowej marki Diesel na wiosnę/lato 2010 mówi: „Sex Sells. Unfortunately we sell jeans”, co oznacza „Sexi Sprzedaż. Niestety sprzedajemy dżinsy” [7, s. 62–63].

Oprócz środków poetyckich w konstrukcji sloganów wykorzystywany jest także rym, np. slogan w reklamie wody mineralnej Lider „Tak głęboko dotarł świder, by wydobyć... wodę Lider”.

Uwzględniając symbol i slogan w komunikacie, który może przybierać różne środki poetyckie, niewątpliwie zwiększa się siłę przekazu. Jest on odbierany przez konsumentów nie tylko na poziomie świadomym, ale także trafia do najgłębszych zakamarków umysłu. Odpowiednia konstrukcja przekazu jest tym bardziej istotna, gdyż tylko nieliczni konsumenci oglądają lub czytają całą treść reklamy, większość natomiast zwraca uwagę na ilustrację i slogan reklamowy. Dobrze dobrana nazwa i komunikacja wykorzystująca symbol i slogany niejednokrotnie spowodowały, że reklamy wielu produktów stały się rozpoznawalnymi nie tylko w swej kategorii, ale w ogóle na rynku, np. kampanie reklamowe operatora pre-paid Heyah czy prezerwatyw „Durex”.

W reklamach emitowanych w telewizji, radio czy Internecie istotną rolę w przekazie odgrywa muzyka. Wiele reklam, które odniosły sukces, to takie, które w przekazie wykorzystywały odpowiednie dźwięki czy też metody wyśpiewania tekstu. Do przykładów powszechnie znanych reklam, w których wykorzystano motywy muzyczne należy zaliczyć takie jak: „Gillette – najlepsze dla mężczyzny”, wykorzystanie piosenki Doroty Rabaczewskiej w reklamach lodów Koral.

W przekazach reklamowych najczęściej wykorzystuje się następujące formy dźwiękowe:

- podkład muzyczny stanowiący tło całego przekazu, np. sama linia melodyczna;
- podkład związany z treścią przekazu, np. odgłos silnika przy reklamie samochodu);
- efekty dźwiękowe, które mają wywołać napięcie, np. odgłosy sugerujące jakieś zdarzenie;
- wykorzystanie linii melodycznych do zaprezentowania sloganu;
- przedstawienie treści reklamy w formie piosenki [7, s. 62–63].

Motywy muzyczne stanowiąc integralną część komunikatu reklamowego powodują większą skuteczność, lepsze zapamiętywanie treści reklamowych, pobudzają wyobraźnię, przenoszą pozytywne emocje na produkt, ułatwiają dotarcie do określonych grup oraz mogą przypominać przyjemne wspomnienia z młodości.

4. EROTYKA W REKLAMIE JAKO TECHNIKA PRZEKAZU REKLAMOWEGO

4.1. Rys historyczny

Sex jest wykorzystywany w reklamie od samego jej powstania. Za początki reklamy o tematyce erotycznej przyjąć można rok 1890, gdy w amerykańskiej prasie zaczęły pojawiać się reklamy podkreślających kobiecą figurę gorsetów firm takich jak „Ferris” czy „Eureka Health”. Twórcy reklamowi przełomu XIX i XX wieku szybko przekonali się o niezwyklej skuteczności reklam o erotycznym zabarwieniu. Pokazanie atrakcyjnych kobiet miało swą perswazyjną moc także w reklamie papierosów. W 1885 r., W. Duke & Sons dodał obrazki na paczkach papierosów, które opisywano, jako prowokujące i emanujące seksualnością. Firma Duke powstała w 1890, ale wiodącą marką została dopiero po wymienionej powyżej kampanii reklamowej [2].

W 1936 roku w reklamie marki mydła Woodbury wykorzystano zdjęcie nagiej kobiety. Był to pierwszy taki przypadek na rynku reklamowym. Sytuacja ta spowodowała, że upadająca marka zdobyła szerokie uznanie wśród konsumentów [12].

Od czasów rewolucji seksualnej (lata 60. XX w.) seks przestał być tematem tabu, a stał się czymś najbardziej naturalnym i zwyczajnym. Marka Jovan Musk Oil wprowadzona na

rynek w 1971 roku, dzięki wykorzystaniu erotyki w przekazie reklamowym, osiągnęła spektakularny wzrost dochodów z 1,5 mln \$ w 1971 roku do 77 mln \$ w 1978 [13].



Rys. 1. Reklamy gorsetów firm: "Ferris" i "Eureka Health" z 1890r.

Źródło: Borycka M., Goc A., Osienkiewicz M., Osińska M., *Reklama a prawa człowieka*, <http://www.wsp.krakow.pl/polski/index.php?p0=10&p1=52&dokument=609>

Ponieważ wątki erotyczne w reklamie okazały się jednym z najskuteczniejszych bodźców, stały się one trendem, który jest nieprzerwanie obecny w przekazach reklamowych. Ewolucja wykorzystania erotyki w reklamie polegała na przejściu od niewinnych do mocnych scen, a często także wulgarnych i niesmacznych. W ostatnich latach coraz częściej spotyka się reklamy nawiązujące w bezpośredni sposób do zachowań seksualnych człowieka.

4.2. Teraziejszość

W ciągu ostatnich dwóch dziesięcioleci, coraz powszechniejsze stało się wykorzystywanie coraz bardziej śmiałych i wyraźnych scen erotycznych. Erotyka jest uważana za jedną z najbardziej potężnych form prezentacji przekazu reklamowego. Dziś erotyzmem reklamuje się już prawie wszystko, np.: produkty spożywcze, produkty tytoniowe, alkohol, samochody, kosmetyki i środki do pielęgnacji ciała, modę czy nawet produkty inwestycyjne. Twórcy reklam doskonale wiedzą, że pobudzenie wywołane przez erotykę wzmacnia proces zapamiętywania.

R. Nowacki wymienia cztery najczęściej pojawiające się motywy wykorzystujące seksualność: postacie atrakcyjnych kobiet (rzadziej mężczyzn), sceny pocałunków, pokazywane nie wprost zbliżenia seksualne oraz wskazujące na subtelny i zmysłowy klimat przekazu [7, s. 239].

Wykorzystanie motywów erotycznych można więc podzielić na trzy kategorie:

- reklamy eksponujące nagość, np. reklamy firmy Nordica ukazujące nagą kobietę lub nagiego mężczyznę w charakterystycznej dla narciarza pozycji, trzymających pęk medali w rękach i oczywiście w butach narciarskich;
- ukazujące zachowania seksualne człowieka, np. reklamę zegarków Dolce & Gabbana, reklamy firmy Durex;

• nawiązujące do erotyki w sposób symboliczny (słowne i wizualne wykorzystanie dwuznaczności przekazu), np. reklamy lodów, jedzonych przez wzdychające namiętnie artystki (Doda, Natasza Urbańska) czy reklama "systemu wkładającego dokumenty do kopert", w której obok twarzy blondynki widnieje hasło "Włóż mi!".

W reklamach powszechnie stosowana jest także metoda wykorzystująca symbole „faliczne”³, schematy przypominające narządy seksualne, stosunek seksualny czy zarys piersi. Metoda polega na kierowaniu przekazu do klienta, któremu z seksem kojarzy się wszystko. Z tego klucza wywodzi się reklama Banku Ochrony Środowiska ze sloganem reklamowym "Biliśmy pier(www)si w Internecie", który uzupełnia duży biust.

5. ZAKOŃCZENIE

Niektóre reklamy wykorzystują sex i erotykę w wyrafinowany intelektualnie sposób. Inne są wręcz banalne. Można odnaleźć i takie, które są piękne i zmysłowe zarazem, oryginalne, dowcipne i z całą pewnością są prawdziwą sztuką. Przywołane tu przykłady dobrze ilustrują granice dobrego smaku w wykorzystaniu erotyki w reklamie, czy też ich brak. Pokazuje to, że we wszystkich działaniach należy zachować umiar, bo przecież reklama może pokazywać także erotykę w sposób nie budzący większych kontrowersji. Warto zwrócić uwagę na fakt, że erotyka różnicuje klientów i nie może być w taki sam sposób prezentowana w stosunku do kobiet i mężczyzn. To co wzbudza zainteresowanie kobiet może nudzić mężczyzn, z kolei to co podoba się mężczyznom może być niesmaczne dla większości kobiet. Grupa docelowa determinuje więc sposób i rodzaj wykorzystywanej tematyki o zawartości erotycznej. Odpowiedni dobór środków o zabarwieniu erotycznym w przekazach reklamowych, takich jak symbol, slogan czy właściwe ich zilustrowanie, stanowią o sukcesie reklamy. Trzeba jednak zdać sobie sprawę z tego, że odniesienia erotyczne same z siebie nie doprowadzają do wzrostu sprzedaży produktów, bo gdyby tak było, to półki sklepowe opanowałyby erotyczne ozdoby.

LITERATURA

1. Basiewicz K, Michalik R. Uwodzące symbole i metafory, „Marketing w Praktyce”, nr 2/120/, 2008.
2. Borycka M., Goc A., Osienkiewicz M., Osińska M. Reklama a prawa człowieka, <http://www.wsp.krakow.pl/polski/index.php?p0=10&p1=52&dokument=609>
3. Bralczyk, J., Język na sprzedaż, Gdańskie Wydawnictwo Psychologiczne. – Gdańsk, 2004.
4. Kopaliński W. Słownik Symboli. – Warszawa: Wiedza Powszechna, 1991.
5. Laszczak M. Seks w reklamie // Marketing w praktyce – 2001. – nr 5(39). – S. 26.
6. Mlivić Budeš E. Seks, emocje i marketingowa komunikacja, <http://www.poslovnisavjetnik.com/CMS/0105/Content.aspx?EID=18986>
7. Nowacki R. Reklama, Difin. – Warszawa, 2006.
8. Ringle G. Marketing. Die Akademie. – Hamburg, 1992. – rozdz.4.3.2.
9. Stróżycki M., Heryszek T. Nowoczesna reklama na współczesnym rynku, Difin. – Warszawa, 2007.
10. Sztucki T. Encyklopedia marketingu, Placet. – Warszawa, 1998.
11. <http://www.slovník-online.pl/kopalinski/95C960FF4F71775C4125659A0078203D.php>.
12. http://en.allexperts.com/e/w/wo/woodbury_soap_company.htm

³Obojnactwo w sztuce ind. i egip. Indyjski lingam, symbol falliczny, przedstawiany ze swym żeńskim odpowiednikiem joni, reprezentuje prasię, światło, z którego promieniuje życie...” [4, s. 494].

13. <http://www.neurotyk.net/2009/03/>

14. <http://theworldsbestever.com/category/advertise/page/4/>

ПРОБЛЕМА САМОКОНСТРУИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ КРИЗИСА ИДЕНТИФИКАЦИИ

Н.С. Ильющенко

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Беларусь

Актуальность данной проблемы фундирована необходимостью решения вопроса о преодолении кризисных тенденций в развитии современной цивилизации в эпоху глобальных общественных трансформаций. Современное человечество пришло к осознанию того, что бездумное, стихийное развитие чревато кризисными ситуациями не только локального, но и глобального – в масштабе цивилизации – характера. Причины глобальных проблем связаны не только с особенностями технологического развития общества, но коренятся в самом человеке. Современные глобальные проблемы выступают логическим следствием глубокой внутренней разобщенности человеческой субъективности, кризиса его самоидентичности. Для понимания того, как и в каком направлении следует развиваться современному обществу, какими приоритетами и ориентирами при этом руководствоваться, необходима радикальная трансформация самого способа бытия человечества, которая во многом определяется тем, как сам человек себя мыслит, с чем себя идентифицирует.

Процесс самоидентификации представляет собой комплексную деятельность человека по самоопределению, результатом которой является обретение им тождества с самим собой. Данное тождество обнаруживает себя при соотношении себя как «я» с кем-либо или чем-либо другим (образом, группой, идеалом и т.д.), в результате чего формируются представления о себе как о цельной и уникальной личности. В качестве такого значимого «Другого», посредством которого осуществляется практика самоидентификации, могут выступать люди, идеи, вещи, социальные роли и др., выполняющие функцию своеобразных «посредников», в которых, как в зеркале, человек открывает различные образы себя. В попытках обрести себя, воссоздать собственную целостность, человек в разные исторические эпохи идентифицирует себя с различными объектами, в качестве которых выступают Бог, сознания других людей, деятельность, предметы, социально-значимые образцы поведения и т.д.

Тенденции развития глобализирующегося мира привели к тому, что классические механизмы идентификации, исправно функционировавшие на протяжении многих столетий, сегодня не оправдывают себя, являя свою ограниченность. Ситуация, когда старые образцы обнаруживают свою нефункциональность и, в конечном итоге, приводят к разрушению самих условий возможности целостного восприятия субъектом самого себя в качестве самотождественной личности, получила название кризиса идентификации [1, с. 170].

Истоки кризиса идентификации многие исследователи усматривают в развитии тенденции автономизации человека и в становлении индивидуалистической культуры

(Ф. Фукуяма, Б. Хюбнер, И. Гофман), постулирующей свободу человека от всякого давления. Традиционные модели идентификации, базирующиеся на соотношении себя с «Другим», определяли его как нечто, чему человек должен уподобить себя, в соответствии с чем он должен придти. Именно через уподобление себя «Другому» и, следовательно, как подчинение ему? происходило воссоздание целостности человеческого «Я», обретение им смысла своего бытия.

Однако такой способ идентификации не оправдывает себя в современную эпоху, ибо чему бы человек себя не уподоблял, платой за это является утрата им своей свободы. Даже апелляция к «высшей инстанции», Абсолюту, которая утверждает достоинство человека в качестве «образа и подобия» Бога, тем не менее, в качестве стратегии идентификации терпит поражение. Провозглашение «смерти Бога» выступает результатом разочарования, бунтом человека, который так и не смог обрести желанной самодостаточности. Посредством соотношения себя с образом Бога человек не только возвеличивает себя, обнаруживая бесконечность потенциала своей личности, но в то же время оказывается вынужденным признать принципиальную невозможность его реализации (по крайней мере, в своей земной жизни). Человек превращается в должника Бога, цель бытия которого - реализовать богоподобный идеал, что на практике оказывается практически недостижимым из-за греховности человека.

Последствия утраты трансцендентного объекта идентификации заставили человека обратиться к посюсторонним объектам, в сопоставлении с которыми он надеялся обрести целостность и смысл. Прежде всего, человек предпринял попытку идентификации себя с личностью другого человека. Однако такая стратегия также породила разочарование. Другой субъект – это, прежде всего, чужой, иной, незнакомый мир. Итогом такой попытки становится одиночество, поскольку чужой - это, прежде всего, чуждый.

В результате обнаружения своего тотального одиночества, человек предпринял попытку восстановления своей самоидентичности посредством обращения к активной деятельности, идентифицируя себя с результатами своего труда, а также с теми способами, которыми он действует в мире. Определение себя как действующего в мире явилось причиной того, что человек начал воспринимать себя исключительно функционально – через набор выполняемых им ролей и стереотипов поведения. Однако такой взгляд скорее способствовал еще большей разобщенности человеческого «Я», поскольку создавал непреодолимый зазор между внутренним миром человека и внешним его поведением, социальной маской, которая никогда не тождественна внутреннему «Я». Такое функциональное рассмотрение себя открыло путь мифотворчеству. Попытки подвести свое поведение и свою деятельность под значимый социальный образец еще больше отдалили человека от себя, нежели приблизили его к пониманию собственной сущности.

Отождествление себя с продуктами своего труда, вещами, также не способствовало обретению целостности. Распредмечивая свое «Я» в вещах, человек куда больше узнавал о самих вещах, нежели о себе. Вещь может рассказать нам о наших потребностях, ролях, функциях, но она не в состоянии раскрыть нам нашу природу и указать на смысл нашего существования. Вещь может выступать в качестве объекта познания, в качестве игрушки, бытового предмета, предмета культа, но ни в одной из вещей «человек не может полностью обрести себя, увидеть свое подлинное «Я» [2, с. 16]. Понятие распредмечивания, таким образом, подменяется понятием «обладание»: «...отражаясь в созданных человеком вещах, наше «Я» возвращается к нам, когда мы

получаем эти вещи в свое полное распоряжение» [2, с. 16]. Так человек вместо того, чтобы идти к себе, движется от себя, становясь рабом общества потребления.

Описанные проблемы идентификации индивида в XX веке были усилены тенденциями возрастающего релятивизма культуры. Кризис идентификации, наиболее ярко проявившийся в эпоху постмодерна, своим истоком имеет стирание границ и упразднение иерархии в системе ценностей, порождая эклектизм, в котором различные, порой несовместимые между собой практики самоидентификации смешиваются, рассматриваясь при этом как принципиально равноправные. Индивид, имея равное право отдать предпочтение любой из стратегий, запутывается в этой галерее зеркал-посредников, в результате чего обнаруживает неспособность осуществить выбор вообще, предпочитая следовать девизу: «Выбирать – значит обкрадывать себя!», и тем самым, открывает путь различного рода манипуляциям. С другой стороны, человек может столкнуться с возрастающим чувством страха, страха так и не выбрать, не найти тот значимый социальный образец, с которым можно было бы себя отождествить.

Выход из сложившегося кризиса идентификации возможен как переосмысление самого механизма осуществления практик идентификации, как переход от соотношения себя с «Другим» посредством подчинения себя «Другому», «подгонки» себя под некий идеал или модель, к диалогическому взаимодействию с «Другим». Такое диалогическое отношение является основанием для творческого самоконструирования человеком своей индивидуальности. В данном подходе «самопознание» индивидом себя заменяется практиками «самосозидания», которое, однако, не следует понимать как произвольные «языковые игры», где одна из предпочитаемых стратегий не более значима, чем другая. Диалогическая модель позволяет избежать ловушки релятивизма, с одной стороны, и удерживает от соблазна искать точку опоры человеческого бытия в чем-то абстрактном, вечном и вневременном, с другой стороны, поскольку «диалог, перенесенный в вечность, лишается своей опоры» [2, с. 52] и принимает форму спора абстрактного человека с самим собой, открывая путь в мифологизацию, в «чужое», где узнавание невозможно.

Диалогический подход, призывающий к рассмотрению практик самоидентификации как творческого самоконструирования человеком самого себя, в качестве основания для установления единства, общности Я и «Другого» предлагает на абстрактно-всеобщее и не индивидуально-конкретное (в этом случае диалог становится невозможен в принципе), но конкретно-общее. Выделение конкретно-общего в качестве основания для диалога предполагает не поиск и культивирование набора общих признаков, которыми должны обладать индивиды, но наличие общего закона, связывающего этих индивидов в рамках социального целого. Другими словами, это установление реальных связей между людьми, в результате чего происходит обнаружение их единства, а не единообразия. Такая диалогическая модель, реализуемая в глобальном масштабе, возможно, сможет способствовать поиску более гармоничных стратегий сосуществования человечества в эпоху глобальных общественных трансформаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Идентификации кризиса // Новейший философский словарь. Постмодернизм / Главный научный редактор и составитель А.А. Грицанов. – Мн.: Современный литератор, 2007.

KANUN LEKA DUKAGJINI – ALBAŃSKI KODEKS HONOROWY

Magdalena Ickiewicz-Sawicka
Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

„Hak pa mar, e barsh pa lace” – mówi albańskie prawo – „Kto nie dokona vendetty, ten będzie na zawsze pozbawiony godności”.

Patriziia Resta

Streszczenie

Artykuł dotyczy zwyczajowego prawa albańskiego, które pochodzi z czasów średniowiecza. Autorka opisuje wybrane fragmenty albańskiego kodeksu honorowego, zwanego *kanunem*. Tekst zawiera informacje w porządku chronologicznym poczynając od średniowiecza a kończąc na współczesności. Autorka szczególną uwagę zwraca na reguły związane z zachowaniem godności, honoru i zjawiska zemsty rodowej. Wiele zwyczajów przetrwało do dnia dzisiejszego i funkcjonuje wśród albańskiego społeczeństwa.

Albański kodeks honorowy jest jednym z najstarszych dokumentów tego typu, który (w pewnych aspektach) funkcjonuje we współczesnej Albanii i stanowi swoisty ewenement w tym regionie Europy. Konstrukcja kodeksu opiera się o prawo zwyczajowe, obowiązujące wśród północnych rodów klanowych Albanii poczynając od wieku piętnastego aż do dwudziestego stulecia, a w niektórych górskich regionach Albanii, normy te przestrzegane są po dzień dzisiejszy.

Albańskie prawo zwyczajowe działa na podstawie tzw. Kanunu. Określenie to wywodzi się z języka greckiego i identyfikuje - zasadę miarę. Również stare albańskie słowo *dokë*, pochodzące od *dukem*, oznacza - pojawiać się, zachowywać się. Liczba mnoga od tego wyrazu *dokët* oznacza zaś - zbiór praw, które określają, reguły zachowania wobec znajomych i obcych (12, s.13). Autorstwo kanunu przypisuje się Lekë Dukagjinie, choć podaje się, że zasady w nim opisane, były znane i przestrzegane na długo przed spisaniem go przez Leke Dukagjinia (1410 – 1481) [13, s. 118]. Ponadto tego rodzaju opracowań było więcej, jak np. Kanun Skanderbega.

Jednak najbardziej znany autor kanunu pochodził z albańskiej rodziny ziemiańskiej, której majątek obejmował ziemie od miejscowości Zadrime aż do zlewiska Białej i Czarnej Driny. Dukagjini walczył u boku Skanderbega, a po jego śmierci w 1468 roku, był przywódcą powstania przeciwko Imperium Otomańskiemu.

Najpowszechniej znaną wersją opisywanego kodeksu jest tekst pochodzący z XV wieku. Został on opracowany przez chrześcijańskiego mnicha (franciszkanina) pochodzącego z Kosowa w latach 30-tych XX wieku - Shtjefëna Gjeçovę. Wydany jednak został już po jego śmierci przez współbraci z zakonu. Albańskie prawo zwyczajowe po raz pierwszy w Europie Zachodniej pojawiło się w dokumentach watykańskich z XIII wieku [2, s.1-3]. Spis ten zawierał eklektyczny zbiór praw: Ilirów, plemion z północnego Kaukazu oraz elementy muzułmańskiego szariatu. Spisane przez Shtjefëna Gjeçovę prawo określa się mianem prawa zwyczajowego.

• Prawo to opiera się na systemie norm występujących w formie nakazów i zakazów, ukształtowanych w wyniku długotrwałej tradycji i jednórodnego postępowania podmiotów, do których normy te zostały skierowane. W wielu przypadkach normy prawa zwyczajowego stanowiły fundament prawa stanowionego, przenikając do formalnego systemu prawa. Potwierdzeniem tej tezy stał się fakt funkcjonowania zwyczaju w prawie międzynarodowym jako równomiernego źródła prawa, obok umowy międzynarodowej [2, s.20-30].

Prawo zwyczajowe obejmuje swoim zasięgiem wszelkie sfery życia człowieka, poczynając od chwili narodzin aż do śmierci. Albański kanun bardzo precyzyjnie definiuje prawa i obowiązki poszczególnych członków rodziny czy klanu i nadaje im miejsce w hierarchii danej społeczności. Przywiązanie do prawa zwyczajowego przenika także albańską kulturę, co z kolei staje się inspiracją dla albańskiej literatury. W związku z tym motywy kanunu pojawiają się w albańskiej literaturze (patrz dzieła Ismaila Kadarego [11, s.10-20]) oraz poezji np. Martina Camaja. Stanowi to o bardzo silnym przywiązaniu do tradycji, której korzeni należy szukać aż w starożytności. Albańscy historycy stoją na stanowisku, że albańska tożsamość narodowa wywodzi się od starożytnego plemienia Iliryskiego.

W czasach dominacji Imperium Rzymskiego była to jedna z jego prowincji. Z biegiem czasu ziemie te były zaludniane także przez Traków i Słowian. Wielość plemion i współistniejących z nimi kultur przyczyniła się, z jednej strony do integracji tego regionu, z drugiej zaś powodowała wewnętrzne podziały i rozdarcia. Również wśród samych Albańczyków powstała rysa dzieląca tę nację na dwie części (Toskowie i Gogowie). Toskowie opanowali południe, Gogowie zasiedlili wyjątkowo górzysty i trudny do zamieszkania północny region Albanii. Różnice pogłębiały się w miarę upływu czasu i zmiany geopolityki w tym regionie Europy. Kluczowym momentem był schyłek potęgi cesarstwa rzymskiego i podział wpływów pomiędzy upadającym imperium a Konstantynopolem (395 rok) [4, s.149]. Układ ten został podtrzymany przez Schizmę Wschodnią (1054 rok), która podzieliła ówczesnych Albańczyków na wyznawców religii rzymsko-katolickiej i prawosławia. Ponadto niniejszy podział został ugruntowany w wyniku napływu na te terytoria słowiańskich osadników, których ekspansja terytorialna i kulturowa zmusiła plemiona iliryskie do wycofania się w góry. Należy jednocześnie zaznaczyć, że góry te uznawano wówczas za naturalne twierdze, które wyznaczały strefy wpływów zarówno pod względem etnicznym, kulturowym a także politycznym. Szczególne położenie geograficzne i górzysta topografia terenu spowodowały, że do XIV wieku ludy zamieszkujące północną część Albanii nie funkcjonowały w systemie feudalnym, którym objęta była cała ówczesna Europa Zachodnia. System klanowy zdecydowanie różnił się od systemu feudalnego, ponieważ jego podstawy zostały utworzone w ścisłym związku z normami prawa zwyczajowego. Nakazami i zakazami akceptowanymi i stosowanymi w praktyce przez społeczność zamieszkującą północną część Albanii [7, s.151]. Zasady kanunu zaczęły rozpowszechniać się wraz z rozpoczęciem tureckiej dominacji na Bałkanach, odrzucając jakoby z natury ustawodawstwo osmańskie. Wówczas wyraźnie zarysowały się różnice pomiędzy północną a południową częścią albańskiego terytorium. Niepokorna wobec obcego zaborcy postawa albańskich górali wstrzymała skutecznie wprowadzenie tureckiego systemu administracji państwowej, który opierała się na systemie „timarów” [24, s.1] i pozwoliła na funkcjonowanie miejscowej ludności według zasad kanunu [7, s.153]. Oddziały tureckie nie zapuszczały się w niedostępne góry, a bez ich pomocy osmańscy urzędnicy nie mieli możliwości skutecznego ściągania podatków od miejscowej ludności, która posiadała

wewnętrzny samorząd oparty o reguły Kanunu. W związku z turecką okupacją wzmocniła podział Albanii przebiegający pomiędzy północą a południem, pomiędzy Toskami a Gotami, pomiędzy strażnikami kanunu (z elementami chrześcijaństwa) a konwertytami przyjmującymi islam.

Okres dominacji osmańskiej utrwał ten podział, a okres powstań narodowych w XIX wieku praktycznie go przypieczętował. Wprawdzie powstanie państwa albańskiego po I Wojnie Światowej stworzyło warunki do zbudowania jednolitego społeczeństwa opartego na regułach demokratycznych, ale poszczególne rządy zarówno pod przewodnictwem Ahmeda Zogu [10, s.1-3] jak i Fana Noll [6, s.20-30] były zbyt słabe aby zbudować silną organizację państwową i zlikwidować lub co najmniej ograniczyć panowanie systemu klanowego. Dlatego też znajomość historii Albanii prowadzi do zrozumienia i odkrycia niebywałej siły kanunu, zwłaszcza wśród albańskich górali zamieszkujących północną część kraju. Reguły kanunu były dla nich drogowskazem, który wskazywał właściwą drogę i cementował albańską tożsamość plemienną, hamując w ten sposób powstanie społeczności państwowej opartej o wspólnotę polityczną; obywatelską. Silna wiara w reguły kanunu była znacznie silniejsza niż inne wartości takie jak np. religia czy uporządkowany system polityczny [17, s.17].

W latach międzywojennych i w okresie komunizmu władze albańskie podjęły próbę wyeliminowania z życia społecznego zwyczajów zawartych w kanunie. Niemniej jednak jego zasady były nadal kultywowane, mimo restrykcyjnych przepisów prawa. Przywiązanie do tradycji okazało się być silniejsze niż totalitarny system Envera Hodży, którego upadek paradoksalnie przyczynił się do wzmocnienia prawa zwyczajowego, szczególnie w górskich regionach kraju [22, s.1-30].

Prawo zwyczajowe funkcjonowało także w niektórych rejonach byłej Jugosławii np. w Serbii, Czarnogórze czy Macedonii. Prowadzone w połowie ubiegłego stulecia badania etnologiczne na terenie Kosowa ukazywały przywiązanie mieszkańców tej prowincji do tradycyjnego sądownictwa czy określonego w kanunie statusu kobiet. Według opinii jugosłowiańskich badaczy albańskie prawo zwyczajowe funkcjonowało wśród wielu społeczności tworzących Jugosławię, także wśród regionów zamieszkałych przez ludność pochodzenia serbskiego (patrz badania chorwackiego antropologa prof. Nikola Pavkovića).

Reguły kanunu składają się z dwunastu ksiąg, które obejmują poszczególne sfery działalności człowieka. Kilka pierwszych ksiąg, reguluje kwestie związane z życiem religijnym i rodzinnym (kościół, rodzina, małżeństwo, dom, inwentarz i własność; praca, przekazanie własności) kolejne wyznaczają określone normy postępowania związane z przysięgą, honorem, dopuszczaniem się przestępstw, a następnie procedury jego egzekwowania.

Ze względu na ograniczone ramy tego opracowania dalsze rozważania zostaną zawężone do niektórych przepisów kanunu, które odnoszą się bezpośrednio do konstrukcji struktury klanowej oraz kwestii związanych z gościnnością, honorem oraz związanym z nimi krwawą zemstą i *besa*.

Fundament systemu klanowego został zbudowany na kanwie wyjątkowo spójnych gospodarstw domowych – *shtepi* [26, s.1-20], połączonych ze sobą więzami społecznymi, religijnymi a także ekonomicznymi. System ten składał się z – *fis* [26, s.1-20], czyli rodów, które były wspólnotą poszczególnych rodzin. Zależności klanowe były tak silne, że ze względu na pewne korzyści nie tylko możliwe było łączenie dwu rodzin (np. zajmującej się pasterstwem i uprawą w celu wymiany dóbr), ale nawet rodzin dwuwyznaniowych

[19,s.100]. Podstawą funkcjonowania klanu były reguły patriarchalne oraz szacunek do hierarchii stosowanej według kryteriów wieku i płci (bezwzględne wypełnianie określonych ról społecznych). Starszyzna klanowa posiadała władzę, decydowała i rozstrzygała lokalne spory. Jednocześnie zaś członkowie wspólnoty kultywowali równość wszystkich ich członków, co stanowiło naturalną opozycję wobec narzucanego odgórnie tureckiego odpowiednika systemu feudalnego. Przynależność do *fis* była podstawą identyfikacji kulturowej [9, s.5-10], wzmacniała poczucie więzi i lojalności wobec grupy. Ponadto rodziło także odpowiedzialność i potrzebę zachowania reguł gościnności i honoru [17,s. 23]; zasadniczej instytucji kanunu.

Gościnność i honor to tradycyjne wartości albańskiej kultury. Centralnym miejscem wspólnoty rodzinnej jest dom, który stanowi gwarancję stabilności i bezpieczeństwa. Dom rozumiany nie tylko jako wspólnota rodzinna ale także jako budynek, którego architektura [25, s.1-5] zapewnia domownikom bezpieczeństwo przed niepożądanymi intruzami.

Obecnie na terenie Albanii budynki tego typu (alb. Kulla) występują na północy kraju, bardzo wysoko w górach i powoli popadają w ruinę lub są bez jakiegokolwiek wiedzy konserwatora zabytków modernizowane; tracąc w ten sposób bezpowrotnie swój unikatowy charakter. Tradycyjna konstrukcja tych domów odzwierciedlała zarówno społeczne jak i kulturowe potrzeby domowników, ale przede wszystkim spełniała realne zabezpieczenie przed niepożądanymi gośćmi. Bezpieczeństwo domownikom zapewniały grube na metr kamienne ściany, małe zaprojektowane jako okienka strzelnicze okna oraz niewielkie zewnętrzne wejście znajdujące się na wysokości drugiego piętra. Potencjalny gość, chcąc dostać się do środka musiał wspiąć się po stromych zewnętrznych schodach [21, s.82-83]. Ten typ architektury został spopularyzowany w drugiej połowie XVIII wieku i przetrwał do drugiej połowy XX wieku. W kullas zamieszkiwała przeważnie zamożniejsza część społeczności albańskiej, osiadłej głównie na terytorium Kosowa.

Tradycyjny albański dom stał się symbolem gościnności, fundamentalnej zasady zawartej w kanunie. Dom Albańczyka to jego twierdza, bezpieczny azyl chroniący jego mieszkańców przed niebezpieczeństwem, a przede wszystkim przed zemstą rodową. Gość przyjmowany jest z czcią i szacunkiem. Powinien on jednak uprzedzić o swojej wizycie i zostawić u gospodarza broń. Ten gest posiada podwójne znaczenie, po pierwsze czyni się tak ze względów bezpieczeństwa, po drugie rytuał ten stanowi symboliczny gest pokoju, przestrzeni wolnej od przemocy i prawa zemsty. Gościa prowadzi się do centralnej części domu i otrzymuje on poczęstunek. W zależności od rangi gościa może to być jedynie chleb i sól, ale w przypadku osoby wywodzącej się z wyższej sfery także kawa, rakija czy mięso [2, s. 5-12]. Gospodarz od tego momentu zobowiązany jest do ochrony gościa, a w przypadku gdy zostanie on zabity, obowiązek ten obejmuje również zemstę [11, s.10-20]. Z drugiej strony zaś także gość powinien zachować szacunek w stosunku do gospodarza i podporządkować się regułom panującym w domu gospodarza. Złamanie określonych reguł gościnności zarówno ze strony gościa jak i ze strony gospodarza, prowadzi do utraty osobistego honoru mężczyzny. Mężczyzna traci honor także z powodu np. niedotrzymania słowa, unikania spłaty długu, odebrania broni czy naruszenia jego nietykalności cielesnej oraz w sytuacji gdy znieważona zostaje jego żona.

Opisana powyżej zasada gościnności jest nierozzerwalnie związana z drugą zasadniczą instytucją kanunu, a mianowicie z pojęciem honoru i zemsty (dosł. branie krwi - alb. hakmarrja, gjakmarrja). Zemsty rozumianej jako bezwzględny obowiązek, którego zaniechanie obwarowane

jest społecznymi sankcjami i utratą godności. Albańczyk w każdej chwili pełni funkcję ambasadora swojego rodu i doskonale zdaje sobie sprawę z tego, że niedotrzymanie zasad wypływających z kanunu okrywa hańbą nie tylko jego samego ale rozciąga się także na pozostałych krewnych. Dotyczy to przede wszystkim zemsty, która według kanunu nigdy się nie przedawnia, ponieważ „krew się nie starzeje” i „nie traci koloru”.

Wypełnienie zasad dotyczących dokonania zemsty jest ściśle określone i wymaga od sprawcy zachowania określonych reguł postępowania. Musi on dokonać zabójstwa na osobie sprawcy, a jeśli nie jest to możliwe to dopełnienie zemsty odbywa się na którymś z członków rodziny pierwotnego winowajcy. Ofiarą nie mogą paść kobiety (z drugiej strony cudzołóstwo kobiety karze się śmiercią [15,s. 130], dzieci, duchowni, osoby chore oraz korzystające z gościnności. Ponadto aktu krwawej zemsty nie można dokonać w miejscach świętych oraz w obejściu wroga [5, s.1-10]. Akt zabójstwa odbywa się według określonego rytuału. Sprawca dokonuje zabójstwa poprzez strzał w tył głowy i musi to uczynić z całkowitego zaskoczenia. Następnie jest zobowiązany do uczestnictwa z ceremonii pogrzebowej łącznie ze stypą [11, s.10-20].

Prawo zemsty nie przedawnia się, a polowanie na winowajcę trwa, dopóki przestępstwo nie zostało pomszczone. Państwowe instytucje upoważnione do wymierzania sprawiedliwości w postaci wyroków skazujących nie są wystarczającym środkiem represji i nie dokonują zadośćuczynienia za doznaną krzywdę [21,s.82-83]. Generalnie albańscy górale nie odnoszą się z szacunkiem do oficjalnej władzy państwowej, nie rzadko uchylają się od płacenia podatków, a władze samorządowe funkcjonują według prawa zwyczajowego. Lokalne władze wyłaniane są na zasadach opartych o reguły kanunu i składają się zazwyczaj z przedstawicieli głów rodzin poszczególnych klanów. Prawo zwyczajowe skutecznie zastępowało ignorowany aparat państwowy, przejmując jakoby naturalnie lukę w sprawnym funkcjonowaniu organów ścigania i wymiaru sprawiedliwości. Jak pokazują powyższe rozważania, w górskich regionach Albanii, taka sytuacja utrzymuje się do dnia dzisiejszego.

Sztywne reguły dotyczące pojęcia honoru i zemsty posiadają oczywiście, jak każdy system społeczny, pewne wyjątki, które opierają się na zasadach zdrowego rozsądku. W przypadku albańskiego kanunu instytucją, która wprowadza równowagę pomiędzy bezwzględными zasadami zachowania honoru i wypełnianiu krwawej zemsty, a równie szanowanymi regułami gościnności, jest istnienie tzw. *besy*.

Dać komuś *besę* oznacza podarowanie i utrzymanie bezpieczeństwa, zaś jej niedotrzymanie jest równoznaczne z utratą honoru. *Besa* to także „przrzeczenie, lojalność czy zaufanie” [7, s.148]. Instytucja ta rozciąga się na przypadki dokonania aktu zabójstwa, ponieważ po dokonaniu tego czynu, sprawca najczęściej otrzymuje wspomnianą *besę*, czyli gwarancję, że w określonym czasie nikt nie dopuści się wobec niego zemsty. Okres bezpieczeństwa wyznaczają reguły tzw. małej i wielkiej *besy*. W pierwszym przypadku czas obejmuje dobę, w drugim rozciąga się na trzydzieści dni. Po upływie tego terminu sprawca staje się potencjalną ofiarą i aby uniknąć kary zostaje zmuszony do ciągłego ukrywania się w granicach swojego domu. Od tego momentu zostaje on napiętnowany a lokalna społeczność symbolicznie skazuje go na ostracyzm, polegający w praktyce na zastosowaniu niekończącego się „aresztu domowego”, którego liczne przypadki odnotowuje się w czasach współczesnych.

Z drugiej strony zaś bezwzględne stosowanie opisywanych reguł w okresie średniowiecza, nieuchronnie doprowadziłoby do deficytów demograficznych wśród ówczesnych albańskich rodów. W związku z tym rodzina pierwotnego winowajcy mogła zwrócić się do rodziny zobowiązanej do dokonania zemsty o zawieszenie sporu np. przy okazji religijnych czy

rodzinych uroczystości [5, s. 1-10]. Wówczas spór zostaje poddany w ręce pośredników, negocjatorów, którzy określają od tej pory reguły postępowania pomiędzy zwaśnionymi stronami, z tym że według prawa zwyczajowego ugoda nie może mieć charakteru umowy handlowej, czyli nie podlega ona zamianie na grzywnę [26, s.1-10]. Arbitrzy w ten sposób regulują funkcjonowanie wspólnoty, której nadrzędną wartością staje się wewnętrzna spójność.

Opisane powyżej pojęcia krwawej zemsty i besy stanowią swoisty ewenement funkcjonowania w pewnej części Europy reguł postępowania, których rodowód sięga średniowiecza. Współczesna cywilizacja zachodnioeuropejska ocenia tego rodzaju praktyki jako przejaw nieuzasadnionego bestialstwa i barbarzyństwa, a używając współczesnego języka łamaniu praw człowieka [14, s.1-5]. Instytucja albańskiej zemsty rodowej po okresie uspiania w czasie komunistycznej dyktatury Envera Hodży (wówczas państwo bardzo surowo karało za tego rodzaju przestępstwa), została ponownie przywrócona w momencie obalenia komunizmu. W przeciągu ostatniego ćwierćwiecza opisywany problem dotyczył ponad 20 tysięcy albańskich rodzin, a około 6 tysięcy mężczyzn stało się ofiarami krwawej zemsty [21, s.83]. Stosowanie się do zasad kanunu przekłada się bezpośrednio na funkcjonowanie życia społecznego tego kraju. Kilka tysięcy młodych mężczyzn i chłopców zostaje uwięzionych we własnych domach, w obawie przed utratą życia. Funkcjonowanie całej rodziny spada na barki kobiet, które oprócz licznych obowiązków, związanych z prowadzeniem domu, muszą jednocześnie pracować zawodowo, aby utrzymać rodzinę.

Opisane powyżej specyficzne reguły funkcjonowania albańskiego społeczeństwa, oparte na prawie zwyczajowym w jednoznaczny sposób wyznaczają tożsamość tego narodu. Albańczycy traktują państwo jako tradycyjną wspólnotę składającą się z poszczególnych klanów, które łączy kanun, pokrewieństwo oraz język. Religia w albańskiej tożsamości [1, s. 25-49] nie odgrywa tak istotnej roli jak np. wśród społeczności serbskiej. Terytorium państwowe zaś powinno być wyznaczane według zasad etnicznych. Konsekwencją tego rodzaju myślenia stał się mit Wielkiej (lub bardziej łagodnie) etnicznej Albanii, która miałaby obejmować nie tylko teren dzisiejszej Albanii, ale również część Serbii, Macedonii [6, s.8] (okręg Tetovo) i oczywiście Kosowo. Paradoksalnie spoiwem wielowyznaniowej Albanii stała się idea ateizmu, którą wręcz kultywował Enver Hodża [18, s.135-142].

Po upadku komunistycznego reżimu do albańskiej tożsamości narodowej, powrócił ze zdwojoną siłą kanun, którego nie jest wstanie wyrugować jakkolwiek religia, w tym także coraz bardziej popularny w Albanii islam. Fenomen funkcjonowania tej, szczególnej „kulturowej skamieliny” w postaci prawa zwyczajowego, próbuje się rozwikłać za pomocą teorii habitusu P. Bourdieu.

Według P. Bourdieu habitus to system utartych schematów poczynszy od myśli, percepcji, oceniania i działania człowieka. Teoria ta kwestionuje założenia koncepcji wolnej woli i tym samym ogranicza jednostkę, zawężając możliwość wyboru. Z drugiej jednak strony każdy habitus wykazuje pewną elastyczność, ale jedynie w granicach określonego ogólnie schematu. Wprawdzie jednostka może korzystać z nieograniczonego sposobu działania np. w codziennych relacjach społecznych. Ale ze względu na ugruntowane w owej społeczności schematy i scenariusze działania, ulega presji grupy i podąża wyznaczoną przez poprzednie pokolenia ścieżką. W związku z tym habitus funkcjonuje w znacznej mierze w podświadomości jednostki, nie jest zatem świadomym i racjonalnym działaniem. Jak słusznie zauważa R. T. Ciesielski habitus „jako ucieleśniony pierwiastek społeczny, czuje się „u siebie” na terenie pola, które »zamieszkuje« i które natychmiast postrzega jako wyposażone w sens i godne zainteresowania. Poznanie praktyczne, które tam następuje, może być opisane przez analogię do arystotelesowskiego phronesis, albo, lepiej, do *ort he doxa*, o którym pisze Platon w Menonie: w

chwili, kiedy „prawa myoeł” „natrafia na prawdę”, w pewnym sensie nie wiedząc jak i po co natychmiast rodzi się zbieżność dyspozycji i pozycji, sensu gry i samej gry. Prowadzi to człowieka do zrobienia tego, co ma do zrobienia, bez stawiania sobie tego wprost za cel, z pominięciem kalkulacji i nawet podświadomości, z pominięciem dyskursu i wyobrażeń” [5, s.78]. Proces ten kształtuje kultura, obyczaje, środowisko.

Powyższe rozważania odnoszą się do zamkniętej społeczności albańskich górali, odseparowanych od pozostałej części społeczeństwa, funkcjonujących „według porządku społecznego zredukowanego do pewnego rodzaju kolektywnej klasyfikacji uzyskanej dzięki sumowaniu klasyfikacji jednostkowych lub, bardziej precyzyjnie, z jednostkowymi strategiami, klasyfikowanymi i klasyfikującymi, za pomocą których podmioty działające klasyfikują siebie i innych” [3, pp.139-144]. Taki porządek świata wyznają albańscy górale, przekazując reguły kanunu przyszłym pokoleniom, niezależnie od tego co oferuje współczesny, zmodernizowany i zdemokratyzowany świat cywilizacji zachodnioeuropejskiej. Tradycyjny albański model życia społecznego odzwierciedla ową esencję „albańskości”, która zadziwia a nawet przeraża współczesnego, uwikłanego w skrajny indywidualizm obywatela „starej Europy”.

LITERATURA

1. Balcer, A. Religia w konflikcie Kosowa i Macedonii, „Krasnogruda” Sejny 1002/1003 nr 16. – S. 25 – 49.
2. Bierzanek, R. Symonides J., Prawo międzynarodowe publiczne. – Warszawa, 2009. – s. 20-30.
3. Bourdieu, P. Distinction. A Social Critique of the Judgement of Taste. – Cambridge, 1984, S. 483.
4. Bourdieu, P. Wacquant, L.J. Zaproszenie do socjologii refleksyjnej, przeł. A. Siwisz, Oficyna Naukowa.
5. Ciesielski, R. T. Pierre'a Bourdieu rzeczywistość. – Filo-Sofija, Nr 1 (3), 2003. – S. 137-143.
6. Czekalski, T. Zarys dziejów chrześcijaństwa albańskiego w latach 1912-1993. – Kraków, 1996.
7. Doll, B. The Relationship Between the Clan System and Other Institutions In Northern Albania, „Journal of Southeast European & Black Sea Studies”, 5/2003. – Vol.3 Issue 2. – S. 149.
8. Faja, E. Kultura Albanii. – Kraków 1998. – S. 5- 10.
9. Iwasów, I., Krukowska, A. Tożsamość kulturowa i pogranicza identyfikacji. – Szczecin. – S. 5-10.
10. Jason, T. King Zog - self-made monarch of Albania. – London, 2003. – S. 1-3.
11. Kadare, I. Krew za krew. – Warszawa, 1988. – S. 10-20.
12. Kanun i Leka Dukagjinit. The Code of Leka Dukagjini. Albanian text collected and arranged by Shtjefen Gjeçov. – New York, 1989. – S. 13.
13. Kanun Leka Dukagjini (wybrane artykuły), Krasnogruda, 2002. – nr. 15. – S. 118.
14. Kuźniar, R. Prawa człowieka. Prawo, stosunki międzynarodowe. – Warszawa, 2004.
15. Lubonja, F. Albania wolność zagrożona, Pogranicze, Sejny 2005. Fragment „O męskim honorze i kobiecej uległości”, s. 130.
16. Manterys, A. Wielość rzeczywistości w teoriach socjologicznych, PWN. – Warszawa, 1997. – S. 139-144.
17. Resta, P. Pensare il sangue. La vendetta nella cultura albanese. – Rzym: Meltemi, 2003. – S. 23.
18. Shehu, B. Anatomia biblioteki dyktatora, „Krasnogruda” Sejny 1002/1003 – nr 16. – S. 135-142.
19. Vlakovic, P. Kultura ludowa Serbii. – Kraków, 1991. – S.100.
20. Warszawski, D. Geografia polityczna, „Gazeta Wyborcza” – nr. 103.6321 z dnia 5 maja 2010. – S. 8.
21. Winnicki, J. Skuleni w kulli, Tygodnik „Polityka” – nr. 29(2714). 18 lipca 2009. – s. 82-83.

22. Amnesty International, <http://report2009.amnesty.org/en/regions/europe-central-asia/albania> стан з дня 22 kwietnia 2010.

23. Bielenin, K. Zgodnie z Kanunem, czyli o prawie zwyczajowym w Albanii, <http://etnologia.pl/europa/teksty/zgodnie-z-kanunem-prawo-zwyczajowe-w-albanii.php> z dnia 28.08.2009

24. <http://encyklopedia.pwn.pl/haslo.php?id=4001999> стан з дня 22 kwietnia 2010,

25. <http://www.unesco.org/archi2000/pdf/rassam.pdf> стан з дня 22 kwietnia 2010.

26. Pasieka A., Społeczeństwo albańskie u progu XXI wieku – tradycja i/czy nowoczesność?, http://krytyka.org/pokaz_pracenaukowa.php?id=39 стан з дня 22 kwietnia 2010.

КРЕСТЬЯНСТВО БЕЛАРУСИ В ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ 1831 И 1863 гг.

О.В. Карпович

Гродненский государственный университет им. Я. Купалы, г. Гродно, Беларусь

Крестьянство составляло самый многочисленный, обездоленный и бесправный класс населения Российской империи. Крепостное право (а фактически рабство) дамокловым мечом висело над этим сословием. Согласно исследованиям Н.Н. Улащика, из 265104 крестьян м.п., проживавших в Гродненской губернии (без Новогрудского уезда) в 1834 г., 195792 крестьян (или 73,9 %) принадлежало помещикам [14, с. 52, 62, 67].

Поэтому, говоря об участии крестьян в восстании 1831 г., прежде всего следует отметить, что значительное число крестьян-повстанцев составляли именно крестьяне, принадлежащие как частным владельцам, так и католическим монастырям. Эта категория была вынуждена идти в отряды под угрозой насилия [5, с. 54]. Так, в приказе повстанческого начальника Ошмянского уезда помещика (и по совместительству председателя уездного суда) Порфирия Важинского указывалось всем помещикам уезда «доставить под страхом смерти в Ошмяны с 20 душ» по 2 человека конных и пеших с 10-дневным провиантом. По свидетельству одного из участников восстания, в общей сложности в Ошмянском уезде удалось набрать до 5000 «мужиков с пиками и косами». По другим данным подобным образом удалось набрать около 2500 человек из запланированных 8 тысяч [12, с. 129; 3, с. 67–68]. В Кобринском уезде помещик Корженевский сдал в отряд Титуса Пусловского 18 своих крестьян [11, л. 8–9]. Монах Березовского Картезианского монастыря Гениуш поставил в этот же отряд 10 вооруженных крепостных крестьян [8, л. 8]. Помещики Дисненского уезда Даниил Рудомино и Юлиан Розенфельд поставили в отряды около 70 кантонистов из крестьян. Помещик Вилейского уезда Крукович поставил 11 крестьян [8, д. 5, л. 18; 9, л. 193]. Нередко помещики поставляли крестьян в отряды, выдавая потом это за бегство [3, с. 87].

Иногда для привлечения большего количества населения в отряды крестьянам обещалось со стороны своих помещиков уменьшение повинностей, вплоть до предоставления вольной. Так, на юге Минской губернии из крестьян своего имения сформировал отряд помещик Мозырского уезда Феликс Кеневич. Позднее Кеневич приказал набрать из имений соседних помещиков до 60 крестьян, попутно обещая им землю и отмену барщины [16, с. 53–55].

Некоторые командиры отрядов, привлекая крестьян к восстанию, обещали денежное вознаграждение за каждый день службы. Помещик Лидского уезда Михаил Гедройц привлекал в свой отряд крестьян, платя им по 30 копеек серебром в сутки. Но, в основном, такие уловки со стороны повстанческого руководства были скорее исключением из правил.

Нередки были случаи добровольного ухода крестьян к повстанцам. Прежде всего, это было связано с определенной надеждой на освобождение от крепостной зависимости и наделения землей в случае успеха восстания. Ряд крестьян активно занимался агитацией среди своих односельчан в пользу восстания, причем среди агитаторов были и представители восточнославянских фамилий, как например, крестьянин Гродненского уезда Петр Охремов [12, с. 128].

Основываясь на собственных исследованиях, удалось установить следующее количество крестьянского населения Беларуси, принимавшего участие в восстании 1830–1831 гг. (см. таблицу 1)

Таблица 1 – Участие крестьян Беларуси в восстании 1830–1831 гг.

Губернии	Количество репрессированных крестьян	Количество проживающих в регионе (м.п.)
Виленская (бел. уезды)	50	69339
Гродненская	271	265104
Минская	120	353282
Всего	441	687725

Таким образом, 1 крестьянин – участник восстания приходился в среднем на 1570 неактивных коллег по сословию, что говорит о пассивной позиции крестьянства по отношению к восстанию.

Власти признавали безвыходное положение крепостных крестьян, вынужденных вступать в повстанческие отряды. Вот что отмечал в своем донесении полоцкий комендант полковник Данилов после разгрома одного из отрядов в Дисненском уезде: «Но как крестьяне, часто обманутые и не знавшие истинного намерения насильственного сгона их в Лужки, состоят под неограниченной властью своих помещиков..., то вообще дворовые люди и крестьяне виновны менее шляхтичей. Крестьяне из своих деревень, будучи под строгим присмотром поставлены в Лужки, приведены к присяге и подведены к двум устроенным виселицам с тем, что всякая отлучка из стана мятежников накажет-ся виселицей» [6, с. 352].

В отличие от восстания 1831 г., участие крестьян в восстании 1863 г. имеет другие особенности. Здесь следует учесть добровольный уход крестьян в леса, по крайней мере, в местах с наибольшей концентрацией католического населения – северные уезды Минской и Гродненской губерний. Это связано с возросшей активной пропагандой повстанческого руководства среди крестьянского населения, с целью привлечения его к восстанию. Повстанцы не скупились на обещания широкой раздачи земли крестьянам, но при условии «защиты польской земли от москалей». Правда, о воплощении этих обещаний в жизнь повстанцы так и не позаботились.

Как отмечали правительственные власти, крестьянство оказалось между двух огней. Столь широко разрекламированные аграрные преобразования повстанцами не проводились. Повстанцы объявляли крестьянам Манифест, «приводили их к присяге на верность революционному правительству, составляли акт – и на этом дело кончалось. Отряд уходил, оставляя крестьян один на один с помещиком, его администра-

цией и царскими войсками...» [2, с. 432]. «Взволнованное состояние края, некоторая парализация в действии правительственных лиц, дает силу угрозам революционной партии, преимущественно обращенным против крестьян, за их малое сочувствие польскому делу. С другой стороны, пропагандисты предлагают даром землю и все, о чем постоянно мечтают крестьяне, если последние становятся на их сторону. Понятно, почему независимо от других причин, крестьяне боятся сделать какой-нибудь шаг... Они понимают, что при малейшей неосторожности пострадают они одни», – писал командующий войсками в Гродненской губернии генерал Захар Манюкин о настроениях крестьян в регионе [4, с. 497]. Неслучайно, при первой возможности крестьяне бежали из отрядов. Так, на конец 1863 г. в общей сложности из отрядов добровольно явились к властям только из Волковысского уезда 94 крестьянина [7, лл. 31–34].

Общее количество крестьян, принявших участие в восстании 1863 г., можно увидеть в таблице 2.

Таблица 2 – Участие крестьян Беларуси в восстании 1863 г.

Губернии	Количество репрессированных крестьян	Количество проживающих в регионе (м.п.)
Виленская (бел. уезды)	196	173050
Витебская (бел. уезды)	28	79140
Гродненская (бел. уезды)	278	220153
Минская	253	278992
Могилевская	120	268114
Всего	875	1019449

Таким образом, в среднем один принявший участие в восстании крестьянин приходится на 1165,1 своих неактивных коллег по сословию. Среди регионов по количеству принявших участие в восстании крестьян лидирует Гродненская губерния (31,7 %), в то же время по показателям соотношения общего числа проживающего крестьянства и принявшего участие в восстании этот критерий в данном регионе составляет лишь 0,1 %, что свидетельствует о пассивном отношении основной массы крестьянского слоя к восстанию как в Гродненской губернии в частности, так и по всей Беларуси в целом.

Вместе с тем, крестьяне южных (южные уезды Минской губернии и восточных регионов Беларуси (Витебская и Могилевская губернии) не только не поддерживали восстание, но и сами активно помогали правительственным войскам вылавливать повстанцев. Так, активную помощь в разгроме отрядов Пусловского и Шалевича, как и пленению повстанцев оказали «тамошние крестьяне» [209, с. 19–20]. Участвовавшие в разгроме отряда Станислава Ляковского в Игуменском уезде крестьяне выразили свое отношение к повстанцам более чем откровенно: «пусть гниют» – об убитых и «пустьдохнут» – о раненых [1, ч. 2, с. 199]. В Пинском уезде местные крестьяне немало способствовали разгрому отряда Романа Рогинского и пленению его самого [1, ч. 1, с. 73]. Уже в первые дни восстания на Могилевщине начинаются столкновения крестьян с повстанческими отрядами. В Рогачевском уезде при активной поддержке крестьян был разбит отряд Анцыпы. Благодаря крестьянам ликвидируется отряд Будзиловича и 21 человек попадает в плен. Крестьяне Заречной Слободы (близ г. Горки) убили несколько студентов-агитаторов, пришедших в деревню поднимать «народ на борьбу». В самих Горках местные разъяренные крестьяне устроили настоящую охоту на поджигающих их дома студентов-повстанцев, убив одного и избив до потери сознания трех человек [15, с. 56].

Столь потрясающая активность крестьян по противодействию повстанцам имеет свои причины. Как известно, в ходе самого восстания власти были вынуждены подкорректиро-

вать свое отношение к крестьянскому населению, всеми силами стараясь обрести в нем надежного союзника. В ход шло противопоставление «поляков-помещиков» православному крестьянству; внушение крестьянам, что во всех их бедах виноваты «паны-помещики», намеревавшиеся вернуть крепостничество; наконец, и умелые действия властей по материальному стимулированию крестьян, независимо от конфессиональной принадлежности, в их борьбе против повстанцев. Виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев издал распоряжение о том, что «за каждого пойманного... и представленного военному уездному начальнику мятежника, какого бы звания и состояния он не был», крестьяне получали по 3 руб., а за вооруженного – по 5 руб. [13, с. 121].

Отдельно следует сказать про отрицательную позицию крестьянства к восстанию на востоке Беларуси. Здесь нельзя говорить о том, что крестьянский слой полностью был верен правительству России в этом регионе и поэтому не поддержал восстание. Скорее всего, сыграли свою роль определенная консервативность и инертность крестьянского населения. Ведь, не секрет, что огромное влияние на крестьянское сословие на востоке Беларуси издавна оказывала Россия, в частности Православная Церковь, проповедовавшая беспрекословную преданность престолу. Неслучайно, лепельский уездный исправник подполковник Измайлов в рапорте витебскому губернатору Веревкину о настроениях крестьян в своем уезде отмечал: «Крестьянские жилища – чистые лачуги, многие из них явно грозят разрушением, так что в настоящее время в некоторых из них и жить опасно. Везде и на каждом шагу проявляется бедность, нищета и крайнее раздражение крестьян против своих панов-поляков, которых они гласно называют "мятежниками-кровопийцами, губящими народ православный, единственно вырвать с него последний грош и употребить на заграничную свою поездку или на мятеж. За батюшку нашего Царя-православного все мы свои головы понесем, но не будем служить мятежным своим панам..., ведь они теперь иноземных королей на Россию наводят"». И далее он с удовлетворением заключал: «...отрадно видеть в крестьянах самый чистый и неподдельный русский патриотизм и беспредельную преданность к Государю Императору и к его России. Здесь, за исключением крамольной шляхты, насильно и разными ухищрениями вторгнувшейся в здешнюю белую Русь, здесь во всем остальном слышится Русь» [10, л. 115–116].

Таким образом, относительно участия крестьянства в обоих восстаниях можно сделать следующие выводы.

1. Общее число крестьян-повстанцев в 1863 г. увеличивается почти в 2 раза в сравнении с 1831 г. Увеличение этой численности можно объяснить более широко развернутой агитационной работой повстанческих властей среди крестьянства. Кроме того, после 1861 г. крестьяне в значительной степени почувствовали себя обманутыми непродуманными и половинчатыми мерами правительства по отмене крепостного права. Обещанную землю они так и не получили, а личная свобода фактически была отложена на десятилетний переходный «период», чем на первом этапе восстания воспользовались повстанческие агитаторы, щедро обещая «свободу и землю» при условии защиты «польской земли». Однако дальше обещаний повстанцы не пошли, и крестьянство отвернулось от восстания.

2. В восстании 1831 г. принимали участие, в основном, крепостные крестьяне, принадлежавшие помещикам. Следовательно, у них не оставалось особого выбора, кроме как следовать в лес за своим хозяином либо бежать от его издевательств и унижений тоже в лес, в отряды, в надежде получить свободу и землю в случае успеха восстания. Имелись случаи добровольного прихода крестьян в ряды повстанцев за материальное вознаграждение со стороны некоторых помещиков.

3. Наконец, именно крестьянский слой Беларуси оказался наиболее расколотым: крестьяне сражались как на стороне повстанцев, так и правительственных войск. Уже в ходе обоих восстаний власти были вынуждены несколько изменить свое отношение к самому бесправному классу и попытаться превратить его в своего союзника. Создавая вооруженные караулы из крестьян, и стимулируя их материально при поимке повстанцев, правительство фактически выбило почву из-под ног повстанческого руководства и постепенно перетянуло на свою сторону крестьян даже из западных регионов Беларуси, где наиболее были сильны симпатии к Польше среди этого слоя. Так, 18 июля 1863 г. в Слонимском уезде при значительной поддержке крестьян был разбит повстанческий отряд Лукашевича, сам командир погиб [17, с. 164]. Против отряда Звездовского в Могилевской губернии наряду с войсками действовало до 400 вооруженных крестьян [18, с. 43].

ЛИТЕРАТУРА

1. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края: в 2-х ч. / Под общ. редакцией А.И. Миловидова. – Вильно, 1913. – Ч. 1; Вильно, 1915. – Ч. 2.

2. Байкова, С.М. К вопросу об участии крестьян Белоруссии в восстании 1863 г. / С.М. Байкова // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – Рига: Изд-во АН Латв. ССР, 1961. – С. 422–432.

3. Гарбачова, В.В. Паўстанне 1830-1831 гг. на Беларусі / В.В. Гарбачова. – Мінск: БДУ, 2001. – 186 с.

4. Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі / Акад. навук БССР, Ін-т гісторыі; пад рэд. Н.М. Нікольскага [і інш.] – Мінск: Выд. Акад. навук БССР, 1940. – Т. 2. (1772–1903). – 938 с.

5. Дьяков, В.А. Зайцев, В.М. Обушенкова, Л.А. Социальный состав участников польского восстания 1830-1831 гг. (по материалам западных губерний Российской империи) / В.А. Дьяков, В.М. Зайцев, Л.А. Обушенкова // Историко-социологические исследования. – М.: Наука, 1970. – С. 19–60.

6. Кропотов, Д.А. Жизнь графа М.Н. Муравьева в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно / Сост. Д.А. Кропотов. – СПб., 1874. – 549 с.

7. НИАБ в Гродно. Фонд 78. – Оп. 6. – Д. 3. О сборе сведений об участниках восстания 1863 г., жителях Волковысского уезда, добровольно явившихся из повстанческих отрядов.

8. НИАБ в Минске. Фонд 561. – Оп. 1. – Д. 2–5. Алфавитный список участников восстания 1831 г.

9. Там же. Фонд 1297. – Оп. 1. – Д. 5240. О доставлении сведений о действиях повстанческих отрядов в белорусских губерниях.

10. Там же. Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 31268. Рапорта военных начальников уездов Витебской губернии, переписка со следственной комиссией по политическим делам и циркуляры губернатора.

11. НИАБ в Гродно. Фонд 4. – Оп. 1. – Д. 305. Следственное дело по обвинению руководителя мятежников Титуса Пусловского и членов его войска за участие в мятеже.

12. Русак, О.Б. Отношение крестьянства Белоруссии к восстанию 1830–1831 гг. / О.Б. Русак // Сельское хозяйство и крестьянство Беларуси (материалы научной конференции, 27–29 октября 1989 г., г. Гомель). – Минск, 1991. – С. 126–135.

13. Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева по усмирению польского мятежа в северо-западных губерниях, 1863—1864 / составил Н. Цылов. — Вильно: Типография А. К. Киркора, 1866. — 383 с.

14. Улащик, Н.Н. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии / Н.Н. Улащик. — М.: Наука, 1965. — 479 с.

15. Цытовіч, С. 1863 год у Горы-Горках (быўш. Магілёўскай губ.). Падзеі паўстання / С. Цытовіч. — Менск: Выд-ва БАН, 1929. — 124 с.

16. Dangel, S. Rok 1863 w Minszczyźnie. T. 2. / S. Dangel. — Warszawa: Wyd. Instytutu badania ziem wschodnich Rzeczypospolitej Polskiej, 1925. — 189 s.

17. Laniec, S. Litwa i Białorus w dobie konspiracji i powstania zbrojnego, 1863-1864. / S. Laniec — Olsztyn: Ośrodek Badan Nauk im. W. Ketrzynskiego, 2002: — 196 s.

18. Laniec, S. Partyzanci kresow polnocno-wshodnich w powstaniu styczniowym / S. Laniec. — Torun: Top kurier, 1996. — 110 s.

ФЕНОМЕН ТОЛЕРАНТНОСТИ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

И.А. Ковальчук

Волынский национальный университет имени Леси Украинки, г. Луцк, Украина

А.И. Сытник

Луцкий национальный технический университет, г. Луцк, Украина

В современном мире достаточно очевидно, что толерантность выступает как базисная необходимость человечества, которая должна быть интегрирована в единую систему ценностей общества. Технократическое мышление, потеря гуманистических ориентиров привели к тотальному господству над природой и человеком. Отошли на второй план и были лишены престижа такие понятия, как милосердие, терпимость, благодарность, честь, дружба и т.д. Межэтническая нетерпимость, межконфессиональные конфликты и насилие, локальные войны — это реалии нашего времени и мира в целом. Украина, выстраивая себя на системе демократических ценностей, столкнулась с парадоксальной ситуацией. Политический и мировоззренческий плюрализм, принцип многопартийности, разнообразие конфессий, свобода слова и др. — эти базисные демократические ценности вместе с тем привели к деконсолидации общества, конфронтации в политической, религиозной, этнонациональной и других сферах общества. На этом фоне толерантность, её воспитание становятся важной потребностью человечества.

Разнообразные подходы к пониманию толерантности показывают, что она рассматривается как важная социальная ценность, норма социальной жизни, принцип человеческих взаимоотношений и поведения, личное качество.

Анализ последних исследований и публикаций по проблеме воспитания толерантности раскрывает её как достаточно сложный феномен, который наиболее полно раскрывается на пересечении таких дисциплин, как философия, этика, политология, психология, социология. Каждая из данных дисциплин имеет своё видение сущности толерантности, её методологических оснований. Педагогика в процессе теоретического осмысления проблем воспитания толерантности обращается, прежде всего, к работам социальной философии, философии образования, психологии.

При философско-социологическом подходе толерантность понимается как социальное явление, которое обуславливается определёнными социально-экономическими и политическими отношениями, традициями межэтнического общения, уровнем политической и гуманитарной культуры общества. При психологическом подходе к проблеме толерантности изучается структура восприятия, социальная дистанция и иные психологические факторы межличностного и межгруппового общения представителей разных культурных групп. При психологическом подходе к проблеме толерантности изучается структура восприятия, социальная дистанция и другие психологические факторы межличностного и межгруппового общения представителей разных культурных групп. В общепедагогическом контексте толерантность рассматривается как готовность принять других такими, какие они есть, и взаимодействовать с ними на условиях согласия и понимания. Вместе с тем толерантность выступает идеалом, к которому общество должно стремиться как в отношениях между отдельными людьми, так и на уровне семьи, социальных коллективов и целых народов.

Основные принципы толерантности предполагают: во-первых, отказ от монополии на истину, готовность отойти от собственной позиции, пойти на компромисс; во-вторых, критическое отношение к личной позиции с целью выявления того, что могло бы вызывать вражду к ней; в-третьих, стремление критически посмотреть на ситуацию глазами оппонента с целью понять его и найти для него возможность выхода из ситуации, не потеряв "лица"; в-четвёртых, умение вести борьбу не против людей, а против зла и, наконец, в-пятых, требование полной открытости поведения. Другими словами, главной целью толерантности является наведение взаимоотношений между людьми, превращение врагов в друзей на основе терпимости, уважения и ненасилия. Толерантность предполагает отказ от насилия, исследование мирных способов для решения противоречий и конфликтов.

В социальном аспекте – это терпимое отношение к людям и их мнению, культуре, верованию, инакомыслию. Как общественная необходимость, толерантность проявляет себя, прежде всего там, где социальные, политические, национальные и религиозные общности осознают, что у них нет другой разумной альтернативы, кроме как жить вместе.

В основе толерантности лежат несколько определяющих принципов, которые являются необходимой основой её полноценного функционального выявления. Во-первых, это признание равноправия, суверенности убеждений субъектов коммуникации. Толерантность в своей основе ориентирована на главное требование – признание других равными самому себе. Как международный принцип он имеет форму выражения «Все разные – все равные». Во-вторых, это признание их права на собственное понимание истины, на собственную правду, жизненную и интеллектуальную позицию, мировоззренческие ориентиры, ценности. При этом их культурная, мировоззренческая, политическая разнообразность рассматриваются как достоинство, определяется ценность плюрализма и плюрализм как ценность. Этот принцип кратко можно определить правилом античности: «О вкусах не спорят». В-третьих, это безусловный отказ от монополии на истину, открытость и уважение к «инакомыслию». Претензия к исключительному обладанию истиной в конечном результате ведёт к нетерпимости. С борцами за власть, как справедливо говорил К.Ясперс, «договориться нельзя».

В свою очередь, толерантность в педагогическом аспекте – это умение лучше понимать себя и других людей; вступать с ними в контакт, взаимодействовать без принуждения, выявлять уважение и доверие.

Общественные трансформации ведут к изменению или пересмотру системы ценностей, таким образом, во время определения ценностно-целевых приоритетов образования необходимо понимать, в каком обществе должен осуществляться образовательно-воспитательный процесс. Украинское общество находится в состоянии трансформационных изменений всех сфер жизни. Прежде всего, это касается глобализации, которая характеризуется изменением ценностных ориентаций в сторону идеалистического отношения к жизни, упадком морали, усилением взаимного отчуждения людей друг от друга. В измерениях толерантности изменяется статус толерантности.

В период усиления глобализационных тенденций мировой экономики, политики и социокультурной сферы толерантность, как этическое измерение коммуникации, приобретает особенное значение, поскольку глобализация создает объективные причины социальной нетерпимости: каждый этнос, культура или цивилизация должны отстаивать право на собственную уникальность, самостоятельность.

Невзирая на расхождения, все культуры имеют представление о толерантности, но оно варьирует в зависимости от особенностей менталитета той или иной общности.

Толерантность как ценность культуры любого народа чувствует влияние этноцентризма как стремления объяснять жизнь других, исходя из универсалий собственной ментальности, что обуславливает существование определённых отличий в понимании феномена терпимости разными культурными общностями. Именно возможность придания феномену толерантности оттенков содержания разными культурами усложняет задачу дать единую полную и адекватную трактовку феномена толерантности. Итак, понимание сущности толерантности зависит от культурной традиции, но нельзя не брать во внимание влияние экономических и тоталитарных факторов развития общества. То, что толерантность составляет одну из основных особенностей украинского менталитета, послужило снятию за годы независимости острых конфронтационных углов многих проблем.

Важным является и вопрос анализа практической реализации главных принципов толерантности. Один из наиболее важных принципов толерантности - это диалог субъектов конфронтации. Именно диалог даёт возможность «снять» острые углы общения в контексте мировоззренческих парадигм, ценностных ориентаций, найти точки касания. Диалогичность общения вместе с тем даёт возможность оставаться на своих позициях по отношению к мировоззренческим, ценностным, жизненным ориентирам и одновременно входить в сущность альтернативных систем ценностей, учитывать право на их существование.

Одной из важных составляющих процесса практической реализации толерантности выступает целенаправленное формирование установки на толерантность в индивидуальном и общественном сознании, мировоззренческой позиции личности. Важным является утверждение толерантности как внутренней установки каждого человека, а потом и в социально-политических механизмах, которые определяют и формируют отношения между людьми. Толерантность, как черта мировоззренческой позиции личности, должна быть представлена на всех уровнях её структуры. Без и вне своей когнитивной компоненты толерантность теряет «адресную» направленность. При таких условиях толерантность превращается в беспринципность, а иногда – в безразличие. Рационально обоснованная толерантность обращается к авторитету всей гуманистической традиции в духовной культуре человечества, подкрепляется аргументами концептов природной равности прав человека, демократии и т.д.

Культура толерантности, которая зиждется на рационально обоснованных принципах, включает формирование представления о ней как о благе для человечества и общества.

Важные звенья механизма социального контроля призваны четко отслеживать соблюдение норм толерантной культуры всеми субъектами общественно-политической жизни, а институты гражданского воспитания – ориентировать в определённом направлении развитие соответствующих качеств у людей. По нашему мнению, значительную роль в данном процессе должно сыграть гражданское образование, которое выступает целостным, непрерывным процессом учебно-воспитательной работы, направленной на формирование мыслящего гражданина, его принципов гражданского сожительства, понимания и применения своих прав и обязанностей.

Ещё одним условием успеха «развертывания» толерантности должна стать идея, которая была бы «точкой» опоры и консолидирующей силой всего культурно-исторического опыта. Таким цементирующим началом является национальная идея.

Однако следует учитывать многоликость национальной идеи, которая встречается сегодня в Украине препятствия на пути трансформации её в смыслотворческий корень интеграции культурно-исторического опыта украинской общности. Без радикальной социокультурной реконструкции, без наполнения реальным современным содержанием форм и ценностей украинской традиции, приобретения нового смысла украинская идея невозможна. Культура Украины характеризуется выраженными национальными отличиями, что обусловлено разной исторической судьбой отдельных земель, их этническим составом, языковыми характеристиками, геополитической ориентацией и отношением к самостоятельному государственному развитию Украины. Как следствие, культурная идентичность украинской нации фрагментируется усилением локальных идентичностей.

Так, фундаментализация национально-культурного пространства в значительной мере обусловлена дезинтеграцией регионов, которые характеризуются локальными интересами и внутренним общественным отчуждением существующих групп населения Украины. Среди причин таких тенденций отмечают языковой прецедент, геополитическую направленность регионов и социокультурные особенности.

Ни одна социокультурная группа не имеет права претендовать на экспансию, манипулируя правом на культурное самоопределение. Поэтому становление украинской национальной идентичности должно базироваться не на поглощении этнического многообразия титульным этносом, а в условиях соблюдения демократических основ государственной политики, стать фундаментом для «диалога – взаимодействия» со всеми социальными и культурными группами населения Украины.

Толерантность как приоритет в стратегии государственной политики выступает основой консолидации всех культурных групп украинского общества в сохранении собственной культуры и участия в культурной жизни. Придерживаться толерантности – значит успешно продолжать процесс творения украинской культурной идентичности.

Таким образом, анализ толерантности как социогуманитарной проблемы современности показывает, что последняя приобретает особенное значение в качестве одного из действенных способов обеспечения мирного сосуществования, к сотрудничеству представителей разных этносов, конфессий, культур и цивилизаций в условиях

процессов глобализации и локализации. Толерантность как социокультурная ценность в контексте «транзитных» обществ минимизирует проявление нетерпимости в обществе. Наконец, существенную роль исполняет анализ практической реализации основных принципов толерантности (диалог, установки на толерантность в индивидуальном и общественном сознании, мировоззренческой позиции).

ШМАТБАКОВАЕ І РЭГІЯНАЛЬНАЕ КУЛЬТУРНАЕ СУПРАЦОЎНІЦТВА РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ (1991-2008 гг.)

Д.А. Кривашэй

Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, г. Мінск, Беларусь

Адным з дзейсных формаў культурнай дыпламатыі з'яўляецца шматбаковае і рэгіянальнае супрацоўніцтва. Удзел у ім дазваляў Рэспубліцы Беларусь падтрымліваць міжнародныя кантакты з большасцю краін Еўропы. Пры гэтым характар міждзяржаўных сувязей Рэспублікі Беларусь вызначаўся у сукупнасці з дзеючым унутраным заканадаўствам, комплексам спецыяльных міжнародных прынцыпаў і нормаў.

У вывучаемы перыяд Рэспубліка Беларусь удзельнічала ў рабоце такіх міжнародных міжуродавых арганізацый, як ЮНЕСКА, Савет Еўропы, Цэнтральна-Еўрапейская ініцыятыва. А таксама ва няўрадавых грамадскіх, прафесійных міжнародных арганізацыях: Міжнародным савеце па ахове помнікаў і славутых месцаў /ІКОМАС/, Міжнародным савеце музеяў /ІКОМ/, Міжнародным савеце арганізатараў фестываляў фальклору /МСАФФ/, Міжнародным інстытуце тэатра /МІТ/, Міжнародным савеце музыкі /МСМ/, Міжнароднай асацыяцыі мастацкіх крытыкаў /МАМК/ і інш.

Цэнтральнае месца ў шматбаковым супрацоўніцтве Беларусі з краінамі Цэнтральнай і Заходняй Еўропы займала іх сумесная дзейнасць у Арганізацыі Аб'яднаных Нацый па пытаннях адукацыі, навукі і культуры /ЮНЕСКА/. Рэальны ўдзел Беларусі ў сусветнай гуманітарнай і культурнай прасторы звязаны з паўнаважнасцю актыўнасцю краіны ў ЮНЕСКА, з'яўляецца тым базісам, на якім з усімі падставамі можна будаваць усебаковае эканамічнае і палітычнае супрацоўніцтва з развітымі краінамі ў рамках шматбаковых адносін.

Канкрэтнымі пытаннямі ўдзелу Беларусі ў рабоце ЮНЕСКА займалася Нацыянальная камісія па справах ЮНЕСКА (створаная ў 1956 г.) і Пастаяннае прадстаўніцтва краіны пры ЮНЕСКА. Самае непасрэднае дачыненне да ўсёй праблематыкі, якая вырашаецца па лініі ЮНЕСКА, меў МЗС Рэспублікі Беларусь. У сістэме Міністэрства працаваў сакратарыят Нацыянальнай камісіі.

Беларусь з'яўлялася ўдзельніцай усіх канвенцый ЮНЕСКА у галіне культуры, што давала ёй права браць удзел ва ўсіх мерапрыемствах, якія праводзіліся ў рамках рэалізацыі гэтых канвенцый. Наша краіна прымала ўдзел у мерапрыемствах Арганізацыі, прымеркаваных да 100-годдзя кіно, прадставіла ў Сакратарыят інфармацыю аб архіўных кінаматэрыялах, якія маюць патрэбу ў захаванні. Вядомы беларускі кінарэжысёр Віктар Тураў быў уключаны ў склад сусветнага журы, аднак па прычынам фінансаванага характару не прымаў удзелу ў пасяджэннях журы. З кастрычніка 1992 г. у Беларусі пачаў дзейнічаць Нацыянальны цэнтр Міжнароднага інстытута тэатра ЮНЕСКА [1, арк. 22-23].

З атрыманнем незалежнасці Беларусь упершыню змагла самастойна выступіць з прапановамі, якія дазволілі карыстацца *сродкамі з рэгулярнага бюджэту* Арганізацыі. Генеральная канферэнцыя ўхваліла гэтыя прапановы. Іх падтрымалі краіны з усіх геаграфічных рэгіёнаў, што з'явілася сведчаннем цікаўнасці сусветнай супольнасці да праблем, якія паставіла Беларусь. Шмат якія дэлегацыі асобна падкрэслівалі той факт, што прапанаваныя ёю рашэнні адпавядалі патрабаванням не толькі самой Беларусі, але перш за ўсё рэгіёну Цэнтральнай і Усходняй Еўропы, што асабліва віталася Арганізацыяй.

У 1990-я годы Рэспубліка Беларусь неаднаразова падавала ў ЮНЕСКА прапановы па разнастайным праектам у галіне культуры з мэтай атрымання матэрыяльнай дапамогі. Дзякуючы падтрымцы Арганізацыі быў падрыхтаваны і выдадзены другі том лексічнага атласа беларускіх дыялектных гаворак, праведзена міжнародная навуковая канферэнцыя "Славянскія культуры пасля другой сусветнай вайны", вывучаны традыцыйны беларускі касцюм і арнамент ў Чарнобыльскай зоне, набыты рэстаўрацыйныя матэрыялы для работ у Мірскім замку, арганізавана адраджэнне традыцыйных рамёстваў ў этнаграфічным парку "Дудуткі", перанесены запісы аўтэнтычнага фальклора з магнітафонных стужак на лазарныя дыскі.

Стала традыцыяй правядзенне ў дні сесій Генеральнай канферэнцыі ЮНЕСКА беларускай дэлегацыяй *нацыянальных вечарын*. У 1991 г. – з нагоды 100-годдзя з дня нараджэння М.Багдановіча, у 1993 г. – да 100-годдзя з дня нараджэння класіка беларускай літаратуры Максіма Гарэцкага. У Штаб-кватэры ЮНЕСКА ў 1994 г. прайшлі Дні беларускай культуры, у 1996 г. – выстава «Традыцыйнае мастацтва Палесся» (да 10-годдзя Чарнобыльскай катастрофы).

Аднак на шляху супрацоўніцтва з ЮНЕСКА былі пэўныя перашкоды. Так, да 1994 г. Беларусь не *выплачвала рэгулярны ўзнос* у Фонд сусветнай спадчыны, таму яна не магла прэтэндаваць на выбранне ў члены камітэта па культурнай спадчыне і атрымаць экспертную і матэрыяльную дапамогу з Фонду і з боку Камітэта. Вельмі мала інфармацыі аб Беларусі паступала ў Арганізацыю, слаба выкарыстоўваліся публікацыі ЮНЕСКА для прапаганды іміджа Беларусі праз артыкулы аб навуцы, культуры, адукацыі ў нашай краіне [2, арк. 309, 313]

6-8 верасня 1998 г. нашу краіну наведаў Генеральны дырэктар ЮНЕСКА Ф.Маёр. У ходзе візіту быў падпісаны Мемарандум аб супрацоўніцтве Рэспублікі Беларусь з ЮНЕСКА. Гэта дазволіла значна актывізаваць кантакты. У лютым 1999 г. быў створаны Нацыянальны камітэт ІКОМ (Міжнароднай рады музеяў). Нацыянальная камісія Рэспублікі Беларусь па справах ЮНЕСКА на сваім пасяджэнні ў лютым 1999 г. прыняла рашэнне аб распрацоўцы Міністэрствам культуры і яго Камітэтам па ахове гісторыка-культурнай спадчыны дакументацыі па ўключэнні аднаго з архітэктурных помнікаў у Спіс сусветнай спадчыны ЮНЕСКА [3, арк. 24-25]. Аб плённасці кантактаў з гэтай міжнароднай арганізацыяй сведчаць рэгулярныя візіты ў нашу краіну генеральных дырэктараў ЮНЕСКА.

У вывучаемы перыяд Рэспубліка Беларусь прымала значныя намаганні па ўключэнню ў Спіс сусветнай спадчыны аб'ектаў, якія знаходзяцца на яе тэрыторыі. У 2000 г. Спіс папоўніўся Замкавым комплексам ў Міры, таксама архітэктурна-культурным комплексам роду Радзівілаў у Нясвіжы і геадэзічнай дугою Струвэ.

У красавіку 2007 г. у Мінску прайшла Міжнародная канферэнцыя "Канвенцыі ЮНЕСКА ў галіне аховы культурнай спадчыны і нацыянальнае заканадаўства дзяржаў-удзельніц СНД". На ёй былі разгледжаны праблемы гарманізацыі нацыянальнага заканадаўства ў вызначаным напрамку з фундаментальнымі прынцыпамі міжнароднага права і нарматыўнымі інструментамі ЮНЕСКА, выпрацаванымі для абароны культурных каштоўнасцей.

Пачынаючы з 16 верасня 1992 г., Рэспубліка Беларусь мела статус "спецыяльна запрошанай" дзяржавы ў рамках дзейнасці Парламенцкай Асамблеі Савета Еўропы. Дэлегатыя Вярхоўнага Савета Беларусі чатыры разы ў год прымала удзел у рабоце ПАСЕ. 12 сакавіка 1993 г. Рэспубліка Беларусь падала заяўку на ўступленне ў Савет Еўропы. У студзені 1997 г. Бюро ПАСЕ прыняло рашэнне аб прыпыненні статусу "спецыяльна запрошанага" у адносінах да Парламента Беларусі. У выніку быў таксама спынены разгляд заяўкі Рэспублікі Беларусь на ўступленне ў Савет Еўропы і замарожана двухбаковая праграма супрацоўніцтва.

У такой сітуацыі ўзаемадзеянне з Саветам Еўропы працягвала развівацца ў рамках шэрагу канвенцый, да якіх далучылася наша краіна. У першую чаргу – Еўрапейскай культурнай канвенцыі. Далучэнне Рэспублікі Беларусь да яе ў кастрычніку 1993 г. дазволіла атрымаць доступ да праграм еўрапейскага супрацоўніцтва ў галіне культуры, адукацыі, спорту, СМІ і інш. Савет Еўропы выдзяляў сродкі на стажыроўкі, кансультацыі, правядзенне міжнародных семінараў, канферэнцый і г.д. За няпоўныя 5 гадоў /09.1992 – 12.1996 г./ больш 300 прадстаўнікоў разнастайных галін улады Беларусі (сярод іх і прадстаўнікі ўстаноў культуры) прымалі ўдзел у канферэнцыях, семінарах, стажыроўках, арганізаваных у рамках СЕ. [4, 170]

Найбольшую цікаўнасць выклікаў міжнародны семінар-прадстаўленне праграмы «Культурныя шляхі праз Беларусь» з удзелам кіраўніка праграмы Савета Еўропы Дамініка Ранконі (09.1995 г., Полацк); арганізаваны Міністэрствам культуры і друку Рэспублікі Беларусь, Саветам культурных ініцыятыв і Полацкім гарвыканкам.

З Саветам Еўропы ў справе ўдасканалення заканадаўчай базы Беларусі ў сферы аховы гісторыка-культурнай спадчыны плённа супрацоўнічала Дзяржаўная інспекцыя Рэспублікі Беларусь па ахове гісторыка-культурнай спадчыны.

У 1999 г. пад старшынствам міністра культуры быў створаны Кіруючы камітэт па супрацоўніцтву паміж Рэспублікай Беларусь і Саветам Еўропы ў галіне культурнай спадчыны. На першым пасяджэнні камітэта ў ліпені 1999 г. быў разгледжаны план мерапрыемстваў па правядзенню ў нашай краіне кампаніі "Еўропа – агульная спадчына". Было вырашана далучыцца да трансгранічных праектаў Савета Еўропы "Асноўныя рэлігійныя месцы", "Міжнародны відэаконкурс", праектаў "Еўрапейская асацыяцыя гістарычных гарадоў", "Міжнародны фатаконкурс", "Панарама еўрапейскай музычнай спадчыны", "Кіно і еўрапейская спадчына". "Сталіцы, што чакаюць свайго адкрыцця" [5, арк. 194-195].

Па запрашэнні кіраўніцтва Дэпартаменту культуры і культурнай спадчыны Савета Еўропы прадстаўнікі Міністэрства культуры ў 2002 г. ўдзельнічалі ў цырымоніі адкрыцця Еўрапейскіх дзён спадчыны ў г. Боне і г. Эсэнэ (Германія), у сустрэчы груп каардынатораў Еўрапейскіх дзён спадчыны ў г. Страсбургу (Францыя) [6, 35].

З чэрвеня 1994 г. Рэспубліка Беларусь з'яўлялася асацыяваным, а з чэрвеня 1996 г. паўнапраўным членам рэгіянальнага аб'яднання Цэнтральна-Еўрапейская

Ініцыятыва (ЦЕІ), створанага ў 1989 г. краінамі дунайска-адрыятычнага субрэгіёна з мэтай пашырэння эканамічнага, культурнага і палітычнага супрацоўніцтва дзяржаў Цэнтральна-Еўрапейскага рэгіёна. У 1996 г. ў склад ЦЕІ ўваходзіла 15 дзяржаў. Ніякіх уступных ці членскіх узносаў ад дзяржаў не патрабавецца. Кожная краіна несла і нясе выдаткі толькі ў тых галінах супрацоўніцтва і па тым канкрэтным праектам, у якіх яна зацікаўлена.

У рамках ЦЕІ на канец 1996 г. дзейнічала 16 рабочых груп па больш як 120 праектам. Сярод іх – група па культуры (краіна-старшыня – Славакія).

Неабходна адзначыць, што за час свайго ўдзелу ў рабоце Цэнтральна-Еўрапейскай Ініцыятывы Рэспубліка Беларусь не выступіла з праектам якога-небудзь мерапрыемства ў разнастайных галінах супрацоўніцтва. Хаця не выклікае сумнення, што актывізацыя ўдзелу ў рабоце гэтай арганізацыі дазволіла бы наладжванню больш гібкай і прагматычнай рэгіянальнай кааперацыі ў правядзенні дадатковага мосту з ЕС пры садзейнічанні такіх краін-удзельніц, як Італія і Аўстрыя.

У вывучаемы перыяд плённа развівалася культурнае супрацоўніцтва ў рамках СНД. У 1995 г. быў створаны Савет па культурнаму супрацоўніцтву дзяржаў-членаў СНД. У мэтах актывізацыі работы Савета рашэннем XVIII пасяджэння ў 2003 г. быў павышаны статус прадстаўніцтва ў ім да ўзроўню міністраў культуры. Базавым дакументам міждзяржаўнага супрацоўніцтва ў галіне культуры з'яўлялася Пагадненне аб супрацоўніцтве ў галіне культуры, падпісанае 15 мая 1992 г. галамі ўрадаў дзяржаў-членаў СНД. Адметнымі падзеямі ў рамках супрацоўніцтва сталі два кангрэсы дзяржаў культуры і мастацтва дзяржаў-членаў Садружнасці ў 1996 і 2004 гг.

З мэтай уніфікацыі розных відаў культурнай дзейнасці Міжпарламенцкая Асамблея СНД прыняла мадэльныя законы “Аб культуры”, “Аб дзяржаўных музеях-запаведніках”, “Аб аб'ектах культурнай спадчыны”, “Аб творчых работніках і творчых саюзах”.

У мэтах развіцця культурных сувязей Беларусь удзельнічае ў працы шасці рабочых груп: па пытаннях народнай мастацкай творчасці, па развіццю Дэльфійскага руху, распрацоўцы комплексу мерапрыемстваў па рэалізацыі шматбаковых пагадненняў аб культурным супрацоўніцтве, вывучэнню і параўнаўчаму аналізу заканадаўчага забеспячэння культуры краін-членаў, па культурнай палітыцы, навукова-метадычнаму супрацоўніцтву ў галіне мастацкай творчасці. У сакавіку 2006 г. Беларусь падпісала Пагадненне аб гуманітарным супрацоўніцтве дзяржаў-членаў СНД і выступіла сузаснавальніцай Міждзяржаўнага фонду гуманітарнага супрацоўніцтва. Дзейнасць Фонду ажыццяўлялася на падставе Рамачнай стратэгіі да 2013 г.

Адметным стала правядзенне ў Мінску ў кастрычніку 2008 г. маладзёжных Дэльфійскіх гульняў, удзел у якіх прынялі музыканты, спевакі, танцоры, артысты цырку, мастакі, фатографы, дызайнеры, ды-джэі.

Як найбольш перспектыўная форма супрацоўніцтва ў рамках СНД з'яўляліся сумесныя мерапрыемствы. Сярод іх такія праводзімыя на Беларусі, як кінафестываль “Лістапад” (Мінск), музычны фестываль “Залаты шлягер” (Магілёў).

У 2006 г. – міністр культуры прыняў удзел у рабоце XX і XXI пасяджэнняў Савета па культурнаму супрацоўніцтву краін-удзельніц СНГ. На XXI пасяджэнні ажыўленую дыскусію выклікала пытанне аб навукова-метадычным супрацоўніцтве ў галіне мастацкай адукацыі ў рамках СНД. Міністр культуры Беларусі прайнфармаваў членаў Савета аб сістэме бесперапыннай мастацкай адукацыі ў нашай краіне і ўнёс канкрэтныя прапановы па праблемах навукова-метадычнага супрацоўніцтва ў галіне

мастацкай адукацыі ў рамках СНД. У прыватнасці, былі ўнесены прапановы аб стварэнні міждзяржаўнай рабочай групы па ўзаемадзеянні ў галіне мастацкай адукацыі, аб распрацоўцы міждзяржаўных праграм развіцця сістэмы мастацкай адукацыі ў дзяржавах СНД, аб вызначэнні каардынующых цэнтраў па рэалізацыі дадзенай праграмы, аб стварэнні адзінай інфармацыйнай сістэмы па пытаннях мастацкай адукацыі ў дзяржавах СНД [7, 163-164].

На працягу 2006 г. прадстаўнікі Міністэрства культуры Беларусі прымалі непасрэдны ўдзел у пасяджэнні рабочай групы па культурнай палітыцы дзяржаў-удзельніц СНД і рабочай групы па вывучэнні і параўнальным аналізе заканадаўчага забеспячэння культуры дзяржаў-удзельніц СНД [7, 164].

Аднак нельга гаварыць аб тым, што культурнае супрацоўніцтва ў рамках СНД развівалася без перашкод. Значнай праблемай, якую нарадзіў развал СССР, было вяртанне культурных каштоўнасцей. Першым крокам на шляху яе вырашэння стала падпісанне 14 лютага 1992 г. краінамі-удзельніцамі СНД Пагаднення аб вяртанні культурных і гістарычных каштоўнасцей дзяржавам іх паходжання [8]. Яно было накіравана на пошук і вызначэнне канкрэтных катэгорый культурных каштоўнасцей, якія належалі адной дзяржаве і знаходзіліся ў другой дзяржаве Садружнасці, для далейшага вяртання ў краіну паходжання. На жаль, праз некалькі дзён пасля падпісання – 19 лютага – пастановай Вярхоўнага Савета Расійскай Федэрацыі яно было прыпынена на тэрыторыі гэтай краіны. А ў 1995 г. – дэнансавана як неадпавядаючае заканадаўству Расіі [9, 158].

Дэкларатыўнымі заставаліся таксама палажэнні аб рэстытуцыі артыкулу 3 Пагаднення аб супрацоўніцтве краін-удзельніц СНГ ў галіне культуры ад 15 мая 1992 г. У прыватнасці, так і не была створана Міждзяржаўная экспертная камісія СНД для разгляду пытанняў і падрыхтоўкі рэкамендацый па рэстытуцыі культурна-мастацкіх каштоўнасцей.

У вывучаемы перыяд адбылося станаўленне і актывізацыя рэгіянальнага супрацоўніцтва. У 1995 г. кіраўніцтва Гродзенскага аблвыканкама заключыла пагадненне аб развіцці прыгранічных гаспадарчых і культурных сувязей з уладамі Сувалькаўскага (люты 1995 г.) і Беластоцкага (сакавік 1996 г.) ваяводстваў. У сакавіку 1996 г. было падпісана Пагадненне паміж упраўленнем культуры Гродзенскага аблвыканкама і аддзелам культуры, спорту і турызму ваяводскай управы ў Беластоку аб культурным супрацоўніцтве на 1996-1998 гг. У 1997 г. быў заключаны дагавор аб культурнай дзейнасці паміж Брэсцкай вобласцю і Бельска-Падляскім ваяводствам. У другой палове 1990-х былі падпісаны пагадненні аб супрацоўніцтве паміж Мінскай і Русенскай абласцямі, паміж Магілёвам і Габравам, іншымі рэгіёнамі Беларусі і Балгарыі.

Пашырэнне магчымасцей адміністрацыйна-тэрытарыяльных адзінак у сферы міжнароднага супрацоўніцтва былі заканадаўча замацаваны ў Законе Рэспублікі Беларусь "Аб мясцовым кіраванні і самакіраванні" (люты 1991 г.). У новай рэдакцыі Закона ад 10 студзеня 2000 г. было зафіксавана права органаў улады ўдзельнічаць ў стварэнні сумесных з замежнымі партнёрамі навуковых, культурных, турыстычных, фізкультурна-аздараўленчых, рэабілітацыйных цэнтраў, іншых арганізацый. [10]

У вывучаемы перыяд Віцебская вобласць цесна супрацоўнічала са Смаленскай і Пскоўскай абласцямі Расіі, з рэгіёнамі Латвіі, Літвы. Брэсцкая вобласць – з Чарнігаўскай вобласцю Украіны, з упраўленнем культуры Заходняй адміністрацыйнай акругі г. Масквы.

Трывалымі былі культурныя кантакты паміж установамі культуры Гродзенскай і Брэсцкай абласцей і Беларуска-культурам таварыствам у Польшчы.

Новыя магчымасці культурнага супрацоўніцтва прадставіліся з стварэннем еўрарэгіёнаў. Браслаўскі, Верхнядзвінскі, Міёрскі, Пастаўскі і Глыбоцкі раёны актыўна развівалі культурнае супрацоўніцтва з памежнымі раёнамі Літвы і Латвіі ў рамках еўрарэгіёна "Азёрны край" (створаны ў 1999 г.). Асноўнымі культурнымі праектамі, якія рэалізаваліся ў рамках еўрарэгіёна, былі менеджмент і маркетынг сельскага турызму і штогадовы фестываль народнай творчасці "Дзвіна-Даўгава-Двіна".

Трансгранічны экалагічны і культурны турызм з'яўляўся адным з напрамкаў дзейнасці еўрарэгіёнаў "Буг" (створаны ў 1995 г., з беларускага боку ўваходзіла Брэсцкая вобласць), "Нёман" (1997 г., Гродзенская вобл.) і "Белаавежская пушча" (2002 г., Камянецкі, Пружанскі, Свіслацкі раёны).

Супрацоўніцтва Беларусі і рэгіёнаў Расійскай Федэрацыі было закладзена ў 1998 г., калі Савет Міністраў прыняў спецыяльную пастанову аб пашырэнні культурных сувязей з рэгіёнамі Расійскай Федэрацыі [11, арк. 210-211]. Яно грунтавалася на міжрадавым Пагадненні аб супрацоўніцтве ў галіне культуры, адукацыі і навукі, заключаным 21 лютага 1995 г. Культурнае супрацоўніцтва ў 1999-2000 гг. адбывалася ў рамках выканання міжведамаснай Рабочай праграмы аб сумеснай дзейнасці ў галіне кінематаграфіі і відэамастацтва.

Толькі на працягу 1997-1998 гг. Міністэрствам культуры былі ўсталяваны кантакты з Новасібірскай, Яраслаўскай, Пскоўскай, Арэнбургскай, Мурманскай, Разанскай, Ліпецкай абласцямі, з Краснадарскім, Приморскім і Стаўрапольскім краямі, Рэспублікай Комі [12, арк. 67-68].

У 2006 г. пад лозунгам "Крокі насустрач" ва ўсіх абласцях Беларусі, за выключэннем Віцебскай, прайшлі Дні культуры Стаўрапольскага і Краснадарскага краёў, Калінінградскай, Яраслаўскай, Новасібірскай і Святлоўскай абласцей.

Прыкладам міжрэгіянальнага супрацоўніцтва з'яўляецца развіццё сувязей паміж Мінскам, Гродна, Магілёвам і Масквой ў тэатральнай сферы. У 2006 г. у Маскве прайшлі гастролі Нацыянальнага акадэмічнага тэатра імя Я.Купалы, Нацыянальнага акадэмічнага драматычнага тэатра імя М.Горкага, Беларускага рэспубліканскага тэатра юнага гледача, Беларускай дзяржаўнай акадэміі мастацтваў, Гродзенскага абласнога тэатра лялек, творчых калектываў Магілёўскай вобласці. У Беларусі – гастролі МХАТ імя Горкага, Цэнтральнага тэатра Расійскай Арміі, Маскоўскага тэатра імя Ярмалавай.

Такім чынам, у вывучаемы перыяд незалежная Рэспубліка Беларусь змагла не толькі захаваць, але і пашырыць міжнароднае супрацоўніцтва праз міжрадавыя ўстановы, дзейнасць якіх закранае сферу культуры.

Былі закладзены асновы «беларускай школы» супрацоўніцтва з ЮНЕСКА. Беларусь атрымала магчымасць самастойна ўдзельнічаць у важнейшых міжнародных праграмах Арганізацыі, наладжваць у яе рамках двухбаковае супрацоўніцтва з краінамі свету, у першую чаргу Цэнтральнай і Заходняй Еўропы.

Адначасова на шляху супрацоўніцтва з ЮНЕСКА былі пэўныя перашкоды. Больш разнастайнаму ўдзелу ў рабоце Камітэтаў Арганізацыі, выкарыстанню дапамогі з яе Фондаў перашкаджала запазычанасць па рэгулярным узносам з боку нашай краіны. Свой адбітак на характар адносін з ЮНЕСКА наклала адсутнасць належнай

забяспечанасці нашай дэлегацыі на сесіях Генеральнай Асамблеі ўказаннямі і рэкамендацыямі МЗС.

Культурнае супрацоўніцтва Рэспублікі Беларусь з такой рэгіянальнай арганізацыяй, як Савет Еўропы, ў вывучаемы перыяд адбывалася ў рамках шэрагу канвенцый, да якіх далучылася наша краіна. У першую чаргу – Еўрапейскай культурнай канвенцыі. Неабходна адзначыць праяўленую зацікаўленасць з боку Савета Еўропы да нашай краіны праз наладжванне фінансавання ўдзелу прадстаўнікоў Беларусі ў праграмах еўрапейскага супольніцтва, правядзення семінараў, прысвечаных культурнай тэматыцы, на тэрыторыі нашай краіны. Пэўную кампенсацыю парушаным культурным сувязям, існаваўшым у рамках СССР, прынесла супрацоўніцтва ў рамках СНД.

На жаль, Беларусь не здолела выкарыстаць магчымасці ўдзелу ў Цэнтральна-Еўрапейскай Ініцыятыве для ўмацавання культурных сувязей. З сярэдзіны 1990-х гадоў пачаўся працэс наладжвання трансгранічнага супрацоўніцтва. Значную трываласць яму надалі як заключаныя пагадненні паміж органамі ўлады, так і стварэнне еўрарэгіёнаў.

ЛІТАРАТУРА

1. Архіў Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь (далей – архіў МК). Ф. 974. воп. 4. спр. 10. Перапіска з саветам Міністраў Рэспублікі Беларусь аб заснаванні Беларускага нацыянальнага цэнтра міжнароднага інстытута тэатра ЮНЕСКА, перайменаванні Мінскага інстытута культуры ў Нацыянальны ўніверсітэт культуры Беларусі, стварэнні Нацыянальнай акадэміі мастацтваў і інш. пытаннях.

2. Архіў МК. Воп. 4, спр. 71. Дакументы аб прыняцці палажэння аб дзяржаўным фондзе каштоўных металаў і камянёў, стварэнні Слаўгарадскага краязнаўчага музея, праекце палажэння аб Міністэрстве культуры і друку Рэспублікі Беларусь і іншым пытанням (праекты, пастановы, інфармацыі, перапіска і інш.).

3. Архіў МК. В.4, спр.289. Даручэнні Прэзідэнта. Нацыянальнага сходу. Адміністрацыі Прэзідэнта. Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь, рэспубліканскіх органаў дзяржаўнага кіравання і дакументы аб іх выкананні.

4. Дрозд Наталья. Совет Европы и Беларусь: проблемы и перспективы // Беларуская думка. – 1996. – №10. – С.167-176.

5. Архіў МК. Воп. 4., спр. 293. Даручэнні Прэзідэнта, Нацыянальнага сходу, Адміністрацыі Прэзідэнта, Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь, рэспубліканскіх органаў дзяржаўнага кіравання і дакументы аб іх выкананні.

6. Беларуская культуры сёння: гадавы агляд, 2002 / уклад. і навук. рэд. У.П.Скараходаў. – Мінск: БелДІПК, 2003. – 208 с.

7. Беларуская культура сёння: гадавы агляд, 2006 / уклад. і навук. рэд. І.Б. Багачова. – Мінск: БелДІПК, 2007. – 240 с.

8. Соглашение о возвращении культурных и исторических ценностей государствам их происхождения, 14.02.1992 г. // Содружество: информ. вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. – 1992. – № 2. – С. 58–59.

9. Ушакова, Т. Правопреемство Республики Беларусь в отношении государственных архивов // Правовые аспекты реституции культурных ценностей: теория и практика: материалы науч.-практ. симпозиума / Редкол.: Л. И. Лозенко [и др.]. Киев, 1997. – С. 156-160.

10. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь: Закон Республики Беларусь, 20 февраля 1991 г. В ред. Закона от 10 января 2000 г. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2000. № 8, 2/137.

11. Архіў МК. В: 4, спр. 228. Даручэнні Прэзідэнта, Нацыянальнага сходу, Адміністрацыі Прэзідэнта, Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь, рэспубліканскіх органаў дзяржаўнага кіравання і дакументы аб іх выкананні.

12. Архіў МК. Воп. 4, спр. 287. Даручэнні Прэзідэнта, Нацыянальнага сходу, Адміністрацыі Прэзідэнта, Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь, рэспубліканскіх органаў дзяржаўнага кіравання і дакументы аб іх выкананні.

ФЕНОМЕН ГЛОБАЛИЗАЦИИ В ВЕК НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

А.А. Лазаревич

Институт философии НАН Беларуси, г. Минск, Беларусь

В задачу данной статьи входит рассмотрение науки и ее технологических приложений в качестве объективных факторов современной глобальной динамики. Такая постановка вопроса связана с тем, что формируемое информационное общество, называемое также обществом знания, детерминирует интенсивные коммуникационные процессы, основанные на трансляции и социализации научной информации (научного знания). Кроме этого, коммуникация в самой науке кардинально меняет свою структуру, дистанцируясь от локальных и узкокорпоративных отношений и постепенно приближаясь к отношениям глобальным, как в количественном, так и в сущностном значении.

Исследовательская практика не лишена специальных разработок в области типологии, форм, свойств и других характеристик научной коммуникации. Поэтому подчеркнем, что данная модель социальной коммуникации является необходимым условием обоснования знания, перевода его из индивидуальных смыслов и значений в общенаучные и социальные. То есть коммуникативный принцип обоснования и социализации знания выступает предпосылкой глобализации непосредственно самой науки.

Научная истина – это универсальная ценность, которая разделяется научным сообществом и обществом в целом вне зависимости от географических, национальных, культурных границ. Применительно к конкретной научной дискуссии это может быть подтверждено следующим высказыванием К. Поппера: «Те, кто принимает участие в плодотворном критическом обсуждении некоторой проблемы, часто опираются, хотя и бессознательно, на две вещи: на признание всеми участниками дискуссии общей цели – достижение истины или по крайней мере приближение к истине – и на значительный объем общепризнанного исходного знания (background knowledge)» [1, с. 359-360].

С другой стороны, если учесть стремительную экспансию научно-технического прогресса фактически на все сферы жизнедеятельности общества, следует предположить, что данная экспансия вполне тождественна феномену глобализации как по своим масштабным проявлениям, так и по характеру универсализации и унификации результатов ее воздействия. Отсюда, кстати, напрашивается следующий вопрос: можно ли в категорично негативных цветах, свойственных чаще всего субъективному восприятию, характеризовать процессы глобализации? Естественно, нет. Дискуссия в

отношении поставленного вопроса уместна настолько же, насколько уместны рассуждения о противоречиях современного научно-технического прогресса, степени его активности и возможности что-либо противопоставить ему.

В качестве предпосылок универсализации и глобализации коммуникаций в науке могут быть рассмотрены и принципы «научного этоса», т.е. совокупность неформальных, не юридических норм, действующих в научном сообществе. Вместе с тем эти исторически складывающиеся нормы задают образцы поведения и взаимодействия среди ученых, гарантируют их публичное признание и профессиональный успех. Этос науки «воспринимается как обязательный не потому, что по техническим или процедурным соображениям эффективно способствует прогрессу научной работы, хотя это и так, но потому, что считается правильным с моральной точки зрения» [2, с. 510]. Анализ и систематизации принципов, составляющих этос науки, посвящена специальная работа Мертон «Наука и технология в демократическом режиме» (1942 г.). Согласно Мертону, таких принципов четыре: универсализм, коллективизм, коммунализм, бескорыстность и организованный скептицизм [3, с. 260].

Принцип универсализма мы фактически охарактеризовали чуть выше, когда говорили об универсальности научной истины, объективно существующей и разделяемой научным сообществом (и не только) вне каких-либо ограничений, а тем более индивидуальных предпочтений, притязаний по принципам личных связей, социальной принадлежности и т. п.

С принципом универсализма тесно связан и принцип коллективизма, коммунализма. Научная деятельность – это в целом коллективная творческая работа, воплощенная в результатах последующих открытий (коллективных либо индивидуальных), но принадлежащих абсолютно всем исходя хотя бы из критерия всеобщего признания и общественного достояния. Сформулированные, пусть даже на индивидуальном уровне, утверждения науки имеют коллективную природу (строятся на наследии прошлого) и передаются будущим поколениям.

Императив бескорыстности направлен на дистанцирование от целей личной выгоды в научной работе. Этот принцип свидетельствует о добропорядочности и научной честности ученых, что обеспечивается не только их высоким нравственным уровнем, но и различными механизмами независимых научных экспертиз и способов верификации знания.

Наконец, четвертый принцип – принцип организованного скептицизма – следует рассматривать в плоскости универсальных приемов верификации и обоснования результатов науки. Этот принцип предполагает критическую оценку со стороны ученых как своих собственных идей и выводов, так и идей и выводов коллег.

Наука интернациональна по своей сути, что объективно интегрирует ее в систему факторов и предпосылок современной глобальной динамики. И если раньше классический паритет «национальная наука — мировая наука» все же основывался на реальном доминировании национальных начал в науке и априорном признании ее мирового статуса, то сегодня тенденции складываются с точностью почти до наоборот. При сохранении основ национальной организации и финансирования науки все активнее заявляя о себе процессы стремительной интеграции национальной научной политики и деятельности в мировое научное пространство и глобальные процессы социально-экономического и духовно-культурного развития.

Данная тенденция самым непосредственным образом связана с двумя обстоятельствами. Во-первых, с общей коммуникационной парадигмой существования современного мира, в соответствии с которой глубина и масштабность любых значимых проектов дос-

тижимы лишь в условиях международной организации и кооперации. Во-вторых, с активным развитием информационно-компьютерных технологий, кардинально меняющих прежние схемы социального взаимодействия, в том числе и в сфере науки.

Современная наука – достаточно дорогостоящее занятие, требующее огромных усилий специалистов и научных коллективов из различных областей знания, наличия необходимого оборудования, опытных производств, соответствующего финансового обеспечения и т. п. Поэтому осуществить «прорывные» научные открытия в рамках национальных проектов не всегда представляется возможным, а порой и нецелесообразным, что и предполагает интеграцию этих проектов в мировой исследовательский процесс. Другими словами, достижения науки, лежащие в основе новых поколений техники и технологий, новых технологических укладов, как, собственно, и сами технологии и уклады, уже не могут осуществляться и реализовывать свои преимущества в пределах одной страны. Их организация и окупаемость также определяются принципами глобальной экономики.

В русле данной проблематики следует расценивать реализацию одного из самых амбициозных проектов в истории науки – создание Европейского научного пространства (ЕНП), т. е. интеграцию научного потенциала десятков стран, существенно отличающихся по своей истории, культуре, политическим и научным традициям. Решающим условием успеха в данном направлении является создание поля взаимодействия основных заинтересованных групп – политиков, представителей крупных корпораций, общественных движений, малого и среднего бизнеса и, конечно же, научного сообщества. Важным условием этого взаимодействия является наличие органа, эффективно представляющего науку в диалоге с политиками. Например, во время трансформации американской науки 1960-х годов эту роль сыграла Американская ассоциация развития науки (AAAS). Такой организации, идет ли речь об авторитете в научном сообществе, о политическом весе или о богатейших традициях, в Европе не было. Поэтому с самого начала речь шла не о бездумном копировании американского опыта, а о его науковедческом анализе с целью выявления некоторого минимального эффективного ядра, которое и можно воссоздать на европейской почве за несколько лет.

Результатом этой работы стало появление в 1997 г. скромной общественной организации «Euroscience», которая следующим образом заявила о своих целях и задачах:

1. Создать форум для обмена мнениями ученых, промышленников и граждан, интересующихся наукой и технологией.
2. Укреплять связи между европейской наукой и обществом.
3. Содействовать созданию интегрированного научно-технологического пространства в Европе.
4. Оказывать влияние на научно-технологическую политику.

Залогом успеха создания и эффективного функционирования ЕНП является заявление руководства Европейского Союза об объединении к 2010 г. 80% исследований и разработок стран-членов ЕС в Европейском научном пространстве. Главная цель объединения – мировое лидерство ЕС в научно-инновационной сфере [см. 4, с. 8-25].

Развитие информационно-компьютерных технологий глобализирует не только систему мирохозяйственных и культурных связей, но и саму науку, которая в таком своем статусе (учитывая ключевую роль науки и созданных на ее основе технологий в развитии общества) занимает одно из основных мест в группе глобализационных факторов.

Отмеченные технологии являются сегодня не просто оптимальным, но практически единственным доступным для ученых средством оперативного общения (особенно с зарубежными коллегами) и соответственно своего рода индикатором включенности в

мировую науку. Среди наиболее активных типов электронной коммуникации в науке следует выделить электронную почту, интерактивный доступ к удаленным информационным базам, участие в телеконференциях, использование удаленных компьютеров, дистанционное участие в эксперименте и др. В плане характеристики важнейших проявлений глобализации вообще и глобализации науки в частности следует назвать современный информационный взрыв, выражающийся в экспоненциальном росте главным образом научной информации, инвариантной по отношению к национально-культурным сегментам человеческого бытия и универсализирующей в силу этого социально-экономические, технологические, образовательные программы жизни и развития.

Нужно сказать, что информационные технологии следует рассматривать в контексте общего научно-технологического процесса, универсализирующего, стандартизирующего и глобализирующего современное общество. В настоящее время данный процесс приобретает небывалую активность. По оценке Питирима Сорокина, за 1300 лет античной цивилизации в западном мире было сделано 243 естественно-научных открытия и 107 технических изобретений. В средние века эта волна спадает: за 850 лет – 31 открытие и 49 технических изобретений. Однако за 400 лет предындустриальной цивилизации темп прогресса резко нарастает – 1153 открытия и 489 изобретений. Сегодня этот темп увеличивается в еще больших масштабах, формируя глобальное технологическое пространство современной цивилизации как «сложную динамическую полиструктурную систему», компонентами которой выступают:

- техника, т. е. артефакты, специально созданные для производства, трансформации и перемещения материальных объектов и оказания услуг;
- природные, антропотехногенные, человеческие, финансовые и иные ресурсы, необходимые для создания материальных феноменов и оказания услуг;
- целеориентированная деятельность, осуществляемая с помощью техники и указанных выше ресурсов (технологическая деятельность);
- управление этой деятельностью;
- информация и знание, навыки и правила, необходимые для осуществления и управления технологической деятельностью;
- институциональные и организационные формы, обеспечивающие реализацию технологической деятельности;
- взаимодействие компонентов технологической деятельности и ее продуктов с окружающей природной и социальной средой [см. 5, с. 86].

На этой основе формируется и функционирует особый мир универсальных феноменов, названный А. И. Ракитовым «регулятивным миром», который заметно стандартизирует, универсализирует и в этом смысле глобализирует нашу жизнь. «Технология, – пишет А. И. Ракитов, – предполагает создание, совершенствование и использование огромного числа правил и воплощающих их навыков, норм, эталонов и стандартов деятельности. Структурные компоненты технологии и порождаемые ими правила перемешаны, «слипаются» и взаимодействуют. Они образуют основу того, что я называю регулятивным миром, но, разумеется, ни в коей мере не исчерпывают его. Регулятивный мир, как уже говорилось, включает также правила и воплощающие их нормы, эталоны, стандарты деятельности, регулирующие бытовую, культовую, военную, политическую, художественную и другие виды специфически человеческой деятель-

ности. Все они в той или иной мере, прямо или косвенно зависят от господствующей в обществе технологии или суммы технологий» [там же, с. 86-87].

Рассматривая структуру глобального технологического пространства, Ю. В. Яковец [6] обращает внимание на то, что единство его функционирования и цикличной динамики обеспечивает прежде всего глобальность научного пространства. С другой стороны, социализация достижений науки, их глобальная общедоступность обеспечиваются развитием техники и технологии. Единственный внешний фактор, с которым, например, Мертон соотносил научное развитие, – это технологический прогресс. Именно следующие за развитием науки технологические инновации делают ее ценной для общества и создают условия для общественного признания.

Результатом тысячелетнего технологического развития человечества стала глобальная техносферная система – искусственный материальный мир, кардинально повлиявший на все стороны жизни людей. Глобализация в современном ее понимании – это продукт техногенного общества. Именно в условиях техногенного типа развития сформировались основные механизмы и принципы экспансии технологических новшеств, их влияние на социально-экономический и культурный динамизм.

Современные тенденции формирования постиндустриального общества основываются на трансформации ряда ценностей техногенной цивилизации. Достижения науки и технологии, научная рациональность не рассматриваются уже в качестве самодостаточных сущностей, автономно определяющих стратегию социального развития. Они все больше и больше включаются в целостную систему социально-культурной и природной эволюции. При этом масштабность влияния науки и технологии на современное общество не уменьшается, а, скорее, увеличивается, но уже в единстве рационально-знаниевых, социально-культурных, нравственных и экологических принципов. «Сетевая» (М. Кастельс) организация постиндустриального мира таким же образом обуславливает создание и трансляцию научно-технологических инноваций в обществе. Для сравнения вспомним, что уже в индустриальном обществе наука впервые стала объектом инновационной политики, т. е. получила внешнее управление через социальный заказ, который мог исходить не только от государства, но и от частного бизнеса. Однако при этом возникла проблема когнитивной сопротивляемости науки, когда различные исследовательские центры осуществляют плохо скоординированную между собой деятельность. В условиях демократии и свободы рынка такая когнитивная сопротивляемость науки может быть очень высокой, что затрудняет процесс консолидации научного потенциала и осуществления целенаправленной научной политики.

В условиях сетевого общества возникает задача преодоления данной проблемы путем внедрения механизма рефлексивной дифференциации – различные центры, работая над схожими проблемами, вырабатывают свои рефлексивные установки в рамках общих рефлексивных сверхустановок, спускаемых из более общего центра. Это значит, что наиболее вероятной координационной задачей в сфере современной науки является преодоление разделительного дезинтеграционного способа существования и развития научных центров и переход к глобальным открытым системам и структурам, функционирующим в соответствии с предзаданной системой векторов. Осуществление этой задачи особенно актуально при реализации сетевых моделей общества с сильной векторной направленностью, т. е. с увеличением рефлексивной

дифференциации. Рефлексивная дифференциация должна стать динамическим каналом как управления, так и самоуправления исследовательскими центрами, тем каналом, который регулирует их творческие и коммуникационные возможности, а также их интеграцию в опосредованно сложные системы.

В связи с этим следует подчеркнуть, что и сетевая организация постиндустриального мира, и соответствующая ей система производства и функционирования науки и технологий представляют собой новые формы детерминации глобальной динамики. Все это, в свою очередь, приводит к необходимости более комплексного анализа феномена глобализации, оценивая его не только по чисто экономическим признакам, но и обращая внимание на лидирующее и глобализирующее значение в современном «обществе знания» научно-технологической компоненты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поппер, К. Логика и рост научного знания / К. Поппер. – М.: Прогресс, 1983.
2. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М.: Academia, 1999.
3. Merton, R. The sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations / R. Merton. – Chicago: University of Chicago Press, 1972.
4. Мирский, Э. М. Научная политика XXI века: тенденции, ориентиры и механизмы / Э. М. Мирский, Л. М. Барботько, В. В. Борисов // Науковедение. – 2003. – № 1.
5. Ракитов, А. И. Регулятивный мир: знание и общество, основанное на знаниях / А. И. Ракитов // Вопросы философии. – 2005. – № 5.
7. Яковец, Ю. В. Циклы. Кризисы. Прогнозы / Ю. В. Яковец. – М.: Наука, 1999. – 449 с.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Н.А. Лазаревич

Институт философии НАН Беларуси, г. Минск, Беларусь

Понятие культуры весьма многогранно и многопланово. Сегодня оно стало центральным в системе социокультурных представлений о современном мире и тенденциях его развития. С этим понятием неизменно ассоциируется дух эпохи, «качественная сторона цивилизации» (А. Вебер), ее отличительные признаки и характеристики. Культура всегда имела и имеет своего носителя и представителя. Для классического понимания культуры таким ее носителем и генератором всегда выступала интеллигенция, которая и выражала уровень культурности, т.е. степень образованности, особый стиль жизни и поведения, умение реализации своих идей в социальной практике и технологиях, стремление отстаивать интересы народа, нации, государства. Это позволяло понять культуру как «систему внебиологически выработанных механизмов», благодаря которым стимулируется, программируется и реализуется активность людей в обществе (Э.Маркарян). Культура в таком понимании предстает основой существования и развития общества. При этом надо иметь в виду, что определяющую роль в культуре играет не просто деятельность, а человек. Деятельность – это лишь способ и средство. Поэтому культуру следует рассматривать как процесс становления, функционирования, развития человеческой сущности. При этом проявляется такая ее закономерность, как преемственность, что означает передачу и использование новыми поколениями накопленного культурного опыта и ценностей.

Всякая цивилизация гордится своей культурой, но она не в силах сделать ее своим подлинным основанием, масштабным фундаментом. Общественная пирамида в своей опоре на культуру крайне неустойчива, ибо ее основание малочисленно по сравнению с верхней частью: как наиболее совершенное достижение цивилизации культура доступна в равной степени далеко не всем. Классическая, или так называемая высокая культура, никогда не совпадает с реальной культурной ситуацией в обществе, определяемой рядом факторов, среди которых можно было бы назвать следующие:

1. Национально-этнические традиции народа.

Культурное творчество, будучи продуктом исторических конкретных социальных условий, выходит за их рамки, становясь общечеловеческим достоянием. Однако, несмотря на усиление значения общечеловеческих ценностей в культуре, следует отметить, что мир разнороден в религиозном, национальном, культурно-образовательном и других отношениях. В каждой национальной культуре заложена своя система ценностей, которая не только объединяет людей, но и разъединяет различные культуры. Они развиваются в своих специфических формах.

2. Национально-государственную политику в области культуры и возможность в связи с этим реализации образцов высокой культуры.

Хотя культура и государственные регламентации функционально и исторически различаются, вместе с тем они не должны противостоять друг другу. Культура воспитывает, «цивилизует инстинкты», и государство должно регламентировать этот процесс с помощью регулятивных механизмов, общих для каждого, какими бы индивидуальными качествами он ни обладал. Европейская культура тем и заметна и притягательна, что исторически почти всегда развивается в сторону ослабления биологических инстинктов и усиления социально-исторического опыта.

3. Общемировые тенденции трансформации культуры в связи с процессами глобализации и распространением массовой культуры.

Массовая культура представляет собой производство и распределение усредненных стандартизированных культурных благ. Через систему массовых коммуникаций она охватывает большинство населения, через единый механизм моды подчиняет, ориентирует все стороны жизни человека, делает ее общедоступной для всех слоев населения, при этом нивелируя и стандартизируя самого человека, усыпляя потребность в культурном самосовершенствовании и развитии. Массовая культура – типичное явление для эпохи глобализации. Вместе с художественными ценностями из культуры исчезают этика, вкус, творческая индивидуальность, национальная выразительность.

В результате определенного проявления этих и других факторов общество, как правило, имеет дело с культурой повседневности в ее позитивных либо негативных, в том числе конфликтных, проявлениях. В качестве примера можно рассмотреть ситуацию с экологической культурой. Масштабность развития современного экологического кризиса достаточно хорошо осознана. Суть экологических конфликтов можно рассматривать как противоречия, связанные с борьбой за ресурс. Они возникают между человеком и природой, имеют внутрисоциальные особенности и продолжаются в сфере производства и потребления.

Долгое время природа считалась безграничным источником сырья для людей и универсальным поглотителем всех отходов, которые в нее возвращались из производства. Только в XX веке стали осознавать, что гармонизирующая мощь природы не беспредельна, так же как и сырьевые запасы. Земле грозит экологическая катастрофа из-за нерационального использования человечеством возросшей технической мощи. Источником катастрофы является социально-культурный конфликт, не получающий

должного разрешения в сфере социоприродных отношений. И ученые, и средства массовой информации, и ответственные политики констатируют бесперспективность таких отношений, находящихся, как мне кажется, своеобразную подпитку в культуре повседневности, которая, в свою очередь, способна трансформировать и нивелировать индивидуальный культурный образ субъекта, его сознание и поведение.

Сказанное прекрасно иллюстрирует ситуация под названием «трагедия общинных выгонов», которую рассматривал эколог Горрет Хардин. Если на лугу могут пастись сто коров, а каждый владделец без ограничений может добавлять своих животных, то скоро луг будет окончательно вытоптан. Каждый фермер может предположить, что прибавленная им к стаду одна корова дела не ухудшит, но при этом каждый думает только о своей корове, а прибавленная к стаду корова соседа заставит других только поспешить уравнивать свои шансы. Такая гонка допустима только при неограниченном ресурсе, а при ограниченном – служит источником общего ухудшения дел. На уровне повседневной культуры решить проблему самоограничения пока не удастся, ибо не появился еще саморегулирующийся культурный субъект – человечество, определяющий цивилизованные «правила игры» для всех своих членов.

Взаимодействие общества и природы связано с расходом объективно ограниченных, трудно восстанавливаемых, а иногда и невозстанавливаемых ресурсов. Это обуславливает характер экологического конфликта: проблему выбора между различными вариантами поведения. Самые разнообразные варианты поведения, казалось бы, признанные обществом и не осуждаемые им, в частности, обращенные на потребление продуктов природы, в повседневной культуре приобретают совершенно иной характер, очень часто становясь источником возникновения социального конфликта. Вопреки культуре повседневности человечество все же заинтересовано в его разрешении. Для этого принимается ряд основных природоохранных законов, расширяется сфера применения экономических расчетов в экологической политике, создаются предпосылки социального контроля за состоянием природы, мобилизуются внутренние и внешние ресурсы для инвестирования в охрану окружающей среды.

В реальной повседневной культурной практике мы видим чаще всего усугубляющуюся экологическую ситуацию, обусловленную, как правило, экономической целесообразностью промышленных предприятий, несовершенством экологического законодательства, часто низкой экологической грамотностью населения и недостаточным уровнем его общей культуры.

С учетом темы данной статьи можно сказать, что реальная экологическая ситуация в обществе определяется соответствующей повседневной культурой, которая вступает в противоречие с нормами нравственности, гражданской ответственности и даже здравым смыслом. Экологическая проблематика приобретает широкое воспитательное, образовательное, мировоззренческое и нравственное звучание. Экологические проблемы служат наглядным эмпирическим материалом, указывающим на необходимость изменений, которые человечество и каждая отдельная личность должны произвести в себе, прежде всего в сфере формирования подлинных культурных норм.

Концентрация внимания именно на проблемах экологической культуры определяется, главным образом, стратегией экополитических подходов, в которых заключена высокая степень ответственности ученых, специалистов в сфере управления, организаторов современного производства за сохранение нормальных условий развития человеческой цивилизации, за расцвет ее культуры, что, в конечном счете, свидетельствует о реальных возможностях и перспективах выживания нынешних и будущих поколений людей. «Чем больше деятельность человека становится универсальной и

свободной относительно внешнего мира, — отмечает в этой связи украинский исследователь Н.Ф.Тарасенко, — тем значительно больше вырастает ответственность человека перед природой как ойкуменой человеческой культуры»[1, с. 69]

Наиболее отчетливо подобные отношения проявляются в экологической культуре, где природное и человеческое объединено единой целью сохранения первого и выживания второго. Наряду с этим неверно было бы утверждать, что суть экокультуры заключена исключительно в нахождении путей и средств жизнеобеспечения и выживания индивида в природной и социальной средах. Такой подход слишком узок, он не способствует осуществлению комплексного анализа содержания явления, столь многогранного и актуального в наше время.

Экологическую культуру общества, как отличающуюся от норм повседневности, следует понимать, во-первых, как результат его достижений в сферах природопознательной, природоохранной, природовосстановительной, социально-природообразовательной деятельности; во-вторых, как совокупность позитивных действий, поступков, идей и теорий, способствующих коэволюции человека и биосферы; в-третьих, как процесс разработки фундаментальных и прикладных способов, методов, приемов формирования основ индивидуальных, коллективных, общественных механизмов адаптации личности к условиям нормально функционирующей окружающей среды.

Такой подход к пониманию экокультуры наиболее приемлем с точки зрения классических представлений о нормах высокой культуры, так как здесь, с одной стороны, имеет место историко-интеллектуальная оценка достижений в области социоприродоведческих отношений, с другой — анализ ее функциональных свойств, целей, задач, в том числе культурно-перспективного характера.

Анализ феномена экологической культуры в системе культуры повседневности неизбежно заставляет обратить внимание на изучение экологических ценностей, их специфики, функций, роли в структуре общественных отношений. Повышенный интерес к ценностной проблематике — это результат более глубокого понимания природы человеческого познания, его социокультурной обусловленности, целостности. Проникновение в закономерности познавательного процесса позволило обнаружить ценностный компонент не только в различных сферах общественной жизни и культуры, но и в познавательных структурах и мировоззрении человека.

Экоценности можно определить как совокупность устойчивых, прочных воззрений, отражающих систему многообразия отношений личности к проблемам познания, контроля и охраны окружающей среды (к объекту природы или искусственно созданному для удовлетворения социоэкологических потребностей человека). Формирование таких воззрений, как своеобразных фильтров в культуре повседневности, предполагает создание соответствующей экологической теории, а также выработку своеобразной экологической психологии — систему чувств, ассоциаций и т.п., связанных с такой иерархией потребностей, в которой потребность сохранения природы занимала бы доминирующее место. В этом и вышеназванных процессах решающее значение принадлежит всеобщему экологическому просвещению как механизму социализации принципов элитарной культуры.

Экологическое просвещение имеет два аспекта: экологическое образование и экологическое воспитание. Первое связано с передачей экологических знаний и формированием рациональной сферы экологического сознания. Второе — с развитием экологической психологии и формированием эмоциональной и мотивационно-волевой сферы. Знания, приобретенные, например, в средней школе, представляют собой не только специальные сведения о строении материи и научной картине мира, без чего рациональные взаимоотношения человека и окружающей его среды невозможны, но

и могут способствовать в процессе их изучения формированию необходимых норм экологической нравственности и культуры (сущность экологической культуры в системе ценностей, учитывающей неразрывную связь человека с природой, их единство, понимается как необходимость поддержания и сохранения природы как условие развития общества). Если первая часть данного утверждения непосредственно заложена в программе обучения, то вторая (воспитательная) ничем не определена и по существу является индивидуальным творчеством талантливых педагогов, способных подняться над обыденностью повседневной культуры. Это сложнейшая и очень трудно решаемая задача, учитывая стереотипы общественного сознания. Однако без ее решения человечеству не выжить. Поэтому так важно сейчас улавливать и поддерживать любые начинания, предпринимаемые в этом направлении.

В современных условиях нарастания негативных последствий развития техногенной цивилизации, человечество оказывается перед альтернативой: глобальный экологический коллапс, или поиск нового мировоззрения в формировании соответствующих норм экологической культуры, коренным образом отличающихся от норм существующей повседневности. Многообразные кризисные явления в обществе свидетельствуют об исчерпании возможностей тех принципов, на основе которых сформировалась современная цивилизация. Глобальный экологический кризис наших дней — это не результат единичной ошибки, неправильно выбранной стратегии технического или социального развития. Это отражение глубинного кризиса культуры, охватывающего весь комплекс взаимодействия людей друг с другом, обществом и природой. Выход из кризиса видится в освоении новых ценностно-нормативных отношений, позволяющих преодолеть отчуждение человека от природы, выработать соответствующее экологическое мировоззрение, осознать экологические императивы неконфликтного взаимодействия общества и природы. Необходима смена сложившихся принципов повседневности, определяющих характер приоритетов в развитии человеческой деятельности. Частично этот процесс уже начат. Наблюдается постепенный переход от установок на неограниченный прогресс, беспредельный экономический рост к представлениям о пределах роста, гармонизации экономической экспансии и экологических лимитов, переход от доминирования отношений господства, конкуренции, противостояния к идеалам сотрудничества, кооперации, сосуществования.

Решение проблем социоприродного характера должно начинаться с изменения психологии и мировоззрения самого человека, целей и мотивов его деятельности. Разрешение внутренних противоречий индивида, его выход за пределы разрушительных стереотипов культуры повседневности содержит ключ к разрешению противоречий и в его отношениях с окружающей средой, как социальной, так и природной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тарасенко, Н.Ф. Природа, технология, культура / Н.Ф. Тарасенко. — Киев: Наукова думка, 1985.

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

И.А. Лапина

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь

Процессы глобализации наряду с бесспорной полезностью приносят и новые, порой неожиданные угрозы. С целью минимизации этих последствий применяются различные методы и средства правового регулирования, поскольку именно юридические нормы служат основным средством установления и контроля общественного порядка, социальной стабильности. Именно закономерности, актуализированные в законах, обеспечивают переход регулятивных процессов в ранг правореализации. Когда нормы права, морали, религии настаивают на том, что нечто должно быть всегда и везде, где имеются условия для действия нормы, это порождает ценное чувство уверенности людей в будущем многократном воспроизведении форм привычной жизни [1, с.15], предсказуемости событий и социально одобряемых действий в течение длительного периода при равных условиях. Ведь «жизнь – это серия фактов, управляемых законом» [2, с.9]. Безопасность этого фактологического ряда зависит, прежде всего, от эффективного и равноцелевого функционирования системы «гражданин – общество – государство».

Проблематика безопасности в последнее время стала занимать важное место в системе современного социального знания. В многочисленных научных работах и исследованиях последних лет находят свое отражение социально-политические, экономические, военные, демографические, культурные, духовно-нравственные и иные аспекты безопасности. Однако безусловным является то, что безопасность – это специфическая сфера деятельности государства, общества и личности по выявлению, предупреждению и отражению внутренних и внешних угроз.

Усложнение социальных систем современного мира является основанием не только для прогрессивного развития различных сфер человеческой деятельности, но и для появления новых рисков и негативных тенденций. Среди них можно выделить такие явления, как изменения в количественно-качественных показателях преступности, рост незаконной миграции и незаконного оборота наркотических веществ, резкое «смещение акцентов» на рынке труда, коллизии в законодательстве. Весь этот комплекс проблем способен привести к социальной нестабильности в обществе и появлению чувства социального дискомфорта (незащищенности и безысходности) у отдельных индивидов. Как следствие, это может привести к новым противоречиям в социальном взаимодействии, которое и без того является процессом сложным и разноречивым. Социальное взаимодействие имеет массу проявлений, самых различных по содержанию и качеству. Социальное взаимодействие включает в себя многочисленные формы вербальной и невербальной коммуникации. Невербальная коммуникация, включающая в себя мимику и жесты, должна быть оценена не только и не столько с позиции психологических закономерностей, но и влияния социальных факторов, которые в настоящее время становятся более значимым, чем врожденные и приобретенные личностные характеристики.

Разрешение подобных проблемных ситуаций, урегулирование социальных конфликтов и реализация, таким образом, принципа справедливости – важные функции социального государства. Особенно остро необходимость такого государственного регулирования и вмешательства возникает, когда дело касается расследования преступлений, совершенных организованной группой, с участием несовершеннолетних.

Сложные социальные отношения, как между конкретными индивидами, так и между отдельным индивидом (группой) и обществом, приводят к необходимости рефлекс-

сии и, следовательно, самооценке индивида. Он должен, прежде всего, посмотреть на себя со стороны и, соотнеся свой социальный статус и конкретную жизненную ситуацию, выбрать для себя определенную схему действий, соответствующую социальным поведенческим стереотипам при «исполнении» определенной социальной роли. Именно сообразность самостоятельно выбранной или навязанной извне, но принятой на себя социальной роли в современном мире, заставляет человека вести себя определенным образом, а уже потом на это накладываются психологические и физиологические особенности личности.

Следователь, подозреваемый, потерпевший, защитник, свидетель – это не только статус участника уголовного процесса, но и социальная роль. Принимая на себя ту или иную из них, человек соотносит свои действия в соответствии с этой ролью. Это обстоятельство может как положительно, так и отрицательно сказываться на ходе расследования. С одной стороны, представления об искренности и открытости, как о должном поведении, например, в роли потерпевшего, может прояснить массу спорных и неясных моментов происшедшего, с другой стороны, обратное поведение, особенно если роль принята сознательно, чтобы скрыть свою вину, либо другие неблагоприятные обстоятельства, может привести к негативным последствиям. При этом особенно важной становится оценка следователем сообразности поведения человека и его социальной роли, а также анализ таких источников социальной информации, как формы вербальной и невербальной коммуникации. С позиции этнометодологии такой анализ особенно значим для определения личностных особенностей человека при выполнении принятой им определенной социальной роли. Социальное взаимодействие в любой своей форме основывается на взаимном понимании, при этом каждый человек пользуется своими методами осмысления, применяя их неосознанно. Зачастую смысл разговора можно понять, лишь зная контекст ситуации. Так, прослушивание обычного телефонного разговора может стать ценным источником значимой для следствия, особенно для дальнейшего выстраивания версий, информации.

В уголовных делах, особенно с участием несовершеннолетних, зачастую ярко выражен элемент подражания старшим, взрослым товарищам. В этой ситуации нормы малой социальной группы (семьи, круга друзей), зачастую установленные неформальным лидером, воспринимаются как модель должного поведения. При этом перенимаются не только убеждения и жизненные установки, но и мимика, жесты, особенности разговора. Являясь вербальным обменом информацией, он несет не только смысловую нагрузку (хотя в формальном общении это его основное качество), но и дает представление о личностных параметрах человека, особенно в неформальных беседах, позволяя выявить сознательно или неосознанно скрываемые обстоятельства. В тактике проведения допроса имеются специальные методы, позволяющие разоблачить ложные показания. Однако анализ обыденных, неофициальных, разговоров не менее значим.

В обычном разговоре присутствует много условных допущений, основанных на общепринятых в определенной социальной группе, социуме в целом, формулировках ответов и вопросов. Излишние уточнения как с одной, так и с другой стороны приводят к негативной оценке происходящего. Например, человеку не свойственно акцентировать свое внимание на своих повседневных, обыденных и часто повторяющихся действиях, их пространственно-временной характеристике. Однако в следственной практике встречаются случаи, когда, аргументируя свое алиби, человек с точностью до минуты описывал свой распорядок дня. В большинстве случаев такое алиби впоследствии оказывалось тщательно спланированным сокрытием преступления, либо просто ложью.

В разговоре нередко присутствуют обмолвки, ошибки и оговорки, которые могут свидетельствовать о несоответствии выполняемой в данный момент социальной роли настоящим ожиданиям и потребностям человека в действительности. В этом случае может создаться как более верное, так и превратное впечатление о нем. Поскольку в

обществе над людьми довлеют социальные стереотипы, они стараются управлять своим впечатлением на других. Результат подобного управления может носить как негативный, так и позитивный характер в зависимости от социального опыта производящего впечатление и того, на кого это впечатление производится.

Сознательное пренебрежение общепринятыми нормами языка может быть расценено как оскорбление общественной нравственности и квалифицировано как хулиганство. Например, известен случай (в период существования СССР), когда с помощью специального журнала контроля эфира были найдены и изобличены хулиганы, передававшие в эфир непристойные песни и выражения. В данном случае, прежде всего, была дана негативная социальная оценка самим действиям хулиганов, а письменным источником социальной информации стал документ, не имеющий какого-либо специально-юридического, процессуального значения – журнал контроля радиоз эфира. И то и другое является социальными отражениями: в первом случае – носящими идеальный характер, а во втором – документально-оформленный. В настоящее время эта ситуация нашла свое отражение в определенных статьях соглашений об использовании интернет-ресурсов и телекоммуникационных технологий. В них содержатся нормы, запрещающие использование ресурсов с целью оскорбления (запрет отправки e-mail, SMS-сообщений, содержащих оскорбительные выражения).

Социальные отражения, носящие идеальный характер, отличаются от идеальных следов преступления. Социальные отражения имеют более общий характер. Основываясь на анализе социального взаимодействия в определенной социальной группе можно точно определить те социальные стереотипы, которым следуют их члены. Составляя в дальнейшем результаты анализа и происшедшее (в том числе и поведение отдельных индивидов) можно воссоздать объективную картину события и предусмотреть возможные последствия, а главное – получить дополнительную информацию для следствия. Например, оперативными работниками была распространена ложная информация о «несоблюдении правил торговли» одним из продавцов. На основании этого между продавцами возник конфликт, после которого один из них обзвонил всех поставщиков, запретив им работать со своим коллегой. Телефонные разговоры были прослушаны и записаны работниками правоохранительных органов. Сами по себе, они не содержали ничего противозаконного, и понять их смысл можно было только обладая определенной предварительной информацией. Однако удалось получить важные сведения – были предположительно установлены почти все действующие лица преступной группировки.

Особенности социального взаимодействия, их результаты в материальной и нематериальной формах не всегда могут быть правильно и полно оценены одним лишь следователем в силу различных причин (недостаток времени, опыта, специальных знаний). Такой анализ важен, прежде всего, при расследовании многоэпизодных, с большим количеством участников, преступлений, а также при выявлении латентных общественно опасных деяний, т.е. дел, по которым объем работ наиболее велик и сложен. Как правило, именно такие дела вызывают наибольший общественный резонанс и, как следствие, может появиться чувство социального дискомфорта, незащищенности от преступных проявлений.

В качестве форм невербальной информации можно выделить мимику и жесты. В настоящее время, с повышением информационного прессинга и манипулирования сознанием с помощью современных информационных технологий в обывательной жизни, можно утверждать, что люди большую часть времени сохраняют строгий и постоянный контроль за выражением лица, позой и жестами при взаимодействии с другими. Оценить искренность и правдоподобность результатов социальных коммуникаций в подобной ситуации довольно сложно, но крайне необходимо – особенно когда речь идет о противодействии терроризму, экстремизму и другой организованной преступ-

ной деятельности. Создание и использование методик раннего выявления преступных мотиваций социальных субъектов – основная задача правоохранительных органов в правовом государстве. При этом должны четко соблюдаться презумпция невиновности, принципы справедливости и законности. Ведь процессы расследования и предупреждения преступлений одновременно являются еще и процессами социальной коммуникации, затрагивающей, помимо основных фигурантов, большой круг субъектов. Здесь важно найти и использовать такую формулу, систему сдержек и противовесов, при которой процессы правоохранительной деятельности не превратятся в социальную проблему, вызвав волну недоверия к определенной категории граждан, должностных лиц, и, как следствие, обратную негативную реакцию. Наоборот, главной задачей государства в этом случае является формирование у всех членов социума противоположной реакции, т.е. стойкой уверенности в существовании грамотной государственной системы мер по профилактике любых преступлений и неотвратимости наказания. Одновременно с этим обеспечению социальной безопасности будет служить дополнение законотворческого процесса стадией анализа законопроекта на предмет позитивного воздействия на систему социального контроля, формирования чувства социального комфорта и стабильности при его реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мальцев, Г. В. Развитие права: к единению с разумом и наукой: Монография. / Г.В. Мальцев - М.: Изд-во МЮИ при Минюсте России, 2005. - 204 с.
2. Ортега-и-Гассет, Х. Что такое философия? / Х. Ортега-и-Гассет – М., 1991. - 102 с.

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: БЕЛОРУССКАЯ МОДЕЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Лапина С.В.

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь

Анализируя историю становления современного социального государства Республики Беларусь, следует отметить, что понятие «социальное государство» в качестве нормативно-правовой категории впервые официально было использовано в тексте Конституции Республики Беларусь, принятой парламентом 15 марта 1994 г. Включение в Статью 1 Конституции Республики Беларусь (с изменениями и дополнениями, внесенными в 1996 г.) положения о том, что наша страна представляет собой унитарное демократическое социальное правовое государство, стало закреплением сложившейся социальной практики, нашедшей отражение в формирующейся белорусской модели государственного устройства.

Подводя итоги общественного развития Беларуси, начиная со времени объявления суверенитета, можно отметить его отличительные черты – это создание стройной вертикали власти; развитие экономики на основе государственного регулирования в начальный период становления рыночных отношений и отказ от «дикого рынка» и «шоковой терапии»; проведение сильной социальной политики, ориентированной на интересы всех социальных групп и каждого члена общества.

В новейшей истории Беларуси отчетливо можно проследить два этапа формирования нынешней модели социального государства. Первый – (до 1994 г.) выражался в некотором импульсивном, порой хаотическом поиске своего пути развития, в результате чего страна в определенной степени теряла управляемость, а население испытывало экономические трудности, усугублявшиеся нравственно-психологическими потрясениями: смена ценностных ориентиров порождала в обществе эффект «экспериментального невроза».

Второй период, начавшийся с момента принятия в 1994 г. новой Конституции и ознаменовавшийся в соответствии с ней переходом от парламентской к президентской форме правления, дал толчок реализации одной из важнейших задач – восстановлению управляемости страной. Действуя с позиций прагматизма, все ветви власти, включая Президента страны, перешли во взаимоотношения между собой от конфронтации к сотрудничеству и на этой основе добились определенных успехов в государственном строительстве и развитии экономики. В качестве примера можно отметить последовательную реализацию всеми звеньями власти курса на восстановление и расширение утраченных ранее связей с партнерами из стран как СНГ, так и других стран на разных континентах. Многовекторность международной политики и ориентация на включение в систему мирохозяйственных связей привели к тому, что уже в начале XXI века – в 2000 г. – объем промышленной продукции в Беларуси превзошел уровень 1990 г., чего к тому времени не смогла достичь ни одна другая из бывших Республик Советского Союза.

В настоящее время по одному из самых представительных интегральных показателей уровня общественного и человеческого развития Беларусь вошла в группу стран с высоким ИРЧП (индекса развития человеческого потенциала), заняв достойное 68-е место. Из бывших республик Советского Союза только страны Балтии оказались впереди Беларуси [1].

Таким образом, в настоящее время можно с полным основанием говорить о сформированных основах белорусской модели социального государства, отличительными чертами которых является сильная социальная политика, социально-ориентированная экономика, основанная на создании государством благоприятных условий для самообеспечения всех работоспособных граждан и стимулировании общественно-полезной деятельности в разных видах и различных формах собственности.

В белорусской модели социального государства находит выражение приоритетное направление государственной политики – ориентация на создание благоприятной социальной среды, способствующей реализации конституционно закрепленного положения о том, что высшей ценностью в нашей стране является человек. На уровне обыденного сознания эта цель белорусского социального государства выражается во всем понятном и близком высказывании: белорусское государство – это «государство для народа».

О том, что наше государство уверенно идет к этой цели, свидетельствуют и результаты социологических исследований, проведенных в последние годы различными исследовательскими центрами. В рамках этих исследований получены данные, содержащие позитивную оценку различными категориями населения Беларуси избранного социально-политического курса. К числу таких (косвенных) оценок относится и то, что большая часть населения относит себя к среднему классу. А это свидетельствует

о достаточно высоком уровне самоощущения социальной стабильности у граждан Республики Беларусь, так как понятие «средний класс» воспринимается большинством опрошенных не столько как количественная категория, а как качественное состояние, отображающее стабильное социальное и комфортное личностное самоощущение. Такое состояние напрямую связано с удовлетворенностью социальными условиями жизнедеятельности в разных аспектах и это социально-политические реалии современного белорусского общества.

Однако, анализируя итоги общественного развития Беларуси за последние десятилетия, обобщая эмпирический материал, накопленный в этой сфере, нельзя не заметить, что в данном случае наблюдается некоторое отставание теории от реальной практики. В разрабатываемых и реализуемых планах, программах общественного развития (в т.ч. – стратегических), чаще всего используется методология, апробированная в других социально-экономических условиях (временных и социокультурных). В этих методологических установках очень сильными являются аспекты, связанные с экономическими механизмами управления и экономическими параметрами общественного развития. Не отрицая возможности и значимости этих подходов к определению перспективных направлений развития социального государства, следует обратить внимание на то, что они являются далеко не единственными и не исчерпывающими.

Есть смысл более основательно подойти к использованию социологической методологии в построении прогнозных сценариев развития социального государства, в разработке показателей и механизмов государственного регулирования и управления. Социологическая методология, основанная на учете субъектного фактора во всех сферах общественной жизни, позволяет и в сфере теории отойти от сугубо экономического взгляда на социальную реальность.

Социальный мир в целом, так же как и социальное государство в качестве его элемента, это воплощение в жизнь того, что думают, планируют и реализуют в своей деятельности все социальные субъекты – социальные группы (классы, слои, страты, общности, организации, институты, в т.ч. и государство) и отдельные индивиды как активные члены всех социальных целостностей. Фактически – в социальной теории все те, кто отражается в ее понятийно-категориальном аппарате, принципах и законах, т.е. социальные акторы, являются не просто объектами изучения и объяснения, а реальными участниками теоретических построений. В зависимости от того, что знают и думают эти акторы о принимаемых законах, программах, планах, стратегиях, мы получаем тот или иной сценарий развития социума. Вот почему теория социального государства должна быть понята и принята в разных вариантах, но с единой концептуальной основой, всеми участниками социально-политических, социально-экономических и социокультурных процессов.

Думается, что разрабатываемая в рамках социологической теории концепция социально-управленческого механизма является перспективным методологическим направлением, соответствующим реалиям социального государства. Реализация этой методологии в конкретных социологических исследованиях показывает, что «социально-управленческий механизм – это особая конструкция, которая преобразует объективные факторы (экономические, политические, нормативно-правовые и др.) функционирования управляемой системы в ценностно-целевые структуры деятельности социальных субъектов, включенных в нее и реализующих социальный заказ на разных уровнях. Содержательной спецификой социально-управленческого механизма в системе управления социальными системами и организациями является согласован-

ное социальное взаимодействие всех элементов его специфической социальной структуры, проявляющееся в ходе реализации общих целей на макро- (общество в целом), мезо- (конкретное учреждение или организация и т.п.) и микроуровнях (отдельные индивиды)» 2].

В итоге социально-управленческий механизм не просто суммирует интересы всех социальных групп и индивидов, а воспроизводит их в структурированной целостности, становясь реальным инструментом принятия управленческих решений на разных уровнях государственного управления. Эти свойства социально-управленческого механизма позволяют вполне адекватно моделировать социальный диалог, целью которого в демократическом обществе является социально приемлемый консенсус.

Социологи здесь могут выступить в роли модераторов, обеспечивающих единство дискуссий и консенсус в принятии выводов и оценок. Думается, что социология в ее метатеоретическом полипарадигмальном статусе способна теоретически и практически обеспечить такой социальный диалог [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Human Development Report 2009.
2. Tsarou, A. The social and management mechanism of the new type of higher education forming / A. Tsarou // Nauka i studia. Т. 2. – 2007. - № 2. – S.47-54.
3. Основы социального государства /С.В.Лапина [и др.]; под ред. С.В. Лапиной. - Минск: БГПУ им.М.Танка, 2008.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МЕСТНЫХ ПОВЕСТОК-21

А.И. Лысюк, М.Г. Соколовская

Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина, г. Брест, Беларусь

Формирование Местных Повесток-21 (МП-21) в качестве необходимого атрибута предполагает повышение уровня общественной самостоятельности местного населения. Естественным образом рост социальной активности напрямую связан с мотивацией ее участников. Очевидно, что деятельность локальных сообществ по реализации целей МП-21 побуждается вполне определенными группами мотивов, детерминирующими соответствующие социальные практики. В этих условиях инициаторам и организаторам МП-21 важно знать, какие мотивы его субъектов и каким образом следует актуализировать и стимулировать. Адекватный ответ на этот вопрос в состоянии дать социологическая наука.

В связи с этим следует первоначально обратиться к некоторым общим научным положениям, без осознания которых непонятной останется социологическая конкретика. Необходимо представить, пока еще в самом общем виде, что же собой представляет совокупность и иерархия мотивов участников социальной деятельности.

Общепризнанным положением является то, что в основе всех видов социальной активности лежат мотивы человека. В науке существуют различные классификации мотивов: по содержанию, степени обобщенности и др. Для данного анализа важным является выделение в социальной деятельности мотивов осознанных и неосознанных. Неосознанные мотивы скрыты от сознания человека, он ничего не может сказать

о причинах своего поведения, но о существовании таких мотивов можно узнать по эмоциональной окраске действий, по отношению к условиям выполнения действия, по конечному результату деятельности.

В системе осознанных мотивов, то есть мотивов, представленных в сознании человека, обычно выделяют два блока субъективных детерминант деятельности. Первый блок включает в себя мотивы по своему происхождению внутреннего порядка, исходящие из самого индивида – его потребности, влечения, интересы, обусловленные тем, что человек относится к числу так называемых открытых систем, испытывающих постоянные нужды в определенных элементах внешней среды.

Другую группу составляют мотивы, обусловленные требованиями социальной среды и присвоенные субъектом деятельности. По своему характеру они являются смыслообразующими и по сравнению с первой группой мотивов занимают более высокое иерархическое место, так как именно они отражают характер основных отношений человека к обществу, другим людям и самому себе. В состав этих мотивов входят ценностные ориентации, принципы и идеалы.

Подобное разделение мотивов во многом условно и продиктовано преимущественно эвристическими соображениями. В реальности конкретно-практическая деятельность определяется совокупностью мотивов, которые выступают не изолированно, а целостной системой, обладающей своей качественной определенностью. Объясняется это тем, что сама социальная деятельность многоаспектна, многогранна, состоит из множества конкретных действий и операций, детерминированных специфическими мотивами. Наряду с этим, каждому виду деятельности свойственна своя мотивационная доминанта, свой «базовый миф» (Р.Такер), «картина мира» (М.Вебер), «сверхинтеграция» (П.Сорокин), которые интегрируют совокупную деятельность, гармонизируют ее элементы и придают ей определенное смысловое звучание.

Кроме этого, личность сама способна создавать новые системы мотивов (ценностных ориентаций) и ради достижения социально значимых целей выходить за пределы, диктуемые нуждой, внешней целесообразностью и ситуационными обстоятельствами. Подобная социальная эмпатия трансформирует систему мотивов, придавая ей целостность и качественную определенность. Известный советский психолог С.Рубинштейн утверждал, что включение действия в новый, более обширный контекст придает ему новый смысл и большую внутреннюю содержательность, а мотивации – большую насыщенность, что делает возможным известную гармонизацию, примирение в мотивационной системе, с одной стороны, мотивов, связанных с социальной необходимостью (социальные требования, нравственные императивы, чувство долга и др.), а с другой – мотивационных образований, в основе которых находятся личные потребности, идущие непосредственно от самого индивида. По этой причине оказывается невозможным объяснить мотивацию социальных акторов, осуществляющих социальную деятельность исключительно утилитарно-прагматическими соображениями. Социальный (надситуативный, ценностный) мотив в состоянии превратиться в основной мотивационный демиург, а деятельность как таковая может стать объектом специфической потребности – потребности в социальной активности, направленной на реализацию сущностных сил и возможностей человека, на преобразование общества.

Исходя из доминирующего способа отношения к себе, другому человеку, государству и социуму в целом, в ценностно-мотивационной структуре гражданина можно

выделить несколько базовых стратегий. Первая из них – личностно-эгоистическая, ориентированная на преимущественное стремление к собственному благу, удобству, выгоде, престижу. Человек, действующий в рамках этой стратегии, стремится в своей социальной деятельности к получению определенных выгод, будь то материальные предметы или же престиж, статус и т.п. В пространстве социальных отношений он не ощущает себя их субъектом, отдавая приоритет консюмеризму, меркантилизму и гедонизму. Подобный человек, разумеется, не может стать инициатором или же активным агентом МП-21. Однако потенциально он может стать ее участником в том случае, если в ее фокусе окажутся проблемы, касающиеся непосредственно его жизнедеятельности. Например, речь может идти о приведении в экологический порядок территории, на которой расположена его деревня, что соответствует его личным интересам.

Вторая стратегия – группоцентрическая. В соответствии с ней человек идентифицирует себя с определенным социумом, присваивает нужды его членов, а отношения к другим людям зависят от того, входят ли они в эту группу или нет. Он уже выходит за пределы собственного «Я», однако останавливается на полпути, с одной стороны, идентифицируя себя только с *частью* социума, а с другой – принимая на себя ответственность только за ту часть нужд людей, которая соответствует его личным интересам. Индивид, следующий подобной стратегии, уже готов к социальной самодетельности, но только в рамках защиты интересов и ценностей отдельных социальных групп. Он вряд ли, как и в первом случае, станет инициатором МП-21, но может быть в нее включен как важный социальный актор, заинтересованный в решении ряда проблем, значимых для той социальной группы, которая для него обладает особой ценностью. Например, деятельность по повышению качества питьевой воды в определенной местности может стать для него привлекательной, поскольку затрагивает непосредственные нужды жителей не только данной деревни, но и его семьи.

Третья жизненная стратегия – гуманистическая. В рамках данной ориентации за каждым человеком признается высшая ценность и уважение к его правам и свободам. Гражданин, действующий на основе данной стратегии, осознает себя в качестве «служителя» окружающих его людей, а также социального субъекта, стремящегося в своей деятельности принимать во внимание определенные мировоззренческие императивы – мотивы служения, долга, социальной ответственности и др. Именно люди подобной ориентации составляют, как правило, ядро инициативной группы МП-21, поскольку руководствуются не только утилитарными, но и высшими мотивами, способны придать им прикладное значение, а также проявить волевые усилия.

Четвертая стратегия – духовная или эсхатологическая. На этом уровне гражданин устанавливает личные связи с Богом, благодаря чему другой человек приобретает не только гуманистическую, но и божественную ценность. Основу же мотивационной системы самого социального субъекта составляют мотивы ответственности перед Богом. Поэтому его решения часто противоречат житейскому успеху, соображениям меркантилизма, общественному мнению и могут быть связаны даже со страданием и жертвованием.

На первый взгляд, представляется, что индивид, следующий подобной стратегии, ориентирован на покорение духовных высот, в известной мере пренебрегая мирскими вопросами и общественными обстоятельствами, включая и проблематику МП-21. В действительности это далеко не так. Основные конфессиональные группы обладают своими социальными доктринами, которые в целом равнодушны к ряду социальных вопросов в их религиозной (конфессиональной) интерпретации. Подобным примером

может являться, например, популярная в Германии доктрина «Сохранения Творения», нацеленная на охрану, защиту данного Богом природного и экологического порядка, к которой в современной Беларуси проявили интерес ряд православных и протестантских общин.

Для первого и второго уровней мировоззренческих стратегий характерны подвижность, динамичность, неустойчивость, ситуативность смысловых содержаний, поскольку они в решающей степени зависимы от прагматического компонента. Индивид при этом обычно не имеет четких ценностных ориентаций, мировоззренческих позиций; они у него диффузны и варьируются в зависимости от конъюнктурных соображений. Действительно, удовлетворение в рамках МП-21 конкретной потребности человека, малой социальной группы с большой долей вероятности может привести к прекращению с ней конструктивного сотрудничества.

Для третьего и четвертого уровней характерна высокая степень личностной присвоенности человеком ценностных социальных смыслов, ориентированных на определенные идеальные модели. Он чувствует высокую степень ответственности за общее благо, готов для его осуществления приложить максимум усилий. Очевидно, что обычно инициатива по формированию МП-21 исходит от представителей именно этих двух стратегий, которые выходят за пределы непосредственного плана потребностей и действуют, что называется, исходя из «идейных соображений», что предопределяет ее устойчивость и неконъюнктурность.

Использование социологического инструментария для вовлечения местного населения и использование принципа партнерства предполагает, таким образом, несколько его способов. Уже на начальном этапе осуществления МП-21 важно определить побудительные мотивы и жизненные стратегии ее инициаторов, что можно сделать с помощью формализованного интервью. В этом случае мы сможем сделать заключение (и прогноз) о ее устойчивости и перспективах развертывания в определенной местности.

Очевидно, что МП-21 только тогда имеет социальный смысл, когда связана с привлечением к ее формированию и реализации широких слоев местного населения. В этом случае социологический инструментарий может помочь, с одной стороны, тем, что позволяет достаточно четко узнать содержание непосредственных потребностей и ценностей живущего на определенной территории населения. С другой стороны, с его помощью можно оценить потенциал их социальной активности и возможные способы ее канализирования. С третьей — организовать последующий социологический мониторинг, способный определить, каким образом изменяются установки субъектов МП-21.

Инициаторы МП-21, как правило, предпочитают использовать, из всей совокупности социологических инструментов, социологический опрос. Однако инициативная группа может использовать и другие, менее известные, но не менее эффективные методы. Для изучения, например, экологической обстановки в регионе можно задействовать метод анализа документов. Для исследования остроты социально-экономической ситуации в регионе целесообразно использование метода контент-анализа содержания местных газет. Сам поиск содержания и формата МП-21 предполагает использование такого эффективного социологического инструментария, как метод фокус-группы. Потенциально можно использовать и другие, более сложные методы, например, метод включенного наблюдения или же социального эксперимента, правда, только в том случае, если будет существовать серьезная экспертная поддержка МП-21.

Очевидно, таким образом, что социологические инструменты являются важным фактором формирования и осуществления МП-21. Однако, обладая научным содер-

жанием, они требуют соответствующего экспертного сопровождения. В зависимости от его качества, решающим образом будет определяться эффективность использования социологических методов для реализации целей МП-21.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФИЛОСОФСКИХ ИСКАНИЙ В БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Л.Е. Медиченко

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Типологический анализ национальной культуры требует очень внимательного отношения к гносеологическим корням изучаемого явления, всех значимых факторов, которые влияют на нее и становятся причиной именно этого явления в бесконечном движении истории. С реальностью существования национальной культуры всегда тесным образом связано развитие ее национальной литературы. Литература является тем предметом, который помогает читателю пройти труднейший путь своего народа, пережить борьбу добра со злом, истины с ложью, увидеть, как сохранялись идеалы, понятия, представления. В литературе отражаются национальные традиции, выражающие и поддерживающие ценностный строй данной культуры. По литературным интерпретациям можно судить и о характере самой эпохи. Фактически каждое художественное произведение – это определенная философия, способ мышления и взгляд на природу вещей, осмысление проблем и поиск истины, иногда даже концепция жизни. Основным вопросом, главным объектом исканий мастеров слова всегда был и остается путь к правде, смыслу жизни, к свободе, миру и счастью. Смысл философских исканий в литературе – помочь читателю найти значимое для себя, обнаружить в ней личностный смысл, что определяет переход из знаний в убеждение. Таким образом, выявление характера философских исканий в национальной литературе существенно проясняет и ее содержание, и устой национального мировоззрения, сущность и типологические особенности самой национальной культуры.

Белорусская литература выступает как «квинтэссенция всей национальной культуры, как фактор, свидетельствующий о сформированности культуры, ее бесспорного профессионального существования, как осознание своего отличительного «я» в поликультурном мире» [4, с.5]. Задача данной статьи – выявить некоторые источники и направления философских исканий в белорусской национальной литературе в ее связи с ценностями национальной культуры. Показать изменения (трансформацию) философских исканий в белорусской национальной литературе, связанных, прежде всего, с поисками и выражением национальной идеи.

Разработанность темы. На наш взгляд, основополагающими работами по данной теме являются монографии Гаранина Л.Я., Богданович И.Э., публикации В. Конона, Нарынкевича Н.В., Беляцкого А. и др. Так, Гаранин Л.Я. отмечает, что для белорусской литературы характерно стремление к философскому осмыслению жизни, постижению законов исторического развития, человеческого существования, связь с передовой европейской общественно-политической и философской мыслью. Причем, философские мысли, нравственные, религиозные и социальные идеи героев и самих

авторов органически вписаны в художественную структуру произведений [7, с.6]. Философские идеи «...как бы расцветают в духовном контексте, в поэтической жизни каждого народа, в художественном произведении, формируя то содержание, которое охватывается понятием национальной идеи» [3].

В. Конон утверждает, что сущность белорусской идеи – «осознание Божественного и исторического предназначения своего народа, его многовековой традиции, его миссии в историческом и современном бытии народов мира. Белорусская идея – это также отражение в философии, литературе, художественной культуре, науке бытия Беларуси в трех измерениях – прошлом, современном и будущем» [10].

Многие исследователи отмечают, что элементы философского сознания присутствовали в белорусской литературе с давних пор. Чаще всего они привносились в нее извне, заимствовались из других сфер общественного сознания – философии, религии, морали, облекаясь при этом в художественно-образные формы (притчи, аллегории, мифы). Но временем кардинальных изменений стал рубеж XIX – начала XX веков. Для белорусского народа этот период имел особое значение, поскольку отмечен бурным развитием национального самосознания, повышением социальной и политической активности масс. В этих условиях неизмеримо возрастала потребность в национальных культурных ценностях. Эволюция интеллектуального начала в белорусской литературе «привела к становлению современных форм художественного сознания, к развитию жанров лирико-философской поэзии и прозы, к расширению и углублению ее философских аспектов» [7, с.62]. Новая белорусская литература в конце XIX – н. XX вв. засвидетельствовала становление белорусской нации [10].

Исторические задачи времени, белорусской действительности настоятельно требовали расширения поля зрения литературы, сближения ее с жизнью и различными формами духовной деятельности – политикой, правом, философией, моралью и наукой – и развития в ней собственного мыслительного (аналитико-критического) начала. Подтверждением может служить тот факт, что подавляющее большинство писателей того времени (Я.Лучина, К.Каранец, Ш.Ядвигин, Тетка, Я.Купала, Я.Колас, М.Богданович, З.Бядуля, С.Полуян, Л.Гмырак, О.Бульба и др.) выступали одновременно и как художники и как мыслители – эстетики, публицисты, критики. Это во многом способствовало процессам обновления мировоззренческой основы литературы, интенсивного развития в ней интеллектуального начала, поисков новых методологических принципов, которые позволили художникам выйти за рамки сложившихся представлений, утвердившихся канонов, в частности краевой ограниченности, этнографизма, некритического заимствования опыта соседних литератур, подражаний, религиозного влияния.

Создание белорусской классической литературы конца XIX – начала XX вв. свидетельствовало о духовной мощи нации, ее исторической перспективе. Тогда же были и провозглашены первые императивы белорусской идеи – первоначально (прежде всего) в творчестве Ф.Богушевича («Дудка беларуская» и «Смык беларускі»), которого многие исследователи называют пророком белорусской идеи. Он проникновенно осознал культурную миссию белорусов в ВКЛ, а также завещал нам «душу национальной идеи – родной язык» [10]. В его творчестве уже определенно ставится проблема культурно-национального возрождения. Несомненно, что на раннем этапе

развития не легко в чистом виде выделить, а тем более дать адекватную философскую интерпретацию белорусской литературы. Зачастую, произведения литературы являются осознанной (осознаваемой) образной иллюстрацией философских идей [3]. «Литература конца XIX – начала XX в. была одной из практических форм возрождения, вырабатывала его идейную платформу, становилась то проповедью, то призывом, то разъяснением. Она показывала белорусу его самого в исторической перспективе и ретроспективе, формировала его честь и достоинство, национальное самосознание, самоуважение и придавала ему имя Человека и Человека-Белоруса. В конце концов, литература выразила красоту и вечный божественный смысл его национальной жизни» [2, с.7]. Особенно это относится к работе периодических изданий «Наша доля» «Наша ніва», «Саха», «Лучынка» «Раніца» и др. Основной темой творчества писателей-нашенинцев (Тетка, Ш.Ядвигин, Каганец, Я.Купала, Я.Колас, М.Горецкий, А.Гарун, Т.Гартны) является тема родины, ее освобождения и культурно-национального возрождения. Поэтому роль литературы на Беларуси не являлась только эстетической. Это было связано с тем, что «...через литературу необходимо было влиять на общественную жизнь, на формирование основ национального самосознания и консолидации» [2, с.10], на формирование национальной идеи.

Лявон Вашко отмечает, что становление белорусского исторического самосознания происходит через трансформацию в литературном творчестве самой исторической белорусской идеи: от фольклорно-мифологической через романтико-мифологическую она приходит к сакрально-национальному реализму, основанному на мифологическом белорусском наследии. Именно Я.Купала наполняет белорусский мифологический романтизм национальной идеей: он не только модернизирует фольклор, но и все его творчество есть сознательное творение белорусского мира, романтического образа белорусской истории и идеального Отечества («Хто ты гэты?», «Музыка», «Маладая Беларусь», поэмы «Гусяр», «Курган», «Бандароўна») [5].

Благодаря творчеству еще одного классика белоруской литературы – Якуба Коласа, происходит «историзация действительности через художественное мифоромантическое постижение прошлого, происходит белорусская национализация окружающего бытия через художественный диалог духовно пробужденных людей» [5] (поэмы «Новая зямля», «Сымон-музыка» и др.). В позднейший период творчества наших классиков романтическая мифология, на основе которой создается новая национальная действительность, заменяется «конкретно-предметным отображением национального быта; белорусская история предстает как факт окончательно реалистический, правдивый, а сама историческая действительность белоруса – как свершение его некогда романтических мечтаний» [5]. Однако необходимо подчеркнуть, что мифологизация белорусской истории – это важный феномен историзации национального самосознания, и в этом процессе немаловажную роль сыграла молодая белорусская литература.

В советское время складывается непростая и неоднозначная ситуация в развитии белорусской литературы. С одной стороны, одной из основных тенденций ее развития является преодоление внешних влияний, отстаивание глубоко национальных особенностей, что повлекло за собой обвинение многих деятелей культуры в мелкобуржуазном национализме, привело к репрессиям. С другой стороны, «наша литература становится улицей с односторонним движением (хотя внешне этот процесс носил характер приближения литературы к жизни)» [3]. Жизнь требовала от литературы нового героя – носителя новых ценностей. Таким был соцреализм в действии. Белорусские писатели предпринимали

попытки по-философски оценивать социальные процессы, вдумчиво всматриваться в прошлое и настоящее. Общим для многих произведений советского периода являлась широта охвата событий, гуманистический пафос, стремление авторов дать правдивую оценку событий. Трудно не сказать об особой роли И.Мележа, показавшего нам разрушение внутреннего мира «людей на болоте». Под влиянием идеологий и обстоятельств, когда «...к новой цивилизации присоединяется не только забытая деревенька, автономная закрытая система морально-этических и духовных ценностей человека, а уничтожается, нивелируется и раздирается на кусочки душа крестьянина, которому еще нет места в новом мире» [3].

В послевоенный период, особенно «урожайными» на приход в литературу новых имен стало начало 60-х гг. XX века. Пришло новое поколение, опаленное войной. Высокий интеллектуальный уровень той литературы. В поэзии это Р. Бородулин, А. Вертинский, Н. Гилевич, А. Лойка, А. Грачанников и др. Особой формулой жизни нового поколения стала тема «деревня в городе» – так называемое «сено на асфальте» (название сборника М.Стрельцова). В прозе в этот период выделялись В.Короткевич, И.Чигринов, Б.Саченко, Я.Сипаков, В.Адамчик и др. В период брежневского застоя литература искала выход из кризиса в истории и философии, интеллектуальной прозе, поэзии и драме. Лирико-философская проза 60-х гг. во весь голос заговорила о Беларуси и белорусах, о национальных корнях, о самобытности чувств и неповторимости человеческих ощущений. Даже в этот период в белорусской литературе можно найти пример глубокого и вдумчивого осмысления понятия национальной идеи: в творчестве В. Короткевича. Его роль в белорусской литературе неоспорима: введение в публицистику и художественное творчество исторической проблематики, что не могло не способствовать пробуждению самосознания белорусов, чувства их гордости за родину [13, с.108]. Он принудил белорусов понять, что они настоящие граждане земли, уничтожив стереотип «...бо я мужык, дурны мужык» [13, с.107]. Именно художественные и публицистические, драматургические произведения Короткевича выполняли в белорусском обществе 1960-1980-х гг. ту роль, которую в начале XXI века ученые-философы стали отводить национальной идее: воплощению исторического стремления нашего народа к свободе, самостоятельности, сохранению и развитию белорусского языка, культуры, государства [там же].

Адам Мальдис акцентирует внимание на пяти условных «заповедях» В.Короткевича, которые проходят через все его образы и произведения, и определяют идеал белоруса как личности и его страны как независимого и сильного государства: Земля, Человек, Вера, Язык и Наследие [12, с.8]. В своем творчестве В.Короткевич осмысливает фундаментальные основы национальной идеи: нация, язык, государство, анализируя их в связи с прошлыми традициями и достижениями будущего. Его творчество было направлено на возобновление ненаписанной истории Беларуси. Через связь времен Короткевич стремится понять ход истории, найти в историческом пути народа возможность для более глубокого осмысления современности. И, наоборот, через временное, быстротекущее стремится понять вечное, неизменное, то, что обозначает сущность и смысл жизни: проблемы добра и зла, смерти и бессмертия, счастья и предназначения человека на земле [13, с.108].

Белорусская литература во многом приближала и процессы перестройки общества. В лучших произведениях белорусских авторов воспевались идеи «жизни по совес-

ти», борьба с «двойной моралью», постепенно брали верх общечеловеческие чувства, нормы и ценности. И сегодня это так близко к нашему пониманию белорусской национальной идеи. Литература осмысляла и острые вопросы: что может сделать человек, чтобы в любой ситуации оставаться самим собою? Это ситуации на пороге «жизни и смерти», «верности и предательства», экстремальные условия, ситуации на рубежах добра и зла, на границе человеческих возможностей. Мировую славу белорусской литературе принесли произведения В.Быкова о войне, о человеке на войне. От «окопной» правды писатель шел к философскому осмыслению войны как «знака беды», а символ беды – это «расчеловечение» индивида.

В лучших произведениях 70-80-х гг. XX в. писатели рассматривали различные эстетические аспекты добра и зла и их проявление в характерах персонажей. Проза стремилась раскрыть хрупкость и ранимость души человека, достичь до моральных оснований в характере. Лейтмотивом этого периода выступает содержание романа А.Кудравца «Сочинение на вольную тему»: жизнь человека – это сочинение на вольную тему, и как его напишешь, зависит только от тебя одного. Все ярче и заметнее поднимается тема общечеловеческих ценностей: литература как бы открывает заново мир и человека в этом мире, развивает мотивы «человека в семье», «семья в народе», а «народа в мире».

В конце XX века наряду с традиционными темами белорусской литературы появляются и новые: это, прежде всего, чернобыльская тема, а также сталинские репрессии 30-х гг. В литературу врывается молодежь, ратующая за «новое Адраджэнне» (литературные объединения «Тутэйшыя» и «Талака»). Они стремятся широко воздействовать на литературный процесс, проявляют искреннюю заботу о развитии национальной литературы и национального языка, росте национального самосознания народа: Л.Голубович, А.Глобус, А.Сыс, С.Соколов-Воюш и др. пробиваются к своему читателю сквозь напластования национального нигилизма, идеологических догм. Это очень важно и сегодня, как для поворотных моментов в истории, которым свойственна большая скорость политических и экономических преобразований, стремительная смена социальных структур. В этих условиях у молодой нации возникает опасность утратить свою самостоятельность и национальное своеобразие. Это «... осознает интеллигенция, поэтому культура становится центром тяжести, который противостоит утрате национального самосознания. По большому счету, нация сохраняет себя именно через культуру» [9, с.3].

В современной, постперестроечной белорусской литературе немало произведений, посвященных морально-этическим и философским проблемам, послевоенному времени. Все больше ощущается необходимость обращения к исторической памяти, события которой оцениваются с точки зрения современников. Тема Великой Отечественной войны стала определяющей не только для старшего поколения белорусских писателей (А.Мартинovich), но и для молодого поколения. Главным объектом поисков белорусских художников слова всегда был и остается путь к правде, смыслу жизни, а отсюда, как итог, – к свободе, спокойствию и счастью [1, с.6]. Современная белорусская литература пытается осмыслить и отобразить устремления, тревоги, мысли и страхи нашего современника, человека, который «целиком не избавился от прежней коллективной, зависимой психологии и окончательно не понял, какую психологию ему «воспитать в себе» взамен. ...Он инстинктивно отворачивается от всего аморального, грязного и лживого и поэтому с полным правом может назвать

себя "сознательным человеком" или человеком, который ищет правду, которую, жаль, еще не нашёл" [8, с.7]. Поэтому символом современной белорусской литературы сделалось духовно-творческое обновление. Сегодня белорусская литература развивается в разных направлениях. Она помогает нам искать ответы на многочисленные вопросы, которые больше всего волнуют человека: Кто мы? Куда ведут человечество жизненные дороги? В чем наше спасение? [14]. К осознанию сложности мира, ощущению себя частицей Космоса приближает нас творчество Алеся Рязанова; подсказать дорогу современнику своими философскими мыслями-стихами помогает творчество Казимира Камейшы; соединение философии и морали в творчестве Нила Гилевича ведет к духовному преобразованию личности; через аналитическую философскую поэзию Янки Сипакова мы можем взглянуть на свою собственную судьбу [14]. Сегодня белорусские мастера слова – это люди "со своими глубокими взглядами и основаниями, с сосредоточенным отношением к жизни, миру, тем внутренне-проникновенным слухом, который способен объединить времена, природное и человеческое, обостренно воспринимать и реагировать на самые разные проявления действительности" [15, с.14].

Выводы. Осознание богатства философских исканий в литературе способствует осознанию духовных ценностей всей национальной культуры. В ярких, эмоционально окрашенных насыщенных формах образного мышления нашли отражение духовные искания белорусского народа, выразителем идей которого стала национальная интеллигенция. Белорусская литература делала народ нацией, как могла, отодвигала бездуховность и забвение. Она закрепила богатый духовный опыт белорусского народа, нелегкие пути-дороги национально-культурного развития Беларуси.

Философские искания выражают разнонаправленный, многоступенчатый процесс развития собственной интеллектуальной активности белорусской литературы. Веками она развивалась на выживание, но одной из типологических черт и тенденций развития белорусской литературы всегда было преодоление внешних влияний, отстаивание глубоко национальных особенностей.

Философские искания в белорусской национальной литературе направлены на выявление предельных, прежде всего, ценностных оснований всего сущего в бытии человека. Отечественную художественную литературу пронизывает философско-культурологическая проблематика и история белорусского народа, как один из важнейших компонентов формирования национальной идеи. Динамизм художественно-философской мысли, ее внутренняя дифференциация, способствуют ускоренному развитию литературы, повышению ее творческого потенциала, что является показателем интенсификации философских исканий в белорусской литературе. Она развивается вровень с другими литературами мира. Это литература, которая всесторонне и объективно пытается рассказать миру о Беларуси и белорусах, о судьбе народа в истории, вместе с которым она развивается, обновляется и возрождается. Поэтому сегодня белорусская литература никак не может рассматриваться как изолированная и провинциальная.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алейнік, Л. Мастацкая філасофія / Л.Алейнік // ЛіМ: – 2008: – 8 лютага (№6): – С. 6.
2. Багдановіч І.Э. Авангард і традыцыя: Беларуская паэзія на хвалі нацыянальнага адраджэння / І.Э.Багдановіч. – Мн.: Бел.навука, 2001. – 387 с.

3. Бель, А. Лыч, Л. Грыцкевіч, А. Саламонаў, А. Страшная кара – пазбавіцца нацыянальнай ідэі (паводле Янкі Купалы) / А.Бель, [і інш.] // Наша ніва [Электронны рэсурс]. – Режим доступа: <http://www.nn.by/> – Дата доступа 10.05.2010.
4. Бяляцкі, А. Тыпалагічны аналіз беларускай літаратуры XIX-XX ст. / А.Бяляцкі // Лёс нацыянальнай культуры на паваротах гісторыі: зб. дакладаў. – Мн., 1995. – С.6-14.
5. Вашко, Л. Міграмантызм і гістарычная рэчаіснасць / Л.Вашко // Маленькі сшытак Лявона Вашка [Электронны рэсурс]. – Режим доступа: <http://kamunikat.org/galounaja.html>. – Дата доступа 30.04.2010.
6. Гаранін, Л. Нацыянальная ідэя ў беларускай літаратуры пачатку XX ст. / Л.Гаранін. – Мн., 1996.
7. Гаранин Л.Я. Философские искания в белорусской литературе / Л.Гаранин. – Мн.: Наука и техника, 1984.
8. Грышан, Н. Чалавек, які шукае... / Н.Грышан // ЛіМ. – 2008. – 8 лютага (№6). – С.7.
9. Качаткова, П. Уступнае слова / П.Качаткова // Лёс нацыянальнай культуры на паваротах гісторыі: зб. дакладаў. – Мн., 1995. – С.3-5.
10. Конан, У. Ксёндз Вінцэнт Гадлеўскі: Філасофскае абгрунтаванне беларускай ідэі / У.Конан // Жыве Беларусь (Бібліятэка гістарычных артыкулаў) [Электронны рэсурс]. – Режим доступа: <http://www.iivebelarus.net/history/faces/priest-vincent-hadleuski-philosophic-bases-of-belarusian-idea.html>. – Дата доступа 5.05.2010.
11. Літаратура пераходнага перыяду: тэарэтычныя асновы гісторыка-літаратурнага працэсу / НАН Беларусі. – Мн., 2007. – 363 с.
12. Мальдзіс, А. Быў. Ёсць. І будзе! / А.Мальдзіс // Беларусь. – 2000. – № 11-12.
13. Нарынкевіч Н.В. Нацыянальная ідэя ў публіцыстыцы Уладзіміра Караткевіча / Н.В.Нарынкевіч // Веснік БДУ. – Сер. 4. Філалогія. – 2006. – № 2. – С. 107-112.
14. Падліпская, З. Вобраз часу праз прызму беларускай філасофскай пірыкі апошняй чвэрці XX стагоддзя / З.Падліпская // Роднае слова. – 2001. – № 7. – С.23-26.
15. Родная песня: Зборнік беларускай сучаснай паэзіі / Укл. У.Дзіско. Прадм. А.Бельскага. – Мн., 1997.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО РОССИИ И УКРАИНЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

И.Н. Мельничук

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича, г. Черновцы, Украина

Вопросы развития российско-украинских отношений имеют поистине судьбоносное значение как для России, так и для Украины. Не удивительно, что содержание и направленность двусторонних отношений вызывает пристальный интерес со стороны политиков, ученых, широких кругов общественности в обеих странах. Явную заинтересованность и неявное, но весьма деятельное участие в развитии российско-украинских отношений проявляют и западные страны, поскольку характер и направленность этих отношений во многом определяют и, несомненно, будут определять в дальнейшем геополитическую композицию мира, а следовательно – и геостратегические интересы ведущих держав и их союзников.

Процесс, запущенный в Беловежской Пуще, время от времени набирающий новые темпы, вызвал новые явления в системе международных отношений, а также новые вопросы, ответы на которые еще не найдены. А среди них и далеко не риторический вопрос, который интересует российское руководство: “Что нам делать с Украиной?”

При этом особенно хочется обратить внимание на тот факт, что наши отношения имели непростую историю в прошлом и постепенно выходят на новый уровень на современном этапе развития наших стран.

Перед тем как перейти к непосредственному рассмотрению вышеизложенных проблем, хотелось бы определить, что такое "стратегическое партнерство" и чем оно отличается от двухсторонних отношений.

Впервые этот термин – "стратегическое партнерство" – официально был провозглашен на встрече украинского и российского президентов в г. Сочи (9 июня 1995 года). Однако первые упоминания о такой форме сотрудничества можно найти еще в "Основных направлениях внешней политики Украины", утвержденных Верховным Советом Украины 2 июля 1993 года. В последнем документе, к примеру, отмечается, что "приоритетными направлениями двухсторонних отношений Украины" является активное развитие политических, экономических, культурных и других отношений с различными группами государств, среди которых особое место занимают "приграничные государства" [7]. Более того, в основных направлениях внешней политики упоминалось, что, исходя из этого, "каждое приграничное государство является стратегическим партнером Украины" [7].

Таким образом, для Украины все партнеры, с которыми она имеет общие границы, определяются как стратегические. При этом необходимо сделать оговорку, что стратегическое партнерство, с точки зрения руководства государства, не являлось тождественным союзным отношениям, а поэтому курс на внеблоковость Украины оставался неизменным.

В то же время встречаются и другие подходы к определению этого понятия. Так, с точки зрения профессора Института международных отношений национального университета имени Тараса Шевченка С. Шергина, смысл "стратегического партнерства" определяет приоритетность двухсторонних отношений. При этом "речь идет о юридическом закреплении особых отношений между двумя партнерами, строго структурированных в сфере функциональных взаимных обязательств" [1, с. 8]. Поэтому, если отношения между Россией и Украиной достигнут такого же уровня как, к примеру, между США и Японией в сфере безопасности, что отражено в соответствующих статьях американо-японского договора о безопасности, тогда речь действительно может идти о стратегическом партнерстве. Если же нет такого юридического подкрепления, и отношения являются только субъектными, тогда это просто двухсторонние отношения.

Довольно логическое толкование термина "стратегическое партнерство" предложил сотрудник Национального института стратегических исследований Н. Гончар. С его точки зрения, "стратегическое партнерство – это способ сосуществования двух стран, благодаря которому они способны удовлетворять или обеспечивать свои национальные интересы" [1, с. 8]. Если подходить к этому вопросу в сугубо теоретическом плане, то оба государства должны быть одинаково заинтересованы друг в друге. Однако, если посмотрим на эту проблему в практическом плане, то такой подход не подтверждается. С одной стороны, имеем более мощную страну, с другой – такую, которая имеет меньший масштаб, и обе страны идут в тандеме. При этом обязательно есть проводник и тот, которого ведут.

Последние события в Украине, связанные с президентскими выборами, свидетельствуют об активизации пророссийских сил в Украинском государстве, которые выдвигают на передний план вопросы о дальнейшем развитии отношений между Украиной и Россией. В то же время за последние 4-5 лет в Украине широко использова-

лось положение о том, что с одной стороны, Россия является угрозой Украине, а с другой — с ней необходимо сближаться. Чтобы в некоторой степени компенсировать такую нелогичность, украинские аналитики выдвинули лозунг "И Россия, и Запад" [3, с. 69]. Внешне такая постановка вопроса выдавалась оправданной, поскольку отображала экономические реалии ситуации, которая сложилась в Украине и признавала геополитическое влияние России. Единственное, что не принималось во внимание в полной мере, так это интерес России (точнее, его отсутствие) к действиям в рамках такой схемы.

В 90-х годах XX века среди российских политологов и политиков очень популярной была точка зрения, что для восстановления своего геополитического статуса Россия должна открыто, твердо и на официальном уровне провозгласить в качестве важнейшей стратегической цели своей политики в ближнем зарубежье реинтеграцию постсоветского пространства, создание союза бывших советских республик (вероятно, исключая лишь страны Балтии) по образцу ЕС. Для реализации этой цели должна быть разработана государственная интеграционная программа, в которой обязательно должны быть определены меры и шаги российского правительства, направленные на усиление заинтересованности государств СНГ в сближении с Россией: причем, эти государства, и прежде всего Украину, надлежит поощрять, а не принуждать (экономическими или внеэкономическими методами) к союзу с РФ.

Тем не менее реалии совсем иные. В последние несколько лет Россия взяла твердый курс на сворачивание экономического субсидирования Украины и скорее всего не откажется от него даже в обмен на политическую лояльность некоторых политических сил пророссийской ориентации. В 2006 году цена на газ для Украины выросла с 50 до 95 долларов за тысячу кубометров, а в 2007-м — до 130, а потом и 230 долларов. С точки зрения известного российского исследователя, эксперта аналитического центра "Стратегема" Ю. Романенка "Россия стремится закрепить за собой статус монопольного поставщика энергоресурсов в СНГ и за его пределы. Кремль системно выстраивает инфраструктурные цепочки, которые будут наилучшей гарантией зависимости Европы, Китая и США от "нефтегазового настроения" в Москве [8]. Директор Института гуманитарных и политических исследований Российской Федерации В. Игрунов считает, что "Россия, воспринимая Украину как конкурента, сворачивает сотрудничество с ней в наиболее важных и прорывных областях. Я имею в виду, прежде всего, высокотехнологические производства. Россия пытается получить от Украины все то, что она может получить через энергетическое доминирование. И все это, естественно, не ведет к сближению двух стран" [4]. Теперь Россию не интересует судьба Украины, Беларуси, Молдовы, стран Кавказа. Максимум внешней политики РФ в отношении постсоветского пространства становится его стабильность (в контексте транзита и платежеспособности) и отсутствие враждебности по отношению к России и русскоязычному населению" [8].

Такая модель мягкой экспансии, в которой государство и бизнес работают в тесной связке, приемлем для Кремля, поскольку позволяет сохранить контроль над лимитами, не неся при этом всех издержек, связанных с необходимостью модернизации неблагополучных соседей. Директор Института стратегической политики А. Мишин называет подобную модель новым "энергетическим" неокOLONиализмом, представляя его как систему неравноправных экономических и политических отношений, навязываемых государствами — "новыми империями" суверенным странам [6].

Таким образом, Россия целенаправленно устраняет причину, заставлявшую представителей восточноукраинских бизнес-группировок периодически делать в адрес Москвы реверансы. Все это создает условия для сближения "промосковских" и "антимосковских" сил. Переходя на рыночные цены в торговле энергоносителями, Россия постепенно лишает себя средств давления на Украину, которая к тому же, в значительной мере, контролирует транзит российских нефти и газа на Запад.

Оценивая стратегические перспективы отношений России с Украиной, следует подчеркнуть, что обе стороны будут двигаться на Запад. Но при этом важно, чтобы это движение происходило в какой-то мере согласованно, учитывая взаимные интересы обеих государств. Такой курс позволит Украине несколько уменьшить остроту при выборе геополитического поведения: на Запад или на Восток. Он позволит двигаться на Запад, не порывая с Востоком и не противопоставляя себя России. Показательной в этом смысле является точка зрения директора Института гуманитарных и политических исследований Российской Федерации, депутата трех созывов Государственной думы (1993 - 2003) В. Игрунова, которая сводится к тому, что "без России у Украины нет пути в Европу" [4]. Более того, тесное взаимодействие Украины с Россией в этом направлении выгодно и для последней, поскольку поддержка Украины по ключевым вопросам позволит РФ остаться одним из центров современной цивилизации и существенно усилит позиции России в Европе и мире. В подтверждение этой точки зрения генеральный директор Фонда эффективной политики К. Танаев заявил, что "чем успешнее будет продвижение Украины путем демократии, тем эффективнее будут развиваться демократические процессы и в России", поскольку, считает политолог, "неудача демократии в Украине будет только на руку тем политическим силам в России, которые настроены авторитарно" [9].

Вместе с тем другой российский эксперт, заместитель директора Центра политических технологий А. Макашкин считает, что идеальным вариантом для России было бы, если бы Украина принимала участие в интеграционных процессах в рамках СНГ и ЕЭП. Тем не менее, по его словам, на сегодняшний день это звучит утопически. "Россия, наверное, хотела бы, чтобы Украина была нейтральным государством, которое поддерживало бы определенный политический контакт, определенные политические связи и с Россией, и с Западом, но не ориентирована была бы на запад", – заявил А. Макашкин [9].

Анализируя "восточный вектор" интеграционного движения Украина – страны СНГ, можно отметить, что в последнее десятилетие четко прослеживается трансформация концепций этих отношений – от полной изоляции (на первых этапах независимости) до признания необходимости взаимовыгодного экономического сотрудничества. Причиной такой эволюции политики Украины можно назвать позицию самой России, которая, с точки зрения одного из ведущих украинских экспертов В. Лупация (аналитический центр "София"), выражается в следующем: "Дело не столько в имперских амбициях России, сколько в неприятии ею геополитического суверенитета Украины. Россия по-прежнему рассматривает постсоветское пространство как зону своих стратегических интересов. Т.е., она сама – субъект, все остальные – объекты. Кремль допускает существование номинальной независимости лишь в фарватере российских интересов. Причем, речь идет даже не столько о выраженном доминировании России на

территории СНГ, сколько, скорее, о неких эксклюзивных отношениях с ведущими государствами мира и их военно-политическими организациями типа НАТО" [5].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что отношения между нашими странами, несмотря на нынешнее улучшение, претерпевают серьезный, системный кризис. Одной из причин этого кризиса является тот факт, что дипломатия России и Украины действуют и развиваются в заведомо ложном направлении, являясь проективным инструментом взаимных оскорблений, шантажа и агрессии. В данной ситуации, необходимо развести в массовом сознании два типа отношений – "межгосударственные" и "межнациональные" [6]. Ведь нормальная дипломатия – это совокупность невоенных практических мероприятий, приёмов и методов для предотвращения или урегулирования конфликтов, поисков компромиссов и взаимоприемлемых решений, расширения и углубления международного сотрудничества. Нынешние управленческие элиты России и Украины и российский и украинский народ – это далеко не одно и то же. Приоритеты этих элит – борьба за завоевание внешних рынков. Народы наших двух стран просто используют в борьбе за передел рынков, за мировое экономическое и политическое господство их элиты.

ЛИТЕРАТУРА

1. А нам что делать с Россией? // Политика и время. – 1996. – № 3. – С.7-24.
2. Афанасьев М. Модель не для сборки. Как и почему Россия проигрывает Украине / М.Н. Афанасьев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nikkolom.ru/2005/03_02_05_2i_2article.htm
3. Дергачов О. Росія, і Захід / О.І. Дергачов // Політична думка. – 1994. – № 3. – С. 69-71.
4. Игрунов В. Без России у Украины нет пути в Европу / В.Игрунов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rmc.org.ua/interviews/igros/>
5. Лупаций В. Россия стремится максимально минимизировать все экономические контакты с Украиной / В.Лупаций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.grani.kiev.ua/exp.php?ni=11544&type=1&PHPSESSID=d7eb4d8582cdc2f67c85c1028c47bcd4>.
6. Мифы и реалии российско-украинских отношений. Доклад Российско-Украинского Информационного Центра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zlev.ru/95_37.htm.
7. Об "Основных направлениях внешней политики Украины, утвержденных Верховным Советом Украины 2 июля 1993 года // Голос Украины. – 1993. – 24 июля.
8. Романенко Ю. Неожиданная неоимперская Россия / Ю.Романенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://politics.in.ua/index.php?go=News&file=print&id=8055>.
9. Росія та США розкрили карти що до українського питання [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://unian.net/ukr/news/news-209654.html>.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В ПОЛЕССКОМ ВОЕВОДСТВЕ

В.С. Мисюк

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Трансформация как явление предполагает коренное постепенное изменение прежнего состояния. Одним из феноменов трансформации русской культуры современности является феномен Русского зарубежья. Особо он интересен в связи с появлением Зарубежья в непосредственной близости от русского государства. Является ли это состояние уникальным или повторяет уже известные исторические формы? Ответить на этот вопрос можно на примере анализа деятельности международных русских организаций в Полесском воеводстве. Данный пример интересен также тем, что в отношении русских в польском государстве в исторической науке распространялся стереотип как о группе предельно консервативной, не подверженной изменениям, тесно сотрудничающей с местной администрацией на почве антисоветских акций.

Поскольку на данных территориях царское правительство проводило политику русификации, то с образованием на периферии бывшей Российской империи национальных государств местными правительствами были предприняты попытки избавиться от следов империализма, в том числе и от доминирования русской культуры. Это приводило к распространению антирусских настроений, нетерпимости и дискриминации русских. В польской администрации доминировали консерваторы, которые стремились помешать естественному желанию поддерживать связи с национальными центрами и международными русскими представительствами. Органы власти препятствовали проникновению на эту территорию русских международных организаций. Николай Горбейко из д.Симоновичи Дрогичинского повета был назначен Петром Агрономовым, главой «Русской Центральной Генеральной Администрации в США А.П.» в Чикаго, руководителем отделения этой организации в Полесском воеводстве. Когда Горбейко принял за организацию отделения, в дело вмешался сам полесский воевода. В регистрации отделения было отказано, а информация об этом передана в местную администрацию [7, 4]. Исходя из внешних условий, международные русские организации вынуждены были действовать в Польше нелегально.

Кроме внешней изоляции, имели место сильные тенденции к самоизоляции. Это было связано с тем, что русские оказались разобщены и отделены от основных процессов общественной жизни страны. С целью сохранения собственной идентичности, своего национального «Я», они вынуждены были приложить усилия по организации автономной культурной жизни. Нами не выявлено ни одного случая, когда бы региональные члены международных русских организаций инициировали межнациональный диалог. Еще одной причиной самоизоляции русских были распространённые ревизионистские настроения. Они считали произошедшие изменения временными, а по сему пытались их игнорировать. В частности, позиции консерваторов и изоляционистов были сильны в Братстве Русской Правды (БРП).

Братство Русской Правды было основано при редакции газеты «Русская Правда» (1922-33 гг.) редактором С.А. Соколовым-Кречетовым. И редакция, и центральные органы Братства размещались в Берлине. Соколов-Кречетов был наиболее известен в кругах белого движения, работал в Отделе пропаганды Вооруженных сил Юга. Среди почетных его членов были великий князь Николай Николаевич, генералы П.Н.Врангель и П.Н.Краснов, митрополит Антоний (Храповицкий), писатель А.В.Амфитеатров. Своей целью организаторы считали объединение масс с целью начала Всероссийской национальной революции, которая свергнет чуждое по духу русскому че-

ловеку советское правительство. Отдельно подчеркивалось, что Братство не является партией и не имеет политической программы. Показательно, что польские отделения подчинялись лидеру правых кругов русской эмиграции С.Н.Палеологу, проживавшему в Белграде. В стране организацию возглавлял поручик барон Стакельбер из Отвоцка. В Полесском воеводстве отделы Братства были созданы в Бресте (инж. Письменский), Пинске (инж.Петровский) и Кобрине (капитан Орлов) [6, 7]. Белград на длительное время стал местом расположения Синода и Предстоятеля Русской Православной Церкви за границей, центром русского скаутского движения и Русской общевоинской организации (РОВС). Здесь обосновался великий князь Николай Николаевич, с именем которого русские монархисты связывали возможность реставрации Романовых на российском престоле. Связи братчиков из Полесского воеводства с Белградом сказывались на том, что в их среде были распространены монархические настроения. Несмотря на декларации о неополитическом характере организации инженер Константин Петровский после одного из своих визитов в Варшаву привез в Пинск 200 листовок Русской монархической организации [3, 85]. Тем более, что среди активистов Братства были многолетние сторонники монархизма. Житель Пинска Онуфрий Трубицкий (Трубуц-Адамович, Трибуц), второй человек после Петровского в пинском отделении БРП, пенсионер-железнодорожник, под-держивавший организацию собственными сбережениями, еще до Первой мировой войны был активным членом Союза русского народа [5, 280]. Убеденным монархистом был братчик из Бреста, архитектор Петр Архипенко. Кроме своего членства в Братстве, он также был главою воеводского отделения легального Русского национального объединения (РНО) и членом нелегального Русского общевоинского союза (РОВС). В последней (по непроверенным данным) он был главою организации в восточных воеводствах Польши [4, 47; 4, 490б].

Наряду с Братством Русской Правды в Полесском воеводстве действовали и иные близкие ему организации. Некоторые активисты национального движения, как уже было упомянуто, сочетали членство в нескольких из них. С Братством тесно сотрудничала Русская Освободительная Казна (в память Царя-Мученика Николая II (РОК)). Ее основал уже упоминавшийся С.Н.Палеолог с целью оказания помощи БРП. Братство Русской Правды в Пинске было состоятельной организацией. Только инженер Петровский в 1930-31 годах внес 1340 долларов [1, 8]. В течение 1930 года отдел получил еще 2330 югославских динаров [5, 138]. Представителем РОК в Полесском воеводстве был крупный помещик Дрогичинского повета Борис Николаевич Палеолог, родной брат С.Н.Палеолога. Последний несколько раз был у брата в гостях. С помощью Бориса Николаевича поддерживал связь с центральными органами РОК и БРП Константин Петровский. Хотя основной сферой деятельности Казны была финансовая (польским властям она была известна как организация, выпустившая большую партию фальшивых советских рублей), на Пинщине она этим не ограничивалась. Здесь велась работа по созданию в деревнях Пинского повета кружков, на основе которых планировалось создавать боевые дружины. Оружием должен был обладать каждый вступивший. Задачу обеспечить им брала на себя обязанность сама организация [5, 284].

Причина того, что как Казна, так и Братство были законспирированными организациями, в том, что они были вовлечены в вооруженную борьбу. БРП уделяло особое внимание северо-восточным воеводствам Польши. Так, соседняя с ними территория БССР чаще всего была местом, где проводились теракты и куда поставлялось оружие. Чаще всего переправляли их через Лунинецкий и Дисненский поветы и, реже, через Барановичский. По признанию члена гродненского отдела БРП, в распоряжении последнего было большое количество оружия [9, 26]. Однако Братство в первую очередь обращало внимание на распространение литературы и радиовеща-

ние. А для Русского общевоинского союза вооруженная борьба и подготовка к ней были основной формой деятельности. Лидерами РОВС были убежденные монархисты, в частности генерал Кутепов. Из контактов последнего с региональными представителями становится ясно, что первоначально центр организации существовал в Бресте. На запрос одного из виднейших монархистов г.Бреста, Маймескула о том, с кем координировать свои действия, генерал Кутепов ответил, что руководствоваться необходимо распоряжениями представителя Врангеля в Польше генерала Махрова [8, 124]. Последний, к слову, во многом был причастен к распространению БРП. О дополнительном влиянии монархизма на сторонников Кутепова свидетельствует и то, что брестчане Борис Маймескул и Андрей Пятницкий поддерживали связь с Высшим Монархическим Советом в Белграде [8, 34]. Со временем центр активности РОВС переместился в Пинск. А.П.Кутепов назначил в 1925 году Копачинского из г.Пинска главою агитационного отдела монархистов в Советской России [8, 34]. Последнему подчинялся один из основных организаторов нелегальных переходов в СССР в Глубокском и Лунинецком поветах, уроженец последнего Борис Бродович [8, 74]. Членом РОВС в Пинске был князь Борис Оболенский, организовавший здесь в 1930 году съезд выпускников кадетских училищ [5, 282об]. В целом деятельность РОВС в Полесском воеводстве в архивных источниках отражена недостаточно хорошо; возможно, в связи с конспирацией.

При помощи Братства Русской Правды в регион стали проникать организации, придерживающиеся идеологии неоконсерватизма. Уже на примере Братства было видно, что его создатели обращаются к нетипичным для консерваторов приемам. Так, они призывают не к реставрации, а к «национальной революции» и учреждению Всероссийского Национального Земского Собора для установления окончательного устройства национальной жизни. На позициях «непредрешенчества», т.е. неопределенности будущего государственного строя, стоял и монархист генерал Кутепов. Глава брестского отдела БРП Евгений Письменский был известен как человек демократических взглядов, из монархических форм правления принимавший лишь конституционную монархию [5, 304]. Ревизионистские идеи русских монархистов не устраивали многих русских и становились все более далекими от современных реалий. В связи с этим все больше распространяются идеи неоконсерватизма. Так, жителю Полесского воеводства Ефиму Гошко, члену БРП, выслали свои листовки Всероссийская национально-революционная рабочая партия и Рабоче-крестьянская партия фашистов [7, 4]. А на Бронной горе местной полицией были найдены листовки Союза освобождения России [8, 60]. На основе молодежных организаций появился Народный трудовой союз русских солидаристов (НТС), получивший широкую популярность в среде русской молодежи Польши. Нелегальные отделения Союза появились в Гродно, Бресте и Пинске. На фоне «конфликта поколений» члены НТС обрушились с резкой критикой в отношении руководства всех существовавших на тот момент русских организаций. Наиболее бурно этот конфликт протекал в Пинске под руководством молодого поэта Владимира Коротышевского [5, 168]. В целом же, солидаристы Полесского воеводства находились под влиянием лидера движения на территории страны Николай Седяревича из Гродно [2, 83]. Их отличало то, что они пропагандировали новую политическую консервативную идеологию, основанную на главенстве православных ценностей и доктрине «русской революции». Кроме того, у его сторонников наблюдалось отчетливое стремление выйти за пределы национального гетто, созданного их предшественниками.

Члены русских международных организаций оказали ощутимое влияние на жизнь русской общины в Польше. Инженер Петровский выделил в 1932 году часть средств Братства на издание локальной русской газеты «Пинский голос» [5, 116]. Он и его соратники принимали действенное участие в выборах в органы местного самоуправления и Сейм, обеспечив здесь наибольший успех русских кандидатов [4, 79]. С другой стороны, влияние монархистов на молодежь Пинской русской гимназии привело к ее ликвидации властями. Значительно было влияние членов международных организаций и на учеников единого постоянно действующего русского учебного заведения региона – Брестской русской гимназии.

Оказавшись оторванными от национального материка, русские в Польше предпринимали ряд усилий для установления контактов с центрами национальной жизни. Стремление быть причастными к общенациональным процессам проявилось в распространении международных русских организаций. Давление со стороны большинства, внутренняя слабость и ревизионистские настроения способствовали формированию замкнутых и конспиративных организаций. Представители Русского Зарубежья главным образом были сторонниками консерватизма. Со временем наметилась явная тенденция с распространению неоконсерватизма, позволявшего преодолеть национальную изоляцию и предложить новые перспективы развития русской национальной культуры. Принимая во внимание все ранее отмеченное, можно прийти к выводу о том, что многие из явлений, имеющих место в жизни современного Русского Зарубежья, имеют прямые исторические аналоги.

ЛИТЕРАТУРА

1. Archiwum Akt Nowych z.976syg.56
2. Państwowy Archiwum w Białymstoku z.47syg.40
3. Государственный архив Брестской области (ГАБО) ф.1оп.4д.2745
4. ГАБО ф.1оп.9д.136
5. ГАБО ф.1оп.9д.1182
6. ГАБО ф.1оп.20д.260
7. Государственный архив Волынской области (ГАВО) Ф.46оп.9д.138
8. ГАВО ф.2003оп.2д.371
9. Государственный архив Гродненской области (ГАГО) ф.541оп.1д.166

ХРИСТИАНСКИЕ НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ В XXI ВЕКЕ

В.А.Михайлов

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

1. Религия и нравственность неразрывно связаны между собой. Фактически любая религия – это таинственная связь человека с Богом – абсолютным Добром, т.е. сверхъестественным существом, обладающим полнотою добра и являющимся источником всякого блага. И поэтому христианство, как и другие религии, немыслимо без нравственности, т.к. она и есть соответствие поведения человека моральным принципам христианского видения мира (учение Христа). Христианство считает, что Бог осуждает всякое зло и главным условием приближения к себе ставит нравственно достойное поведение любого человека. Но, понимая, что своих сил у человека не всегда хватает, Бог готов помочь ему, если тот сам к нему обратиться.

2. Основой учения о морали ученые считают такое понятие, как внутренний естественный нравственный закон – совесть. Человеку дано чувство того, что для него важнее всего на свете – чувство добра и зла. Совесть одобряет одни поступки и осуждает другие. К сожалению, внутренний нравственный голос не всегда и не у всех бывает непогрешим. По христианскому учению человек духовно болен и поэтому чаще всего не имеет сил поступать по совести. А человек без совести и страшен, и опасен, и глубоко несчастен, хотя внешне он может процветать. Совесть судит человека, отличает добро и зло, но не дает ему силы исправить свою жизнь. Поэтому она нуждается в разумной опоре. Понимание этого дает христианская религия. В ней человек находит ту нравственную опору, в которой нуждается его личная совесть.

3. Мораль и совесть человека, опирающаяся на религию, исходит из самой сути религии, а именно утверждения и признания первичности духовного начала, лежащего в основе бытия, – Бога – и ответственности пред ним человека. Ответственность перед Богом проявляется в страхе перед ним. Верующий в Бога знает, что Бог не допустит безнаказанно преступать его заповеди. Кроме того, религиозный человек знает, что тайное, что происходит в глубине его души, не может укрыться от всевидящего Бога. Но боязнь наказания и страх не являются главным чувством к Богу. Христианство вносит важнейший корректив и заменяет его любовью. Чувство любви к Богу является религиозным началом нравственной жизни. Любовь к Богу составляет верховное начало нравственности. Оно дает высшее значение самой любви к ближнему и нравственную силу человеку для совершения добра.

4. Общественные законы, обычаи, страх наказания, дурная молва, собственная выгода – все это может удерживать человека от пороков и злых поступков. Однако истинная нравственность может опираться только на духовность, пронизывающую всего человека. Духовность – это соответствие Богу, поскольку он есть Высший Дух, то, что соединяет все нравственные поступки. А они совершаются из жертвенной любви к человеку, ко всему живому и к миру, а не ради гордыни, тщеславия, удовольствия или корысти.

5. Христианство не отрицает того, что нравственность может существовать без религии. Это общеизвестный факт. Но кризисы античной (распад Римской империи) и современной цивилизаций (развал Советского Союза и др.) по существу связаны с отходом от религии или ее деградацией. Следствием этого была утрата прочного фундамента нравственности. История показывает, что мораль, основанная не на истинной религиозности, как правило, вырождается, а это в итоге ведет к потере нравственных ориентиров, т.е. к безнравственности. Государство, живущее по этим принципам, может прийти только к распаду, разложению и никогда не сделает своих людей счастливыми, потому что оно культивирует эгоизм. Эгоист хочет только получать и ничего не отдавать, а это невозможно. Он не может быть счастлив, т.к. полностью зависит от окружающих.

6. Эгоизм, стремление к наслаждениям порождают вражду среди людей. Наслаждения одних большей частью связаны со страданием других. Первенство и господство основываются на унижении и подчинении ближних. На богатство, которого кто-то себе желает, притязают и другие люди. Но стремление только к наслаждению безуспешно и потому мучительно, или же по достижению цели оказывается обманчивым, т.к. за удовлетворением неизбежны опустошенность, скука и новая погоня за обманом. Но все-таки почему безрелигиозная нравственность приводит по сути к безнравственности, к тому, что мы наблюдаем в конце XX – начале XXI веков? Так называемая гуманистическая мораль, вроде освободившаяся от религии, не может избавить человека

от источника порока – страстей и желаний. К счастью, полностью такого освобождения нет. Даже нерелигиозные люди косвенным образом принимают религиозную нравственность через обряды, традиции, искусство, литературу. Внерелигиозная нравственность ориентируется лишь на природного человека и потому не может найти объективного критерия добра и зла. Любой культ насилия, власти и жестокости имеет право ссылаться на эту природу. Нравственность может претендовать на абсолютность или безусловность своих требований лишь в том случае, если она заимствует критерии добра и зла у истинной религии. Только она дает объективный идеал человека, заключенный в подобии Богу. С точки зрения безрелигиозной морали трудно показать человеку, почему он должен соблюдать правила поведения и приличия, почитать родителей и заботиться о детях, о себе, почему и зачем ему нужна сама эта жизнь.

7. Образующие культурную сокровищницу человека ценности (в том числе и овеществленные в предметах материальной культуры) могут классифицироваться по двум основным признакам: а) по своему содержанию; б) по степени распространенности. По содержанию они соответствуют четырем основным областям, в которых творчески действует сознание человека, – религии, нравственности, науке и искусству. Задача нравственных ценностей – усовершенствовать отношение человека к другим людям, к самому себе, к природе, к Богу. Все это воплощается в нравственных нормах, обычаях и законах, направленных на благо человека и составляющих его нравственные ценности. Но, как известно, и законы и обычаи, с точки зрения других эпох, других народов, могут быть и безнравственными. (Каннибализм, жертвоприношения у майя и ацтеков и др. народов, уничтожение в Спарте слабых детей, стариков и сумасшедших и т.п.). Это говорит о том, что содержание нравственности исторически переменчиво и даже субъективно. Однако, в конечном счете, нравственные прежде всего те виды отношений между людьми; в которых за высшую ценность признается жизнь человека и других живых существ. Нравственные ценности генетически восходят к религии и очень тесно связаны со всеми религиями и особенно с христианством.

8. Христианство положило начало совершенно новой культуре – религиозной культуре, признавшей в человеке личность как венец творения Бога, (по образу и подобию Бога) обладающий разумом и свободой воли. Христианство содержит весь набор ценностных ориентаций, что и подтверждает Нагорная проповедь И. Христа, и не только. Ведущее место среди них занимают моральные ценности. Образно говоря, христианство – это не столько религия о том, как жить человеку, а о смысле человеческой жизни, о совести, долге, чести и т.д. Даже сугубо культовым действиям христианство придает моральную направленность. Главные этические ценности в христианстве – это сам Бог, и Сын Бога – И. Христос. А Бог – это любовь ко всем людям, признающим и почитающим его. Согласно христианскому учению, целью жизни человека является его спасение через Иисуса Христа. Достигается это каждым человеком при условии непрерывного духовного самосовершенствования, требующего воли, разума и аскетического подвига. Борьба со своими страстями, желаниями и грехами и победа над ними составляют необходимую обязанность и цель земной жизни человека.

9. Основное положительное значение нравственной роли христианской религии состоит в содержании нравственных норм. Все нравственные христианские нормы являются позитивными (т.е. полезными для общества и любого человека). Основным способом утверждения нравственных норм и распространения явилось включение их в текст Библии. А нормы, включенные в Библию, обладают высочайшей значимостью для всех верующих, ибо их источником является воля Божия.

Главная норма в Нагорной проповеди И.Христа – это требование гуманного отношения к людям. В Евангелиях содержатся две разные формулировки этой нормы. Первая: «Как хотите, чтобы с Вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф., 7:12). С небольшой перестановкой слов эта же нравственная норма повторяется в седьмой главе Евангелия от Луки. Эту формулировку верно назвали «Золотым правилом нравственности». Она является одновременно и требованием делать добро, и критерием нравственности, т.е. способом узнавания, какой поступок является хорошим, а какой – плохим. И миллионы людей на планете узнали о золотом правиле не из сочинений философов (Фалес, Конфуций, Сенека), а прежде всего из Библии. Тот же смысл вкладывается и в выражение Конфуция: «не делай другим того, чего не желаешь себе».

Вторая формулировка в Библии звучит так: «Люби ближнего твоего, как самого себя» [Мф.19:19]. Но важны не только сами формулировки, но и их понимание, разъяснение: В данном случае важно понять, что значит любить ближнего и кто именно им является. Евангелие на эти вопросы отвечает: любить ближних – значит помогать им, а ближними являются все люди, которым необходима помощь. В этом отношении очень важную роль играет глава десятая Евангелия от Луки, где И.Христос излагает знаменитую притчу о добром самаритянине. В ней в качестве идеала для подражания И.Христос назвал самаритянина, который помог попавшему в беду еврею – иудею, человеку другой национальности и с другим видением мира.

В текстах Библии изложены все основные нравственные нормы человечества: не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лги; почитай отца своего и мать; накорми голодных; не оскорбляй людей; не гневайся на людей напрасно; мирись с теми, с кем поссорился; твори милостыню и не подчеркивай этого; замечай свои недостатки; оценивай людей не по их словам, а по их делам; не упивайся вином.

Особо следует отметить нравственное требование трудиться. Во втором послании апостола Павла: «Если кто не хочет трудиться, тот не ест» [3:10].

10. Одним из важнейших средств сохранения и укрепления религиозных нравственных ценностей являются нравственные идеалы. Это образы исторических личностей, литературных героев, моральные качества и поступки которых являются примером для подражания. Высшим религиозным идеалом в христианстве является сам И.Христос. Он был совершенным человеком, который не совершил ни одного плохого поступка. И.Христос учил поступать так, чтобы всем людям было хорошо. Он осуждал несправедливость, жестокость, насилие, убийство, воровство, разврат, обман. Он призывал людей любить ближних, уважать родителей, быть правдивым, миролюбивым, великодушным. Все чудеса, которые он совершал – во имя добра. Он исцелял больных, кормил голодных, воскрешал мертвых, укрощал бурю. Но самый главный поступок в его жизни – подвиг самопожертвования во имя спасения всех людей. Он пошел на крест, муки и смерть по воле Бога-Отца и во имя блага всех людей, зная, что только его страдания, смерть и воскресение смогут дать людям шанс на спасение.

11. А сейчас обратимся к факторам реальной жизни белорусской молодежи (и не только) в начале XXI века. Особый интерес вызывает поведение молодых людей, получающих образование в школах, училищах, колледжах и вузах Республики Беларусь.

В условиях быстро и радикально меняющегося мира невероятно остро стоит задача воспитания нравственности человека, обладающего не только знаниями, но и твердыми нравственными ценностями, основой которых и являются христианские ценности. Эта задача вытекает из своеобразия и сложности ситуации, сложившейся в

современном мире; в том числе в Республике Беларусь. Современные глобальные проблемы, резкая ломка традиций и устоев жизни общества XX века (распад СССР), волна моральной деградации и вседозволенности – яркое выражение этого своеобразия. В сознании современной молодежи любые нравственные нормы стали сомнительными. Они почти потеряли свой потенциал регулирования отношений между людьми, стимула совершенствования. И одновременно в духовной жизни сегодняшних молодых прагматиков стирается грань между добром и злом, между нравственностью и безнравственностью. Поэтому наиболее актуальными вопросами в системе образования и воспитания стали вопросы об утрате духовных ценностей, а также о той цене, которую белорусское общество готово платить за это.

12. Стало очевидно, что денежный интерес, погоня за богатством («Деньги – это все») являются для большинства молодых людей важнейшим ориентиром. Значимость материальных ценностей не должна отрицаться вообще, но их нельзя превращать в абсолют. История показала, что общество, ориентированное только на материальные ценности, на прибыль не может в своем развитии прийти к прогрессу. Так, например, изучая причины кризисов, американский психолог Д. Девис показал, что им всегда предшествует рост качества жизни и опережающий рост ожиданий, в основе которого лежит закон возрастания потребностей. И далее он утверждает, что «социальный строй, в котором моральные, нравственные нормы деградируют, не является прогрессивным, каким бы богатым или технически изощренным он не был» [Т. 4, с. 122]. К сожалению, нужно отметить, что у современной молодежи (и в культуре вообще) духовность стала сводиться только к сумме знаний, объему информации, которые дают в школах, вузах и т.п. позитивные науки. Стало также очевидно, что только посредством науки невозможно решить многие важнейшие проблемы. Особенно это касается смысла и цели жизни человека, его будущего, его нравственности и совести.

13. Таким образом, перед белорусским обществом встает сложнейшая духовно-нравственная проблема воспитания своей молодежи. Ряд аспектов ее решения вызывает тревогу, поскольку в РБ начинается избирательный подход к оценке способностей молодых людей, исходя из статуса его положения в обществе и его родителей. Уже на ранней стадии (в школах) происходит деление на представителей «элиты» и «остальной массы». Первым, по сути, отводится роль будущих «господ» и нанимателей, вторым – лишь исполнителей их воли. Скорее всего отсюда идет пренебрежительное отношение со стороны руководителей и чиновников к тем, кто не вошел по каким-либо причинам в «элитарную обойму». Поэтому рядовые труженики, не отмеченные в юном возрасте к «элите», часто испытывают комплексы, которые не дают им возможность продвигаться нормально по служебной лестнице. И много других похожих вопросов и проблем возникает у тех, кто задумывается над негативными изменениями в современном белорусском обществе.

В реальной жизни вся система образования ориентирована на формирование у школьников и студентов гражданских, патриотических и нравственных чувств. И все-таки сталкиваемся с фактами, что готовим молодого человека, ориентируя его на некоторые сомнительные западные ценности. Отсюда происходят интенсивные поиски различных новых технологий обучения, вызывающих неопределенность и сомнение. Мы слишком увлекаемся новыми понятиями и оборотами речи (из иностранных языков и уличной «фени»), занимаемся словесной эквилибристикой, не думая о том, что

абсолютному большинству народа (рабочим, крестьянам и т.п.) такое словесное, безудержное соревнование умов чуждо и непонятно. Стало быть, такая система образования не для общества, а для обслуживания, возвышения и удовлетворения амбиций узкого социального круга.

14. Еще один факт. К сожалению, приходится признать, что процесс реформ в школах и вузах во многом идет именно в этом русле. В прошлые годы (в БССР в XX-м веке) в системе все-таки преобладали человеческие отношения на личностном уровне. И они помогали формированию у молодежи высоких нравственно-духовных качеств. Ныне же человеческие отношения подменяются бездушными компьютерами, наборами текстов, письменными экзаменами и зачетами. Будут ли такие кардинальные изменения полезными белорусскому обществу, сказать трудно. Никто не сможет рассчитать, какими окажутся последствия этих новшеств. Автоматы, компьютеры, мобильники, тесты и т.п. уже сейчас отучают школьников и студентов читать и видеть красоту окружающего мира, умение описывать их творческим смыслом. На этой почве в сознании молодежи откладываются запрограммированные шаблоны, речь их становится отрывистой, резкой, часто с использованием нецензурных выражений. Нельзя не заметить также и того, что усвоив сомнительные западные ценности, большая часть молодежи стремится реализовать их в своей жизни. Отсюда увлечение наркотиками, алкоголем, курение, пошлость, проповедь свободной любви и т.п.

15. И в заключение, анализируя значение религиозной христианской культуры и позитивное ее влияние на светскую культуру в целом (и на образование, в частности) можно сделать несколько выводов. Для понимания религии и нравственности и дальнейшего ее влияния на людей необходимы следующие условия:

1. Добрая воля самого человека, т.к. человек обладает свободой воли, способной совершить выбор между добром и злом в пользу добра;

2. Закон возмездия, обеспечивающий наказание за каждое зло и награду за каждое добро;

3. Признание продолжения бытия человека и его души после земной смерти, в загробном мире, чтобы закон возмездия, если он не «срабатывает» в нашем мире, был осуществлен после ухода в другой мир;

4. Осуществление высшего добра как источника нравственных сил и нравственного поведения каждого человека;

5. Наличие совести, как внутреннего нравственного закона (И.Кант) в человеке.

Эти выводы фактически записаны в текстах Библии. Их не нужно доказывать. Их можно либо принять на веру, либо отвергнуть. Религиозные люди принимают их и основывают на них свою жизнь. И именно в такой жизни, построенной в соответствии с тем, что Бог открыл людям в Библии (Божественном откровении), можно убедиться в правдивости самого откровения. А лучшим из них убедиться, что Бог не просто существует, но и действует в жизни, помогает людям становиться лучше, поддерживает в трудных ситуациях и спасает от опасностей и смерти. Те же из людей, кто отвергает откровение Божие, становятся атеистами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. – М., 1997.

2. Толстой Л.Н. Собрание сочинений. – М.-Тула, 1993.

3. Губин В.Д. Философия. – М., 2008.

4. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы. – М., 2001.

ОСОБЕННОСТИ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ УКРАИНЫ И РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

П.А. Молочко

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича, г. Черновцы, Украина

Политический процесс в Украине, а также в России, в последние годы характеризуется противоречивыми проявлениями, что в первую очередь связано с продолжением процесса становления новых политических систем. Важным аспектом в процессе демократизации общественной жизни являются партийные системы Украины и России. Однако формирование партийных систем происходит в условиях кризиса общественных идеалов, который приводит к резкому повышению социальной напряженности, девальвации в глазах значительной части населения демократических ценностей, равнодушия большинства населения к политике и политикам.

Целью статьи является изучение особенностей развития и функционирования партийных систем Украины и России после проведения парламентских выборов 2007 г., проводившихся в этих государствах. Автор ставит перед собой задачу раскрыть общие тенденции в развитии партийных систем после проведения первых парламентских выборов с использованием пропорциональной избирательной системы. Также автор выдвигает научную гипотезу о том, что ставшие почти классическими законы М. Дюверже о взаимосвязи партийной и избирательной систем, в условиях российского и украинского электорального пространства не срабатывают.

На сегодняшний день в Украине сформировалась довольно своеобразная политическая система со специфическим характером организации государственной власти. Политическая система Украины достаточно серьезно отличается как от российской, так и от других постсоциалистических систем; а также от политических систем стран, которые традиционно считаются странами западной демократии. Этой специфической системе государственно-политического устройства отвечает и специфическая система политических партий. Она отличается в первую очередь большим количеством партий, разделением партий на основе личностных, регионально-этнических, финансово-экономических и других факторов. Сейчас в Министерстве юстиции Украины зарегистрировано 180 политических партий [2].

Несмотря на особенности государственно-политического устройства Украины, общим фактором, который влияет на формирование партийных систем России и Украины, являются особенности избирательной системы. В соответствии с Законом Украины «О выборах народных депутатов Украины» право на участие в разделе депутатских мандатов приобретают кандидаты в депутаты, включенные в избирательные списки партий (блоков), которые получили три и более процента голосов избирателей, принявших участие в голосовании. В Российской Федерации выборы проводятся также по пропорциональной системе, только, в отличие от Украины, к ним допускаются исключительно политические партии. Избирательный барьер в Украине на выборах Верховного Совета ниже, чем барьер, установленный в России, что в теории должно способствовать прохождению в украинский парламент более мелких партий.

Проведение парламентских выборов 2007 г. в Украине и в России на пропорциональной основе оказало существенное влияние на фрагментацию партийных систем этих стран. Согласно с результатами парламентских выборов в Государственную Думу РФ 2007 г., в парламент прошли представители только 4 политических партий. Но,

в отличие от результатов парламентских выборов 2003 г., когда в парламент по партийным спискам также прошли представители четырех партий и блоков, партий-победители вместе получили более 91 % голосов избирателей.

По результатам выборов на пропорциональной основе показатель эффективного количества электоральных партий (ЭКЭП) для Российской Федерации составил 2,246.

По результатам украинских парламентских выборов в Верховный Совет прошли представители 5-ти партий (точнее 3-х блоков и 2-х партий), которые в сумме набрали 89% голосов избирателей, принявших участие в голосовании.

Для Украины, после выборов 2007 г., показатель ЭКЭП составил 4,18.

На основе полученных результатов можно сделать вывод, что общей чертой для партийных систем Украины и России является уменьшение показателя индекса ЭКЭП в сравнении с предыдущими выборами. Отличием является то, что для России, с введением пропорциональной системы, этот показатель уменьшился практически вдвое – 2,246 в 2007 г. против 5,2 по результатам парламентских выборов 2003 г. В Украине показатель ЭКЭП с каждыми последующими выборами уменьшается менее стремительно – 4,18 в 2007 г. против 5,42 в 2006 г. и 7,76 в 2002 г.

Уменьшение показателя ЭКЭП в Украине и России при проведении выборов на пропорциональной основе указывает на общий для этих стран институциональный парадокс, который заключается в несоответствии результатов выборов институциональным эффектам, сформулированным в законах М. Дюверже о взаимосвязи избирательной и партийной систем. Иными словами, можно сказать, что в условиях российской, а также украинской политической действительности (несмотря на отличия между избирательными системами этих стран), эти законы не срабатывают, а вернее действуют с точностью «до наоборот». С нашей точки зрения, такой парадоксальный результат для России может быть объяснен совокупностью следующих факторов: наличие высокого заградительного барьера, который сдерживает чрезмерную фрагментацию партийной системы; высокий и достаточно стабильный рейтинг партий-победителей в послевыборный период, по сравнению с аналогичными показателями проигравших политических партий; растущей устойчивостью партийной системы России, ведь по результатам парламентских выборов 2003 и 2007 гг. в парламент по партийным спискам проходят представители одних и тех же политических партий.

Что касается Украины, то переход к пропорциональному представительству в сочетании с высоким значением избирательного округа (для Украины, как и для России, избирательный округ имеет 450 депутатов) и понижением избирательного порога с 4% до 3% (а не 7% как в России) должен был способствовать прохождению в парламент мелких партий, а не сокращению количества эффективных партий. По мнению А. Фисуна и Т. Мосенцовой, такой парадокс можно объяснить политическими традициями, которые проявляются в идеологическом позиционировании партий в пределах предвыборной борьбы [5, с.53]. С нашей точки зрения, такой эффект в Украине можно объяснить еще и тем, что политические партии, а вместе с ними и парламентские выборы в Украине являются чересчур персонифицированными. Отдавая голоса за ту или иную политическую силу, большинство избирателей Украины голосуют не за саму партию и ее программу, а за лидера, который ее возглавляет. Свидетельством этого является наличие в парламенте двух именных блоков – «Блок Юлии Тимошенко» и «Блок Литвина». Что касается остальных партий, то и Партия Регионов и блок «Наша Украина – Народная самооборона» основную ставку во время избирательной кампании делали на своих лидеров – Виктора Януковича и Виктора Ющенко. В России ставку на использование такой тактики делает ЛДПР, которая получает места в парламенте благодаря персоне своего лидера Владимира Жириновского.

Еще одной общей чертой для результатов последних парламентских выборов в России и Украине стало то, что тут в полной мере срабатывают так называемые механический и психологический эффекты, о которых писал М. Дюверже. Причиной, по которой мелкие украинские партии (а в случае России можно говорить и о партиях средней величины) не преодолели избирательного порога, была боязнь избирателей, что их голос, отданный не за лидеров избирательной кампании, окажется утраченным. Из-за такой боязни избиратели были вынуждены прибегнуть к стратегическому голосованию, отдавая свой голос за менее привлекательную политическую силу, которая имела реальные шансы на прохождение в парламент. Свидетельством этого является то, что по результатам парламентских выборов 2007 г. партии и блоки, прошедшие в Верховный Совет Украины, в сумме набрали 89% голосов избирателей, принявших участие в голосовании, в то время как в 2006 г. эта цифра составила чуть более 77%.

Похожая ситуация наблюдалась и в России. Вследствие того, что партии, которые не были представлены в Госдуме 4-го созыва, не проводили активной агитационной работы, а их потенциальные избиратели осознавали, что у них нет шансов на преодоление 7% барьера и поэтому вынуждены были отдавать свои голоса потенциальным победителям. Свидетельством этого эффекта является то, что партии-победители набрали более 90% голосов избирателей, в то время как в 2003 г. – несколько более 70%.

Несмотря на схожие тенденции, главным результатом парламентских выборов 2007 г. для Украины и России стало обозначение дальнейшего вектора развития партийных систем этих стран. Результаты выборов Государственной Думы, зафиксировав уменьшение фрагментации партийной системы, также порождают новые проблемы, связанные с перспективой ее дальнейшего развития.

Действительно, на данный момент нет оснований утверждать, что пропорциональная система может создать дополнительные стимулы для партийного строительства: ни смешанная система (где пропорциональная составляющая доминировала), ни закон о партиях не смогли нейтрализовать действие объективных факторов, которые, в конечном счете, привели к отказу от партийной системы образца 1990-х гг. Другими словами, есть серьезные сомнения, что новый закон о выборах поможет достичь его главной, публично заявленной цели – становления полноценных партий. Сегодня наблюдается тенденция к становлению и укреплению партийной системы с доминирующей партией (свидетельством этого является резкое сокращение показателя ЭКЭП). Создание и становление во власти доминирующей партии, на которую опираются лидеры, делают Россию исключением на постсоветском пространстве, где подобные попытки создать такую партию не имели никакого успеха.

В. Гельман выделяет два основных тренда трансформации российской партийной системы. Это, прежде всего, возникающее доминирование партии власти на трех уровнях: парламентском, электоральном и, наконец, региональном. И второй, параллельно протекающий, хотя напрямую не связанный с этим тренд – это тренд резкого ослабления, или даже, вымирания, политической оппозиции в России, как левой, так и либеральной [3].

В то же время, главным итогом украинских парламентских выборов 2007 г., в отличие от последних парламентских выборов в России, стало избавление общества от политических иллюзий о том, что в Украине присутствует одна политическая сила, способная эффективно и самостоятельно руководить страной, которая могла бы стать единой руководящей и направляющей силой в обществе, выразителем идей всех избирателей, партийных и беспартийных жителей Запада и Востока, которая могла бы объединить идеологически разделенную страну [4].

После парламентских выборов 2007 г. многие эксперты заговорили о начале возможного формирования двухпартийной системы Украины. Исходя из анализа фрагментации партийной системы и показателя ЭКЭП, который составляет для Украины 4,18, по нашему мнению, более вероятным является переход Украины к партийной системе ограниченного плюрализма. При такой системе в Украине вместе с двумя основными партиями или «партийными лагерями» будет существовать еще и «третья партия», которая будет выступать балансом между «оранжевыми» и «синими». Следует отметить, что речь идет именно о партийной системе ограниченного плюрализма, а не про так называемую «партийную систему двух с половиной партий». Ведь в теперешних условиях в роли третьей партии может выступить как «Блок Литвина», так и блок «Наша Украина – Народная самооборона», который теоретически может выбрать – сотрудничать ему с БЮТ или с Партией регионов.

Наличие двух влиятельных политических лагерей позволит «третьей партии» (или «третьим партиям») определять успех одной из двух политических сторон, а также контуры правительственной коалиции. Поэтому, несмотря на то, что «третья сила» по определению будет пользоваться поддержкой решительного меньшинства избирателей, ее значение при определенных условиях будет достаточно высоким. Несмотря на ее очевидную зависимую роль, она может влиять как на политику более крупной партии, так и на правительственные действия в целом.

Уменьшение фрагментации партийной системы на фоне увеличения значимости партийных организаций дает основания говорить о перспективах стабилизации украинской партийной системы. Пропорциональное представительство с закрытыми списками максимально ориентировано на партии, в отличие от систем ориентированных на конкретного кандидата. При этом каждая из партий, целью которых является представительство в парламенте, должна иметь весомую поддержку в обществе. Таким образом, для эффективной и демократической партийной конкуренции во время выборов с возможностью формирования дееспособного большинства в парламенте необходимым представляется укрупнение партий, постепенное исчезновение идеологически не определенных, исключительно конъюнктурных партийных проектов, а также повышение партийной дисциплины.

Основным последствием поляризации партийного пространства Украины стал провал центристских и «нишевых» партийных проектов. В партийной системе Украины центризм традиционно приравнивался к действующей власти и характеризовался идеологической неопределенностью. Четкое определение и противопоставление позиций касательно основных проблем государственной политики в последствии президентской кампании 2004 г. (а также в некоторой степени правоцентристская ориентация новой «партии власти») сделали «нейтральный» центризм и его идеологемы невостребованными преимущественной частью населения. Подобная поляризация предельно «сузила» центр партийной системы, вследствие чего неэффективными оказались проекты, позиционировавшие себя как «третья сила», а также те, которые пытались предложить действительно новые, причем содержательные идеи.

С технологической позиции избирательной борьбы это непосредственно влияло на мобилизацию избирателей. Объединение электората партий-лидеров происходило обратно пропорционально демобилизации симпатиков мелких партий, что усиливало мотивации стратегического голосования за «следующую по предпочтению партию» среди проходных. Поделенным оказался и электорат традиционных левых и правых партий, которых «поглотили» новые, более популистские партийные проекты. Таким образом, парламентские выборы 2007 г. в некоторой степени продемонстрировали исчерпанность резервов развития партийной системы Украины по посткоммунистической модели [5, с.54].

Таким образом, можно предположить, что спрос на укрупнение политических сил в Украине, сформированный не столько консолидирующими тенденциями как таковыми, сколько предельной поляризацией партийного пространства, а уменьшение количества «релевантных» партий не является следствием усиления партий как организаций после применения пропорциональной избирательной системы. Наоборот, результаты парламентских выборов демонстрируют, что новая, «партийно-центристская», система еще не освоена основными игроками: ориентация на региональную поддержку, а также «персонализированный» характер избирательной кампании соответствуют мажоритарному формату, ориентированному в первую очередь на кандидата.

Вместе с тем реформирование политической системы в целом, а в первую очередь переход к парламентско-президентской форме правления, делает партизацию власти востребованной институционально. Если формально умеренная многопартийность уже заложена результатами выборов 2007 г., то становление такой модели в первую очередь будет зависеть от эффективности парламентского большинства, сформированного партиями-победительницами, а также от их способности принять новые институциональные условия, отказавшись от накопления собственных политических бонусов на дестабилизации взаимодействия Президента, Премьер-министра и Парламента.

Таким образом, как в России, так и в Украине четко прослеживаются тенденции к сокращению эффективного количества электоральных партий с каждым новыми парламентскими выборами (Россия: 8,3 – 1993 г.; 8,43 – 1995 г.; 6,53 – 1999 г.; 5,2 – 2003 г.; 2,24 – 2007 г.; Украина: 8,59 – 1998 г.; 7,76 – 2002 г.; 5,42 – 2006 г.; 4,18 – 2007 г.) [1, с. 110]. Уменьшение эффективного количества электоральных партий, после проведения парламентских выборов на пропорциональной основе, свидетельствует о том, что в условиях украинского и российского электорального пространства не срабатывают законы взаимодействия избирательных и партийных систем, сформулированные М. Дюверже.

На основе уменьшения показателя ЭКЭП, мы можем сделать вывод, что избирательные кампании 2007 г. значительно повлияли на дальнейшее развитие партийных систем Украины и России. В России прослеживается тенденция к становлению партийной системы с доминирующей партией, а в Украине – партийная система ограниченного плюрализма.

Причинами сокращения эффективного количества партий можно считать, во-первых, поднятие партийного ценза при голосовании; во-вторых, влияние психологического фактора, когда избиратели прекращают голосовать за мелкие партии, поскольку понимают, что у них нет ни малейших шансов на получение мест в парламенте по партийным списками; в-третьих, улучшение внутрипартийного менеджмента. С другой стороны, парламентские выборы 2007 г. засвидетельствовали, что партии, получившие представительство в парламентах обеих стран, остаются слабым институтом политических систем. Сейчас их влияние не реальную политику ограничено, однако в условиях неразвитых общественных институтов именно ведущие партии с их разветвленными региональными структурами могут сыграть в этом процессе важную роль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мельничук И., Молочко П. Сравнительный анализ фрагментации партийных систем России и Украины в 2003-2007 гг.: основные тенденции и перспективы развития в контексте идейно-политических ориентаций российских и украинских граждан // Без темы. – 2007. – № 2(4). – С. 101-111.

2. Список политических партий в Украине // <http://minjust.gov.ua/0/499>. Дата доступа 10 мая 2010 года.

3. Трансформация российской партийной системы. Лекция Владимира Гельмана // <http://www.polit.ru/lectures/2008/03/14/gelman.html>. Дата просмотра 18 марта 2010 года.

4. Украинская весна: избавление от иллюзий //

5. <http://partyofregions.org.ua/contrprop/behind/443a383a0c6cf>. Дата просмотра 20 марта 2010 года.

6. Україна: Стратегічні пріоритети. Аналітичні оцінки – 2006: Монографія / За ред. О.С. Власюка. – К.: НІСД, 2006. – 576 с.

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ НЕЗАВИСИМОЙ УКРАИНЫ

И.Э. Надольский, Я.Б. Ярош

Волынский национальный университет имени Леси Українки, г. Луцк, Украина

Провозглашение независимости Украины положило начало формированию украинской политической нации и соответствующей ей политической культуры, предполагающей существование общих для всех регионов и социальных групп политических ценностей, ориентаций и настроений.

За годы независимости наметились определенные положительные тенденции в формировании политической культуры. В Украине формируются общенациональные идеалы и устремления. Это, прежде всего, идея суверенного украинского государства, как формы реализации естественного права народа на политическое самоопределение, идеалы демократического устройства общества, стремление к свободному развитию духовной сферы и удовлетворению материального благополучия людей, ориентация на развитие сотрудничества со всеми государствами мира и др.

В современном украинском обществе происходит одновременно и организованное и самовольное разрушение политико-культурного наследия тоталитарного режима. По своему содержанию и характеру современные процессы в украинской политической культуре – это ее декоммунизация, деруссификация, детоталитаризация, деколонизация [1, с. 26].

Изменения в сознании украинского общества способствуют появлению новых форм политического поведения. Особенностью политического участия в современной Украине стал спонтанно-стихийный, почти нерегулируемый характер действий, противоречивые механизмы политического влияния, противоречия интересов больших и малых социальных групп. Становление правовых форм политического участия в стране усложняется отсутствием устойчивых традиций политического плюрализма, выступающего больше в виде плюрализма отрицания чужих взглядов и позиций вместо утверждения своих собственных. Это вносит в политический процесс агрессивные формы политического участия, враждебность. В общественном сознании сталкиваются идеи волюнтаризма, тоталитаризма, авторитаризма и демократии. Согласовать эти процессы, придать определенное направление политическому участию в таких условиях очень сложно. В последнее время в Украине существует тенденция преобразования политического участия в механизм компенсации личных проблем и неудач, дополнительный канал самореализации [2, с. 62].

Необходимость в самовыражении, признаний, общении побуждает к участию в политике. Среди других потребностей, мотивирующих такое участие, борьба за демократизацию жизни общества, реальная свобода действий, а также стремление к власти, обогащение, популярность и др. Но во всяком случае не только человек влияет на политику, но и политика влияет на личность. Это достаточно важный момент, который сопровождает бурные процессы поляризации украинского общества, приобщения граждан Украины к сфере политики.

Вместе с тем в обществе доминирует мировоззренческий хаос, отсутствуют четкое самосознание, представление о целях и путях последующего развития, ценности, на которые необходимо ориентироваться. Для массового политического сознания характерно восприятие действительности исходя из чувств, эмоций, а не через знания, опыт, ум. Людям тяжело отдать предпочтение какому-либо из многочисленных конфликтующих между собой политических течений. Положение все больше усложняется в связи с расколом некогда монолитных течений и возникновением их новых комбинаций.

Все это дает возможность украинским исследователям утверждать, что «жизненно необходимо создать социальную инфраструктуру политической социализации личности, формирования гражданского сознания и демократической политической культуры. Система ценностей, норм и стереотипов, унаследованных Украиной от коммунистического тоталитаризма бывшего СССР, должна быть заменена системой демократических норм и ценностей» [3, с. 64].

Наиболее ярким подтверждением появления демократической тенденции в политической культуре общества стали результаты президентских выборов 2004 г., когда большинство украинских избирателей, невзирая на значительное количество неправдивой информации, давление со стороны власти, смогли реально оценить политическую ситуацию в стране, проанализировать поведение политических лидеров и сделать сознательный выбор. Этот выбор засвидетельствовал, что украинское общество стало более реформаторским, чем антиреформаторским, и более патриотическим. Президентские выборы 2004 г. после уменьшения влияния советской идентичности стали соревнованием двух типов национализмов: лишенного традиций экономического национализма В. Януковича и исторически-культурного национализма В. Ющенко.

Соответствующие изменения наметились в политической психологии общества, включающие в себя потребность расширения политической культуры граждан, воспитания крайне необходимых привычек, традиций участия в политических процессах, организации и проведения разного рода тестирований, анкетирований, что все вместе способствует становлению модернизируемого национального менталитета, политического поведения граждан.

В посткоммунистическом украинском обществе главным трансформационным процессом в политико-культурной сфере стал переход от советской культуры к национальной, украинской, от тоталитарно-авторитарной к демократической, от коммунистической к либерально-консервативной [4, с. 633]. Вместе с тем происходит модернизация традиционных форм украинской культуры. Трансформация политической культуры не означает полного отрицания ее прежнего значения. Это диалектический процесс, в котором должно сохраняться все гуманное и жизнеспособное.

Политические и социально-экономические преобразования в Украине привели к тому, что рядом со старыми субкультурами в государстве появились и сегодня функционируют новые, которые особенно выразительно проявляются в социальном разре-

зе. Определенная активность украинских граждан стала толчком к развитию предприятий, малого бизнеса, создания коммерческих структур и банков. Все это заложило основы для формирования в украинском обществе социальных групп с совсем другим политическим и экономическим мышлением. Этот слой общества образовался в период разрушения коммунистических иллюзий.

Отличия в социально-политических ориентациях сложились в первую очередь между возрастными группами населения. Следует отметить консерватизм тех, кому за шестьдесят. Они более склонны предопределять трудности в экономике развалом СССР, менее поддерживают развитие частного предпринимательства, фермерства, более негативно относятся ко всем формам политической борьбы (митингам, демонстрациям, забастовкам), более пессимистически смотрят в будущее. Материальное положение пожилых людей является самым тяжелым, что удостоверяют социологические опросы. В общественном сознании сохраняется противостояние между сторонниками старого, социалистического общества и «нового» национально-демократического направления; представителями неототалитарных и новых (национал-демократических) ценностей и идеалов и представляющих их политических партий.

Конструктивно-критической и более активной генерацией есть возрастная группа населения 25-29 лет. Люди этого возраста больше других склонны объяснять существующие проблемы отсутствием программы выхода из кризиса, некомпетентностью и безответственностью правительства и представителей органов власти всех уровней. Представители этой возрастной группы чаще других готовы участвовать в акциях протеста, особенно когда они касаются экономической борьбы, защиты независимости и территориальной целостности Украины, защиты демократии и прав человека, борьбы за чистоту окружающей среды и либерализацию экономики.

Что касается современной молодежи Украины, то она не очень беспокоится о политических событиях, происходящих в обществе. Хотя чем более высокий уровень образования, тем выше заинтересованность молодых людей политическими процессами. Молодежь городов больше интересуется политикой, чем сельская.

Сложность процессов формирования политической культуры состоит в том, что в Украине, где медленно, но утверждается плюрализм идей и мыслей, в обществе еще не сформировались определенные политические ценности, что приводит к объединению активных граждан вокруг отдельных политических личностей и их программ, к резкому изменению настроений масс, неопределенности жизненных ориентиров.

Это в свою очередь ведет к поиску новых форм организаций, проявления интересов, образования политических объединений, политических партий, движений и т. д. Увеличение из года в год количества политических партий, стремящихся представлять интересы практически всех основных социальных групп, слоев общества, вместе с тем не привело к формированию отличий в их программах. В своем большинстве партии не стремятся репрезентировать интересы всего народа, всех социальных слоев населения государства. Больше внимания лидеры партий уделяют текущим вопросам, стремлению какой-либо ценой одержать победу на выборах. Они мало заботятся о будущем, не отдавая себе отчета в том, что это будущее неминуемо принесет и все растущее расслоение населения, а следовательно и потребность опираться не на весь электорат, а на его определенные социальные группы.

На формирование политического сознания в значительной степени влияет внутриполитическая ситуация в стране. Причины изменения своих настроений сами люди связывают в первую очередь с разочарованием в лидерах «помаранчевой револю-

ций». Однако, на наш взгляд, такие метаморфозы массового сознания во многом объясняются не только объективными результатами деятельности конкретных политиков, но и тем, что проявившийся в первые послереволюционные месяцы социальный оптимизм населения в значительной степени имел «иждивенческий» характер. Он сопровождался очень высоким всплеском доверия к новым политическим лидерам и в первую очередь к новоизбранному Президенту Украины. Однако, предоставляя большой кредит доверия новой власти, общественное сознание в то же время атрибутировало ей всю полноту ответственности за дальнейшее развитие страны и собственное благосостояние. Уровень политической и гражданской активности населения кроме участия в революционных событиях, как и раньше, оставался низким. Не получив ожидаемого, население глубоко разочаровалось в новой власти.

Население Украины продолжает проявлять высокий уровень недоверия к институтам власти, а также к государственным и политическим деятелям. За все годы развития демократической Украины полное доверие граждан к парламенту, правительству, профсоюзам, политическим партиям не поднималось выше 10%. Политико-культурное явление тотальной критичности и отчуждения значительной части граждан активно используют в борьбе за власть политические силы Украины.

По мнению украинского исследователя В. Лисового, демагогия о перекладывании вины за ухудшение благосостояния широких слоев общества на «независимость», «капитализм», на демократов и др. не может длительное время сохранять влияние на массовое сознание. Только осознание факта использования прежней номенклатурой созданного народом богатства для собственного обогащения может окончательно ликвидировать систему коммунистического феодализма [5, с. 133]. Но этот процесс должен идти цивилизованно, путем политической дискуссии. В этом и состоит важное условие политической культуры – культуры, направленной на предупреждение любых конфликтов.

На наш взгляд, причины таких массовых настроений нужно искать глубже, они могут обернуться негативными последствиями для дальнейшего развития демократии в Украине. От времени провозглашения независимости население Украины вынуждено жить в условиях социальной аномии, характеризующейся отсутствием в обществе ценностно-нормативной базы социальной консолидации, которая невозможна без общего представления о том, что в этом обществе поощряется, что осуждается и что карается. Бывшая ценностно-нормативная система разрушена, а новая, базирующаяся на демократических ценностях, так еще и не сформирована. Эти условия уже давно привели к высокому уровню деморализованности более 80% населения Украины [6, с. 321]. Но состояние аномии не может длиться в обществе как угодно долго. При таких условиях массовое сознание ищет ценностные «подпорки» в историческом прошлом и прибегает к поискам «мессии», который придет и наведет порядок в стране.

Консолидировать общество и повернуть направление его развития в сторону реальных демократических преобразований способны только первоочередное и самое пристальное внимание власти к созданию условий жесткого контроля за выполнением принятых и принимаемых законов и демонстрация личных образцов поведения, отвечающих современным демократическим ценностям.

Таким образом, с провозглашением государственного суверенитета Украины критически и формально воспринятая советская политическая культура трансформируется в новую систему ценностей. Однако в суверенную Украину перенесли и дают о

себе знать определенные черты этой культуры. В первую очередь имеется в виду отчужденное отношение к официальным политическим целям, нормам и институциям. Вместе с тем фрагментированная постсоветская политическая культура трансформируется в диалектическую дифференцированность, которая выступает необходимым условием укрепления интеграционных, системно творческих процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рудакевич О. М., Гутор М. С. Політичне відродження українського народу: Шляхи формування новітньої української політичної культури. – К.; Тернопіль: Поліграфіст, 1998. – 52 с.
2. Ротар Н. Ю. Перспективи політичної участі громадян України в контексті європейського досвіду демократії // Держава і право. 36. наук. праць. Юридичні і політичні науки. – К., 2006. – Вип. 32. – С. 484–492.
3. Проскуріна О. Політична культура і соціальна дійсність // Нова політика. – 2000. – № 2. – С. 63–65.
4. Вільчинська І. Ю. Політична культура у контексті формування громадянської культури в Україні // Держава і право: 36. наук. праць. – К., 2005. – Вип. 29. Юридичні і політичні науки. – С. 630–635.
5. Лісовий В. Політична культура. Політична культура українців // Культура – ідеологія – політика. – К.: Вид-во ім. Олени Теліги, 1997. – С. 116–136.
6. Максимець Б. Політична ідеологія сучасного українського суспільства та системні чинники її формування // Вісник національної академії державного управління при Президентові України. – 2005. – № 1. – С. 319–326.

ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА ИЛИ ВЗГЛЯД СТУДЕНТА НА НАШУ РЕАЛЬНОСТЬ

В.И. Наумова

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Одна из основных тем современной социологии - социология молодежи. Эта тема очень многогранна и включает в себя целый ряд аспектов: это и возрастные психологические особенности, и социологические проблемы воспитания и образования, влияние семьи и коллектива на становление и формирование молодежи, ценностные ориентации и особенности мировоззренческой политики и целый ряд других.

Нам очень нравится ругать нашу молодежь. Все время кажется, что «вот в наше время...» и себе мы с большой радостью приписываем все превосходные степени; а «вот наша молодежь...» и тут, конечно, ничего хорошего наша молодежь, как правило, от нас услышать не может, мы сразу же превращаемся в непререкаемые авторитеты, которых еще никому не удалось достичь. Как ни странно, но мы совсем не оригинальны в этом нашем стремлении. Молодежь ругали всегда - и в папирусах Древнего Египта, и в письмах и эссе древних греков можно встретить сетования на то, что «молодежь пошла не та», что утрачена прежняя чистота нравов и т.д., и т.п. Сегодня также со всех сторон доносятся упреки молодежи в аморальности, в отказе от традиционных ценностей, в меркантилизме и т.п. Насколько справедливы эти упреки?

Постоянно вращаясь в молодежной среде, преподаватель всегда стремится ответить на вопрос: какова же наша молодежь, насколько мы правы в своих суждениях и опасениях или, может быть, мы, как и древние, не совсем справедливы по отношению к нашей молодежи? Конечно, о молодом поколении лучше всего спрашивать у нее самой, и поэтому на протяжении учебного года студентам были предложены небольшие тест-анкеты по различным актуальным темам с просьбой оценить ту или ситуацию по 10-балльной системе.

В анкетах поднимались вопросы следующего порядка: а) как вы можете оценить наше время; б) что является ценностью в наше время; в) почему вы решили получить высшее образование; г) как вы относитесь к своей жизни. На каждый вопрос предлагалось десять ситуационных ответов, которые, в свою очередь, следовало оценить по баллам от одного до десяти. Ответы, оцененные по высшим баллам (от 10 до 7) и явились результатом данного тестирования. Причем при анализе результатов учитывались отдельно ответы, получившие высшую оценку (10 баллов), а также суммированный ответ (от 10 до 7 баллов включительно). Ответ 10 дает возможность проследить, какие именно позиции являются наиболее приоритетными при ответе на предложенные вопросы, т.к. в процессе проведения тестирования было заранее определено, что оценка 10 дается самому важному, по мнению студента, фактору ответа. Далее была также проведена отдельно оценка результатов в зависимости от возраста респондентов, и в этом случае тоже можно выделить отдельные приоритеты современного юношества, которые подвергаются незначительным изменениям с возрастом.

Так получилось, что в основном в анкетировании принимали участие студенты машиностроительного факультета и факультета электронно-информационных систем (ФЭИС), а там обучаются преимущественно студенты, а не студентки. Это обстоятельство подтолкнуло к мысли протестировать именно юношей различного возраста и попытаться дать небольшую характеристику нашей мужской половине студенчества в Брестском государственном техническом университете.

Для полноты картины тестирование прошли также студенты экономического факультета и факультета ВиГ. Всего в анкетировании принимали участие студенты второго, третьего и четвертого курсов четырех факультетов, а именно: экономического факультета (студенты 4 курса), студенты факультета ВиГ (3 курс), а также студенты ФЭИС и машиностроительного факультета (2 курс). В общей сложности было обработано более 100 анкет (точнее 118) юношей различных возрастов. К сожалению, более или менее равномерно представить возрастные рамки не удалось, т.к. студент 19-ти лет мог обучаться и на первом и на втором и на третьем курсе, поэтому по возрасту студенты были представлены в следующем порядке: 18-летние – 6 студентов; 19-летние – 51 студент; 20-ти летние – 36 студентов; 21 год – 25 студентов. Так как количество 18-летних респондентов незначительно, то значения в таблицах этой части опрошенных следует воспринимать с небольшой погрешностью, они конечно не могут выразить полной картины, а лишь показывают направление развития молодых людей данного возраста. В связи с этим для более точного сравнительного анализа было выбрано именно процентное соотношение, которое менее зависимо от численного соотношения респондентов.

В основном в тестировании приняли участие городские жители, 105 человек, или 89% из опрошенных, являются горожанами, причем 85 человек из них, или 80% из общего числа городских респондентов, являются жителями города Бреста. Жителями сельской местности в свою очередь являются только 13 респондентов, или 11% опрошенных. В тестировании приняли участие 50 студентов, обучающихся на платной основе, и 68 бюджетников.

Первый вопрос, заданный в анкете, звучал следующим образом: как вы оцениваете наше время? Результаты тестирования по данному вопросу представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Как вы можете оценить наше время?

№ п/п	Варианты ответов	Общие рез-ты в %	Из них балл 10 в %	Рез-ты 18-лет. в %	Из них балл 10 в %	Рез-ты 19-лет. в %	Из них балл 10 в %	Рез-ты 20-лет. в %	Из них балл 10 в %	Рез-ты 21 год в %	Из них балл 10 в %
1.	Хорошее.	55,1	11,0	33,3	16,7	60,8	7,8	52,8	11,1	52,0	16,0
2.	Нормальное.	68,6	29,7	83,3	16,7	72,5	35,3	66,7	22,2	60,0	32,0
3.	Трудное.	40,7	9,3	33,3	16,7	37,3	13,7	41,7	2,8	48,0	8,0
4.	В наше время трудно строить какие-то планы.	48,3	8,5	33,3	0,0	54,9	7,8	44,4	16,7	44,0	0,0
5.	Наше время дает много возможностей.	59,3	8,5	33,3	0,0	70,6	5,9	50,0	13,9	56,0	8,0
6.	Очень беспокойное время страшно за близких.	28,0	3,4	50,0	16,7	13,7	2,0	36,1	2,8	40,0	4,0
7.	Прекрасное время, впереди все только хорошее и замечательное.	34,7	5,9	50,0	16,7	31,4	3,9	36,1	8,3	36,0	4,0
8.	Никогда не задумывался об этом.	23,7	4,2	16,7	0,0	19,6	3,9	33,3	2,8	20,0	8,0
9.	Лучше бы я жил раньше, тогда было проще.	17,8	5,9	16,7	0,	17,6	5,9	16,7	2,8	20,0	12,0
10.	Я родился не в свою эпоху, я хотел бы жить... (свой вариант)	23,7	13,6	50,0	16,7	21,6	13,7	22,2	16,7	24,0	8,0
		400	100	400	100	400	100	400	100	400	100

Анализируя данную таблицу, мы видим, что в абсолютном большинстве (68,6% и 55,1%) наше юношество оценило время как нормальное и хорошее, отметили они также, что наше время предоставляет человеку много разнообразных возможностей (59,3%). Были также отмечены и определенные трудности современности, в частности 48,3% опрошенных отметили, что сегодня трудно строить какие-то планы, а 28% выразили беспокойство за судьбу своих близких. В свою очередь 23,7% откровенно признались, что никогда не задумывались над этим, и столько же опрошенных заметили, что хотели бы жить в другое время. Причем по данному варианту ответа на вопрос были высказаны различные временные границы, но в основном опрошенные единодушно отметили, что хотели бы жить либо в XIX, либо в XXII веке. В общем, анализируя данные ответы, можно сказать, что наше юношество достаточно позитивно оценивает сегодняшнее время и конструктивно подходит к тем возможным трудностям, которые им в жизни предстоят, они во многом надеются на себя и проявляют здоровый оптимизм. Результаты такого оптимизма хорошо представлены в таблице 2, которая отражает ответы на следующий вопрос: как вы относитесь к своей жизни?

Таблица 2 – Как вы относитесь к своей жизни?

№ п/п	Варианты ответов	Общие результаты в %	Из них балл 10 в %	Результаты 18-лет. в %	Из них балл 10 в %	Результаты 19-лет. в %	Из них балл 10 в %	Результаты 20-лет. в %	Из них балл 10 в %	Результаты 21 год в %	Из них балл 10 в %
		1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.
1.	У меня прекрасная счастливая жизнь.	51,7	14,4	16,7	16,7	51,0	7,8	44,4	11,1	72,0	32,0
2.	Жизнь нормальная, как у всех.	57,6	17,8	50,0	0,0	60,8	25,5	50,0	11,1	64,0	16,0
3.	Я оптимист и в жизни у меня все будет хорошо.	70,3	17,8	66,7	16,7	72,5	21,6	58,3	19,4	84,0	8,0
4.	Я не жду от жизни ничего особенного.	27,1	5,1	16,7	16,7	25,5	2,0	27,8	5,6	32,0	8,0
5.	Мне кажется, что жизнь моя будет полна трудностей.	30,5	8,5	16,7	0,0	29,4	9,8	44,4	13,9	16,0	0,0
6.	Мне трудно в жизни и не уверен, что будет легче.	16,9	4,2	16,7	16,7	11,8	2,0	22,2	5,6	20,0	4,0
7.	Я сам строю свою жизнь и уверен, что жизнь моя будет яркой.	56,8	17,8	100,0	33,3	60,8	13,7	55,6	19,4	40,0	20,0
8.	Я хочу прожить свою жизнь как мои родители.	17,8	4,2	16,7	0,0	23,5	7,8	13,9	2,8	12,0	0,0
9.	В современной жизни много трудностей.	46,6	6,8	50,0	0,0	45,1	5,9	52,8	8,3	40,0	8,0
10.	С моим образованием я хорошо устроюсь в жизни.	24,6	3,4	50,0	0,0	19,6	3,9	30,6	2,8	20,0	4,0
		400	100	400	100	400	100	400	100	400	100

Большинство опрошенных, а именно 70,3%, выразили глубоко оптимистичную уверенность, и эта уверенность сохраняется в возрастных характеристиках, в том, что все у них в жизни будет хорошо, причем 56,8% опрошенных убеждены в том, что сами в состоянии сделать свою жизнь яркой и привлекательной, хотя и признают, что наша действительность создает много трудностей. Приятно отметить и тот факт, что 24,6% респондентов, т.е. почти четверть, а это не мало, выражают уверенность в том, что с полученным в результате обучения в вузе образованием они смогут хорошо устроиться в дальнейшей жизни.

Хотелось бы несколько слов сказать об отношении наших юношей к получению высшего образования. Уже соотношение бюджетников и студентов, обучающихся платно, говорит о том, что в нашем случае респонденты подошли к получению высшего образования в большинстве своем продуманно и сознательно. То, что это в самом деле так, подтверждают данные таблицы 3.

Даже без детального анализа данных таблицы, который, к сожалению, невозможен в рамках небольшой работы, сразу же бросается в глаза, что в основном (более 80%)

современное юношество хорошо понимает, что диплом о высшем образовании дает им большие возможности в современном мире, в том числе и серьезные преимущества при построении своей будущей карьеры. И хотя некоторую часть респондентов к получению образования подтолкнули родители (39%), более 40% отмечают, что им интересна их специальность и интересен сам процесс обучения.

Таблица 3 – Почему я решил получить высшее образование?

№ п/п	Варианты ответов	Общие рез-ты в %	Из них балл 10 в %	Рез-ты 18-лет. в %	Из них балл 10 в %	Рез-ты 19-лет. в %	Из них балл 10 в %	Рез-ты 20-лет. в %	Из них балл 10 в %	Рез-ты 21 год в %	Из них балл 10 в %
		1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.
1.	Этого хотели мои родители.	39,0	10,2	0,0	0,0	35,3	11,8	47,2	5,6	44,0	16,0
2.	Мне интересно учиться.	40,7	1,7	33,3	0,0	47,1	2,0	36,1	0,0	36,0	4,0
3.	Сегодня без диплома не обойтись.	80,5	20,3	50,0	0,0	78,4	25,5	88,9	25,0	80,0	8,0
4.	Чтобы найти хорошую работу.	72,9	16,1	66,7	0,0	76,5	15,7	72,2	8,3	68,0	32,0
5.	Только хорошее образование дает возможность построить хорошую карьеру.	69,5	22,0	83,3	33,3	68,6	19,6	72,2	27,8	64,0	16,0
6.	Пошел учиться с друзьями за компанию.	9,3	0,8	16,7	0,0	3,9	0,0	5,6	2,8	24,0	0,0
7.	Не хочется в армию.	22,0	6,8	16,7	0,0	23,5	5,9	16,7	8,3	28,0	8,0
8.	Мне интересна моя специальность и я уверен, что она мне необходима в дальнейшем.	43,2	13,6	83,3	33,3	45,1	13,7	44,4	16,7	28,0	4,0
9.	Я не знал, что это за специальность, и сейчас бы я сюда учиться не пошел.	7,6	0,0	16,7	0,0	7,8	0,0	2,8	0,0	12,0	0,0
10.	Какие-то другие причины.	14,4	8,5	33,3	33,3	13,7	5,9	13,9	5,6	16,0	12,0
		400	100	400	100	400	100	400	100	400	100

Большую полемику в дальнейшем на занятиях и живой интерес в процессе тестирования вызвал вопрос о ценностях современной жизни, результаты ответа на этот вопрос представлены в таблице 4.

Таблица 4 — Что является ценностью в наше время?

№ п/п	Варианты ответов	Общие рез-ты в %	Из них балл 10 в %	Рез-ты 18 лет. В %	Из них балл 10 в %	Рез-ты 19 лет. В %	Из них балл 10 в %	Рез-ты 20 лет. В %	Из них балл 10 в %	Рез-ты 21 год в %	Из них балл 10 в %
		1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.
1.	Здоровье	85,6	50,0	83,3	66,7	88,2	49,0	83,3	44,4	84,0	56,0
2.	Связи	15,3	1,7	33,3	0,0	5,9	0,0	13,9	0,0	32,0	8,0
3.	Дружба	55,9	3,4	50,0	0,0	60,8	2,0	47,2	5,6	60,0	4,0
4.	Любовь	40,7	4,2	33,3	16,7	43,1	3,9	47,2	5,6	28,0	0,0
5.	Жизнь	58,5	15,3	50,0	0,0	56,9	15,7	63,9	16,7	56,0	16,0
6.	Карьера	22,9	0,8	50,0	0,0	23,5	0,0	19,4	2,8	20,0	0,0
7.	Семья	64,4	11,9	50,0	0,0	74,5	19,6	61,1	8,3	52,0	4,0
8.	Образование	10,2	0,0	16,7	0,0	3,9	0,0	19,4	0,0	8,0	0,0
9.	Деньги	22,9	6,8	16,7	0,0	17,6	2,0	27,8	13,9	28,0	8,0
10.	Удача	23,7	5,9	16,7	16,7	25,5	7,8	16,7	2,8	32,0	4,0
		400	100	400	100	400	100	400	100	400	100

Глядя на данные, представленные в таблице 4, можно только порадоваться за наше юношество и с уверенностью сказать, что наше молодое поколение, несмотря на свою непохожесть, как нам часто кажется, грубость и упрямство, на самом деле сохраняет наши традиционные ценности и очень хорошо разбирается в том, что является главным, а что наносным и поверхностным в современной жизни. Современный юноша очень хорошо знает, и это видно из приведенных таблиц, что жизнь наша не проста, но все равно именно здоровье и жизнь имеют высшие приоритеты среди нашей молодежи. Они также высоко ценят такие понятия, как семья, дружба, любовь. В процессе обработки данных анкет я была приятно удивлена, что практически каждый респондент в той или иной мере отметил необходимость и важность любви в жизни современного человека и это притом, что мы говорим о юношах, т. е., как нам кажется, достаточно жестких и бессердечных людях. И это, я считаю, звоночек нам старшим, это повод задуматься над тем, насколько мы духовно близки с нашими детьми, насколько хорошо мы знаем внутренний мир наших детей. Может быть, именно этот душевный разрыв и ведет к тому, что нам становится легче обругать нашу молодежь и встать на сторону их непримиримых противников, но не попытаться их понять и принять такими, какими они сами хотят быть, ведь не только тесты, но и наша повседневность показывает, что у нас, в основе своей, душевная, эрудированная и духовно богатая молодежь.

РЫНОК ТРУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ

А.А. Нестерова

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

В условиях перехода к рыночным отношениям и развития кризисных явлений в экономике не только обострились существовавшие ранее проблемы занятости населения, но и появились новые, связанные с изменением потребностей предприятий в рабочей силе, статусом самого работника, появлением реальной и скрытой безработицы, отсутствием надлежащего учета этих явлений. Все это затрудняет изучение проблем рынка труда, усложняет возможности эффективного противодействия росту безработицы, поддержания занятости, обеспечения социальной защиты граждан.

Вопросами изучения рынка труда занимаются ученые многих стран. В Беларуси исследованию рынка труда посвящены работы Е.В. Ванкевич [2, 7], И.Н. Бобковой [1], Л. Е. Тихоновой и ряда других.

В 90-х годах наблюдалась устойчивая тенденция сокращения спроса на рабочую силу и численности работающих. Уменьшение численности работников стало следствием политики оптимизации кадрового персонала, проводимой в ходе реструктуризации производства, повышения производительности труда, ликвидации морально устаревших и неэффективных рабочих мест. В 2005 г. был принят курс на активизацию процесса создания новых рабочих мест, что позволило увеличить спрос на рабочую силу практически во всех отраслях экономики (за исключением сельского хозяйства и науки). Впервые за годы реформ наметилась тенденция роста занятости населения - численность работающих увеличилась с 4349,8 тыс. в 2005 г. до 4445,3 тыс. чел. в 2007 г. Численность занятых в экономике в 2008г. составила 4460-4535 тыс. чел. [8].

Анализ показывает, что увеличение общего уровня занятости населения обусловлено его ростом в городах, а село по-прежнему теряет кадры. В целом за 2001-2007 гг. численность работающих в городах и поселках городского типа увеличилась на 5,6% и составила 3586,0 тыс. чел. В сельской местности она сократилась за этот период на 17,7% - 859,3 тыс. чел. [9-11]. Уровень занятости населения в сельском хозяйстве снизился с 14,1 до 9,8% к общей численности работающих в экономике.

Для нашей страны характерна проблема неэффективной занятости, которая находит свое проявление в форме вынужденной неполной занятости на производстве. Кадровая политика большинства предприятий направлена на сохранение персонала, недопущения массового высвобождения работников путем перевода их в режим неполного рабочего времени и предоставления административных отпусков. В результате для сферы занятости типичен высокий уровень вовлеченности трудовых ресурсов с низким эффектом фактического их использования и потерями рабочего времени. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в январе-апреле 2010 года 6,6% среднемесячной численности работников работали в режиме вынужденной неполной занятости, общее количество неотработанного времени составило 2 млн человеко-дней, что равнозначно ежедневному невыходу на работу 24,1 тыс. чел [5].

Уровень безработицы в РБ по официальным данным составляет примерно 1%. Сегодня официально контролируемым стал рынок труда преимущественно неквалифицированной рабочей силы, в то время как рынок квалифицированной перемещается за пределы видимости государственной службы занятости. Причина такого явления кроется в самой практике регулирования занятости в Беларуси. Средний размер пособия по безработице в 2007г. составил 46 тыс. рублей. Этот показатель ниже установленного ООН статуса бедности, который равен 2 долларам США в день и составляет только 25% бюджета прожиточного минимума в стране. Поэтому для регистрации в качестве безработных стимулов нет.

Ведущей отраслью экономики остается промышленность, где сегодня сосредоточено 26,5% всех работников. Динамика занятости в этой отрасли с 2005г. характеризуется ростом численности работников.

Одной из динамично развивающихся в последние годы отраслей является строительство. В 2001-2007 гг. в отрасли наблюдалась устойчивая тенденция роста численности работников вследствие наращивания объемов строительно-монтажных работ и улучшения финансового состояния строительных организаций. Численность работающих в строительстве увеличилась с 312,3 тыс. до 368,8 тыс. чел., а их доля - соответственно с 7 до 8,3%.

На современном этапе заметно активизировалась и межотраслевая мобильность рабочей силы в сфере услуг. До настоящего времени в системе национальной статистики отрасли классифицируются по двум сферам - материального производства и непроеизводственной. С учетом международных подходов сектор услуг, помимо отраслей непроеизводственной сферы, включает и такие отрасли, как торговля и общественное питание, транспорт, связь, информационное обеспечение и некоторые другие, относимые статистикой к отраслям материального производства.

Основной прирост работников в сферу услуг обеспечивается за счет расширения занятости в торговле и общественном питании. Численность работников в этой отрасли за 2001-2007 гг. увеличилась на 120 тыс. и составила 606,8 тыс. чел., или 13,7% к общей численности занятых в экономике.

Дальнейшее развитие процессов занятости населения в торговле и общественном питании будет зависеть от эффективности мер по повышению ресурсного обеспечения торговых предприятий, платежеспособного спроса населения на основе роста денежных доходов. Увеличение товарооборота послужит стимулом к расширению торговой деятельности и, следовательно, росту численности работников отрасли.

Необходимо отметить, что доля занятых в сфере услуг в Беларуси ниже, чем во многих развитых странах, где она варьирует в пределах 70-75 (в Великобритании - 76,5, Германии - 67,6, США - 78,6, Франции - 73,5, Швеции - 76%), в постсоциалистических странах уровень занятости в сфере услуг в среднем составляет 60-65% [3, с. 45].

В национальной статистике учет численности занятости в сфере услуг не соответствует международным стандартам отраслевой классификации, поэтому сравнение уровня занятости белорусского населения в сфере услуг с показателями зарубежных стран нельзя признать корректным. В Беларуси осуществляется переход на общегосударственный классификатор видов экономической деятельности, в соответствии с которым они подразделяются на добывающие, обрабатывающие и предоставляющие услуги. Только на этой основе можно будет провести международное сравнение данного показателя. Впервые в 2007 г. Министерством статистики и анализа Республики Беларусь проведен статистический учет занятого населения по видам экономической деятельности, в соответствии с которым доля работников в сфере предоставления услуг составила 65% от общей численности занятых в экономике. Это достаточно высокий показатель, если учесть специфику отраслевой структуры экономики Беларуси с высокой долей сельского хозяйства (11%), в то время как в большинстве развитых стран уровень занятости в этой отрасли - 2-3%.

Важная роль в решении задачи повышения конкурентоспособности страны на рынке услуг принадлежит развитию туризма и сетевой торговли. Важной является проблема улучшения кадрового обеспечения сферы услуг. Не менее значима для стимулирования перераспределения работников в социальные отрасли задача повышения оплаты их труда и устранение ее разрыва с оплатой труда в производственных отраслях экономики.

- Указанные выше диспропорции являются последствием нарушения равновесия спроса и предложения на рынке труда.

Формирование спроса на труд имеет в Беларуси несколько особенностей:

- максимизация прибыли не выступает в качестве основного целевого ориентира деятельности многих белорусских предприятий. Часто у предприятий доминируют социальные целевые установки;

- административное повышение среднемесячной заработной платы обуславливает увеличение себестоимости продукции в трудоемких отраслях (таких, как химическая), что предопределяет их неконкурентоспособность.

На сегодняшний день спрос, в основном, формируется за счет государственных предприятий, преимущественно в сельском хозяйстве и промышленности, где около 80% вакансий предназначены для рабочих, причем качество свободных мест и имеющихся вакансий достаточно низкое.

Количественные параметры предложения на рынке труда определяются демографическим развитием общества и рядом социально экономических факторов.

К особенностям формирования предложения на рынке труда в Республике Беларусь можно отнести:

- особенности демографического развития страны,
- наличие нелегальных трудовых доходов,
- трудности в количественной оценке фактически безработных, в связи с чем невозможно точно рассчитать параметры предложения на рынке труда,
- особенности формирования предложения труда на рынках труда моногородов, малых городов и сельскохозяйственных населенных пунктов,
- наличие диспропорции в профессионально-квалификационном составе рабочей силы.

На состояние занятости существенное влияние оказывают организационно-технические условия функционирования отечественных предприятий, важнейшим из которых является структура и качество основных производственных фондов предприятия. Для приведения фондов в нормальное состояние, по оценкам экспертов, необходимы инвестиции в размере 2/3 ВВП ежегодно, а для обновления - еще 2-3% ВВП. Но внутренних источников для таких инвестиций в Беларуси нет, а доступ иностранных ограничен. Важным условием является также обеспечение эффективности инвестиций, их высокой отдачи, а при правовой неразрешенности и неоднозначности отношений собственности этого добиться невозможно.

Количественные параметры предложения на рынке труда определяются демографическим развитием общества, обеспечивающим непрерывное возобновление поколений людей.

Как и в большинстве европейских государств, население в Беларуси стареет. Доля пожилых людей составляет сейчас 22 процента, а представителей младших возрастных групп - около 16 процентов. Эта тенденция сохранится, поскольку в трудоспособный возраст будут вступать малочисленные группы населения, родившиеся в начале 1990-х, а выходить - представители поколения послевоенных лет, когда был всплеск рождаемости.

Экспертами ООН были сделаны для Беларуси довольно пессимистичные демографические прогнозы. В 2006 г. был уточнен прогноз до 2050 г., согласно которому население Беларуси может сократиться к 2050 г. до 7 млн. человек.

Кроме того, в прогнозе указано, что сокращение населения будет сопровождаться его старением, к 2050 г. численность пенсионеров сравняется с числом работников в трудоспособном возрасте. Возникает угроза устойчивости пенсионной системы.

Как свидетельствуют демографические данные, сократились возможности увеличения занятости со стороны населения Беларуси в долгосрочной перспективе. Уровень занято-

сти населения Беларуси является одним из самых высоких среди стран с трансформационной экономикой, поэтому возможности его дальнейшего повышения ограничены. Стратегической целью является создание условий для обеспечения экономики высокопрофессиональными кадрами и повышение эффективности их использования.

Таким образом, проанализировав сложившуюся ситуацию на рынке труда, можно сказать, что основными преимуществами сложившейся модели развития рынка труда являются социальная ориентация, государственные гарантии. К ее недостаткам можно отнести невысокую экономическую эффективность занятости, слабое содействие структурным изменениям экономики, неразвитость негосударственных институтов на рынке труда.

Анализ рынка труда Беларуси показал, что необходимо сменить ориентир его развития, учитывая задачи инновационного развития страны и в соответствии с тенденциями глобализации. Специфические адаптационные механизмы, выработанные в предшествующие годы белорусским рынком труда, обусловили социальную стабильность общества и низкие социальные издержки приспособления к трансформационным процессам, но в настоящий момент себя исчерпали. Поэтому необходимо провести коренную модернизацию структуры белорусской экономики, при этом минимизировав социальные издержки реструктуризации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобкова, И.Н. Рынок труда в Беларуси: особенности и тенденции развития: монография / И.Н. Бобкова; под ред. проф. В.А. Мельника. – Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 1999. – 149с.
2. Ванкевич, Е.В. Экономические отношения занятости: закономерности развития и регулирования / Е. В. Ванкевич. – Минск.: БГЭУ. – 238с.
3. Григорьев, И.Е. Рынок труда и механизмы его регулирования в условиях формирования новой экономики / И. Е. Григорьев – Санкт-Петербург, 2006. – 289с.
4. Население Республики Беларусь. Статистический сборник. – Минск: Министерство статистики и анализа, 2007. – 118с.
5. Национальный статистический комитет Республики Беларусь // официальный сайт. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://belstat.gov.by>. – Дата доступа: 17.04.2010г.
6. Павленков, В.А. Рынок труда. Занятость. Безработица. / В.А. Павленков – Москва: Изд-во МГУ, 2004. – 368с.
7. Рынок труда РБ: особенности формирования и развития. / Под научной редакцией Е.В. Ванкевич.- Витебск: УО «ВГТУ», 2008. - 302с.
8. Социально-экономическое положение Республики Беларусь в 2009 г. / Мин-во статистики и анализа Респ. Беларусь. – Мн., 2010. – 341с.
9. Труд и занятость в Республике Беларусь: статистический сборник / Мин-во стат. и анализа Респ. Беларусь – Мн. 2007. – 376с.
10. Труд и занятость в Республике Беларусь: статистический сборник / Мин-во стат. и анализа Респ. Беларусь – Мн. 2006. – 375с.
11. Труд и занятость в Республике Беларусь: статистический сборник / Мин-во стат. и анализа Респ. Беларусь – Мн. 2004. – 407с.

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ДЕТЕРМИНАНТА СТРУКТУРИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Т. Е. Новицкая

Институт философии Национальной Академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь

На сегодняшний день в связи с интенсификацией научно-технического развития инновационная деятельность заслуженно стала предметом пристального внимания широкого ряда социально-гуманитарных дисциплин. Концептуальные (научные), технико-технологические, экономические, организационно-управленческие и социальные инновации [1] рассматриваются как факторы, задающие характер и направление трансформаций в жизнедеятельности современного общества.

В то же время при анализе данной проблематики отмечается тенденция к акцентированию преимущественно экономико-правовых аспектов инновационной деятельности, вполне понятная и объяснимая — для формирования благоприятных условий развития и эффективного функционирования национальной инновационной системы, а также её успешной интеграции в глобальный контекст. Первостепенной важностью обладают вопросы её финансирования, организации и координации.

Однако в данной связи не стоит забывать о том, что и социально-философские аспекты инновационной деятельности также заслуживают более подробного рассмотрения, поскольку "инновационная деятельность предполагает системное преобразование человеком окружающего социального и природного пространства" [2, с. 7], а масштабы социальных изменений, порождаемых глобализацией инновационной деятельности, достаточно велики и в перспективе могут лишь возрасти. В данной связи важно отметить, что одним из проявлений такого рода трансформаций являются преобразования организации современного социального пространства.

Причём, влияние инновационной деятельности на процессы в различных сферах жизни общества не всегда является четко спрогнозированным и конструктивным. Так, "резонансная сфера инновационной деятельности" охватывает совокупность объектов, явлений и процессов, целенаправленно не вовлекаемых в нее, но претерпевающих незапланированные изменения вследствие инновационных действий. Параметры инновационной среды зависят от содержания, интенсивности и масштабов инновационной деятельности. Она может вызвать нежелательные деструктивные процессы не только в сопряженных, но и отдаленных сферах" [3, с. 10].

Прежде всего, обращаясь к вопросу о детерминации социального пространства инновационными процессами, ввиду существования различных интерпретаций понятий инновации и инновационной деятельности, необходимо пояснить, какое содержание вкладывается нами в данные категории. Инновация понимается как "создаваемые (осваиваемые) новые или усовершенствованные технологии, виды товарной продукции или услуг, а также организационно-технические решения производственного, административного, коммерческого или иного характера, способствующие продвижению технологий, товарной продукции и услуг на рынок" [4, с. 8]. Инновационная деятельность в свою очередь представляет собой деятельность по созданию, продвижению и использованию инноваций.

Технологические сдвиги, происходящие в результате инновационной деятельности, непосредственным образом стимулируют динамику экономического роста. Существует тесная взаимосвязь между организационной, экономической, финансовой и

научной сторонам инновационной деятельности. Изменения, происходящие на пересечении экономического поля и поля науки, ведут к трансформациям всего социального пространства.

С учетом вышесказанного представляется целесообразным, принимая в качестве методологической базы исследования социального пространства социальный анализ П. Бурдье, расширить категориальный аппарат социальной топологии дополнением в виде понятия *поля инноваций* как специфического социального субпространства, существующего наряду с другими полями — политики, экономики, религии, науки и т. д. Напомним, что социальное поле, по П. Бурдье, есть "такое многомерное пространство позиций, в котором любая существующая позиция может быть определена исходя из многомерной системы координат, значения которых коррелируют с соответствующими различными переменными: таким образом, агенты в них распределяются в первом измерении — по общему объему капитала, которым они располагают, а во втором — по сочетаниям своих капиталов, т.е. по относительному весу различных видов капитала в общей совокупности собственности" [5, с. 57].

Таким образом, поле инноваций выстраивается на основании распределения инкорпорированного (знание в различных формах выражения) и материального (экономические ресурсы, инновационная инфраструктура и т. д.) капиталов, с одной стороны, наделяющих их обладателей властью в рамках названного поля, а с другой — представляющих собой цель в борьбе сил внутри него.

Свойство социального пространства реализоваться в физическом присуще и полю инноваций как одному из социальных субпространств: оно также объективируется в виде распределения благ и услуг, социальных агентов (индивидов или групп) в физическом пространстве, становящемся таким образом предметом присвоения и потребления.

В данном контексте территориальное измерение поля инноваций проявляет себя посредством определенной пространственной организации и инновационной инфраструктуры, в качестве элементов которой выступают многочисленные, связанные между собой сетями отношений, научно-технологические парки, технополисы, инновационные центры, бизнес-инкубаторы, центры трансфера технологий, научно-технические библиотеки, информационные и маркетинговые центры, венчурные организации, инновационные кластеры.

Анализ структуры социального поля инноваций с мультитопологической точки зрения предполагает выделение в его пространственной организации нескольких форм. Так, оно включает в себя пространства регионов, сетей и потоков, которые в свою очередь, исходя из масштабов инновационной деятельности, могут быть рассмотрены на следующих уровнях:

- глобальном;
- наднациональном;
- государственном;
- региональном [6].

Схема сопряжения различных социально-пространственных форм на каждом из вышеназванных уровней выстроена в виде сети, состоящей из узлов-регионов (территориальные масштабы которых варьируются), сообщающихся между собой посредством информационных потоков. Системный характер такого рода организации индустриального пространства описан М. Кастельсом в ходе его анализа размещения инновационных сред в современном глобализирующемся мире. Он подчеркивает:

"Специфику инновационной среды определяет именно ее способность генерировать синергию, т. е. добавленная стоимость получается не из кумулятивного эффекта элементов, присутствующих в среде, но из их взаимодействия" [7].

По его мысли, в контексте глобализации доминирующим становится пространство потоков: "Новое индустриальное пространство организовано вокруг новых потоков информации, которые сводят вместе и разделяют одновременно - в зависимости от циклов или фирм - свои территориальные компоненты. И по мере того, как логика информационно-технологического производства просачивается от производителей информационно-технологических устройств к пользователям таких устройств во всей области производства, новая пространственная логика расширяет охват, создавая множественность глобальных индустриальных сетей, пересечения которых (а также районы, исключенные из них) трансформируют само понятие размещения промышленности, означаящее теперь не местоположение фабрик, но производственные потоки" [7].

Структура распределения инновационного капитала и осуществления соответствующих социальных практик находит свое отражение в международном разделении труда. Место того или иного государства в данном контексте определяется не только географическим положением, климатическими условиями, наличием природных ресурсов, территорией, численностью и структурой населения. В связи с интенсификацией процессов глобализации, интеграции, транснационализации и интернационализации в современном мире все большее значение приобретает такой фактор организации международного разделения труда, как уровень научно-технического и экономического развития страны.

Таким образом, рассматривая роль инновационных процессов в преобразованиях современного социального пространства, прежде всего, необходимо отметить, что продуцирование нового знания, направленного на создание новых или на удовлетворение уже существующих потребностей общества, и его последующее воплощение в форме новых продуктов и процессов способствуют росту благосостояния общества. Возрастание наукоемкости экономики ведет к усилению роли той или иной инновационной системы в глобальных сетях производства и распределения. Инновационная деятельность выступает в качестве фактора конституирования современного, социального пространства: в первую очередь, в условиях нарастания глобализационных процессов она детерминирует структуру и содержание международного разделения труда, интенсивное развитие технологий коммуникации делает возможным размещение высокотехнологичных производств в местностях, удаленных от офисов компаний, и дифференциацию в мировом контексте пространства генерирования инновации и ее реализации в производстве. Интеграция инновационных систем в мировую экономику стимулирует их конкурентные отношения и выработку ориентаций на сохранение или изменение их позиций, задающие в свою очередь, динамичную структуру поля инноваций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крючкова, С. Е. Инновации: философско-методологический анализ: автореф. дис. ... докт. филос. наук: 09.00.11 / Московская гуманитарно-социальная академия. — М., 2001.
2. Столярова, Т. А. Инновации как социальный феномен: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Российский государственный социальный университет. — М., 2009.

3. Лукашевич, В. К. Научное обеспечение инновационной деятельности: проблемы методологической рефлексии / В. К. Лукашевич // *Вестник беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта*. — 2008. — № 5 (70). — С. 5-14.
4. Организация научно-технической деятельности в Республике Беларусь: сборник нормативно-правовых актов. — Мн., 1998.
5. Бурдые, П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение / П. Бурдые // *Социология политики*. — М., 1993. — С. 33 - 52.
6. Богдан, Н. И. Региональная инновационная политика / Н. И. Богдан — Новополоцк, 2000.
7. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура // Библиотека Гумер. — [Электрон. ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gumer.info/bibliotek/Buks/Polit/kastel/06.php>

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЗАНЯТОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Е.Б. Папховская

ГНУ Институт социологии НАНБ, г. Минск, Беларусь

Под системной трансформацией обычно понимают изменение политической и государственной системы и общую демократизацию общественных отношений, ориентацию на экономику «рыночного типа» и отход от «централизованной плановой экономики», отказ от социалистической «всеобщности и обязательности труда» и ликвидацию системы «социального иждивенчества» с одновременным провозглашением стандартных либерально-демократических свобод, интеграцию в систему мирового рынка посредством развития новых форм внутри- и внешнеэкономической деятельности, реструктуризации экономики. Вся сложность развития данных процессов состоит в том, что единой технологии трансформационных процессов нет, и оптимальную социально-экономическую политику преобразований каждой стране приходится вырабатывать самостоятельно.

Последнее десятилетие уже позволяет говорить о некоторых результатах системной трансформации. Изменились политические и государственные системы. Однопартийный режим практически повсюду заменен плюралистической системой, действующей на основе новых конституций. Степень демократичности установившегося строя в разных странах различна, обусловлена как особенностями исторического развития, так и сложившейся социально-экономической и политической ситуацией, характеристикой управленческой элиты.

Изменились экономические основы общества, произошли процессы приватизации и либерализации, однако государственный сектор повсюду продолжает играть важную, а иногда и определяющую роль. Экономическое состояние в разных странах весьма различно. На первоначальных этапах разрыв тесных интеграционных связей в рамках СССР обусловил резкое падение ВВП и экономической эффективности реального сектора экономики, падение жизненного уровня населения, которое было приостановлено только к середине 1990-х годов. Сложностей и противоречий социального, финансового и производственного порядка осталось немало, не в полной мере преодолены тревожные тенденции в социально-экономическом развитии.

К настоящему времени практически во всех обновленных государствах создана правовая база для развития «рыночного хозяйства». Период активного вхождения в рынок был сопряжен с расстройством финансовой системы, инфляцией, ростом безработицы, ослаблением общего культурного фона, всплеском преступности, падением уровня здоровья населения, ростом уровня смертности. Крушение прежней системы разделения труда создало проблемы, которые для своего разрешения требуют огромных капиталовложений в изменение отраслевой и территориальной системы занятости населения как Республики Беларусь [7, с. 7-8].

Цель трансформации – существенное обновление производительного потенциала общества и рост его благосостояния. Но исторически закономерное не всегда совпадает с логически ожидаемым, и наложение непредвиденных событий на утвержденные планы зачастую приводит к возникновению негативных тенденций. Разрыв между целями и результатами бывает большим или меньшим, но он неизбежен. Главные причины кризисных ситуаций и возникающих социальных проблем во всех трансформирующихся странах (особенно странах СНГ) заключаются не столько в реформировании как таковом, хотя всякое реформирование подобных масштабов и такой глубины предполагает возникновение кризисных ситуаций, сколько в неадекватных методах проведения реформ и механизмах разрешения возникающих кризисных ситуаций и проблем. Неадекватность применяемых механизмов, недоиспользование их регулятивных возможностей зачастую порождает не созидательные, а разрушительные процессы, не улучшает, а ухудшает ход социально-экономических преобразований, уровень и качество жизни населения.

Республика Беларусь выбрала эволюционный путь развития экономики, обеспечивающий необходимую инерцию движения. Вместе с тем эволюционный путь развития порождает социальные проблемы, связанные с замедленным формированием рыночной инфраструктуры и затрудняющие переход от экстенсивной к интенсивной экономике рыночного типа.

Реализация основных государственных программ – «Основных направлений социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2015 годы», «Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2007–2010 годы», «Концепции национальной инновационной системы Республики Беларусь» – предусматривает осуществление комплекса социальных и технологических инноваций для перевода национальной экономики на инновационный путь динамичного конкурентоспособного развития.

Согласно заявленным программам, конечной целью развития должен выступать не сам по себе экономический рост, темпы и размеры накопления, а человек, активно включенный в социально-экономические преобразования. Осуществляемая структурная перестройка экономики еще не является основой для социальных изменений, она лишь предоставляет для этого возможности и инструменты. Как они будут использованы – зависит как от социальной политики государства, так и от активности экономического поведения основных хозяйствующих субъектов.

Одним из основных социологических показателей социального развития и успешности социальной адаптации является стратегия экономического поведения, демонстрируемая населением. Экономическое поведение представляет собой поведение, связанное с перебором экономических альтернатив с целью относительно рационального выбора. Проблемы изучения экономического поведения приобрели особое значение в связи с трансформационными процессами, происходящими в Республике

Беларусь. Изучение экономического поведения человека важно при осмыслении и решении назревших социальных проблем, связанных с реформированием экономики, изменением ценностных ориентаций, перестройкой общей системы в целом.

Задачи по успешной модернизации общества и обеспечению его безопасности не могут быть реализованы без своевременной научной информации о факторах, стимулирующих или ограничивающих альтернативы экономического поведения. В ходе социологического анализа искомого феномена акцент делается на анализе экономического поведения социально-профессиональных групп занятого населения республики.¹

Согласно данным исследования, стратегия экономического поведения почти половины респондентов (56,4%) следует «формуле» – «стараюсь жить по средствам, сохраняя тот уровень, который имею», что соответствует *адаптивному* типу экономического поведения. Данный тип экономического поведения является доминирующим во всех выделенных социально-профессиональных группах, кроме группы индивидуальных предпринимателей, где лишь 1/3 респондентов придерживается данной модели поведения. Респонденты, которые «пытаются повысить свой доход всеми возможными способами», являются представителями *активного* типа экономического поведения. Поведение такого типа характерно для 18,2% респондентов в общей совокупности. Приблизительно 1/5 опрошенных во всех социально-профессиональных группах придерживаются данного типа экономического поведения (кроме группы индивидуальных предпринимателей, где данное соотношение вдвое больше – около половины респондентов придерживаются данной модели поведения). Респонденты, которые не пытаются решать свои проблемы, снижая уровень своих запросов, представляют группу реализаторов *пассивного* типа экономического поведения и составляют 22,4% из всей совокупности опрошенных. Представители данного типа экономического поведения составляют от 1/5 до 1/3 практически во всех выделенных социально-профессиональных группах, кроме группы индивидуальных предпринимателей, где лишь 6,7% респондентов являются реализаторами пассивного типа экономического поведения.

Представленное деление населения по типам экономического поведения (активное/адаптивное/пассивное), выделенных по степени интенсивности экономического поведения, подтверждается распределением ответов на вопрос «Что бы Вы предпочли: жить богаче, но рискуя, действуя с инициативой, или жить, пусть беднее, но зато с гарантированным уровнем, без риска». По результатам мониторинга 61,7% опрошенных предпочли второй вариант (жить, пусть беднее, но зато с гарантированным уровнем, без риска). Причем количество сторонников данного варианта поведения практически одинаково во всех социально-профессиональных группах (2/3 от общего числа опрошенных в группах), лишь в группе индивидуальных предпринимателей это соотношение вдвое меньше (1/3). «Жить богаче, но рискуя, действуя с инициативой» предпочитает 38,3% от общего числа опрошенных, причем наиболее высок процент представителей такого типа поведения в группе индивидуальных предпринимателей (68,9%).

Таким образом, лишь 1/3 занятого населения демонстрирует активный тип экономического поведения и обладает необходимыми социальными качествами и установками для того, чтобы эффективно вписаться в модель рыночной экономики республики.

Российские и белорусские исследователи отмечают, что в трансформирующемся обществе наличие высшего образования далеко не всегда может гарантировать экономиче-

¹ Тезисы доклада основаны на данных республиканского социологического мониторинга «Общественное мнение», проведенного ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» в 2008 г., а также на данных республиканского социологического исследования занятого населения «Оценка населением изменений в сфере занятости в условиях становления инновационной экономики», проведенного в 2007 г. отделом экономической социологии и социальной демографии ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси».

ское благополучие и социальный престиж [см., напр., 1; 2; 3]. Однако наличие или отсутствие высшего образования существенно отражается на типе экономического поведения работника. Так, респонденты с высшим образованием реже снижают уровень своих запросов и потребностей при решении материальных проблем (18,5%). Данный вариант выбрали почти 1/3 респондентов с базовым и профессионально-техническим образованием. Респонденты с высшим образованием чаще, чем респонденты с профессионально-техническим или средним специальным образованием, стараются повысить свой доход всеми возможными способами (32,8%). То же и с отношением респондентов с высшим образованием к риску. Почти половина респондентов с высшим образованием (48,6%) готовы рисковать ради повышения своего материального благосостояния. Среди респондентов других образовательных групп таких чуть больше 1/3.

Наличие высшего образования влияет на инновационную восприимчивость работников. Почти 3/4 респондентов во всех образовательных группах (кроме респондентов с базовым образованием) положительно относятся к нововведениям. Среди респондентов с базовым образованием, тех, кто положительно относится к нововведениям, — лишь 46,2%. А если принять во внимание, что почти 1/3 респондентов с базовым образованием говорит о существовании возможности потерять работу в связи с внедрением нововведений, можно говорить о низкой конкурентоспособности данной группы респондентов. Среди респондентов с высшим образованием лишь 7,5% занятых полагают, что могут потерять работу в связи с внедрением нововведений.

Рассматривая трудовую мотивацию респондентов, можно отметить, что первая пятетка стимулов трудовой деятельности у всех категорий респондентов (кроме респондентов с высшим образованием) выглядит следующим образом: зарабатывать хорошие деньги (86,7%), иметь хорошие условия труда (66,8%), работать в хорошем коллективе (61,1%), работать без перегрузок (30,1%), быть относительно независимым (27,6%). У респондентов с высшим образованием иерархия стимулов трудовой деятельности выглядит следующим образом: зарабатывать хорошие деньги (82,5%), иметь хорошие условия труда и работать в хорошем коллективе (62,7%), быть относительно независимым (39,5%), полно использовать свои знания, опыт, квалификацию (34,9%). Что говорит о гораздо большей ориентации респондентов с высшим образованием на содержательный, творческий, инициативный труд, на продвижение по служебной лестнице (таблица 1).

Таблица 1 — Стимулы трудовой деятельности занятого населения, %

Что для Вас наиболее важно в работе	Ваше образование:					Итого
	Базовое	Среднее общее	Профессионально-техническое	Среднее специальное	Высшее	
Зарабатывать хорошие деньги	84,4%	88,7%	90,5%	87,4%	82,5%	86,7%
Иметь хорошие условия труда	60,0%	69,4%	68,5%	73,3%	62,7%	66,8%
Работать в хорошем коллективе	51,1%	62,8%	65,5%	63,4%	62,7%	61,1%
Работать без перегрузок	40,0%	33,8%	29,2%	25,9%	21,7%	30,1%
Быть относительно независимым	24,4%	22,7%	25,6%	25,6%	39,5%	27,6%
Успешно продвигаться по службе, делать карьеру	13,3%	15,8%	18,5%	22,5%	23,5%	18,7%
Работать с квалифицированными коллегами	13,3%	12,1%	17,9%	23,8%	32,5%	19,9%
Полно использовать свои знания, опыт, квалификацию	6,7%	12,7%	13,7%	19,3%	34,9%	17,4%
Полно реализовать личные способности	6,7%	10,8%	13,1%	16,9%	29,5%	15,4%
Работать над интересными, сложными проблемами	2,2%	6,6%	3,0%	9,9%	17,2%	7,8%

Таким образом, высшее образование можно с уверенностью рассматривать как важнейший ресурс, необходимый для профессиональной и социальной мобильности. Сегодня перед Республикой Беларусь уже не стоят задачи выживания. Сложность современных вызовов на порядок выше, чем прежде: развиваться, завоевывать новые рынки и ниши специализации в условиях глобализации и кризиса мировой финансово-экономической системы. Из этого кризиса республика, считают экономисты, должна выйти окрепшей, с современной экономикой. В ситуации «Вызов-и-Ответ» главный ответ на уровне государства состоит в том, что сегодня Беларусь – это «малая экономика». Удельный вес республики в мировом ВВП (по паритету потребительской стоимости) составляет 0,15 %, а в мировой численности населения – 0,16 %. Это означает, что даже в условиях мировой рецессии белорусская экономика может расти качественно и количественно. Кризис неизбежно затрагивает «большие экономики», а «малые экономики» имеют шанс за счет мобильности и гибкости расширить свои ниши даже на сокращающихся рынках [5, с. 3-4]. Но для реализации подобной стратегии (достойного и конструктивного ответа) субъектам хозяйствования необходимо быть инновационными, инициативными, демонстрировать активную жизненную стратегию в достижении поставленных целей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заславская, Т.И. Российское общество на социальном изломе. Взгляд изнутри / Т.И. Заславская. – М.: ВЦИОМ, Московская высшая школа социальных и экономических наук, 1997. – 299 с.
2. Инновационная экономика / А.А. Дынкин [и др.]; под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 2004. – 351 с.
3. Мясникович, М.В. Инновационная деятельность в Республике Беларусь: теория и практика / М. Мясникович. – Минск: Аналит. Центр НАН Беларуси; Право и экономика, 2004. – 176 с.
4. Мясникович, М.В. Научные основы инновационной деятельности / М.В. Мясникович. – Минск: Право и экономика, 2003. – 278 с.
5. Мясникович, М.В. Республика Беларусь на пути к новой экономике / М.В. Мясникович. – Минск: Белорус. наука, 2009. – 292 с.
6. Соколова, Г.Н. Развитие рыночных отношений в контексте глобализации / Г.Н. Соколова // Социология (РФ). – 2007. – № 2. – С. 17–29.
7. Соколова, Г.Н. Трансформационные процессы в Беларуси и России / Г.Н. Соколова, Н.Н. Сечко, Е.В. Таранова. – Минск: Беларуская навука, 2009.

WIE SOZIAL KANN GERECHTIGKEIT SEIN?

Alfred Plewa

Hochschule Ravensburg-Weingarten, Deutschland

1. Das „Dreieck der Gerechtigkeit“

Mit Hans Kelsen [5, S. 10] lässt sich Gerechtigkeit stets unter zwei Blickwinkeln betrachten: Zum einen als Eigenschaft einer staatlichen Ordnung, zum anderen als menschliche Tugend, sittliche Haltung oder als Eigenschaft von Personen beziehungsweise

Einzelnen. Dieser Bestimmung fuegt Kelsen noch eine Rangordnung hinzu: Die Idee der Gerechtigkeit als Ordnungsprinzip des Gemeinwesens rangiert vor der Auffassung von Gerechtigkeit als individuellem Verhalten. Wenn naemlich ein Mensch dann gerecht ist, wenn sein Verhalten einer gerechten Ordnung entspricht, wird eben eine solche gerechte Ordnung bereits vorausgesetzt. Die Schluesselfrage lautet nun: Wann koennen wir sagen, dass eine Ordnung, ein Gemeinwesen, ein Staat, eine Gesellschaft gerecht ist? Die Frage laesst sich auch auf andere Gruppen und Institutionen beziehen: Wann herrscht Gerechtigkeit in Familien, Schule und Hochschule, Industrie und Wirtschaft, Gewerkschaften, Parteien und Kirchen? Als „Subjekt der Gerechtigkeit“ laesst sich also zuerst die Gesellschaft oder lassen sich Teile von ihr als gerecht oder ungerecht bezeichnen. Natuerlich sind es jedoch immer einzelne Personen, die gerecht handeln koennen [10, S. 61].

Wann also herrscht Gerechtigkeit im Gemeinwesen? Auf diese Frage gibt es traditionell viele Antworten. In unserem abendlaendischen Denken nehmen wir fast immer allein Bezug auf die griechische Philosophie und das auf ihr gruendende Folgedenken. Nebenbei bemerkt, bedeutet dies – gerade auch unter dem Aspekt der Globalisierung – eine starke Verengung. Koennen die in Europa und den USA begruendeten Menschenrechte wirklich als universell gelten? Wird im asiatischen, indischen wie chinesischen und arabisch-islamischen Kulturkreis nicht manches eigenstaendig, anders und abweichend von „westlicher Sicht“ gesehen?

Josef Pieper [11, S. 61 ff.] stellt einige der althergebrachten Antworten auf die Frage, wann sich in einem Gemeinwesen Gerechtigkeit zeige, zusammen; ihre Aktualitaet mag erstaunen:

a) Nach Thales herrscht dann Gerechtigkeit, wenn es „im Volke weder uebermaeßig Reiche gibt noch uebermaeßig Arme“, wenn also das Gleichheitsprinzip verwirklicht ist.

b) Bias antwortet: Gerechtigkeit ist dann gegeben, „wenn im Staate alle die Gesetze so fuerchten, wie man einen Tyrannen fuerchtet.“

c) Solon nennt als Pruefstein fuer Gerechtigkeit die Beobachtung, „wenn ein Verbrecher von allen, denen er *nicht* geschadet, ebenso angeklagt und verurteilt werde wie von einem, dem er etwas angetan habe.“

d) Cheilon sagt, der gerechte Staat sei „dann verwirklicht, wenn die Buerger am meisten auf die Gesetze hoerten und am wenigsten auf die Rhetoren.“

e) Pittakos meint, „wenn es in einer Polis nicht moeglich sei, daß die Schlechten herrschen, und gleichfalls nicht moeglich, daß die Guten nicht herrschen – dann sei Gerechtigkeit verwirklicht.“

Pieper meint, es handle sich bei den von ihm zusammengestellten Antworten mehr um Charakterisierungen aufgrund von Erfahrungen und weniger um abstrakte Gerechtigkeitsformeln. Diese lassen sich jedoch in allen Beispielen finden, so das uralte Prinzip „Jedem das Seine“ (suum cuique), der „Grundsatz der Vergeltung“ (Gut fuer Gut, Uebel fuer Uebel), das „Gleichheitsprinzip“ und die „Gleichheit vor dem Gesetz“, der auf Karl Marx und den Kommunismus zurueckfuehrbare Satz „Jeder nach seinen Faehigkeiten, jedem nach seinen Beduerfnissen“, die biblische „Goldene Regel“ oder Kants „Kategorischer Imperativ“ [5, S. 32 ff.].

Vieles von diesen Formeln muedete in das Bild eines beruehmten Dreiecks, man koennte es das „Dreieck der Gerechtigkeit“ nennen. Es geht zurueck auf Thomas von Aquin und die mittelalterliche Scholastik [11, S. 63 ff. und 9, S. 340 f.]. An der Basis dieses gesch-

² Man lese zu dieser Anmerkung einmal den bewegenden Dialog zwischen zwei Weißen und suedamerikanischen Ureinwohnern in Teil III der Romantrilogie „Amazonas“ von Alfred Doeblin [2, S. 165 ff.].

lossenen Dreiecks stehen die Einzelnen, die Glieder des Staates beziehungsweise der Gesellschaft. Sie tauschen Leistungen und Gegenleistungen miteinander aus. Daher wird hier von *Tauschgerechtigkeit* oder *ausgleichender Gerechtigkeit* (iustitia commutativa) gesprochen. An der Dreiecksspitze befindet sich in der Darstellung das Soziale Ganze oder die Gemeinschaft, eigentlich die „Obrigkeit“. Von oben herab („top down“) zeigt sie gegenüber den Individuen oder Gliedern des Sozialen Ganzen über die schraegen Seiten die zu- oder *austeilende Gerechtigkeit* (iustitia distributiva). Und von unten nach oben, ebenfalls entlang der schraegen Seiten, haben die Glieder der Gemeinschaft im Sinne des Gehorsams die Gesetze zu befolgen, die ihnen vorgegeben werden. Dies entspricht der dritten Grundform der Gerechtigkeit, der *legalen* oder *gesetzlichen Gerechtigkeit* (iustitia legalis).

Die Idee der Gerechtigkeit wird hier also nach verschiedenen Beziehungsformen aufgeteilt. Im gerechten Staat muessen die grundlegenden Strukturen geordnet sein, sich in „richtiger“ Ordnung befinden – und dies bezogen auf drei Grundverhaeltnisse:

- a) den Beziehungen der Einzelnen untereinander,
- b) den Beziehungen des Staates zu den Einzelnen und
- c) den Beziehungen des Einzelnen zum Staat.

Diesen drei Grundbeziehungen sind also die drei Grundformen der Gerechtigkeit zugeordnet. Nun kommt es selbstverstaendlich nicht zuerst auf die Theorie dieses Gedankengebaeudes an, sondern vor allem darauf, „daß Gerechtigkeit herrsche, indem sie verwirklicht wird – in ihrer dreifachen Gestalt“ [11, S. 69].

2. Erweiterung

Den Begriff „soziale Gerechtigkeit“ sucht man in diesem Modell vergeblich; es ist kein Platz für ihn vorhanden. Was aber kann „sozial gerecht“ ueberhaupt bedeuten? Unterscheidet sich „soziale Gerechtigkeit“ in bestimmten Merkmalen von den drei Grundarten „ausgleichende“, „austeilende“ und „gesetzliche“ Gerechtigkeit? Und: Laesst sich der Begriff „soziale Gerechtigkeit“ wissenschaftlich vertiefen? Oswald von Nell-Beuning, der Nestor der katholischen Soziallehre in Deutschland, unterscheidet ein vor-wissenschaftliches und streng wissenschaftliches Verstaendnis von „sozialer Gerechtigkeit“ [9, S. 339 ff.].

Das vorwissenschaftliche Verstaendnis begegnet uns haeufig als Kampfbegriff oder bei politischen Konflikten, dann wenn etwas als „sozial gerecht“ gefordert wird. Es begegnet uns auch, wenn es um Ziele, Zustaende oder Ordnungen in Gesellschaft, Politik und Wirtschaft geht oder auch in Verfassungen. (Wieder wird hier erstrangig Gerechtigkeit als Ordnungsprinzip des Staates beziehungsweise der Gesellschaft gesehen. Erst an zweiter Stelle beobachten wir „soziale Gerechtigkeit“ unter dem Aspekt des konkreten Verhaltens.

Fragen wir nach dem wissenschaftlichen Verstaendnis von „sozialer Gerechtigkeit“, ist zunaechst festzuhalten, dass mehreres darunter verstanden werden kann und verstanden wird. Bevor ich hierauf noch naeher zurueckkomme, soll kurz betont werden, dass „soziale Gerechtigkeit“ ein Begriff ist, der *neu* ist, neu nicht der Sache nach, aber dem Wort. In den deutschen Sprachgebrauch kam das Wort etwa um 1900 herum, moeglicherweise auch etwas frueher, naemlich in Folge der sogenannten „sozialen Frage“, die in Zusammenhang mit der industriellen Revolution entstand. Jedenfalls war am Ende des 19. Jahrhunderts „die soziale Frage im industriekapitalistischen West- und Mitteleuropa endgueltig nicht mehr, wie es der Sozialreformer Heinrich Herkner formulierte, „eine der verschiedenen Fragen unserer Zeit, sondern (...) das A und O von allen“ [3, S. 16 f.].

Gleichwohl gab es zunaechst Widerstaende, ja Streit um den Begriff „soziale Gerechtigkeit“. In den Kirchen, wohl aber auch im Staat, wurde der neue Begriff strikt abgelehnt.

Man glaubte, dahinter verstecke sich Gefaehrlich-Revolutionaeres. „Soziale Gerechtigkeit“ wurde zum Unbegriff erklart. Schließlich sei Gerechtigkeit doch hinreichend definiert über die drei Grundformen. Das durch ausgleichende, austeilende und gesetzliche Gerechtigkeit gebildete geschlossene Dreieck sei logisch unanfechtbar und als Einteilungsprinzip daher erschöpfend. Aus dem Dreieck eine Art vierseitiges Dreieck machen zu wollen, sei paradox und grober Unfug [9, S. 341]. Erst allmaehlich, unter dem zunehmenden Druck der gesellschaftlichen Verhaeltnisse, kam es zu Veraenderungen. Erwaeht seien die Bismarckschen Sozialgesetzgebungen in Deutschland, die Gruendung von Arbeitervereinen und -parteien sowie Gewerkschaften und als besonderer Meilenstein im (zunaechst katholisch-) christlichen Bereich die beruehmte Sozialenzyklika „Rerum novarum“ von Papst Leo XIII. Von Nell-Breuning erwaeht, „offizielles Heimatrecht in der katholischen Soziallehre“ aber habe „die soziale Gerechtigkeit erst durch Pius XI. erhalten; sie ist geradezu der rote Faden, der *Quadragesimo anno* durchzieht“, eine zweite große päpstliche Sozialenzyklika, 1931 veröffentlicht [9, S. 342]³.

3. Aktualität

Wie steht es heute um den Begriff „soziale Gerechtigkeit“? Bis in die taegliche Umgangssprache hat sich der Begriff laengst durchgesetzt. Im Internet finden sich bei Google unter dem Stichwort 247 000 Suchergebnisse, und Yahoo meldet sogar fast 6 Millionen Eintraege (Stand: 15.5.2010).

Dennoch gibt es auch in juengster Zeit bis in die Gegenwart immer wieder Kritik.

Seitens der Wirtschaftswissenschaften meint beispielsweise F. A. von Hayek, „soziale Gerechtigkeit“ sei eine Illusion, ja ein Atavismus. Für eine Gesellschaft freier Menschen mache das Wort überhaupt keinen Sinn [7, S. 173]. Und H. Bonus aeußert, das Streben nach gerechter Verteilung fuehre in eine Sackgasse und sei unvereinbar mit Produktivitaet [ebd.].

Der Berliner Philosoph und Medienwissenschaftler Norbert Bolz bezeichnet 2008 in einem Interview mit der Zeitschrift Focus provokant „soziale Gerechtigkeit“ als „Maske des Neids“, als Vokabel in der „Rhetorik des Gutmenschentums“ [1, 180 ff.].

Schließlich sei noch der Schriftsteller Martin Mosebach zitiert, der in der Wochenzeitschrift DIE ZEIT am 30.12.2009 schreibt: „In einem Staat nach den Prinzipien des Konfuzius oder des Platon, in dem ueber die Genauigkeit der Begriffe gewacht wird, muesste die ‚soziale Gerechtigkeit‘ geaechtet sein. (...) Politisch gebraucht, hat die Rede von der Gerechtigkeit beinahe immer demagogischen Charakter“ [8, S. 44].

Nach meiner Bewertung zeigen diese Beispiele insgesamt gesehen aber nur Einzelsimmen, stellen gleichsam Nachhutgefechte dar und muessen nicht allzu ernst genommen werden.

Abschließend soll mit Oswald von Nell-Breuning noch einmal auf die Differenz zwischen vorwissenschaftlichem und wissenschaftlichem Verstaendnis eingegangen werden. Wie oben schon erwähnt, kann nicht die Rede davon sein, dass „soziale Gerechtigkeit“ ein einheitlich gebrauchter, eindeutiger oder gar anerkannt operationalisierter Begriff ist. Auch in der wissenschaftlichen Literatur wird er mit durchaus verschiedenem Verstaendnis und unterschiedlicher Reichweite behandelt. Insofern kann man Mosebachs Kritik an der Begriffsungenauigkeit zustimmen. Das vorwissenschaftliche Verstaendnis allerdings, das ja nicht falsch ist, wird hiervon „zum Glueck“ gar nicht beruehrt [9, S. 340].

³ 1961 folgen „Mater et magistra“ von Johannes XXIII., 1967 „Populorum progressio“ von Paul VI. und 1981 „Laborem exercens“ von Johannes Paul II.

Fuer ein wissenschaftliches Verstaendnis von „sozialer Gerechtigkeit“ arbeitet von Nell-Breuning zwei Grundlinien heraus:

a) „Soziale Gerechtigkeit“ ist nicht mehr, alter Lehre und dem „Dreieck der Gerechtigkeit“ entsprechend; der Gehorsam der Untertanen gegenüber den Gesetzen. Anders als im Feudalismus verstehen wir uns nicht mehr als Unmuendige, sondern im Gegenteil als muendige Buerger. Wir sind der Staat! Insofern ist „soziale Gerechtigkeit“ nun „der Gehorsam, die Uebung der ‚gesetzlichen‘ Gerechtigkeit (iustitia legalis) gegenueber dem *ungeschriebenen Gesetz*“ [ebd., S. 343]. Im alten, liberalen Rechtsstaat galt: „Jedes privatnuetzliche Verhalten, das nicht eigens verboten ist, ist erlaubt“; im sozialen Rechtsstaat gilt *umgekehrt*: „Jedes sozialethisch unverzichtbare gemeinnuetzige Verhalten ist von *Rechts* wegen auch geboten“ [ebd.].

b) Die zweite wissenschaftliche Deutung bezieht sich darauf, dass die alte Dreiteilung von Gerechtigkeit statisch, unveränderlich verstanden wurde. Mit Gustav Gundlach muessen wir jedoch im Gegenteil – so von Nell-Breuning – von einer Dynamik ausgehen. Was (sozial) gerecht oder ungerecht ist, steht nicht fuer alle Zeiten fest, sondern wandelt sich mit der Zeit. Daher gilt: „Ich muß mich jederzeit vergewissern, was *hier und jetzt* gerecht ist, und muß bereit sein, mein Verstaendnis dessen, was mir an Rechten zusteht und an Rechtspflichten obliegt, immer wieder nach dem Stand der Dinge zu berichtigen und mich dementsprechend zu verhalten“ [ebd.].

Durch dieses revidierte Verstaendnis ist das alte, klassische „Dreieck der Gerechtigkeit“ nun doch gewissermaßen zu einem „vierseitigen Dreieck“ geworden. Die drei Grundformen der Gerechtigkeit mussten ergaenzt werden durch eine vierte Kategorie, die „*Gemeinwohl-gerechtigkeit*“, wie von Nell-Breuning die „soziale Gerechtigkeit“ auch nennt.

LITERATURA

1. Bolz N. „Geistiger Selbstmord“. Interview in: Focus, Nr 17/2008.
2. Doebelin, A. Amazonas. Romantrilogie, Deutscher Taschenbuchverlag, Muenchen 1988.
3. Gottwald, H. Rerum novarum. Das soziale Gewissen des Heiligen Stuhls, Brandenburgisches Verlagshaus, Berlin 1994.
4. Johannes XXIII. Mater et Magistra. Ueber die juengsten Entwicklungen des gesellschaftlichen Lebens und seine Gestaltung im Licht der christlichen Lehre, Herder Verlag, Freiburg im Breisgau, 3. Aufl. 1962.
5. Kelsen, H. Was ist Gerechtigkeit?, Philipp Reclam jun., Stuttgart 2003.
6. Kirchenamt der Evangelischen Kirche in Deutschland (Hrsg.) Fuer eine Zukunft in Solidaritaet und Gerechtigkeit. Wort des Rates der Evangelischen Kirche in Deutschland und der Deutschen Bischofskonferenz zur wirtschaftlichen und sozialen Lage in Deutschland, Hannover und Bonn 1997.
7. Kirchgassner, G. Soziale Gerechtigkeit: Produktivkraft, Illusion oder regulative Idee? Einige Anmerkungen. In: Brandenburg, A. (Hrsg.); Standpunkte zwischen Theorie und Praxis. Handlungsorientierte Problemlösungen in Wirtschaft und Gesellschaft. Festschrift fuer Hans Schmid, Verlag Paul Haupt, Bern, Stuttgart und Wien 1995.
8. Mosebach, M. Anarchismus der Barmherzigkeit. „Verprassen soll nicht der faule Bauch, was fleißige Haende erworben“ – warum der Sozialstaat nicht gerecht sein kann, in: DIE ZEIT Nr. 1/2010 vom 30.12.2009.
9. von Nell-Breuning, O. Gerechtigkeit und Frieden. Grundzuege katholischer Soziallehre, Europaverlag, Wien, Muenchen und Zuerich 1980.
10. Pieper, J. Thesen zur sozialen Politik: Die Grundgedanken des Rundschreibens Quadragesimo anno, Herder Verlag, Freiburg im Breisgau, 3. Aufl. 1946.
11. Pieper, J. Ueber die Gerechtigkeit, Koesel Verlag, Muenchen, 3. durchges. Aufl. 1960.

ПОЛЕССКИЕ ОБРЯДЫ КАК ЭЛЕМЕНТ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА

Т.И. Предко

Брестский государственный университет им. А.С.Пушкина, г. Брест, Беларусь

Обряды сопутствуют человеку на всем его жизненном пути. Они являются неотъемлемой составной частью духовной культуры народа, ибо выражают его душу, украшают его жизнь, наполняют ее особой торжественностью и смыслом. И в радости, и в печали они с нами, без них не обходится ни одно сколько-нибудь значимое событие.

Важнейшим элементом обряда является фольклор, в который входят произведения, разные по времени и жанру, начиная от простейших языковых формул и даже отдельных слов и поднимаясь до сложных поэтических форм. Однако все эти произведения органически связаны с магическими действиями, составляя единый ритуальный комплекс и выполняя единую функцию. Именно неразрывная связь в обряде слова и действия, а также их функциональная направленность определяют не только содержание словесных текстов, но и их поэтические особенности.

Многие виды обрядового фольклора генетически восходят к древнейшим формам словесного творчества. Их появление обусловлено практическими потребностями. Возникнув на заре истории, обрядовый фольклор в дальнейшем оказался непосредственно связанным с хозяйственной деятельностью человека, с бытом и общественной жизнью, выражая отношение людей к окружающей их действительности. Естественно, с течением времени обряды изменялись и даже переосмысливались, и, соответственно, варьировалось их словесное оформление, но до наших дней в большинстве из них сохранилась мировоззренческая направленность. Поэтому обрядовый фольклор является особенно ценным, нередко чуть ли не единственным источником для изучения народного мировоззрения.

В течение довольно продолжительного времени в религиозном сознании полешуков произошла синкретизация языческих верований и христианства. В результате такой синкретизации появились обряды и обрядовый фольклор, выразивший специфику народного миропонимания жителей данного региона. Согласно историческим источникам, у полешуков после их крещения язычество еще долгое время занимало более прочные позиции по сравнению с христианством, ибо языческие верования коренились в основах народной жизни, а христианство прививалось извне и в значительной степени насильственным путем. В этом противостоянии обряды и обрядовый фольклор того времени приобрели здесь силу прочной традиции. Затем по мере социального и культурного прогресса все больше и больше укреплялось христианство. Но оно впитывало в себя элементы самобытных народных воззрений и культов, более всего ему созвучных. Например, святой Власий слился с богом Велесом и стал покровителем животных. Георгий Победоносец в качестве Юрия слился с Ярилой и приобрел статус покровителя плодородия. Иоанн Креститель совпал с Купалой, поскольку он также был «купальщиком».

Процесс синкретизации, протекавший в форме «присвоения» христианской церковью языческих традиций, охватывал главным образом календарные праздники и обряды. Разумеется, этот процесс был длительным и противоречивым, поэтому многие произведения и целые жанры обрядового фольклора утрачивали свое значение. Некоторые из них в условиях системной трансформации белорусского общества стали

восприниматься как шутки, детские потешки. Ныне переход обряда в игру, а обрядовой поэзии в художественную прослеживается как на отдельных произведениях, так и на обрядовых комплексах. Причем этот переход имеет одну общую закономерность. В таких случаях наблюдается почти полное забвение магического смысла обрядов и усиление его эстетической функции. Все действие воспринимается уже как увеселение, веселое праздничное гуляние.

Но многие языческие праздники и обряды, вызванные к жизни потребностями хозяйственной деятельности полешуков, и в наши дни не утратили своего первоначального магического смысла. В свое время полешуки не могли правильно объяснить неурожаи, пожары и другие стихийные бедствия. Поэтому они приписали магическую силу солнцу, грому, дождю, рекам, начали верить в добрых и злых духов, почитать их с целью «привлечения» на свою сторону, даже приносить им жертвы. Вместе с тем реальное представление о производственном процессе оставалось у них определяющим. На основе конкретных наблюдений над процессами умирания и оживления природы, длительного трудового опыта у полешуков сложилось два цикла обрядовых праздников, связанных с периодами сельскохозяйственных работ: подготовка урожая (зимний и весенне-летний период) и получение урожая. Придерживаясь этого земледельческого календаря, полешуки до настоящего времени празднуют его «красные даты».

Когда дни становятся длиннее, согласно воззрениям полешуков, рождается бог солнца. «Солнце поворачивает на лето», - говорят они. Полешуки верят, что вместе с зимними заботами уходит и вся скверна, нечистая сила. Но всё темное само не уходит. Нечистую силу они отгоняют огнем и дымом, называя данный ритуал сжиганием «Коледы». Затем участники ритуала идут в тот или иной дом, сыпят на пол зерно, как символ будущего хорошего урожая, и прославляют домочадцев. Хозяину дома они предрекают невиданный приплод скота, небывалый урожай, богатство в доме. Хозяйке дома они сулят успешное ведение домашнего хозяйства, богатство, получение хороших подарков и т.д. В песнях, обращенных к дочери хозяев, они предрекают удачное замужество, богатство в будущем доме, получение украшений. Основная функция этих прославлений остается магической. В них говорится о человеке, достигшем счастья и богатства, которые не должны обойти стороной этот дом.

В это время полешуки устраивают различные гадания, при помощи которых пытаются узнать свое будущее и магическим способом повлиять на него, а также повлиять на судьбу урожая, приплод скота, сбор овощей и фруктов. При этом употребляют преимущественно просительные формулы-заклинания. Как правило, они обращены не непосредственно к объекту воздействия, а к посреднику – сверхъестественному существу, от которого ждут помощи. Несомненно, на такую переориентацию заклинанний-просьб оказало существенное влияние христианское мировоззрение. Полешуки обращаются ныне к Богу, Богоматери, святым. Более того, само обращение звучит как молитва: «Дай, Божэ, шоб жыто было гожэ», «Святы Юрэі, заступись, от мого стада не отступись». Широко распространено следующее словесное сопровождение ритуала: «А ў Бога, Бога волы рогаты пошлі ораці на бораніну, на доуганіну. Маці Прэчыста обед носіла, Бога просіла: зародзі Божэ жыто, пшэніцу, усяку ярыцу...»

Другой по времени «красной датой» является древний народный праздник масленица. По срокам празднования христианская церковь связала ее с великим постом и пасхой, сделав языческий праздник проводов зимы и встречи весны «скользящим». Церковь не смогла преодолеть народную традицию, запретить гулянья и пиршества и объявила масленичную неделю «сыропустной». В связи с этим в народном сознании с давних времен сохранились присказки, символизирующие веселую жизнь: «Не житье, а масленица», «Не все коту масленица» и т. д.

Особую роль в праздновании масленицы у полешуков играют блины. Они – самое лакомое и ценное угощение. Хозяйка дома, приготавливая блины, обязательно приговаривает: «Месячыку, ты, месяц, золоты твое рожкі. Зазерні ў акэнцэ, поможы блінцам пьдойці». На Полесье до сих пор существует поверье, что благодаря такому обращению к месяцу блины будут белыми и рыхлыми. В последний день масленицы жгут костры, уничтожают антропоморфное изображение смерти-зимы. Приговоры и прибаутки, сопровождающие этот ритуал, свидетельствуют о том, что масленица у полешуков стала олицетворением одного из самых веселых праздников. Они только высказывают в этот день сожаление, что праздник заканчивается: «Мы хотели праздновать масленицу семь недель, а она только семь денечков». Провожая масленицу, полешуки поют: «Прощай, Маслёна, прощай красна! Ідзе взлікі пост, дадуць нам рэздыкі хвост. Пасадзят нас на нікчымы квас, на посну кашу, да і ўсе харчэ нашы».

Наступление весны отмечается на Белорусском Полесье не менее радостно, чем проводы зимы. Этот праздник, как правило, отмечается на лоне природы – на берегу реки, у озера, на лесной поляне и т.д. Кроме веселья, «гуканне» весны преследует весьма практические цели. Жители данного региона стремятся умилишить духов растительности, от которых, по их мнению, зависит плодородие земли и урожай. Поэтому празднество сопровождается различными обрядовыми действиями, насыщенными обрядовым фольклором. Причем здесь наиболее широко распространена следующая форма: «Вясна-красна, загляні ў ваконца. Дам табе мёду поўную калоду...» Встречается и такая форма: «Дапамажы, Божа, вясну заклікаці, вясну заклікаці на красную пару, на красную пару – на ціхае лета...» Нередко можно встретить различные варианты песни «Вясна, вясна, што нам прынясла».

В летнюю пору на Полесье устраиваются купальские игрища, приуроченные ко дню летнего солнцеворота. История этого календарного праздника уходит в глубь веков. Еще в языческие времена у жителей данного региона с наступлением лета было связано немало дел, приносящих радость. Домашний скот они выгоняли на обильные луга, смотрели, как созревают хлеба. Однако зачастую засухи и ливни наносили ущерб хозяйству. В связи с этим полешуки стремились магическими очистительными обрядами отогнать злую силу и обеспечить себе успех. Важнейшим очистительным средством считался огонь. Разведя на берегу реки или в лесу костер, они водили вокруг него хоровод; плясали и прыгали через огонь. Зажигание купальских костров, по нашему мнению, указывает на их поклонение солнцу, сохраненное до наших дней. Полешуки убеждены в том, что на Ивана Купалу солнце «играет», «умывается», «купается в облаках». В Ивановском районе, где наиболее сохранились многие древние обряды, связанные с днем Ивана Купалы, участники игрищ обязательно ожидают восхода солнца и во время его появления поют: «Сонцэ, вздерцэ, выгляні ў акенцэ! Сонейко, покажысь, краснэе нарадзісь!»

Завершают календарный земледельческий цикл обряды, знаменующие уборку урожая от начала жатвы (зажинки) до ее окончания (дожинки). Ныне эти обряды утратили свой магический смысл. Они воспринимаются уже главным образом как неотъемлемый составной элемент веселого праздничного гулянья. Словесное сопровождение ритуальных действий выполняет в основном эстетическую функцию, обрядовая поэзия трансформируется в художественную. Такое положение дел, естественно, не означает, что весь старый фольклор исчез. Напротив, произведения нынешнего обрядового фольклора органически включают в себя старые и новые элементы, но старые элементы несут иную смысловую нагрузку. В качестве примера может слу-

жить обрядовая песня во время зажинок «Ці я ў полі не жнеечка, ці за мною не жмеечка? Ой, дайце ж мне павязного – не старога, не малаго, а добрага, маладога. Ён за мною снапы вяжа. Ён жа мне ўсю праўду скажа...»

Сейчас не только на колхозных полях, но и на личных приусадебных участках снопов не вяжут. Созревшие хлеба убирают комбайнами. Вместе с тем ежегодно обряд зажинок на Белорусском Полесье сопровождается вышеприведенной песней.

В суверенной Беларуси более широкое распространение получил праздник дожинки. Он предназначен прежде всего для прославления героев жатвы, возвеличения сельскохозяйственного труда. Этот праздник отмечается не только в колхозах, но и в районных и областных центрах, и завершается большим массовым торжеством на республиканском уровне с непременным участием в нем главы государства. В день праздника сплетаются красивые венки для чествуемых передовиков и участников театрализованного шествия. «Дожиночный» сноп опоясывается расшитым полотенцем. Из наиболее ярких и крупных фруктов и овощей приготавливается «ваза изобилия». Украшают также комбайны и автомашины, на которых больше всего убрали хлебов и доставили зерна на заготовительные пункты. Праздник, обряды сопровождаются произведениями фольклора. Большинство из них создано народным творчеством в наши дни, но исполняются также произведения прежних времен. Например, на Полесье нередко можно услышать в этот день следующую песню: «У нас сёння дажон, дажон. Вып юць бабкі ражон, ражон, маладзічкі – каланічкі, а дзевачкі – гарэлачкі...».

Если синкретизированные праздники и обряды в трансформирующемся обществе утрачивают первоначальный магический смысл, а обрядовая поэзия превращается в художественную, то обрядовые действия, связанные с восприятием отдельных природных явлений, по-прежнему обусловлены мифологическими представлениями жителей данного региона. Например, первый весенний гром на Полесье считается событием значительным и сопровождается разнообразными ритуалами, которые, по мнению полешуков, должны обеспечить благоприятную погоду в течение хозяйственного года и здоровье людей. Так, наиболее распространен обычай, услышав первый гром, тереться спиной о дуб или же дубовый столб. «Трэба дубовэ шыло подперці, каб спіна не болела». В качестве защитительных средств от града служит ритуал выноса во двор хлебной лопаты. «Як град, то выкідаюць лопату, шо хліб сажэты, шоb ны йшла вылыка туча, град шоb ны йшоу». В таких случаях магические обряды, как правило, совершаются молча. И это вполне объяснимо. Когда бушует стихия, человек должен быть сдержан и сосредоточен.

ПРОБЛЕМИ ПРЕДСТАВНИЦТВА РЕГІОНАЛЬНИХ ІНТЕРЕСІВ В УКРАЇНІ

Н.Ю. Ротар

Черновицкий национальный университет им. Юрия Федьковича, г. Черновцы, Украина

Актуальність проблеми представництва регіональних інтересів для політичної науки визначається насамперед, ситуативним характером пріоритетів регіонального розвитку, що спричиняє недосконалість державних програм у цій сфері та формування небезпечних тенденцій до політичної регіоналізації України. Проблема представництва регіональних інтересів в умовах політичних трансформаційних процесів є недостатньо дослідженою як на теоретико-методологічному, так і емпіричному рівнях. Відсутність

точних даних про співвідношення регіональних та національних державних інтересів в Україні спонукає деяких дослідників до спроб гіперболізації, применшення чи навпаки, заперечення існування самого явища *регіональний інтерес*.

В українській політичній науці аналізу процесів в регіонального розвитку присвячені численні наукові дослідження О.Майбороди, М.Михальченка, В.Котигоренка, Л.Нагорної, В.Базіва, О.Гараня, О.Рафальського, З.Варналія. Дане дослідження не претендує на розкриття всієї складності взаємозв'язку між особливостями регіонального розвитку України та представництвом регіональних інтересів в умовах трансформаційних політичних процесів. Її мета полягає у тому, щоб з одного боку визначити специфіку проблеми представництва регіональних інтересів в Україні, з іншого, виявити та охарактеризувати перспективи формування ефективного механізму представництва регіональних інтересів в унітарній державі.

У своєму дослідженні ми виходимо з того, що регіональні інтереси, які за своєю природою можуть бути ідеальними чи матеріальними, в умовах незавершеності політичних трансформацій змістовно наповнюються боротьбою за політичний статус територій, що позиціонується як базова умова духовного та матеріального розвитку регіону. Адже, регіональні інтереси формуються та існують у всіх державах, проте їх актуалізація регіональною елітою інтенсифікується під час модернізаційних та трансформаційних процесів. Р.Туровський підкреслює, що регіональний політичний інтерес є синтезом різнопланових інтересів місцевого співтовариства, який виникає під впливом суто місцевих, унікальних умов та «ґрунтується на розвитку регіональної ідентичності, яка не має етнічного і навіть субетнічного характеру, пов'язаної виключно з почуттям місця, яке, на погляд членів співтовариства, потребує підтримки, захисту» [1, с. 18]. Фактично завжди основою для виникнення та зміцнення регіональної політичної ідентичності є артикульовані місцевою елітою переконання в тому, що регіон втрачає (політично, економічно, культурно) внаслідок дискримінаційної політики політичного центру.

Поява регіональних політичних інтересів пов'язана з формуванням регіонального політичного простору мобілізаційного типу, основою якого є прагнення модернізувати відносини в системах *центр – регіон* та *регіон – регіон*, та потребую представництва економічних, соціальних, культурних інтересів регіону в політичному центрі. В ситуації, коли центр здійснює ефективну регіональну політику, забезпечує інтеграцію регіональних інтересів у загальнонаціональний контекст, використовує адекватні механізми представництва інтересів регіонів, відбувається їх деполітизація. Натомість в Україні – надцентралізованій державі, регіони «позбавлені можливості приймати самостійні рішення, не мають достатніх ресурсів не лише для інвестування розвитку, але й для вирішення поточних місцевих проблем і забезпечення соціальних стандартів» [2, с. 50]. В сукупності, це дозволяє регіональній еліті загострювати увагу населення регіону навколо причин неможливості забезпечення реалізації соціально-економічних і культурних інтересів й створює передумови для переведення їх у площину політичного протистояння між центром та регіоном. Водночас, існує думка, що зміст регіонального інтересу утворює перш за все ставлення регіону до політичної автономії: «Відповідно до рівня розвитку власних інтересів (...) регіон прагне до засвоєння певної компетенції (повноважень), вимагає певну кількість «ступенів свободи». При чому мова, зазвичай йде не про абстрактну вимогу більшої автономії, а про конкретні повноваження у сфері економіки, культури та інші, які, на думку регіонального співтовариства, дозволяють реалізувати його унікальність та значимість» [1, с. 90].

Механізми артикуляції регіональних інтересів формуються залежно від сформованих структур діяльності регіональної еліти. По-перше, це структури, які використовуються елітою у взаємодії з населенням регіону та залежать від специфіки ресурсів, якими розпоряджаються еліти (наприклад, починаючи з 2000-х рр. відбувається неухильне зростання активності еліти східних регіонів України, забезпеченої економічними ресурсами). По-друге, це структури, які використовуються у взаємодії з політичним центром. Наявність внутрішніх ресурсів ще не означає, що регіональні еліти вільні у виборі своєї політичної діяльності. Вони вбудовані в політичну систему суспільства, політичний простір, де їхні дії обмежуються об'єктивними стосовно регіону обставинами. Центр не тільки вибудовує відносини з регіонами, він визначає основи внутрішньої структури політичних відносин у регіонах, включаючи й відносини з населенням. По-третє, це структури внутрішньоелітних взаємодій, які залежать від структури владних груп у регіоні, характеру їх організації та ресурсної бази. По-четверте, це способи взаємодії мас зі світом політичного, які є «традиційними для даного регіону і визначаються релігійними, етнічними, історичними обставинами» [3], тому формують базову модель ставлення населення до влади, політичного центру, місцевої влади, моделей участі в політиці.

Використовуючи типологію моделей активізації регіонів, можна стверджувати, що в Україні у міжвиборчий період використовується елітарна модель, коли основним суб'єктом регіональної діяльності та представництва регіональних інтересів в центрі є місцева еліта, яка в разі потреби здатна здійснити мобілізацію населення регіону, використовуючи при цьому не систему логічних аргументів, а власний вплив та авторитет. У період виборів в Україні використовується реактивна модель представництва регіональних інтересів, тобто артикуляція та агрегація інтересів регіонів є скоріше реакцією на виклики політичного центру, які завдяки дискурсу регіональної еліти змістовно насичуються елементами загрози, що стимулює політичну активність населення регіону.

Специфіка ролі регіональних еліт у процесах представництва інтересів територій в Україні підсилюється й тим, що з середини 1990-х р. в Україні відбувається формування потужних фінансово-промислових груп, які міцно пов'язані з регіональною елітою та інтенсивно шукають ефективні для себе форми представництва власних інтересів у центрі. Обираючи серед сукупності стратегій реалізації корпоративних інтересів в системі владно-управлінських відносин, фінансово-промислові групи використали найбільш вигідну для себе та неефективну для регіонів стратегію анонімної інкорпорації в політичні структури центру. Таким чином, було покладено початок становленню системи представництва регіональних інтересів, яка змістовно відповідає *жорсткій моделі корпоративізму* [4, р. 93–94] та є латентним джерелом політичних конфліктів. Жорстка модель корпоративізму орієнтує еліти не стільки на узгодження інтересів, скільки на суперництво та протиставлення регіональних інтересів як між собою, та і в системі *центр – регіон*.

Визначаючи сукупність проблем, що ускладнюють процеси артикуляції, агрегації та представництва регіональних інтересів в Україні, підтримуємо й позицію З.Варналія, який вказує на шість викликів регіональному розвитку України, зокрема це небезпека загострення міжрегіонального відчуження внаслідок політичної регіоналізації та відмінностей геополітичної орієнтації населення; порушення взаємодії за напрямками *центр – регіон* та *регіон – регіон*; намагання штучної економічної та політичної автономізації окремих регіонів; суттєва диференціація регіонів за рівнем економічного

розвитку та якістю життя людей; регіональна асиметрія у системі між бюджетних відносин; недосконалість менеджменту на регіональному та місцевому рівнях [5, с. 144]. Зауважимо, що на перешкоді посиленню цих тенденцій, може стати ініційована центром стратегія формування образу регіону як сильної територіальної одиниці, між якою і центром формуються відносини субординації, де центральна влада виконує регулюючу роль у відносинах між різними інтересами, сприяючи реалізації одних інтересів та блокуючи інші.

Одним з варіантів забезпечення балансу відносин між центром і регіонами є можливість співучасті регіонів в державному управлінні, який реалізується переважно за допомогою механізму бікамералізму. Не вважаючи, що бікамералізм є найбільш ефективним та єдиним варіантом забезпечення представництва регіональних інтересів для України, зауважимо, що з кожними наступними парламентськими виборами, кількість представників регіонів у вищому законодавчому органі країни зменшувалася, що актуалізувало проблему представництва регіональних інтересів у політичному центрі країни. За результатами виборів 1994 р. до українського парламенту було обрано 258 (76 %) народних депутатів з регіонів України, 1998 р. – 207 (50, 1 %), 2002 р. – 180 (40,1 %), 2006 р. – 234 (52 %), 2007 р. – 179 (39,8 %) [6–11]. Наведені дані засвідчують, що виключенням в окресленій тенденції є результати парламентських виборів 2006 р., яке слід розуміти як наслідок президентської виборчої кампанії 2004 р., коли регіональні лідери та активісти отримали «бонус» – внесення до партійних списків кандидатів в народні депутати України. Окреслена ситуація спонукає проаналізувати імовірні переваги бікамералізму для України та імовірність впровадження цієї ідеї в політичну практику.

За останню третину XX ст. кількість двопалатних парламентів у світі зросла з 45 до 67, при чому 24 з них діють у федераціях, 23 – в унітарних державах [12, с. 64–65]. Бікамералізм є неодмінним атрибутом не тільки федеративних, але й фрагментарних суспільств, у яких історично сформовані та функціонують політичні субкультури, утворені на релігійному, мовному, регіональному, ідеологічному чи расовому ґрунті. Для таких суспільств важливим є баланс між кількістю та якістю представництва інтересів у вищому законодавчому органі країни.

В Україні здійснювалися неодноразові спроби впровадження в політичну практику бікамералізму. Останньою у цьому шереху є Проект Конституції, внесений Президентом України В.Ющенком на розгляд Верховної Ради України 31 березня 2009 р., яким черговий раз ініціюється запровадження двопалатного Парламенту та оновлення структури системи виконавчої влади і місцевого самоврядування. Пропонується, що замість місцевих адміністрацій, владу в регіонах здійснюватимуть виконкоми відповідних рад. В.Ющенко наголошує, що більшість країн європейського континенту, які є унітарними, мають двопалатні парламенти, отже й Україні потрібен Парламент європейського зразка – Національні збори України, що будуть поєднувати в собі політичне і територіальне представництво. За проектом Президента, нижня палата Парламенту – Палата депутатів обиратиметься шляхом прямих виборів за пропорційною системою. Крім законодавчої функції, на нижню палату Парламенту покладається відповідальність за формування уряду та контроль за його діяльністю. Верхня палата Парламенту, натомість, має обиратися прямими виборами за мажоритарною системою та представляти громаду і регіони: «вона повинна взяти на себе повноваження кадрових призначень, які не є урядовими, а також схвалення всіх рішень Президента у сфері оборони і безпеки. Рівне представництво у Сенаті всіх регіонів – по 3 сенатора від кожної

області – буде слугувати об'єднувачим чинником», – вважає Президент [13]. Отже, згідно Ст. 86 Проекту Конституції, до загального складу Сенату входитимуть по три сенатори, яких обиратимуть строком на шість років в Автономній Республіці Крим, кожній області, м. Києві, в містах, що за статусом прирівняні до області. Кожні два роки відбуватиметься оновлення третини складу обраних сенаторів – обиратимуть по одному сенатору, обраному в АР Крим, кожній області, м. Києві, у містах, прирівняних за статусом до області. До загального складу Сенату входитимуть також сенатори, якими довічно стають після закінчення повноважень Президенти України за їх згодою, крім тих, яких було усунуто з поста в порядку імпічменту [14]. У такий спосіб, підкреслив В.Ющенко, він прагне збалансувати і стабілізувати владу, посилити процеси децентралізації та покращити якість законотворчого процесу, тому пріоритетом пропонованих змін є децентралізація владних повноважень, починаючи із Президента, яка здійснюється з метою створення стабільної системи роботи державної влади, яка повинна вивести країну з перманентної політичної кризи, що триває багато років через надмірну концентрацію й дублювання владних повноважень.

Ідея формування двопалатного парламенту як механізму забезпечення представництва регіональних інтересів не була сприйнята однозначно. Зокрема, Ю.Тимошенко зауважила, що двопалатний парламент не відповідає принципам унітарного устрою України; на думку В.Литвина ідея двопалатного парламенту фактично прикривається потребою представництва регіональних інтересів у політичному центрі; А.Яценюк вважає, що двопалатний парламент призведе тільки до ускладнення процесу законотворчості в Україні [15 с. 7–9]. Натомість, Партія регіонів оцінила пропозиції Президента, хоча й стримано, проте не вороже – Б.Колесников заявив, що партія розглядатиме пропозиції президента стосовно запровадження двопалатного парламенту тільки в тому випадку, якщо запропонована модель призведе до посилення ролі регіонів [15, с. 9].

За експертними оцінками двопалатність Парламенту є лише відволікаючим моментом у конституційній пропозиції Президента, оскільки «навіть у його зверненні говориться далеко не все про запропоновані зміни в Основному законі. Наприклад, у першій частині проєкту йдеться про позиціонування української нації як частини європейської спільноти. Таким чином, вважаю, політикам кинута кістка про двопалатність лише задля протягування чогось більш суттєвого» (А.Срмолаєв). М.Погребинський вказує, що свого часу схожу пропозицію про двопалатний Парламент висував Президент Л. Кучма, який з відомих причин хотів мати «буферну» частину Парламенту, з якою можна буде домовлятися [16].

Отже, доречність запровадження в Україні бікамералізму з метою підвищення ефективності представництва регіональних інтересів є на сьогодні одним з найбільш дискусійних питань політичного розвитку країни. Проте, представництво регіональних інтересів у двопалатному парламенті президентського варіанту конституційної реформи має як свої переваги, так і проблемні моменти. Зокрема, В.Ющенко обрав жорстко конгруентну модель бікамералізму, яка ґрунтується на збалансованому представництві всіх регіонів та не передбачає нейтралізації асиметричності представництва регіонів з різною кількістю населення. На нашу думку, звернення до системи м'якого асиметричного бікамералізму (по одному додатковому місцю у верхній палаті отримують суб'єкти з населенням понад 2 мільйони, плюс на кожен додатковий мільйон ще по одному представнику [17, с. 130]), більше б відповідало європейській практиці представництва регіональних інтересів та стримувало більшість ризиків, пов'язаних із політичним регіоналізмом.

Здійснений аналіз проблеми представництва регіональних інтересів дозволяє стверджувати, по-перше, що в Україні залишається не розв'язаною проблема співвідношення між національною та регіональною конвергенцією. По-друге, політична реформа, яка розбалансувала повноваження інститутів влади та відірвала уряд, як головну виконавчу гілку влади, від регіонів, загострила кризу недопредставництва регіональних інтересів на центральному рівні та спонукає шукати механізми збільшення регіональної присутності у Верховній Раді України. Збільшення шансів на представництво регіональних інтересів у законодавчому процесі можна забезпечити шляхом запровадження системи відкритих виборчих списків та використання потужного потенціалу, зосередженого в процесах децентралізації влади та передачі регіонам більших за обсягом і значенням повноважень. По-третє, перспективи ефективного представництва регіональних інтересів в Україні та забезпечення неможливості їх політизації визначаються імовірністю досягнення політико-правового компромісу між усіма сегментами політичної еліти України, який повинен проявитися на конституційному та базисному рівнях. Основою першого рівня є визнання усіма політичними партіями формальних цінностей та правил, декларованих конституцією, та держави як верховної інстанції. Конституційний консенсус обмежується переліком демократичних правил політичної гри і не претендує на узгодженість з приводу основних економічних та політичних питань. Конституційний консенсус можна визначити як основу для ухвали певних рішень щодо шляхів подальшого розвитку України, за умови забезпечення збереження можливості широкої варіативності політичних рішень. Тільки після констатації конституційного консенсусу можна говорити про зниження впливу факторів, які призводять до регіональної фрагментації суспільства та про необхідність зосередження зусиль основних політичних сил на досягненні базисного консенсусу, основою якого може стати некорпоративна модель узгодження політичних інтересів.

ЛИТЕРАТУРА

1. Туровский Р.Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений: Монография. – М.: ГУВШЭ, 2007. – 399 с.
2. Федюк В., Биченко А. Регіональний розвиток у Швеції та Україні // Національна безпека і оборона. – 2009. – № 1. – С. 48 – 50.
3. Каганский В. Регионализм, регионализация, пострегионализация. – Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/text/493.htm>
4. Schmitter P. Still the century of corporatism? // The review of politics. – 1974. – № 1. – P. 93–94.
5. Варналій З.С. Регіональна політика України: нові умови, нові вимоги // Стратегічні пріоритети. – 2007. – № 1. – С. 144.
6. Верховна Рада України; Інформаційний довідник. – Вип. 2. – К.: Парл. вид-во, 2002. – С. 22.
7. Офіційні результати виборів до Верховної Ради України // Урядовий кур'єр. – 1994. – 21 квітня.
8. Офіційні результати виборів до Верховної Ради України // Голос України. – 1998. – 18 квітня.
9. Офіційні результати виборів до Верховної Ради України // Голос України. – 2002. – 16 квітня.
10. Офіційні результати виборів до Верховної Ради України // Голос України. – 2006. – 27 квітня.

11. Офіційні результати виборів до Верховної Ради України // Голос України. – 2007. – 27 жовтня.
12. Спектор Ю. Байдужість // Народний депутат. – 2009. – № 52. – С. 64–65.
13. Щорічне послання Президента України Віктора Ющенка про внутрішнє і зовнішнє становище України. 31 березня 2009 р. – Режим доступу: <http://www.president.gov.ua/news/13362.html>
14. Проект Закону України «Про внесення змін до Конституції України». – Режим доступу: http://www.president.gov.ua/content/const_projekt.html
15. Ворошилов О. Конституционный процесс в Украине на современном этапе // Україна: Факти. Події. Коментарі. – 2009. – № 8. – С. 5–19.
16. Пристрасті навколо двох палат // Вечірній Київ. – 2009. – 1 квітня. – № 41. – С. 2.
17. Двопалатний парламент: світовий досвід та українські реалії: Монографія / За ред. О.Фісуна. – Х.: Золоті сторінки, 2008. – 200 с.

ŻYCIE POLITYCZNE MNIEJSZOŚCI ROSYJSKIEJ W WOJEWÓDZTWIE POLESKIM W DWUDZIESTOLECIU MIĘDZYWOJENNYM

Andrzej Smolarczyk

Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

Mniejszość rosyjska zamieszkująca województwo poleskie nie posiadała do 1926 r. jednolitej organizacji politycznej o wyraźnym programie, która reprezentowałaby legalnie środowisko rosyjskie. W pierwszych latach istnienia II Rzeczypospolitej Rosjanie na ogół nie uczestniczyli w życiu politycznym. W większych ośrodkach najpopularniejszą formą aktywności politycznej było uczestnictwo w konspiracyjnych grupach monarchistycznych. Głównym celem istnienia nielegalnych kół monarchistycznych było utrzymywanie członków w gotowości bojowej na wypadek wybuchu powstania antybolszewickiego w Związku Radzieckim, utrzymywanie stałych kontaktów z emigracją rosyjską we Francji i na Bałkanach oraz podtrzymywanie nacjonalizmu rosyjskiego wśród ludności rosyjskiej. Członkowie rekrutowali się głównie z byłych wojskowych armii carskiej [3, k. 207]. W pierwszych latach po zakończeniu wojny polsko – bolszewickiej aktywność mniejszości rosyjskiej koncentrowała się na organizacji pomocy materialnej dla emigrantów. Uchwalono wtedy dobrowolny podatek na ten cel, a zebrane środki finansowe wysyłano do Rosyjskiego Komitetu Opiekuńczego w Warszawie za pośrednictwem przedstawicieli tego Komitetu w Bielsku Podlaskim lub w Białymstoku. Przedsięwzięcie trwało do 1926 roku, gdy zostało wykryte przez władze bezpieczeństwa. Zakonspirowana działalność kół monarchistycznych w zachodnich powiatach województwa poleskiego zanikała i przenosiła się do legalnych organizacji: Rosyjskiego Zjednoczenia Narodowego i Rosyjskiego Towarzystwa Dobroczynności [3, k. 208].

Pierwszą legalną organizacją polityczną mniejszości rosyjskiej było powstałe 24 marca 1926 r. Rosyjskie Zjednoczenie Narodowe w Polsce (Russkoje Narodnoje Obiedinenije) [1, s. 222]. Wkrótce po legalizacji przez Ministerstwo Spraw Wewnętrznych partia rozpoczęła działalność w województwie poleskim. Komitet Organizacyjny mianował w dniu 4 kwietnia 1926 r. Pawła Korol pełnomocnikiem RNO na Polesie. Wśród współpracowników Korol znaleźli się: Piotr Archipienko, Bazyli Kluk i Jan Klujew. Struktura partii w terenie została zbudowana na sieci organizacyjnej oddziałów Rosyjskiego Towarzystwa Dobroczynności. Paweł Korol i Piotr Archipienko cieszyli się ogromnym szacunkiem w całej społeczności

rosyjskiej, a zwłaszcza w Brześciu gdzie mieszkali. Paweł Korol został wybrany również na prezesa Rady Naczelnej Stronnictwa, co jeszcze wydatnie wzmocniło jego wpływy w partii. Intensywnemu zwiększaniu wpływów Rosyjskiego Zjednoczenia Narodowego w województwie poleskim pomagało wsparcie zakonspirowanych placówek monarchistów, którzy masowo zaczęli wstępować w szeregi partii [3, k. 29]. Poparcie monarchistów było tak duże, że najsilniejsze koło monarchistyczne działające w Pińsku do 1928 r. uległo samorozwiązaniu wskutek odpływu jego członków do RNO. W ciągu niespełna roku Rosyjskie Zjednoczenie Narodowe w województwie poleskim posiadało 3200 zarejestrowanych członków i ponad 1500 sympatyków [3, k. 211; 4, s. 291]. Tak intensywną działalność propagandową należy tłumaczyć zbliżającymi się w marcu 1928 r. wyborami do sejmu [3, k. 211].

W grudniu 1926 r. kierownictwo Zjednoczenia założyło w Brześciu Klub Poselski, w którym skupiało się życie towarzyskie brzeskiej inteligencji. RNO zorganizowało jednocześnie kilka bibliotek we wsiach: Tryszyn, Wielkoryta, Moknany, Przyborowo, Małoryta oraz biblioteki miejskie w Wysokim Litewskim (powiat brzeski), Janowie (powiat drohicki) i Kobryniu. Celem bibliotek było rozwijanie rosyjskiej tożsamości narodowej. Książki wypożyczono z oddziału brzeskiego RTD (około 1500 tomów), którego Paweł Korol był prezesem [3, k. 211].

Zbliżające się wybory zwiększały aktywność partii na terenie województwa. W Pińsku i w Samach utworzono oddziały lokalne organizacji – rady powiatowe. Na konferencji partyjnej w Brześciu 10 grudnia 1927 r. wyznaczono przedstawicieli partii na listy wyborcze. Tymoteusz Łoś kandydował w okręgu wyborczym nr 59 (Brześć – Kobryń – Kosów – Prużana), a Aleksander Kiśłowski kandydował z okręgu nr 60 (Piński – Łuniniec – Samy – Stolin) oraz z powiatu drohickiego (należał do okręgu nr 59).

Program wyborczy RNO przedstawiał się następująco: 1. upelnorolnienie chłopstwa na terenach wschodnich i walka z osadnictwem; 2. tani kredyt długoterminowy na cele parcelacji i komasacji; 3. osuszenia Polesia na koszt państwa; 4. podniesienie poziomu życia ludności chłopskiej i robotniczej w województwach wschodnich; 5. szkolnictwo rosyjskie i obowiązkowa nauka języka rosyjskiego w polskich szkołach publicznych na terenach wschodnich; 6. ochrona tradycji Cerkwi prawosławnej i nie wciąganie jej w rozgrywki polityczne; 7. obniżenie podatków na wyniszczonych wojną wschodnich terenach wiejskich [2, k. 29–30].

W obu okręgach wyborczych na Polesiu Paweł Korol jako najpopularniejszy działacz rosyjski zajmował pierwsze miejsce na liście nr 20 (Lista Ruska). Aleksander Kiśłowski i Tymoteusz Łoś nadzorowali kampanię wyborczą. Poparcia RNO udzieliło duchowieństwo prawosławne, które wbrew zarządzeniu arcybiskupa pińskiego Aleksandra agitowało podczas nabożeństw w cerkwiach. Na listę nr 60 Rosyjskie Zjednoczenie Narodowe zdobyło 16.849 głosów, co przełożyło się na jeden mandat (połowę głosów oddali mieszkańcy Dawidgródka i Łunińca) [3, k. 214].

Sukces wyborczy nie przyczynił się do ożywienia działalności RNO. Klub Poselski założony w Brześciu, który miał stać się centrum życia rosyjskiego stał się kasynem gry w karty. Biblioteki założone przez partię pozostały tylko w Brześciu, Małorycie i Przyborowie (ta ostatnia przeniesiona została do Tomaszówki w powiecie brzeskim). W roku 1929 utworzone jeszcze bibliotekę w Wołczynie. Biblioteka w Janowie spłonęła podczas pożaru miasta i nie została już odbudowana. Pozostałe biblioteki zostały zamknięte z powodu niskiego czytelnictwa [3, k. 214].

Na przełomie roku 1929/1930 Rosyjskie Zjednoczenie Narodowe zainicjowało w województwie poleskim przedsięwzięcie polegające na obłożeniu się podatkiem narodowym, który miał być wykorzystany m. in. na opłacenie kosztów procesu o rewindykację

dóbr cerkiewnych, który wytoczył episkopat rzymsko-katolicki. Akcja miała duże poparcie zwłaszcza wśród starszej ludności wyznania prawosławnego. Została poparta przez duchowieństwo prawosławne. Przedsięwzięcie nie spotkało się z większym odzewem ze strony społeczności rosyjskiej, która popierając akcję, nie kwapiła się do jej finansowania. Wielu działaczy RNO z Pawłem Korolem na czele nie uznawało autokefalii Cerkwi prawosławnej i nie uznawało metropolity Dionizego za głowę tej Cerkwi.* Spotkało się to z interwencją arcybiskupa pińskiego Aleksandra, który w ukazie z dnia 28 czerwca 1930 r. zażądał od Pawła Korola złożenia wyznania wiary, a do złożenia oświadczenia zakazał mu występowania w prasie w charakterze przedstawiciela prawosławia. Powyższe wydarzenia zniechęciły część społeczności rosyjskiej do Pawła Korola i do całej RNO [3, k. 215–216].

Rosyjskie Zjednoczenie Narodowe w 1932 r. według danych pełnomocnika okręgowego liczyło 180 członków rzeczywistych. RNO prowadziło 4 biblioteki w powiecie brzeskim (Brześć, Małoryta, Tomaszówka i Wołczyn). Pełnomocnikiem okręgowym na województwo poleskie był Piotr Archipienko. Przy pełnomocniku funkcjonowała Rada Okręgowa, do której wchodził: Mikołaj Iljin, Mikołaj Kotowicz, Mikołaj Sienkiewicz i Dymitr Bielous [3, k. 216].

Na początku lat trzydziestych wpływy Rosyjskiego Zjednoczenia Narodowego zaczęły słabnąć. Umacnianie się wpływów sanacji zachęciło część działaczy rosyjskich do szukania porozumienia z obozem władzy. Wydawana przez F. Kotlarewskiego w Wilnie *Nasza Żyćń* oraz *Nasze Wremia* opierając się na wynikach wyborów w województwie Poleskim, w cyklu artykułów domagały się oficjalnego uznania społeczności rosyjskiej za „zwartą mniejszość narodową w Polsce”. W tym celu zorganizowano w Brześciu 21 i 22 listopada 1931 r. pierwsze posiedzenie Rady Związku Organizacji Mniejszości Rosyjskiej.** Inicjatywa ta miała skonsolidować środowiska rosyjskie i zachęcić je do współpracy z polskim rządem. Nazbyt lojalny stosunek Związku Organizacji Mniejszości Rosyjskiej do władz polskich spowodował nieprzychylny do niego stosunek mniejszości rosyjskiej. Prezesowi Związku Organizacji Mniejszości Rosyjskiej B. Pimonowowi zarzucano, że został wybrany do sejmu z listy BBWR. On sam uważał tarcia w środowisku rosyjskim jako rezultat osobistych ambicji byłego posła Mikołaja Sieriebriannikowa i Pawła Korola, którzy nie mogli pogodzić się z tym, że to nie któryś z nich sprawował tę funkcję [3, k. 216]. Organizacja nie zdobyła szerszego uznania wśród mniejszości rosyjskiej, nie zdołała też zdobyć uznania rządu polskiego. Władze państwowe ze względu na małą liczebność społeczności rosyjskiej nie czuły w niej zagrożenie i nie dostrzegały potrzeby uznawania jej za zwartą mniejszość narodową. Środowiska rosyjskie nie miały też poparcia ze strony Związku Radzieckiego, co jeszcze bardziej uspokajało polski rząd [4, s. 291].

W drugiej połowie 1928 r. we wschodnich powiatach województwa poleskiego (powiat luniniecki i stoliński) władze bezpieczeństwa wykryły kolportaż antybolszewickich materiałów propagandowych, wydawanych przez Bractwo Russkoj Prawdy. Ulotki, broszury i odezwy propagandowe były przesyłane z zagranicy. Przeprowadzone śledztwo wykryło w Pińsku dwóch przedstawicieli organizacji: O. Trybucę-Adamowicza i Konstantego Piotrowskiego. Prowadzili oni zbiórkę pieniężną na rzecz Funduszu Wyzwolenia Rosji (ROK), zbierając w ciągu roku 2.330 denarów jugosłowiańskich. Śledztwo ujawniło również koło monarchistyczne w Pińsku, które było podporządkowane centrali rosyjskiego ruchu monarchistycznego w Paryżu (generał Miller) i w Belgradzie (generał Adamowicz i Sergiusz Paleolog).

* Paweł Korol wraz z byłym senatorem W. Bohdanowiczem: złożyli oficjalne oświadczenie wojewodzie poleskiemu, iż za głowę Kościoła prawosławnego uznają patriarchę moskiewskiego.

** Brześć stał się w tym okresie centrum kulturalnym i politycznym mniejszości rosyjskiej w Polsce i w prasie rosyjskiej był określany „najświeższym ośrodkiem życia rosyjskiego w Polsce”.

W Pińsku w lutym 1932 r. odbył się zjazd wychowanków byłego korpusu kadetów zamieszkałych w powiecie pińskim. Zjazdowi przewodniczył książe Oboleński. Monarchiści restytuowali swoją organizację.

Działalność rosyjskich kół monarchistycznych na Polesiu nie przejawiała szerszej aktywności politycznej. Cieszyła się jednak uznaniem i szacunkiem inteligencji rosyjskiej, która udzielała im wsparcia materialnego i moralnego [3, k. 209].

Epizodem w rosyjskim życiu politycznym na Polesiu, które władze bezpieczeństwa określały jako afere, było przybycie jesienią 1931 r. do Pińska Dziewała Bek-Babiejewa. Podawał się on za byłego atamana kozaków kubańskich. Człowiek ten szybko zdobył dużą popularność wśród miejscowych Rosjan. W marcu 1932 r. wraz z kilkoma byłymi wojskowymi założył Związek Wolnego Kozactwa. Nowoutworzona organizacja polityczna uzyskała subwencje finansowe od wysokiego komisarza Ligi Narodów do spraw emigrantów rosyjskich w Polsce - Gallatiego. Władze bezpieczeństwa oskarżyły Bek-Babiejewa o zdefraudowanie ponad 2 tys. franków szwajcarskich przekazanych stworzonej przez niego organizacji. Wszczęto przeciwko niemu dochodzenie i wydano orzeczenie, że jako cudzoziemiec nie miał dłużej prawa przebywać w Polsce. Gdy Dziewała Bek-Babiejew wyjechał do Warszawy rzekomo podjąć dalszą zapomogę od komisarza Gallatiego „stanica” wolnego kozactwa w Pińsku rozpadła się. Pozostali w Pińsku członkowie zarządu złożyli oświadczenie, iż zostali wprowadzeni w błąd przez aferzystę Bek-Babiejewa, któremu zależało jedynie na zdobyciu gotówki. Wraz z ich wycofaniem się z organizacji, przestała ona istnieć. Aparat bezpieczeństwa dążył do zdeprecjonowania Dziewały Bek-Babiejewa i podjętej przez niego inicjatywy. Całe jego przedsięwzięcie określano jako pośpolitą aferę, która była „dowodem niezmiernej łatwości podjęcia jakiegokolwiek akcji o zabarwieniu narodowo-rosyjskim na tym terenie i zjednania dla niej zwolenników [3, k. 210].

LITERATURA

1. Chałupczak H., Browarek T. Mniejszości narodowe w Polsce 1918-1995. – Lublin, 2000.
2. Opisanie rosyjskiej mniejszości narodowej w województwie poleskim. Ruch polityczny, Państwowe Archiwum Obwodu Brzeskiego w Brześciu (PAOB), sygn. f. 1, o. 9, d. 1182, k. 29.
3. Rosjanie na Polesiu. Liczebność, rozmieszczenie i charakterystyka ogólna, PAOB, sygn. f. 1, o. 9, d. 1182, k. 207.
4. Śleszyński W. Bezpieczeństwo wewnętrzne w polityce państwa polskiego na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. – Warszawa, 2007.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС В ЛИТВЕ

Й. Сребалюс

Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса, Вильнюс, Литва

Сущность экономического кризиса

Экономический кризис в Литве можно рассматривать как проявление всеобщего свойства энтропии систем. Доцент ВГТУ Р.Калинаускас в своей монографии „Энерго-энтропийные основы человечности” определил объективную функцию энтропии, как одной из закономерных сил термодинамики, обеспечивающей человечность общественного бытия людей [1, с. 16]. В реальных системах любые энергетические изменения приводят к росту энтропии, в том числе к кризисам общественного воспроизводства энергии и информации, культурной и технологической памяти. Если граждане

своего государства, а также политики и чиновники, решая проблемы человеческих отношений, утрачивают историческую память, то непременно сталкиваются с политическими проблемами самоуправления и энтропией человеческих отношений. Тогда, вместо исторической памяти об истинах нравственного поведения, приводится в действие право сильного в семье, на производстве, в политической деятельности. Право сильного эффективное, но не продуктивное. Рождается проблема самоуправления на всех уровнях воспроизводства политической системы в отечестве. Еще Аристотель в свое время отметил, что каждая политическая система развивается только на основе нравственных истин человечности: мудрости, справедливости, сдержанности, готовности к нововведениям [2, с. 192]. Мудрость и справедливость - это не хитрость процедурной демократии. Кризис не является показателем непродуктивной политики, которая не способна силой мандатов в Сейме управлять энтропией, составляющей сущность духовных, экономических и политических проблем жизни в семье, на производстве, в государственных институтах и во всей отечественной системе воспроизводства этнических форм трансляции исторического опыта человечества. Этнические формы трансляции опыта управления процессами энтропии человеческих отношений является фундаментом культурной и технологической памяти, направленной на цивилизованное и продуктивное развитие человеческих отношений в будущем [3].

Политические источники кризиса

Экономический кризис ударил по общественному производству Литвы в самом конце 2008 года. Правящие политические партии Литвы – консерваторы, христианские демократы, центристы, а также «Таутининкай» – мировой кризис определили как глобальный вызов пятнадцатому Правительству Литвы. В программе Правительства консерваторов подчеркнуто: «Пятнадцатое Правительство республики начинает свою работу накануне больших вызовов, накануне больших работ» [4]. Оппозиционные партии Сейма, а также большинство граждан первые пакеты антикризисных законов, принятых Сеймом за одну ночь, оценили как вызов Правительства консерваторов всему простому народу Литвы. Яркое тому свидетельство - события 16 января около Сейма. Однако Правительство консерваторов само стало субъектом вызова простым гражданам Литвы. Будем справедливыми – часть вызовов консерваторы наследовали от Правительства социал-демократов. Однако не меньшую часть политических вызовов консерваторы создали сами и продолжают непродуктивную антикризисную политику. В Сейме образовалась равновесие политических сил.

Проблемы социальной политики

В декабре 2009 года Сейм принял временный закон об изменении социальных выплат. Сегодня граждане Литвы: инвалиды, вдовы, пенсионеры не в состоянии понять, почему антикризисная политика консерваторов по уменьшению денежных пособий, пенсий по старости и по инвалидности не соответствует принципу пропорциональной солидарности. Пенсия работающего пенсионера срезана на 20, 50 и даже на 80 процентов. Конституционный Суд указал, что такое уменьшение пенсий работающих пенсионеров противоречит 29 статье Конституции Литвы [5]. На основе временного закона об изменении социальных выплат пенсионеры лишились 307 миллионов лит. Работающие пенсионеры лишились 282 миллионов лит. Из-за сокращения социальных выплат по болезни и социального страхования материнства социальные выплаты больным и матерям уменьшатся на 500 миллионов лит. Всего граждане Литвы, согласно антикризисной политике консерваторов, лишились 2 миллиардов лит [6]. Президент и Конституционный Суд обязали Правительство узаконить компенсацию социальных выплат, потерянных в период антикризисной политики. Правительство обязано выполнять обязательства перед людьми. Одно из важнейших – подготовить механизм компенсаций сниженных пенсий [7], однако такой закон еще не появился.

Растет количество безработных, которые составляют сегодня 17 процентов от всего работающего населения. Рост безработицы активизировал эмиграцию молодых граждан Литвы в страны Европейского союза. На сегодняшний день эмигрировали более 300000 литовцев [8].

Показатели экономического кризиса

Показатели экономического кризиса одновременно являются и основной политической проблемой правительства консерваторов. В первой таблице собраны показатели экономического кризиса за период 2004 – 2010 гг. Общий индекс экономически проблем в Литве всегда был довольно высоким. За период 2008-2010 гг. кризис превратился в настоящую беду Литвы. Показатели годового роста общественного продукта производства свидетельствует, что в 2009 году он упал на 15 процентных пунктов и продолжает падать в первом квартале 2010 года. Рост цен на товары и услуги имеет тенденцию роста до 10 процентных пунктов в конце 2010 года.

Таблица 1 – Экономический кризис.

Наименование показателя кризиса	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Годовой рост ОПП	7,4	7,8	7,8	9,8	2,8	-1,5	-1,0
Рост цен на товары и услуги	2,9	3	4,5	8,1	8,5	1,3	2,5
Средний уровень безработных	11,4	8,3	5,6	4,3	5,8	13,7	17,1
Средняя норма годовых процентов за кредит	5,7	5,3	5,1	6,9	8,4	8,4	7,5
Общий индекс экономических бед	12,7	8,8	7,4	9,4	19,9	38,4	28

(Источник – департамент статистики Литвы).

Политические стратегии и проблемы кризисного бюджета.

Правительство консерваторов с 1 января 2009 года отказалось от всех привилегий налога на прибавочную стоимость. Тариф на НДС был поднят с 15 % до 19 %. А с 1 сентября 2009 года тариф на налог прибавочной стоимости был поднят до 21 процента. Еще в начале кризиса Правительство прогнозировало, что в госбюджет только от налога прибавочной стоимости дополнительно будет собрано 930 миллионов лит. Однако реальность была другой, нежели прогнозы политиков. В 2008 году от налога прибавочной стоимости в госбюджет поступило 9.243 миллиарда лит, а в 2009 году от налога прибавочной стоимости в бюджет было собрано 6.799 миллиарда лит, или на 2.444 миллиарда лит меньше, чем 2008 году. Финансисты понимают, что падение денежных поступлений от налога прибавочной стоимости в бюджет связано с падением пот-ребления, с жестоким, не пропорциональным снижением зарплаты и всех социальных выплат, включая медицинское обслуживание и студенческие стипендии.

Низкий уровень доходов бюджета является проблемой со значительными негативными социальными, экономическими и, возможно, даже политическими последствиями. Есть основание утверждать, что тяжелое положение государственных финансов существует из-за уклонения от уплаты налогов, а также из-за налоговых привилегий, из-за теневых отношений, политиков и олигархов. Налоговую систему создают и развивают политики.

Ситуация в госбюжете ухудшается из-за того, что национальные системы налогообложения подвергаются реформированию политиками, а не профессионалами экономистами. Именно политики так часто меняют налоговые законы и тем самым теряют устойчивые, долгосрочные государственные финансы (налоги), а также и возможности экономических стратегий и социальных программ.

Развитию социальных программ мешают налоговые льготы, скидки, легальные возможности уклонения от налогов. Политики видят, но упорно реформируют налоговую систему, дестабилизируя ее и создавая различные темпы изменения налогов и акцизов. Важная проблема низкого уровня госбюджета – это бюрократический взгляд

на сбор налогов и репрессивный метод борьбы с неоплаченными налогами. Сегодня политики не пользуются рыночными механизмами, которые могли бы изменить поведение операторов и налогоплательщиков. Необходимо отметить, что в первую половину 2009 года на 30 % снизился экспорт и тем самым уменьшились поступления в госбюджет [7].

Есть основания также утверждать, что тяжелое положение государственных финансов существует из-за контрабанды. На последнем пленарном заседании Европейского Парламента заслушивался отчет о защите интересов и о проблемах борьбы с контрабандой. Контрабанда сильно дискредитирует государство в глазах простых граждан, а также политические партии, сам Сейм. Кредиты Европейского союза не усваиваются, придерживаются. Из-за контрабанды снижается уровень потребления, снижаются поступления в госбюджет от акциза на бензин, дизельное топливо, продукты питания, табак. Нелегальный ввоз товаров за 2009 год вырос на 2-3 раза и госбюджет потерял 1.5 миллиарда лит [8].

Выводы

В контексте ЕС Литва потерпела самый большой упадок производства. Особенно пострадал сектор строительства, пострадали работающие пенсионеры, которые лишены дохода. Они не в состоянии оказать денежную помощь детям, чтобы оплатить кредит за жилье. Оптимизма почти не осталось. Когда политики остановят кризис, осуществится ли мягкая посадка? Вопросы остаются.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калинаускас, Р. Энергоэнтропийные основы человечности. – Вильнюс, Техника, ВГТУ, 2008. (на лит. языке).
2. Аристотель. Избранные сочинения. – Вильнюс, 1990. (на лит. языке).
3. А.Мацейна. *Этническое воспитание*. – Каунас, 1992. (на лит. языке).
4. Программа Правительства. 2009. www.rvk.lt.
5. Конституция Литвы. 1992, www.lrs.lt/
6. Интервью Президента Д.Грибаускайте. www.delfi.lt 2010.01.18
7. www.balsas.lt/ 2010.05.15.
8. www.balsas.lt/ 2010.05.15.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЙ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ: ПОПЫТКА СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА

М.В. Стрелец

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Цель данного доклада – определить причастность либерализма к тем судьбоносным изменениям, которыми отмечен исторический отрезок, охватывающий 1917-2010 гг. Его стартовая точка – октябрьский переворот 1917 года в России. Верхняя граница данного периода – реалии, которые имеют место на момент представления доклада.

При обращении к истории либерализма данного периода важно учитывать преемственность и обновление. Когда начался отсчёт новейшей истории, уже было чётко очерчено то поле в идейном интерьере общества, которое однозначно отождествлялось с либерализмом. Он выполнял социальный заказ субъектов капиталистического предпринимательства, которые были втянуты в рыночное хозяйство на основе сво-

бодной конкуренции. Разумеется, для этих субъектов и свободная конкуренция, и цивилизованный рынок, и стимулируемое государством предпринимательство были идеалами, полностью совпадавшими с их социальным профилем. Именно эти идеалы составили базис либерализма. Предпочитаемый субъектами капиталистического предпринимательства либерализм проповедовал органическое единство трёх блоков. В первый блок вошла свобода личности, во второй – однозначно уважительное отношение к фундаментальным правам человека, в третий – прочное гарантирование функционирования института частной собственности. Общий знаменатель указанных блоков образовали «вера в свободу и вера в разум» [3, с. 303], которые являются «двуединым основанием либеральной философии и постоянным элементом в её историческом развитии» [3, с. 303].

Изложенная выше квинтэссенция либерализма следующим образом конкретизировалась в политической сфере. В данном сегменте либеральной идеологии постоянно присутствует равенство всех граждан перед законом, перманентно исключается признание любой природы государства, кроме договорной. Окончательное утверждение индустриальной цивилизации маркировало включение в политическую философию либерализма убеждение о «равноправии соперничающих в политике «профессиональных, экономических, религиозных, политических ассоциаций; ни одна из которых» не может иметь «морального превосходства и практического преобладания над другими» [1].

Либерализм профилировал себя чётким отмежеванием от этатизма, демонстрируя свою нелояльность к государству как к ключевому институту политической системы. Он по самым высоким меркам оценивал ответственность субъектов политического процесса как в лице отдельных граждан, так и в лице отдельных организаций, объединений, ассоциаций, воспринимал плюрализм как оптимальную модель взаимоотношений между данными субъектами. Либералы чётко позиционировали себя как адепты межконфессионального мира, выступали носителями идеи конституционализма.

Конечно, настоящее течение не могло дать ответы на все вызовы времени. Более того, внутри него имелся проблемный комплекс, наличие которого ощущается до сих пор. «Главными проблемами либеральной идеологии всегда были определение допустимой степени и характера государственного вмешательства в частную жизнь индивида, совмещение демократии и свободы, верности конкретному Отечеству и универсальных прав человека» [1]. Перманентно «оказывались внутренне противоречивым интеллектуальным предприятием попытки объединить в рамках либеральной традиции либертариистский пафос и претензии на научность» [3, с. 303]. Разумеется, острота указанных проблем детерминировалась конкретно-исторической ситуацией. Вместе с тем они постоянно коррелировались и коррелируются с реалиями, что предопределяло и предопределяет дифференциацию в либеральном лагере. При этом принципиально важно отметить, что субъекты данной дифференциации связаны общим либеральным знаменателем их концепций. Под этим общим знаменателем имеются в виду базовые ценности либерализма.

До анализируемого периода указанная дифференциация проявлялась слабо. Этот период, ознаменовавшийся неоднократным прохождением экзамена на системную прочность зоны индустриальной цивилизации, становлением и совершенствованием постиндустриальной цивилизации, жёстким противостоянием между индустриальной и постиндустриальной цивилизациями, с одной стороны, и с тоталитарным миром, с другой, был отмечен резким усилением данной дифференциации. В нынешнем веке прослеживается не меньшая мозаика либеральных идей, чем в 1917–2000 гг.

Касательно градации идей в либеральном лагере прежде всего отметим, что в нём всегда была, есть и остаётся ниша для традиционного либерализма. Вместе с тем в 1917–2010 гг. отдельные группировки стали ревизовать его по следующим позициям. Одна группировка предлагала перекинуть мостик между традиционным либерализмом и этатизмом, считая государство тем институтом, на который стоит всецело полагаться для наполнения реальным содержанием базовых либеральных ценностей. Другая группировка была не согласна с тем, что индивид и только он является субъектом обеспечения необходимых для него благ. Она, во-первых, включала в свой идейный арсенал тезис о том, что таких субъектов должно быть два: индивид и общество и, во-вторых, считала, что удельный вес первого субъекта в этом обеспечении должен быть меньшим, чем второго. Третья группировка первой из либерального лагеря дала отрицательный ответ на следующий вопрос: «Должна ли реальная практика властных структур иметь чётко очерченный социальный вектор?» За таким подходом закрепилось название «консервативный либерализм».

Удельный вес первой и второй группировок стал существенно возрастать тогда, когда стал востребованным поиск ответа на следующий вопрос: «Как не допустить повторения того социалистического эксперимента, который был осуществлён в России (Советском Союзе) представителями фундаменталистского течения в марксизме, пришедшими к власти в результате государственного переворота, совершенного 25–26 октября 1917 года?» Именно благодаря названным группировкам правящие круги зоны индустриальной цивилизации стали делать первые, преимущественно робкие, шаги в направлении социализации производственно-экономических отношений, о чём свидетельствовала временная частичная стабилизация капитализма 1924–1929 гг.

«Усиление элементов государственной идеологии и социальных целей, адаптировавших традиционные ценности либерализма к экономическим и политическим реалиям второй половины XX в., заставило говорить о его исторически обновлённой форме — неолиберализме. Важнейшим достоинством политической системы здесь провозглашалась справедливость, а правительства — ориентация на моральные принципы и ценности. В основу политической программы неолибералов легли идеи консенсуса управляющих и управляемых, необходимости участия масс в политическом процессе, демократизации процедуры принятия управленческих решений. В отличие от прежней склонности механически определять демократичность политической жизни по большинству, стали отдавать предпочтение плюралистическим формам организации и осуществления государственной власти. Причем Р. Даль, Ч. Линдблум и другие неоплюралисты считают, что чем слабее правление большинства, тем оно больше соответствует принципам либерализма. Правда, представители праволиберальных течений (Ф. Хайек, Д. Эшер, Г. Олсон) полагают, что при плюрализме способны сформироваться механизмы экспроприации большинством богатого меньшинства, а это может поставить под угрозу основополагающие принципы либерализма»[1].

Неолиберализм видит в среднестатистическом гражданине не статиста, а динамично наполняющего реальным содержанием статус субъекта социальных процессов, перманентно профилирующего себя и в политике, и в предпринимательской сфере, не позволяющего зомбировать себя распространителями предрассудков. Идеологи этого течения считают, что каждый индивид вправе сам определять меру личной ответственности в вопросах нравственного поведения. Они конкретизируют настоящий тезис «в виде двух известных максим: 1) индивид не несёт ответственности за свои действия, если эти действия не затрагивают ничьих интересов, кроме его собственных; 2) индивид ответственен только за те действия, которые наносят ущерб другим»

[3, с. 303]. Конечно, реализация таких морально-этических установок не может выступать фактором консолидации общества. Перечисленные особенности неолиберализма сужают свободу маневра соответствующей политической элиты в её отношениях с потенциальными избирателями.

Закономерно возникает вопрос: «Какая составляющая неолиберализма была главной в новейшей истории?» Ответ на него даёт опыт выхода из кризисов, имевших системный масштаб.

Первый опыт был накоплен в связи с поиском жизнеспособных инструментариев, направленных на снятие проблемного комплекса, порождённого мировым экономическим кризисом 1929-1933 гг. В результате этого поиска в идейном ландшафте стран традиционной демократии впервые стали профилировать себя неолиберализм и кейнсианство. Они прежде всего представили своё специфическое видение генезиса системного кризиса, «подорвавшую традиционные представления о безграничных возможностях саморегулируемости рынка». Если Дж.М. Кейнс объяснял недуги рыночной экономики (капитализма) хроническим недостатком совокупного спроса, то основоположники неолиберализма видели непосредственную причину кризисов, безработицы, инфляции в подрыве совершенной конкуренции и монополизации хозяйственной деятельности, нарушающих действие рыночных регуляторов. Неолиберальная концепция и в теоретических разработках и в практическом применении основывается на идее приоритета условий для неограниченной свободной конкуренции не вопреки, а благодаря определенному вмешательству государства в экономические процессы. В центре неолиберализма – личная инициатива, экономическая свобода, конкуренция и ограничение монополий. Неолибералы отрицательно относятся к «благотворительному» государству: социальные мероприятия могут проводиться только за счёт текущих доходов страны, не слишком обременяя экономику». Указанный проблемный комплекс в 1930-х гг. снимался не неолиберальными рецептами, а иными инструментариями, включая кейнсианские.

Неолиберальные концептуальные наработки 1930-х гг. впервые прошли апробацию на западногерманской территории. Сначала речь шла о западных зонах оккупации, а затем о Федеративной Республике Германия. Известно, что во второй половине 1940-х гг. перед соответствующими властными структурами возникла дилемма: или обратиться к ранее апробированным моделям, или сконцентрироваться на принципиально новой модели. Модель мобилизационной экономики, характерная для Третьего рейха, потерпела крах. Кейнсианские инструментарии не пользовались популярностью среди западногерманской политической элиты. Она глубоко уверовала в жизнеспособность такой неолиберальной концепции, как ордолиберализм. «Суть концепции заключена уже в ее названии, которое можно было бы перевести как «свобода в рамках порядка». Эта идея стала основой системы хозяйствования в ФРГ. В 60-е гг. несколько измененный вариант ордолиберализма в ФРГ получил название «социальное рыночное хозяйство». Эта модель экономики до сих пор остается официальной экономической политикой в ФРГ.

Исходной теорией ордолиберализма является учение о двух основных типах экономического строя, которое выдвигал еще в начале XX века известный немецкий социолог М. Вебер. Эту идею развил его соотечественник В. Ойкен. Последний считает, что, выделив самые типичные два основных типа экономического строя, можно изучать и объяснять практически все известные в истории человечества хозяйственные системы. Такими типичными или «идеальными» типами экономического строя В. Ойкен называет «центрально-управляемое хозяйство» и «хозяйство общения» (или рыночное). Он предлагает «хотя бы частичное вмешательство государства в «хозяйство общения» [2], положив конец его «пассивности» [2].

Итак, второй опыт был первым опытом реальной апробации неолиберализма. В 1945 году в Германии был точно такой же коллапс народнохозяйственного комплекса, как и во времена мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. Ориентируясь на ордолиберализм, западные немцы в рекордно короткие сроки покончили с этим коллапсом, а затем создали одну из ключевых экономик в мире. Более того, ряд существенных элементов западногерманской модели был позаимствован многими странами, входящими в зону рыночной экономики. Стало реальностью межсистемное соревнование между зоной социального рыночного хозяйства и зоной социалистической плановой экономики. Последняя потерпела в этом соревновании сокрушительное поражение, что явилось одной из важных причин народно-демократических революций 1989–1990 гг. в Центральной и Восточной Европе, кардинальных геополитических изменений (объединения Германии, распада СССР и т.д.).

Неолиберализм оказался востребован и на постсоциалистическом пространстве. Сначала большая часть государств сориентировалась на неоконсервативные инструменты системной трансформации народнохозяйственного комплекса. Однако такая ориентация привела к резкому усилению социальной напряжённости, и тамошние власти имущие взяли на вооружение неолиберальную в своей основе градуалистическую концепцию.

Таким образом, неолиберализм в анализируемый период профилировал себя прежде всего экономической составляющей.

В 1917–2010 гг. общий знаменатель либеральных течений наложил печать на глобальный идейный ландшафт. Имея потребность в пополнении идейного багажа, к этому общему знаменателю обращались разработчики концептуальных основ национальных движений, ведущие теоретики из лагеря неоконсерваторов, христианских демократов, авторы концепций политического участия, демократического элитизма. География соответствующих субъектов политических процессов расширялась весьма активными темпами, охватив все континенты. «Эти грандиозные исторические изменения, вызванные влиянием либерально-демократических ценностей, позволили ряду зарубежных теоретиков (например, Ф. Фукуяме) полагать, что мировое сообщество уверенно движется к «концу истории», т.е. универсализации государств, воплощающих принципы свободы и равенства граждан и потому способных решить все фундаментальные проблемы человеческого сообщества» [1]. Конечно, данные теоретики допустили преувеличение, игнорируя то обстоятельство, что при реализации либеральных установок немало важных вопросов выносилось за скобки и в идейном интерьере общества постоянно оставалась ниша для конкурирующих течений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основные идеологические течения в современном мире //Vuzlib: экономико-правовая библиотека [Электронный ресурс].– 2010. – Режим доступа: www.vuzlib.net/beta3/.../26063/. – Дата доступа: 14 марта 2010 года.

2. Социальное рыночное хозяйство В. Ойкена и Л.Эрхарда// Мировые экономические идеи 20-х – 80-х годов: неолиберализм [Электронный ресурс].– 2010.–Режим доступа: http://revolution.allbest.ru/economy/00006097_0.html – Дата доступа: 14 марта 2010 года.

3. Шаталин, Е.А. Либеральная идеология: «негативная свобода» в ракурсе методологического индивидуализма / Е.А. Шаталин // История идей и история общества: Материалы VIII Всероссийской научной конференции (Нижевартовск, 15-16 апреля 2010 года) / Отв. ред. В.Н. Ерохин. - Нижевартовск: Изд-во Нижеварт. гуманит. ун-та, 2010. – С. 302–305.

МЕСЦА І РОЛЯ ЦЭНЗУРНЫХ ОРГАНАЎ Ў ТРАНСФАРМАЦЫЙНЫХ ПРАЦЭСАХ У ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ (1939 – 1941)

А.В. Сумко

Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт, г. Полацк, Беларусь

Пасля таго, як у верасні 1939 года тэрыторыя Заходняй Беларусі ўвайшла ў склад БССР, пачалася весціся работа па ўключэнню гэтага рэгіёна ў новую палітычную сістэму і сацыяльную рэчаіснасць. У сувязі з гэтым дзяржаўная палітыка ў кнігавыдавецкай сферы была накіравана на ліквідацыю непрымальнай з пункту ідэалагічных пазіцый літаратуры і замену новай адпаведнага зместу. Паліграфічныя прадпрыемствы на тэрыторыі Заходняй Беларусі былі нацыяналізаваны і перададзены спачатку ў вядзенне абласных часовых упраўленняў, а затым пасля стварэння органаў савецкай улады – мясцовым органам кіравання [1, с. 470]. Толькі ў Беластоку ў дзяржаўную ўласнасць перайшло 18 друкарняў [2, с. 413].

Паўнамоцтвы па цэнзураванню на тэрыторыі Заходняй Беларусі мелі як ваенныя (кантралюючыя функцыі былі ўскладзены на палітычнае ўпраўленне штаба Беларускага фронту), так і цывільныя органы [3]. Прычым цэнзурныя органы арміі паводзілі сабе досыць аўтаномна. Яны пераважна праглядалі газеты воінскіх частак, што прызначаліся спецыяльна для насельніцтва Заходняй Беларусі.

Па меркаванню партыйных органаў, ваенныя цэнзары не забяспечвалі неабходны ўзровень кантролю за друкаванай прадукцыяй. Афіцыйнае распараджэнне з боку ўпаўнаважанага СНК СССР аб кантролі было выдадзена 7 снежня 1939 года [3]. Фарміраваннем і камплектацыяй цэнзурнага апарата ў Заходняй Беларусі займаліся цэнтральныя партыйныя органы. Кіраўніком Брэсцкага абласнога ўпраўлення па справах літаратуры і выдавецтваў была прызначана Дадонава, руская па паходжанню, член ВКП(б) з 1926 года, якая раней працавала інструктарам Кагановіцкага Мінскага РК [4]. Амаль усе кіруючыя работнікі былі мабілізаваны з цэнтральных абласцей як БССР, так і СССР.

Цэнзары ў першую чаргу праглядалі органы перыядычнага друку, якія выходзілі на тэрыторыі Заходняй Беларусі. Упаўнаважаныя не толькі правяралі тэксты з боку ідэалагічных памылак і захавання ў іх сакрэтнай інфармацыі, але і прапаноўвалі, які матэрыял пажадана друкаваць. Напрыклад, органу Часовага Кіравання Маладзечанскага павета Вілейскай вобласці газеце "Чырвонае Знамя" рэкамендавалася больш увагі засяроджваць на параўнанні таго, як насельніцтва Заходняй Беларусі жыло да і пасля ўз'яднання з БССР [5]. ЦК УКП(б) арыентавала РК КП(б)Б і рэдакцыі газет на тое, што "основной задачей районной печати является идейно-политическое воспитание трудящихся на основе повседневной пропаганды текущей политики и мероприятий партии и правительства, пропаганды, опирающейся на конкретные близкие и понятные факты из местной практики из своего же района" [6].

Найбольш характэрнымі парушэннямі, якія знаходзіў папярэдні кантроль Заходняй вобласці, было разгалашэнне ваенных тайнаў. Так, за верасень 1940 года было вынайздзена 63 выпадкі незахаваўвання ваеннай тайны толькі ў цэнтральных газетах і радыё-вяшчанню [7]. Акрамя друкаванай прадукцыі, цэнзары правяралі ваенную карэспандэнцыю, бо у лістах прыводзіліся прозвішчы камісараў і месцы дысплацыі ваенных частак. Яны імкнуліся папярэдзіць пранікненне інфармацыі аб выпадках адмоўнага настрою сярод чырвонаармейцаў, якія, сутыкнуўшыся з рэчаіснасцю,

пачалі пісаць да дому пра тое, што іх падманулі, бо на самой справе становішча ў Польшчы было зусім не такім, як падавалася афіцыйнай прапагандай: "Говорили, что в Польше плохо живётся, оказывается наоборот – здесь лучше, чем в СССР, и в магазинах всё есть" [8]. Зразумела, што такія звесткі ўпаўнаважаныя не маглі прапусціць, таму разам з выкрасленнем небяспечных месцаў у лістах праводзілася актыўная агітацыйна-прапагандысцкая праца сярод чырвонаармейцаў.

Згодна з пастановай Бюро ЦК КП(б)Б ад 15 сакавіка 1940 года была праведзена масавая чыстка літаратурнага фонду Заходняй Беларусі [9, с. 98]. Складаннем загадаў па канфіскацыі шкоднай літаратуры займаліся адначасова Галоўліты БССР і УССР. Першы праглядаў і падрыхтоўваў загады па канфіскацыі літаратуры, выдадзенай у былой Польшчы, на яўрэйскай і беларускай мовах, другі сумесна з Акадэміяй навук УССР – на польскай і ўкраінскай [10]. Органы Галоўліты канфіскавалі перш за ўсё кнігі патрыятычнага зместу, публікацыі, звязаныя з польскай культурай. Непрыдатнымі для карыстання былі прызнаны амаль усе школьныя падручнікі, так як, на думку цэнзараў, былі прасякнуты "ідэалогіяй польскага фашызму і каталіцкага кансерватызму, і выхоўвалі дзяцей і моладзь у духу польскага шавінізму" [11, с. 404].

Неабходна адзначыць, што розныя дырэктывыя дакументы аб правілах працы цэнзурных органаў у памежных раёнах даходзілі з вялікім спазненнем. Мясцовыя цэнзары кіраваліся ўласнымі меркаваннямі, якія потым выклікалі незадавальненне Галоўліты РСФСР і саюзных цэнтральных партыйных органаў пры праверцы справаздач. Акрамя таго многія з тых, хто займаўся праверкай, мелі нізкі адукацыйны ўзровень. Ім было цяжка вылучыць ступень варожасці таго ці іншага літаратурнага твора, у першую чаргу на польскай і яўрэйскай мовах, таму звычайна забаранялася ўсё. Так, Баранавіцкі абкам паведамляў аддзел прапаганды і агітацыі РК КП(б)Б аб тым, што ў некаторых раёнах мелі месца выпадкі знічэння прыватных бібліятэк, якія мелі велізарную гістарычную і навуковую каштоўнасць. Беластоцкае абласное ўпраўленне па справах літаратуры і выдавецтваў Галоўліты БССР выдаў распараджэнне спаліць усе кнігі, якія былі надрукаваны на польскай мове [12, с. 99].

Пасля ўсталявання савецкай улады ў заходніх абласцях БССР пачаўся перавод школ на беларускую мову выкладання, а ў раёнах, дзе кампактна пражывалі прадстаўнікі іншых нацыянальнасцей, адкрываліся школы, у якіх дзеці навучаліся на роднай мове [13, с. 462]. Дзяржаўнае выдавецтва БССР атрымала загад ад партыйных органаў забяспечыць усе навучальныя ўстановы ў заходніх абласцях БССР на 1940/41 вучэбны год неабходнай літаратурай, а таксама адкрыць свае кнігарні ў гэтым рэгіёне. Праблемным стала пытанне аб выданні польскамоўнай літаратуры. Чыстка кніжнага фонду ад "варожай" літаратуры на тэрыторыі Заходняй Беларусі прывяла да каласальнага дэфіцыту выданняў на польскай мове. Гэта выклікала абурэнне з боку мясцовага польскага насельніцтва, якому абяцалі задавальненне патрабаванняў як у арыгінальнай польскай літаратуры, так і перакладной кнігавыдавецкай прадукцыі. Вырашыць праблему толькі сіламі выдавецтваў БССР было складана, таму што ў 1937 годзе аддзел друку і выдавецтваў ЦК КП(б)Б прадставіў на Бюро спісы выдадзенай літаратуры на мовах нацменшасцей з улікам звестак аб аўтарах і становішчы на літаратурным рынку і прапанаваў разгледзець пытанне аб спыненні выдання польскамоўнай літаратуры ў БССР. Аргументавалася гэта тым, што арыгінальнай польскай савецкай літаратуры амаль не выдавалася, а кадры польскіх паэтаў і пісьменнікаў БССР былі нязначныя і засмечаныя варожымі элементамі. Уся друкаваная прадукцыя на польскай мове складалася з перакладаў рускіх і беларускіх аўтараў

або перавыданняў польскіх, якія жылі па-за межамі БССР. У выніку выпуск літаратуры на польскай мове быў спынены, адпаведны аддзел у структуры Дзяржвыдавецтва БССР ліквідаваны.

У першыя месяцы кнігі на польскай мове ў Заходнюю Беларусь дастаўляліся самалётамі з Масквы і Мінску [14, с. 207]. Пераважала агітацыйна-прапагандысцкая, палітычная літаратура, якой запаўняліся бібліятэкі і ізбы-чытальні. Існавала пэўнае размеркаванне па пасылцы кніг. Так, Магілёўская вобласць накіроўвала літаратуру ў Баранавіцкую вобласць (у 1940 годзе – 43 000 экз.); Гомельская – у Брэсцкую (46 000 экз.); Мінская – у Беластоцкую (15 388 экз.); Палеская – у Пінскую (30 000 экз.); Віцебская – у Вілейскую (12 000 экз.), але найбольшая колькасць прыходзіла з Масквы (461 400 экз.) і размяркоўвалася па ўсіх абласцях Заходняй Беларусі [15].

Недахоп падручнікаў у школах з польскай мовай навучання прымусіў шэраг кнігарняў арганізаваць збор і продаж старых савецкіх падручнікаў. Акрамя гэтага па звесткам, якія прыводзіць у сваёй кнізе "Найноўшая гісторыя Беларусі" Я. Мірановіч, навучальныя ўстановы самі спрабавалі знайсці выйсце, а менавіта займаліся выданнем падручнікаў. Так, у 1940 годзе ў школах на тэрыторыі Заходняй Беларусі было надрукавана і распаўсюджана 62 найменні падручнікаў на рускай мове, 44 – на польскай, 43 – на ідыш, 39 – на беларускай [16, с. 118].

План выдання літаратуры на 1941 год Дзяржаўнага выдавецтва пры СНК БССР прадугледжваў выпуск на беларускай, рускай, польскай мовах антырэлігійнай літаратуры, якая была прадстаўлена наступнымі рукапісамі: "Праваслаўная царква на службе польскіх паноў", "Рэакцыйная роля каталіцызму ў заходніх абласцях БССР", "Што такое уніяцкая царква", "Сектанцтва ў заходніх абласцях БССР" і інш. Акрамя гэтага, рэдакцыйна-выдавецкі план уключаў асобны блок палітычнай і мастацкай літаратуры на польскай мове, які ўтрымліваў 78 назваў [17]. Палітычная была прадстаўлена творамі класікаў марксізму-ленінізму (У. Ленін, І. Сталін) і брашурамі агітацыйна-масавага характару ("Што дала Савецкая ўлада працоўным" і інш.). Мастацкая літаратура – творами рускіх (М. Горкі, У. Маякоўскі, А. Талстой і інш.), беларускіх (Я. Колас, Я. Купала, М. Лынькоў і інш.) і польскіх пісьменнікаў (Г. Сянкевіч, А. Міцкевіч, Б. Прус і інш.). У другой палове 1940 года палітыка ў адносінах да польскай літаратуры была перагледжана і забарона твораў А. Міцкевіча, Ю. Славацкага і іншых пісьменнікаў была прызнана памылкаю. Акрамя выбраных твораў польскіх класікаў у плане былі прадугледжаны зборнікі апавяданняў польскіх пісьменнікаў, якіх улада трактавала як савецкіх (В. Васілеўская, Я. Бранеўская і інш.) [18]. Рэдакцыйна-выдавецкі блок на польскай мове прадугледжваў выпуск дзіцяча-юнацкай літаратуры, якая павінна была пазнаёміць з дзяцінствам і школьнымі гадамі У. Леніна, у папулярнай манеры распавядала пра К. Маркса, І. Сталіна, Ф. Дзяржынскага. Таксама сюды былі ўключаны творы Я. Купалы, Я. Коласа, М. Танка і Я. Бранеўскай.

Неабходна адзначыць, польскія аддзелы выдавецтваў дзейнічалі ў Маскве, Кіеве, Вільні і выпускалі амаль аднолькавую літаратуру. Толькі ў першыя месяцы 1941 года пачалі рабіць захады, каб выправіць сітуацыю і выключыць непатрэбнае паўтарэнне адных і тых жа твораў. Арганізацыйныя і тэхнічныя пытанні, звязаныя з выданнем літаратуры на польскай мове ў БССР, канчаткова былі вырашаны 24 лютага 1941 года, калі Бюро ЦК КП(б)Б зацвердзіла пастанову аб стварэнні польскага аддзела пры Дзяржаўным выдавецтве пры СНК БССР [19, с. 98]. Кіраваў аддзелам Л. Ардынскі, а функцыі палітычнага рэдактара, са згоды партыйных органаў, выконвала Р. Каплан-Кобрынская (член КПЗБ) [20, с. 211]. Падрыхтоўку спісаў кніг, якія ў першую чаргу

неабходна было перакласці на польскую мову, ЦК КП(б)Б даручыў абласным камітэтам Заходняй Беларусі. Так, спіс патрэбных твораў, на думку сакратара абласнога камітэта КП(б)Б у Беластоку Эльмана, утрымліваў: "Дзіцячы каляндар", "Спеўнік – польска-савецкія рэвалюцыйныя песні", "Гаспадарчы каляндар", "Зборнік антырэлігійнай літаратуры", "Гісторыя народаў СССР" (падручнік для сярэдняй школы), "Вытрымкі з рэвалюцыйных падзей у Польшчы", "Збор польска-савецкіх дакументаў перыяду вайны 1920 года", "Палітычны слоўнік", "Польска-беларускі, беларуска-польскі слоўнік", "Польскі арфаграфічны слоўнік". Сярод класікаў камуністычнай літаратуры лідзіруючыя пазіцыі былі за працамі К. Маркса, Ф. Энгельса, У. Леніна і І. Сталіна, дапоўненыя творамі іншых бальшавіцкіх дзеячоў, сярод іх "Лісты, дзённікі, артыкулы" Ф. Дзяржынскага, "Салдат-грамадзянін" С. Будзённага, "Прамовы і артыкулы" М. Калініна. Класічную рускую літаратуру прадстаўлялі наступныя аўтары: М. Чарнышэўскі, М. Горкі, М. Астроўскі, А. Пушкін і інш. З беларускай мовы планавалася перакласці: З. Бядуля "Салавей"; М. Лынькоў "Участак"; Грабоў "Выбраныя вершы", а з ідзіш: Шалома Алейхема "Тэўе-малочнік"; Берлінскага "Жыццё, якое прачынаецца"; Шэхтмана "У лясках Палесся". Спіс кніг завяршала літаратура для дзяцей і моладзі, сярод іх: "Дзіцячыя і школьныя гады Ільіча", "Жалезны Фелікс" і інш. [21, с. 404]. Партыйнае кіраўніцтва строга сачыла за тым, каб літаратура была "актуальнай", таму яе друк далучалі да канкрэтных мерапрыемстваў (выбары, 1 Мая, партыйныя з'езды і г.д.).

Пачатак Вялікай Айчыннай вайны прыпыніў працу выдавецтваў, і большасць вышэй названых твораў не была выдадзена. Да чэрвеня 1941 года паступіла ў продаж на польскай мове перш за ўсе палітычная літаратура, якая ўжо раней выходзіла на тэрыторыі СССР і была ідэалагічна вытрыманая. Кнігі К. Маркса, У. Леніна, І. Сталіна былі неабходным элементам агітацыйна-прапагандысцкай дзейнасці, астатнія разглядаліся як менш важныя.

За кароткі тэрмін на тэрыторыі Заходняй Беларусі быў пройдзены шлях, які ў БССР заняў амаль два дзесяцігоддзя.

ЛІТАРАТУРА

1. Марцелев, С.В. Печать Советской Белоруссии / С.В. Марцелев. – Минск: Беларусь, 1967. – 512 с.
2. Śleszyński, W. Okupacja Sowiecka na Białostocczyźnie w latach 1939 – 1941. Propaganda i indokrynacja / W. Śleszyński. – Białystok, 2001. – 594 s.
3. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ) Фонд 4-п. – Воп. 21. – Спр. 1031. Дакладныя запіскі сакратароў ЦК КП(б)Б (1936 г. – 1940 г.). – Л. 20.
4. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ) Фонд 1. – Воп. 1. – Спр. 1: Аб распаўсюджванні друку па вобласці. – Л. 51.
5. НАРБ. – Фонд 4-п. – Воп. 21. – Спр. 1031. Дакладныя запіскі сакратароў ЦК КП(б)Б (1936 г. – 1940 г.). – Л. 6.
6. фонд. 7580, воп. 1, спр. 20, л. 199-200.
7. НАРБ. – Фонд 4-п. – Воп. 21. – Спр. 2031– Перапіска з Галоўлітбелам і АВЦ (1938 г. – 1940 г.). – Л. 14.
8. Расійскі дзяржаўны ваенны архіў (РДВА) Фонд 350806. – Воп. 1. – Спр. 147. Дырэктыўныя ўказанні, распараджэнні палітупраўлення РККА (1939 – 1941 гг.). – Л. 27.
9. Gnatowski, M. W Radzieckich okowach / M. Gnatowski – Łomża, 1997. – 308 s.
10. НАРБ. – Фонд 4-п. – Воп. 21. – Спр. 2031– Перапіска з Галоўлітбелам і АВЦ (1938 г. – 1940 г.). – Л. 80.

11. Śleszyński, W. Okupacja Sowiecka na Białostocczyźnie w latach 1939 – 1941. *Propaganda i indokryncja* / W. Śleszyński. – Białystok, 2001. – 594 s.
12. Gnatowski, M. W Radzieckich okowach / M. Gnatowski – Łomża, 1997. – 308 s.
13. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000 – 2006. – Т. 5: Беларусь у 1917 – 1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. – 2006. – 613 с.
14. Głowacki, A. Legalna książka polskojęzyczna w BSSR (1940 – 1941) / A. Głowacki // *Spółczenstwo Białoruskie, Litewskie i Polskie na ziemiach Północno-wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939 – 1941.* – Warszawa, 1995. – S. 207 – 213.
15. НАРБ. – Фонд 4-п. – Воп. 21. – Спр. 2020. Дакладныя запіскі сакратароў ЦК КП(б)Б (1936 г. – 1940 г.). – Л. 20.
16. Мірановіч, Я. Найноўшая гісторыя Беларусі / Я. Мірановіч. – СПб.: Неўскі прасцяг, 2003. – 243 с.
17. НАРБ. – Фонд 4-п. – Воп. 21. – Спр. 2031– Перапіска з Галоўлітбелам і АВЦ (1938 г. – 1940 г.). – Л. 1.
18. НАРБ. – Фонд 4-п. – Воп. 21. – Спр. 2423. – Перапіска з Галоўлітбелам і АВЦ (1938 г. – 1940 г.). – Л. 24 – 26.
19. Gnatowski, M. W Radzieckich okowach / M. Gnatowski – Łomża, 1997. – 308 s.
20. Głowacki, A. Legalna książka polskojęzyczna w BSSR (1940 – 1941) / A. Głowacki // *Spółczenstwo Białoruskie, Litewskie i Polskie na ziemiach Północno-wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939 – 1941.* – Warszawa, 1995. – S. 207 – 213.
21. Śleszyński, W. Okupacja Sowiecka na Białostocczyźnie w latach 1939 – 1941. *Propaganda i indokryncja* / W. Śleszyński. – Białystok, 2001. – 594 s.

ГОСУДАРСТВО В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ. ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Я.А. Сытник

Луцкий национальный технический университет, г. Луцк, Украина

Исследование данной проблемы началось приблизительно с последней четверти прошлого столетия. Несмотря на наличие определённых наработок, всё же данная тема страдает фрагментарностью. До сих пор не выработано единых концептуальных подходов к изучению глобального управления как политического и социокультурного феномена, характера его влияния на политическое развитие.

Необходимость реализации глобального управления связано с такими аспектами, как: 1) сложность глобализационного процесса, включающего множество подпроцессов, которые совершаются как в разных сферах общественной жизни, так и в сознании людей; 2) масштабность глобализации, её "утяжеление" в пространстве и времени, когда весь мир сегментирован на составляющие разного уровня интегрированности, а эти составляющие тесно переплетены и взаимодействуют между собой; 3) многообъектность и многосубъектность глобализации: она не просто разделила мир на тех, кто "глобализирует", и тех, кого "глобализируют"; 4) наличие в процессе глобализации таких аспектов, как мир природы с его ресурсами, который сегодня уже определённым образом закрылся (географически, ресурсно, информационно) или замыкается (интеллектуально, этически и т.д.) и приобрёл качество ограниченности и дефицитности.

ности, вследствие чего стал предметом интересов субъектов глобализации в процессе достижения ими собственной цели; 5) множественность и амбивалентность последствий глобализации, которые заложены в её природе.

Указанные аспекты находят выражение в полной неопределенности возможных результатов глобального развития, которая порождает проблемы вариантности (альтернативности) и рискованности человеческих действий, и, соответственно, проблемы выбора в процессе глобализации. Другими словами, фактически это превращает человечество в субъект глобального управления. В связи с этим становится важным осознание возможности реализации человеком управления общественным развитием.

Касательно управления глобализацией, по мнению М. Ильина и В. Иноземцева, за всеми процессами, которые радикально изменили лицо цивилизации во второй половине XX века, стоит фундаментальная тенденция получения человеком всё большей свободы – экономической, социальной, политической, духовной. Теперь целью глобализации выступает "расширение возможности человека влиять не на отдельные стороны социального процесса, а на прогресс управления в целом", что в свою очередь означает, что императив глобализации заключается в обеспечении направленности общественного развития [1, с. 9].

Исходя из теории систем, управление – это целенаправленное влияние на систему, которое обеспечивает повышение её организованности для достижения того или иного полезного эффекта. При таком понимании существуют четыре элемента управления: субъекты и объекты, цель и рациональный набор механизмов и способов достижения целей.

Под глобальным управлением следует понимать процесс обеспечения глобальными субъектами нивелирования негативных и усиления позитивных для человеческой общности эффектов глобализации путём использования способов и механизмов, которые действуют на разных уровнях – локальном, национальном, региональном и глобальном.

С позиций цели в глобальном управлении можно выделить два измерения: управление глобальными процессами в рамках самой человеческой цивилизации и измерение, которое формируется на рубеже "человечество – природа".

Первое измерение глобального управления имеет, прежде всего, политический характер. Для обозначения этой составляющей глобального управления используют термин "мондиализация" [2, с. 16]. Под ней понимают универсальный процесс упорядочения социального бытия человечества как целостности, эволюции форм организации международной жизни от международного к мировому порядку и институализации мирового порядка в политической системе мондиализма. Детерминантом процесса мондиализации выступает объективная потребность стабилизации экономической системы глобализма. Мондиализация реализуется в форме целенаправленной стратегии изменения оснований жизни человеческой цивилизации в направлении её превращения в объект глобального управления и базируется на активном применении политическими субъектами технологий сознательного ослабления традиционных территориальных, социокультурных, государственно-политических и экономических барьеров.

Другое измерение связано с решением глобальных проблем человечества. Здесь задача фиксируется жёстко: обеспечить выживание человечества. Это политическое решение тесно связано с конкретно экономическими, технико-технологическими и другими решениями, которые соответствуют сущности проблемы.

Таким образом, в условиях глобализации управление рассматривается, прежде всего, как политический императив. В целом политический характер глобального управления связан: с выработкой и принятием наиболее общих стратегических решений; с масштабами социального влияния управленческой деятельности; с потребностью реагировать на ситуации, которые быстро изменяются, применяя специфические политические средства и технологии.

Важным является также вопрос классификации субъектов глобального управления. Так, Дж. Розенау к субъектам глобального управления относит не только официальные институты и организации, которые создают и поддерживают правила и нормы, регулирующие мировой порядок (государственные институты, международное сотрудничество и т.д.), но и все организации и группы влияния, которые достигают целей.

В основу классификации субъектов глобального управления президент Международной социологической ассоциации А.Мартинелли кладет принцип деятельности. Учитывая, что исходными принципами социальной интеграции и социальной регуляции выступают власть или иерархический контроль, обмен или координация в форме транзакций, солидарность или нормативная интеграция, он так характеризует основных субъектов глобального управления: 1) международные рынки и транснациональные корпорации как институты, которые действуют по принципу обмена; 2) национальные государства, международные организации и наднациональные единства как институты, которые действуют преимущественно по принципу легитимной власти; 3) коллективные движения и эпистемные сообщества как институты, которые действуют преимущественно руководствуясь принципом солидарности [3, с. 4].

Что же касается объектов глобального управления, то следует различать два понятия: объект глобализации и объект глобального управления. Объектом глобализации выступает глобальное общество, которое формируется, а объектом глобального управления – процессы глобализации, которые охватывают все сферы деятельности данного общества.

В процессе глобализации выделились две парадигмы реализации глобального управления. В англоязычной практике и теоретических исследованиях они называются "global government" и "global governance".

Первая парадигма стала непосредственным следствием практики управления на уровне национального государства. В соответствии с ней, управление – это определённый бюрократически-административный процесс, совершаемый под руководством государства, функции которого обычно сосредоточиваются в пределах определённого руководящего органа, который одобряет решения. Такой подход можно назвать "властным", поскольку он совершается в пределах данных ему полномочий.

Но очевидно, что сложные проблемы невозможно эффективно решать в пределах только государственного подхода. Более эффективным будет создание сообществ политического взаимодействия, которые выражают интересы широкого круга представителей человечества на иных принципах.

Глобальные вопросы требуют глобальных ответов. На политику следует посмотреть под новым углом зрения. В мире, в котором интегрируется гражданское утверждение решений, правовые отношения, гражданство и демократия не могут больше рассматриваться с позиций национального государства. Нужен наднациональный и глобальный способ управления делами.

Такой альтернативой стала модель особенного типа управления - "global governance" (управление без правительства). Концепция управления - "governance" впер-

вые появилась в 1980-х годах в процессе деятельности бизнес-компаний как способ внедрения норм поведения для расширения возможностей бизнес-менеджмента за счёт связей с общественностью и повышением транспарентности процессов принятия решений. Следует отметить, что новая концепция глобального управления возникла не на голом месте. Её теоретическими источниками выступили: теория организаций, теория международных режимов и теория глобальных изменений (трансформаций).

Термин управление - "governance" начали использовать для анализа международных отношений. Управление, которое совершается национальным государством, хотя и является основным, тем не менее, существует намного дольше управленческих действий, которые происходят за пределами этой деятельности. В этом проявляется сложность глобального управления. И эта сложность не столько географическая, сколько определяется особенностью управления на каждом уровне и взаимосвязью с другими действиями. Отсюда глобальное управление ориентировано не на отвержение наднационального государства с мировой арены, а на необходимую трансформацию его деятельности, а также создание новых сфер для глобализации и управления. С этих позиций управление - "government" следует считать одной из локальных составляющих управления - "governance".

В заключение отметим основные качества глобального управления.

1. Полицентричность, связанная с тем, что не существует высшей инстанции.
2. Плюралистичность, многосторонность, которая показывает наличие в ней разных представителей – правительств, международных и неправительственных организаций, предпринимательских структур.
3. Разнообразие форм международного сотрудничества между общественным и частным сектором и коллективный поиск решения проблем. Это проявляется в том, что каждый из международных субъектов использует свои формы и средства решения международных и глобальных проблем.
4. Специфика предмета и методов глобального управления обусловливается тем, что оно пребывает на пересечении национальных интересов и властных отношений, а поэтому общее решение проблем путём сотрудничества, общие усилия и соучастие выступают необходимыми механизмами урегулирования глобальных взаимозависимостей и проблем.
5. Многоуровневость глобального управления, которая свидетельствует о том, что проблемы выходят за рамки государств, и глобальные проблемы решаются не только на глобальном уровне и не только международными организациями или международными режимами. Определяющим является то, что многие проблемы требуют политических ответов на всех уровнях – от локального к глобальному.

6. Институциональная инновационность, обусловленная глубинными трансформациями, которые возникли в результате реализации глобального управления, проявляется в превращении институций и структур, которые существуют на локальном, национальном и региональном уровнях, в продуктивную глобальную политическую систему.

Сравнивая две парадигмы глобального управления, отметим, что новую парадигму поддерживают теоретики, тогда как практики относятся к ней как к перспективному "интеллектуальному проекту" и отдают предпочтение традиционной парадигме. Тем не менее, именно глобальное управление - "governance", которое базируется на приоритетах сотрудничества и взаимопомощи, может стать той парадигмой, которая будет направлять глобализацию в рамках всеобщего демократического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин, М.В.; Иноземцев В.Л. Введение // Мегатренды мирового развития. – М.: Экономика, 2001. – С.7-25.
2. Шепелев, М.А. Глобалізація управління як мегатенденція сучасного світового розвитку. – К.: Генеза, 2004. – 512 с.
3. Мартинелли, А. Рынки, правительства, сообщества и глобальное управление (Доклад XV Конгрессу. Часть 1.) // Социологические исследования. – 2002. – № 12. – С. 3 – 11.

TRANSFORMATION OF BELARUSIAN IDENTITY UNDER CONDITIONS OF NEW EUROPEAN BORDERLAND

L.G.Titarenko

Belarus State University, Minsk, Republic of Belarus

Since the 2004 EU enlargement, Belarus has become a new EU border. Taken into account the historical past of Belarus (its long-term existence as a part of the GDL and the Commonwealth of Lithuania and Poland), and cultural closeness of Poles and Belarusians as two Slavic nations, a new theoretical and practical question arose: can Belarus be considered as a European nation as well as Poland and Lithuania? In other words, it is about Borderland and its status: as a space of conflict between two "basic" civilizations or as an intersection of both that inherited some features of them.

Although this question may look as a speculative one, in reality it is very practical: it gives a key to the discourse of further development of Belarus as an independent state. Soon after the breakdown of the Soviet Union, Belarus has got political independence. It gave a push to the development of the new national identity as well: people started to identify themselves as citizens of their own nation-state. Slowly, the process of formation this new identity has developed. However, a few years later, a Union of Belarus and Russia was formed that resembled the USSR and considered by many politicians and common people as a first step to the restoration of the Soviet state. As a consequence of this political union, a former soviet type of identity, so called "soviet personality", received an impulse for renaissance. As sociological data showed, in the late 1990s more than a half of Belarusians supported the idea of some kind of unification with Russia [see: 1]. Meanwhile, unification could immediately destroy a newly formed but still fragile type of Belarusian national identity.

The systemic post-communist transformation turned into a new stage in the beginning of the 21st c. On the one hand, several former communist countries joined the European Union; on the other, Russia expressed its strong will to return its global role and regional domination. In case of Belarus it was an old challenge – joining East or West. As in the previous history, Belarus found itself under the influence of its powerful neighbors. Although Belarus was not invited to the EU and did not express its own interest of this kind, the country has much in common with those former communist Eastern European states that joined the EU. From this aspect, Belarus, as well as Poland and Lithuania can be viewed as typical Eastern European borderland countries, or a borderland region. Such countries inevitably combine some cultural phenomena from both sides and usually develop a strong local identity ("we are from here") that can often dominate over national or ethnic identities in such regions [2, 95]. For this reason other identities that might be in use here can not successfully compete

with local identity; however, all existing identities in the borderland peacefully coexist and complement each other. Historically, it was the case with Belarus for centuries: it was constantly influenced by Latin (Western) and Byzantine (Eastern) civilizations that resulted in Belarusian cultural pluralism, high level of religious and ethnic tolerance, and local self-identification of the population. Therefore, there is no "choice" for Belarus to belong to only East or West: it is destined to exist in the borderland. From this approach, current Belarus can be viewed as a European country similar to other countries of the Eastern European borderland.

However, the current Belarusian surveys data show that from the aspect of self-identification people living in Belarus does not usually perceive themselves as Europeans: mainly, people speak about their local, ethnic, religious, or social class identities (such as "citizens of this village", Catholics, peasants, etc.) [3, 165]. In the recent national survey made by IISEPS when being asked whether respondents feel Europeans, i.e. whether they belong to the European culture and history, only 37% answered in positive, while 52% answered negatively [1]. Such answers do not coincide with the views of people in the EU neighborhood. Public opinion polls in Poland and Lithuania confirm that their people have a sense of a European identity [4]. The question is why Belarusians view themselves in a different way? If this is a whole borderland region, there should be a similarity in identity issues. What is the reason of this difference?

The situation can be understood in the historical context. The fact is that before joining the EU, a European identity was lower in the former communist countries of CEE: it grew together with the years of their membership in the EU. We may assume that European identity can grow in Belarus since spring 2009, when the country has joined the Eastern European Partnership Program. Indeed, since then, the international relations between the EU and Belarus have been improved, and the image of the EU in Belarusian mass media has changed for better. There is an expectation that in case of economic and political success of this program the attitude towards the EU among the people and their European identity of Belarusians can also grow.

Surveys data confirm that this logic is correct. Thus, before 2009 the attitude of Belarusians to the EU was rather negative. In early 2009, when IISEPS asked directly how they would vote in a provisional situation regarding Belarus – to join the EU or not, more people (36%) said they would vote against joining the EU (and 35% said they would vote for joining the EU). A year later, in spring 2010, the proportion has changed to the opposite. As NOVAC survey showed, on a provisional referendum about the joining the EU almost 38% would vote for joining the EU, while around 34% still against [1; 5]. Probably, this choice is motivated by the pragmatic reasons (hopes for better salaries, jobs abroad and the like). However, it does not matter what are particular motives of the population: the major issue is that such motives are plural and strong. Actually, pragmatic reasons prevailed among the people in the ex-communist countries that have already joined the EU: they also wished better economic conditions, higher salaries and life style. Anyway, currently they developed a steady European identity and view themselves as EU members and Europeans as well as they view themselves as local and regional citizens.

We may assume that European identity is a historical construction that can be formed in a particular direction, depending on the dominant political and economic interests of the powerful elites. In Belarus the European identity can be built on a different basis in comparison with Poland, where the slogan "Back to Europe" was accompanied by a NATO orientation and anti-Russian feelings. In other words, Poland, being a part of the borderland, tried to become

"more Western" and diminish its "belonging to the East". As a result of this purposely selected politics, currently, Poles perceive their Eastern non-EU neighbors, Ukrainians and Belarusians, with much less sympathy than their EU neighbors, especially the old EU members having a need in cheap working power from Poland – Spain, Britain, Italy [4]. Probably, if Eastern borderland countries would be better economically, Poles have more friendly attitudes toward them. It is clear that images of neighbors are also social constructions: political propaganda and media can strongly influence them in any direction.

Belarus can probably continue its "politics of balance" between East and West as a fundament for growing a feeling of European identity of the population. This politics has already brought some positive results in the sphere of economy; however, it is always a threat (at least potential) of loosing this balance in favor of a strong Eastern "big brother".

There is another current difference between Belarusians, Poles and Lithuanians: their level of civic identity. While the option "citizen of a particular nation-state" dominates among all the kinds of identity in Poland and Lithuania, it does not dominate in Belarus. For example, 2009 public opinion poll in Poland indicated that over a half of respondents consider themselves exclusively Polish [6]. It means that for more than half of the Polish population their nation-state is more important than the EU. This kind of civic national identity is even higher in Lithuania. Overall, civic identity prevails in all EU countries. This situation does not follow in line with the previous theories of identity that predicted a growth of some unified types of identity (global, European) and a decline of nation-state. However, it did not happen. A European identity is also growing in the new EU member-states, but it is everywhere below the civic identity, and sometimes – even below the regional identity.

Ukraine demonstrates a good example of purposely constructed civic identity: in this country during the years of independence the feeling of "being a citizen of Ukrainian state" has become stronger and stronger, due to many events organized by the state and the national propaganda. As a result, as Ukrainian sociologists showed, according to the Ukrainian monitoring "Ukrainian society", in 1992 a level of civic identity was less than a half of the people (45.6%). During the next period, it was increased and reached in 2008 almost 52% [7]. It is quite similar to the Polish data and two times higher than in Belarus. Of course, the starting points in all cases were different; however, this identity can be successfully constructed if there is a clear goal, supported by the action program and finance.

Russia's influence on Belarus is significant in the field of identity formation – not only as an influence by Russian Federation, but especially as the influence of the Union of Russia and Belarus. It is important to show how people in Belarus evaluate the Union of Belarus and Russia that was primarily signed in 1996 between two independent countries with an idea of their full integration (economic, political, military) in the future. The practical uncertainty of the status of this Union makes some significant obstacles for the construction of the new model of Belarusian identity: if there will be one state in the future, the unified identity should be necessary, if the union will remain in its current status, so a stronger model of pure Belarusian identity should be formed. According to IISEPS (2004) data [1], in 1994 almost more than a half of Belarusians supported the process of unification with Russia. In 2004 the number of supporters of the full unification (and the formation of one new state) reduced to 12-14% strong supporters of Russian-Belarusian unification. It is quite possible that by the end of 2006 this number is even less because of the "gas war" between Russia and Belarus.

The ups and downs in the process of Russian-Belarusian unification and remaining uncertainty of the final status of such union contribute a lot of ambivalence into the definition of both positive and negative aspects of new model of Belarusian identity. Thus, if there is a

political union with Russia, who are Russians for us – "Others" or "Us"? Probably, those Belarusians, who, according to ISEPS (2008) data [1], hypothetically agree to be unified with Russian Federation, consider Russians as "us"- group, while another group prefer to join the European Union, – hypothetically may consider Russians as "they"- group. Such data clearly manifest the ambivalence of the current understanding of the meanings of "we" and "they"-groups within the framework of identity construction: for some Belarusians, citizens of other than Republic of Belarus country (Russia or EU) belong to "we" - group, while for the other part of Belarusians all these countries are real foreigners and therefore considered as "others" or even "aliens".

Taken into account the above-mentioned trends in the development of different kinds of identity in the Eastern European borderland countries, among them in Belarus, we can assume that transformation of the identity formation is a rather slow process. It can go faster for some social groups (for example, youth) and even more slow for some other groups (minorities). In the conditions of European borderland a lot of factors may influence this process, so that some traditional types of identity (ethnic, territorial, local) become less important and less visible, but not less real, as they are supported by many historical stereotypes. Under the globalization influence, it is possible to change and reconstruct even these traditional types of identity (for example, aggravate ethnic conflicts, or, on the contrary, keep them under the state control). It is even more functional in case of construction or reconstruction some modern types of identity (civic identity, European identity) where special efforts of the state and other political actors can play extremely important role.

We may conclude that the phenomenon of identity has a complex nature. Currently, the national identity is not a mono-construction. It includes several types of identities: civic, ethnic, regional, local, territorial, religious, etc. Each of them is essential for the modern nation to exist and develop itself. They are in the close interaction with sub-national identities (European, global) that make this phenomenon even more complicated, because in most cases, the territorial borders of contemporary states do not coincide with the borders of the ethnic groups or so called "borders of civilizations"; therefore the population identifies itself as a cultural community (*versus* national or ethnic) and share some common vital values and meanings.

In the situation of Eastern European borderland all types of identities can be potentially contradictory, as they may be related to the different "civilizational roots". Being usually rather tolerant, borderland regions develop a great variety of identities to demonstrate multiculturalism of its population. Therefore, it is in the interests of all the nations to keep the cultural borderlands as their heritage and do not destroy the existing identities on behalf of any temporary political interests – be it the EU or other unions. The acknowledgement of the borderland nature of a country is a political issue where political interests play a more important role than culture and history of a nation. The current Eastern European borderland countries clearly demonstrate that the so-called "civilization divisions" are contextual: they have to be explained and understood within a particular historical framework.

REFERENCES

1. www.iiseeps.org Last access: 16.12.2009
2. Holm-Hansen, J. "Three perspectives on the borderland: The case of northeast Poland and the regions across the border"; in Pogranicze: Studia Społeczne, A. Sadowski (ed). Białystok: Wyd. Uniwersytetu w Białymstoku, 2000. V.9: 95-113.

3. Титаренко Л.Г. Формирование новой модели развития белорусской идентичности в условиях многовекторного воздействия глобальных и национальных факторов // Социологический альманах. Вып.1.Мн., Беларуская навука, 2010: 162-170.

4. Eurobarometer // http://ec.europa.eu/public_opinion/index_en.htm Last access: 10.05.2010

5. Что сближает нас с русскими и европейцами, а чем мы не похожи на них? // <http://news.tut.by/169884.html> Last access 14.5.2010

6. Polish Public Opinion (CBOS paper report). 2009. #7. p.3

7. Danylenko O. National Identities in Ukraine and History Construction // http://www.gesis.org/fileadmin/upload/dienstleistung/fachinformationen/series_ssee_01/National_Identity_June_2009.pdf. Last access: 06.05.2010.

UKŁAD GEOPOLITYCZNY W XXI WIEKU

Zofia Tómczonek

Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

Po zburzeniu muru berlińskiego w 1989 roku świat wszedł w nowy okres swych dziejów. Upadł konkurencyjny wobec kapitalizmu system. Zostało jedno supermocarstwo Stany Zjednoczone. Rozpadł się blok Wschodni. Ład światowy z dominującą pozycją Stanów Zjednoczonych wydał się być trwały. Wydarzenia z 11 września 2001 roku. Czyli zamachy na World Trade Center w Nowym Yorku i wojna z Irakiem zmieniły zasadniczo sytuację na świecie [1, s. 13]. Pozycja Stanów Zjednoczonych zaczęła powoli ale stale słabnąć.

Stany Zjednoczone po 11 września 2001 roku i wojna z Irakiem w 2003 roku

W przededniu obecnego kryzysu gospodarczego Stany Zjednoczone znalazły się w bardzo niekorzystnej sytuacji zarówno politycznej jak i ekonomicznej. Prowadzona wojna w Iraku i Afganistanie nie przyniosła zamierzonych celów, okupacja obu krajów trwa. Dług publiczny stale rośnie, a sami Amerykanie są zadłużeni, oszczędności ich zmalały [2]. Jest to związane z faktem, że od lat 70-tych nastąpiła stagnacja płac wśród klasy średniej i niższej.

Rola i miejsce Stanów Zjednoczonych się zmienia. Niegdyś symbol opoki dla Zachodu, teraz wyraźnie widać słabnięcie. Równocześnie jako jedyny kraj na świecie utrzymuje dominującą pozycję ze względu na potencjał nuklearny, rozpiętość i pokrycie świata własnymi bazami wojskowymi w strategicznych miejscach takich jak Cieśnina Ormuz, Kanał Panamski, a także wielkość gospodarki, która wciąż jest największa na globie. Obraz społeczeństwa amerykańskiego dopełnia zjawisko konsumpcjonizmu i wiążącego się z nim życia na kredyt.

Stany Zjednoczone dzisiaj to połączenie militarystyki w polityce zewnętrznej i konsumpcjonizmu [5, s. 13 – 18] w polityce wewnętrznej.

Barber [2, s. 32–41] wśród zagrożeń wewnętrznego zachodniego systemu społecznego wymienia osłabienie instytucji demokratycznych i przekształcenie obywatela w infantylnego konsumenta. Pozycja obywatela Ameryki w strukturze władzy została osłabiona, a rola zdegradowana do pozycji konsumenta. Współczesny kapitalizm w Stanach Zjednoczonych znacznie się oddalił od obserwacji Maxa Webera w „Etyce protestanckiej i duchu kapitalizmu”. To nie praca jest cnotą a konsumpcja. Kupowane towary i usługi stają się wyznacz-

nikiem statusu społecznego pozwalającego na ciągłą zabawę. Wielkie galerie handlowe czy hipermarkety są ziszczeniem marzeń. Reklama stawia na młodość. Cały przemysł istniejący wokół realnej produkcji namawia do zakupów. Bogactwo to stan posiadania dzisiaj, choćby na kredyt. B. Barber uważa, że kultura masowa kreowana przez rynek infantylizuje dorosłych, psuje dzieci podatne najbardziej na reklamy. Ludzie chcą być bogaci tu i teraz. Barber dostrzega korelację między produktami, które osiągnęły swój komercyjny sukces a wartościami, jakie one promują na podstawie hitów filmowych oraz najpopularniejszych haseł wpisywanych do wyszukiwarki internetowej Google. Sale kinowe w latach 2001-2005 zostały zdominowane przez filmy zanimowane, fantasy czy komiksy m.in. Shrek, Gdzie jest Nemo, Władca Pierścieni itp. Barber nazywa to zjawisko „kretynizacją”. W tym samym czasie w innych państwach kino posłużyło m.in. do promocji własnej kultury, czy opisywania problemów społecznych. W Stanach Zjednoczonych oferowano zaś widzom zielonego, baśniowego stwora, lub legendę o królewiczu z bajki czy sensacje o postaciach czarno-białych.

Promowana jest młodość. „Próbuje się stawiać dziecko jako samodzielne konsumenta”, prowadzi to do erozji władzy rodzicielskiej, zostają odwrócone role społeczne.

Władza w Stanach Zjednoczonych przesuwana jest w stronę rynku, od instytucji typu rodzina, samorząd, państwo. Rynek kieruje się strategią szybkich zysków. Uznano chciwość za cnotę, egoizm za postawę godną naśladowania, prywatne stało się ważniejsze od publicznego. Obywatela przekształcono w infantylnego konsumenta. Nastąpiła marketyzacja i mediatyzacja polityki. Stała się ona elementem rozrywki. Politycy są gwiazdami pop.

Połączenie zobowiązań militarnych z kulturową zmianą w społeczeństwie amerykańskim destabilizuje funkcjonowanie supermocarstwa. Wojny wymagają ofiar. Amerykanie zaś w ostatnim okresie zadłużyli się przy zakupach, które im proponowano. Jak zatem będzie wyglądać ich pozycja w świecie w najbliższym okresie? Pytanie to jest otwarte.

Integrująca się Europa

Rozpad ZSRR i upadek Bloku Wschodniego w stosunkach międzynarodowych spowodowały znaczne zmiany. Zmieniły się granice, powstały nowe państwa. W Europie dominującą organizacją stała się Unia Europejska powstała gruncie EWG i Euroatomu. Unia Europejska stała się największym obszarem gospodarczym świata. Polityczne aspiracje państw należących do Unii nie są zbieżne. Europa łączy się głównie z powodu globalizacji ekonomicznej. Pojedyncze państwa europejskie miałyby dużo mniej znaczący głos w gospodarce świata aniżeli razem. Podstawowym dylematem dla Europy jest kwestia samookreślenia czym ma być Unia Europejska, jak ma być i czego chcą jej obywatele? W polityce wewnętrznej Unia Europejska występują wyraźne różnice. Europa Wschodnia w tym Polska, kraje bałtyckie i Wielka Brytania wspierają nurt transatlantycki z przewodnią rolą paktu Północnoatlantyckiego. Również żywa jest koncepcja budowy europejskich sił zbrojnych czyli własnych struktur wojskowych. Część członków Unii Europejskiej jest neutralna. Pierwsze korpusy wojskowe UE już stworzone, a równocześnie warto zauważyć, że rozwój ich dalszy jest uzależniony od działań NATO i że ono będzie dalej pełniło ważną rolę.

Integracja gospodarek zawsze wyprzedzała integrację polityczną. Funkcjonowanie struktur unijnych zależy wciąż od polityków poszczególnych państw członkowskich. Ujednolicenie zasad panujących w poszczególnych sektorach gospodarki, wprowadzenie wspólnej waluty, swobodny przepływ kapitału, ludzi i towarów integruje gospodarki państw członkowskich. Równocześnie budowa struktur politycznych Unii jest wciąż oparta na Europejskiej Wspólnocie Gospodarczej.

Przebudowa struktur politycznych Unii Europejskiej natrafia na opór państw członkowskich. Nie było możliwe wprowadzenie „Traktatu Konstytucyjnego”. Nie wydaje się, aby poszczególne państwa członkowskie wiedziały jak ma wyglądać Europa wspólna w przyszłości. Referenda we Francji, Holandii i Irlandii wykazały, że nasila się w tych krajach opozycja wobec funkcjonowania Unii. Integracja gospodarcza nie oznacz końca podziałów na gruncie polityki czy kultury. Teza o trzech fundamentach Europy tzn.: prawo rzymskie, filozofia grecka i religia chrześcijańska jest co najmniej wątpliwa. Działają bowiem dwa rodzaje prawa: rzymskie i anglosaskie, filozofia grecka jest traktowana wybiórczo, a religia chrześcijańska, bardziej Europy dzieliła niż łączyła.

Trudno więc obronić tezę, że Europa łączy się ze względu na wspólne korzenie kulturowe. Pierwotnym powodem była potrzeba wspólnego działania w warunkach zimnej wojny, obecnie zaś wspólne działania wymusza globalizacja ekonomiczna. Jednocząca się Europa potrzebuje idei, która by łączyła zwaśnione dotąd narody. Potrzebuje również stworzenia określonej wizji politycznej, wobec skali zmieniającego się otoczenia międzynarodowego.

Nie można wykluczyć degeneracji integracji europejskiej w następstwie kryzysu gospodarczego i powrócenie do narodowych polityk na kontynencie. Kryzysy gospodarcze pociągają z reguły za sobą procesy dezintegracyjne. Tak było w okresie międzywojennym. Gdy zawodzi system funkcjonujący z reguły opinia kieruje się na zmiany tego systemu. Odmienne wizje radzenia sobie z kryzysem gospodarczym w Europie widać obecnie. Można wnioskować, że kryzys gospodarczy 2008 roku będzie miał swoje konsekwencje także dla procesu integracji europejskiej. Może wzrosnąć rola ugrupowań sprzeciwiających się integracji. Kryzysy gospodarcze burzą status quo, a im głębsza jest recesja tym większa możliwość zmian wewnętrznych systemu politycznego i ekonomicznego. Przykładem jest tu choćby kryzys gospodarczy Bloku Wschodniego z lat osiemdziesiątych XX wieku.

Zmieniające się Chiny

Od 1978 roku rozpoczęto w Chinach program „czterech modernizacji” tzn.: przemysłu, rolnictwa, kultury i sił zbrojnych [4, s. 76]. Rozpoczęto przebudowę struktur ekonomicznych, która pociągała za sobą zmiany w strukturze politycznej. Aby wzmocnić Chiny otworzono gospodarkę dla inwestycji udostępniając niskie koszty pracy oraz możliwość swobodnego transferu zysków poza granice kraju. Zaczęto tworzyć specjalne strefy ekonomiczne. Do mechanizmów rynkowych Chiny podeszły pragmatycznie, tzn. rynek służy jako instrument wzmocnienia państw [3, s. 114–115]. Ten ekonomiczny pragmatyzm wydaje się być do dziś niepodważalny. Rynek służy państwu, pozwala to Chinom swobodnie kreować politykę wewnętrzną. Ideologia odeszła na dalszy plan. Rola państwa i władzy jest zakotwiczona w Konfucjonizmie.

Modernizacja Chin doprowadziła do osłabienia pozycji wsi i jej ubożenia. Pojawił się proces masowej migracji do miast i niepokój na prowincji. W celu pozyskania kapitału i podtrzymania konkurencyjności produktów Chiny prowadzą politykę utrzymania słabej wartości waluty, a gospodarka jest nastawiona na eksport. Industrializacja i urbanizacja to tworzenie kapitału trwałego i infrastruktury. Pozycja Chin uległa znacząco wzmocnieniu w ciągu ostatnich 20-tu lat. Chiny stały się drugim największym eksportem na świecie, dominują w Afryce i przenikają do krajów Zachodu. Pozyskały bazę edukacyjną, technologiczną, wzmocniły armię, rozpoczęły budowę floty i programu kosmicznego. Prowadząc politykę nieinterwencji w wewnętrzne sprawy krajów mają dostęp do ich rynków.

Pozycja Rosji

Po zakończeniu zimnej wojny rozpadł się Związek Radziecki powstała Wspólnota Niepodległych Państw na jego miejsce. Federacja Rosyjska do czasu pojawienia się Władimira Putina przeżywała okres nazywany „smutą jelicynowską”. Pod władzą Putina oparła się na pragmatyzmie gospodarczym. Przeprowadzono szereg liberalnych reform w gospodarce. Wprowadzono 13% dochodowy podatek liniowy, ułatwienia fiskalne dla małych przedsiębiorstw, podatek dla korporacji obniżono do 24%, otwarto bramy dla kapitału zagranicznego. W latach 2000-2007 podwoiły się wpływy z eksportu surowców energetycznych i stanowiły połowę przychodów budżetu. Pozwoliło to Rosji spłacić szereg długów i stworzyć fundusz na poczet przyszłych emerytur. Państwo zaczęło przejmować kapitał z rąk prywatnych (Jukos) [4].

W. Putin zmienił także politykę zagraniczną Federacji Rosyjskiej. Odbudowa prestiżu Rosji stała się najważniejszym celem. Po wstąpieniu do NATO krajów byłego Bloku Wschodniego zdefiniowano na nowo interesy rosyjskie. Ważnym było także odzyskanie wpływów w krajach byłego ZSRR. Rosja prowadzi niezależną politykę zagraniczną.

Rosjanie pragmatycznie budują swoje relacje z poszczególnymi krajami. Chęć odbudowy mocarstwowej pozycji jest widoczna i jest rosyjską relacją stanu. Współpraca z Zachodem to potrzeba uzyskania kapitału i rozwinięcia gospodarki. Pozycja Rosji w ostatnim 10-leciu uległa umocnieniu. Wpływ na to miała centralizacja władzy państwowej i jej usprawnienia, a także rosnące ceny surowców naturalnych przede wszystkim energetycznych. Rosja ma wysokie wskaźniki skolaryzacji oraz szkolnictwa wyższego, który kończy największa liczba absolwentów w Europie.

Ameryka Łacińska

Przez cały wiek XX Ameryka Łacińska była pod wpływem Waszyngtonu. Na wzrost znaczenia ugrupowań lewicowych w Ameryce Południowej i Środkowej na początku XXI wieku złożyły się czynniki: polityczne i ekonomiczne. Wśród czynników politycznych należy wymienić dążenie do hegemonii w regionie przez popieranie dyktatur, które służyły amerykańskim interesom. Dyktatury w regionie utrzymywały się tak długo, jak wspierały amerykańskie interesy i były antykomunistyczne. Rodziło to naturalną opozycję wśród ludności miejscowej. Lewica stała się symbolem oporu wobec systemu polityczno-ekonomicznego funkcjonującego w krajach Ameryki Łacińskiej. Wśród czynników ekonomicznych należy wymienić przede wszystkim biedę, ogromne zróżnicowanie dochodów, nierówny dostęp do usług (np. edukacja czy opieka zdrowotna). Wykluczenie społeczne oparte na czynnikach ekonomicznych. Stan gospodarki krajów Ameryki Łacińskiej był zły. Miejscowe rządy były przeżarte korupcją. Kryzys zadłużeniowy Ameryki Łacińskiej [6] pogrążył i tak słabe gospodarczo kraje tego regionu. Recesja gospodarcza przyniosła zmiany polityczne. Nastąpiła zwrot lewicowy w polityce. Kraje Ameryki Łacińskiej mają słabo rozwiniętą infrastrukturę, słabo wykształconych ludzi.

LITERATURA

1. S. Albinowski. *Bogactwo i nędza narodów*. – Warszawa, 1996.
2. B. R. Barber. *Skonsumowani. Jak rynek psuje dzieci, infantylizuje dorosłych i połyka obywateli*. – Warszawa, 2008.
3. W. Dziak. *Chiny wschodzące supermocarstwo*. – Warszawa, 1996.
4. G. W. Kołodko. *Wędrujący świat*. – Warszawa, 2008.
5. J. Rifkin. *Europejskie marzenia: jak europejska wizja przyszłości zaćmiwieć american dream*. – Warszawa, 2005.
6. S. Rączkowski. *Świat w obliczu kryzysu zadłużeniowego*. – Warszawa, 1990.

OBOWIĄZKI NOTARIUSZA W ZAKRESIE BADANIA LEGALNOŚCI OBROTU NIERUCHOMOŚCIAMI Z UDZIAŁEM CUDZOZIEMCÓW

Barbara Czajkowska
Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

Uwagi wprowadzające

Ustawa z dnia 20 marca 1920 r. o nabywaniu nieruchomości przez cudzoziemców (w treści powołana jako ustawa z 1920 r.) [18] jest aktem prawnym mającym na celu ochronę przed niekontrolowanym wykupem ziemi przez obcy kapitał. Wyrazem powyższego jest norma wynikająca z art. 1 ustawy wyrażająca ogólną zasadę, zgodnie z którą nabycie nieruchomości przez cudzoziemca wymaga zezwolenia Ministra Spraw Wewnętrznych i Administracji, jeżeli sprzeciw nie wniesie Minister Obrony Narodowej, a w przypadku nieruchomości rolnych, jeżeli sprzeciwu nie wniesie również Minister Rolnictwa i Rozwoju Wsi. Zezwolenia Ministra Spraw Wewnętrznych i Administracji wymaga, także nabycie lub objęcie przez cudzoziemca udziałów lub akcji w spółce handlowej z siedzibą na terytorium RP, będącej właścicielem lub wieczystym użytkownikiem nieruchomości w Polsce. Wyjątki od powyższej zasady zostały enumeratywnie zawarte w art. 8 ust. 1, 2 i 2a ustawy z 1920 r. i dotyczą w szczególności podmiotów należących do Europejskiego Obszaru Gospodarczego oraz Konfederacji Szwajcarskiej (szczegółowa analiza wykracza jednak poza ramy niniejszego artykułu).

Aby urzeczywistnić kontrolę obrotu nieruchomościami ustawa z 1920 r. wprowadza, pod rygorem nieważności, zakaz dokonywania czynności prawnych oraz wpisów prawa własności bez przedstawienia zezwolenia MSWiA, a w przypadku ustanowienia w zezwoleniu specjalnych warunków, także dowodu z dokumentu urzędowego o ich spełnieniu (art. 5 ustawy). Adresatami tej normy prawnej oprócz stron danej czynności prawnej są przede wszystkim notariusze gdyż nabycie własności nieruchomości następuje w formie aktu notarialnego. Na notariuszu więc ciąży obowiązek niedopuszczenia do obrotu wadliwych czynności prawnych.

Biorąc pod uwagę szczególną rolę notariuszy w tym obszarze badawczym, należy przybliżyć regulacje prawne, które pozwalają im badać legalność czynności prawnych z udziałem cudzoziemców, a tym samym sprawować kontrolę nad obrotem nieruchomości.

Obowiązki notariusza jako osoby zaufania publicznego

Status prawny notariusza określa przede wszystkim ustawa prawo o notariacie, która przyznaje mu szczególną pozycję (w treści powołana jako pr. o not.) [19]. W zakresie swoich uprawnień notariusz działa jako osoba zaufania publicznego (art. 2 § 1 pr. o not.) co jest wyrazem szczególnego zaufania państwa do notariatu [7, s. 85]. Należy podkreślić, że notariusz nie jest organem obsługi prawnej, nie łączy go ze stroną żaden stosunek zobowiązaniowy [7, s. 87]. Zwrot „osoba zaufania publicznego” należy do kategorii zwrotów niedookreślonych jednakże wynikają z niego doniosłe konsekwencje. W literaturze prawniczej przyjmuje się, iż notariusza jako osobę zaufania publicznego wyróżnia to, iż:

- realizuje on funkcje publiczne państwa w tym funkcję jurysdykcji prewencyjnej mającej na celu eliminowanie lub ograniczenie ryzyka przyszłego sporu przed sądem [7, s. 87, 88].

• wypełnia misję gwaranta prawidłowości dokonywanych przez strony czynności. Ma on zatem obowiązek udzielania wskazówek co do ważności i skuteczności stwierdzonej w akcie czynności prawnej. [8, s.13; 13 s.13],

• jest gwarantem bezpieczeństwa obrotu prawnego [13 s. 12],

• jest osobą gwarantującą odpowiedni poziom etyczny [3, s.115]

Można stwierdzić, że rolą notariusza jest zapewnienie, aby dokonywane z jego udziałem czynności (w tym akty notarialne) były zgodnie z prawem [2, s. 46]. Z rangą zawodu notariusza łączy się wymóg jego szczególnej staranności, którą wyznacza przede wszystkim treść art. 80 pr. o not. Przy dokonywaniu czynności notarialnych jest obowiązany czuwać nad należytym zabezpieczeniem praw i słusznym interesom stron oraz innych osób, dla których czynność ta może powodować skutki prawne (art.80 § 2 pr. o not.). Notariusz powinien przede wszystkim rozpoznać jakie są oczekiwania stron, a więc ocenić intencje osób mających zawrzeć umowę [6, s. 162.]. Ponadto ma on obowiązek udzielać stronom niezbędnych wyjaśnień dotyczących dokonywanej czynności notarialnej (art. 80 § 3 pr. o not.). Realizacja wymienionych obowiązków wymaga od notariuszy w pierwszej kolejności znajomości i przestrzegania prawa oraz informowania stron o prawnych konsekwencjach dokonywanej czynności. W doktrynie podkreśla się, że ma to szczególne znaczenie w odniesieniu do tych przepisów, które kształtują skutki dokonanej z udziałem notariusza czynności prawnej albo stanowią podstawę oceny jej ważności [10, s. 172-179]. Na notariuszu spoczywa przede wszystkim wykładnia obowiązującego prawa materialnego [2 s. 52]. Szczególną wnikliwością powinien się kierować w sytuacji, gdy stroną czynności jest cudzoziemiec [1, s.71 nast.; 10, s. 173-174]. Jest to rzecz szczególnie trudna w odniesieniu do ustawy z 1920 r., której przepisy stwarzają liczne problemy interpretacyjne, co w praktyce zostało dostrzeżone także przez notariuszy [14, s. 218; 4, s. 83-105]. Natomiast realizacja obowiązku wynikającego z treści art. 80 pr. o not. powoduje, że notariusz powinien zapewnić zgodność czynności notarialnej z prawem. Zakresem staranności zawodowej jest również objęta analiza dokumentów stanowiących przesłankę zawarcia umowy [8, s.17; 13, s.12], także z punktu widzenia wynikających z tego skutków prawnych.

Zgodnie z art. 81 pr. o not., notariusz powinien odmówić dokonania czynności notarialnej sprzecznej z prawem. Sąd Najwyższy w wyroku z dnia 07.11.1997 r. [III CKN 420/97, OSNIC 1998, nr 5, poz. 86] podkreślił, że jeżeli proponowana przez stronę czynność notarialna jest sprzeczna z prawem, notariusz ma nie tylko obowiązek poinformowania o tym, lecz także odmówienia jej dokonania. SN podkreślił, że kategoryczność sformułowania użytego w art. 81 pr. o not. oznacza, że jeżeli w ocenie notariusza zamierzona przez strony czynność prawna narusza prawo to ma on obowiązek odmowy sporządzenia jej w formie aktu notarialnego. także wówczas, gdy poinformowane o tym strony nalegają na sporządzenie aktu. Notariusz w zakresie uregulowanym w tym przepisie jest strażnikiem zgodności aktu notarialnego z prawem. Z mocy tych postanowień ustawy notariusz nie jest zwykłym wykonawcą zleconych mu usług, całkowicie podległym woli zlecającego. Jeżeli proponowana przez strony czynność prawna jest sprzeczna z prawem, notariusz ma obowiązek poinformowania ich o tym oraz odmówienia sporządzenia jej w formie notarialnej pod rygorem odpowiedzialności cywilnej z art. 49 pr. o not.

Pojęcie „czynność sprzeczna z prawem” jest w różny sposób interpretowane w doktrynie przy czym istnieje tendencja do jego szerokiego rozumienia [3, s. 109]. W szczególności podkreśla się, że przepis ten przewiduje zakaz dokonywania czynności sprzecznej z przepisami prawa materialnego [9, s. 46; 12 s.210]. Sprzeczność z prawem nastąpi także wówczas, gdy notariusz wiedział lub z łatwością mógł się przekonać, że zamiarem stron jest

zawarcie umowy pozornej albo stanowiącej obejście prawa [13, s. 14]. Za jeszcze szerszym rozumieniem tego pojęcia opowiedział się SN w orzeczeniu z dnia 12.06.2002 r. [III CKN 694/00, OSNIC 2003, nr 92, poz. 124] uznając, że „czynność notarialna sprzeczna z prawem” obejmuje również czynność ważną wprawdzie z punktu widzenia prawa, lecz narażającą stronę na niekorzystne dla niej skutki z uwagi na użyty język prawa w sposób budzący wątpliwości co do treści złożonego oświadczenia. Należy zgodzić się z E. Gniewkiem [2, s. 55], że czynność notarialna sprzeciwia się prawu, jeżeli według zasad prawa materialnego jest nieważna albo uzasadnia zaskarżenie, czy też naraża stronę na niekorzystne skutki. Przy czym należy brać pod uwagę zarówno powszechne zasady prawa materialnego jak i przepisy odnoszące się do poszczególnych czynności prawnych. W pierwszej kolejności będą to te normy prawne (choć nie tylko), które powodują bezwzględną nieważność czynności prawnych. Należy też podkreślić, że zakaz dokonywania czynności sprzecznych z prawem odnosi się do czynności prawnych podlegających prawu polskiemu, a nie do czynności, których nieważność wynika z oceny obcego prawa [1, s. 21]. W tym miejscu należy zwrócić uwagę, iż zgodnie z art. 2 § 3 ustawy prawo o notariacie czynności notarialnych dokonuje się w języku polskim. Na żądanie strony notariusz może dodatkowo dokonać tej czynności w języku obcym wykorzystując własną znajomość języka (wykazaną w sposób określony dla tłumaczy przysięgłych) lub korzystać z pomocy tłumacza przysięgłego. Jeżeli osoba biorąca udział w czynności nie zna języka polskiego i do czynności nie jest dołączony przekład na inny znany tej osobie język, notariusz powinien przetłumaczyć akt notarialny osobiście lub za pomocą tłumacza przysięgłego.

Badanie legalności nabycia nieruchomości z udziałem cudzoziemców

W świetle prawa polskiego przeniesienie własności nieruchomości następuje w formie aktu notarialnego (art. 158 kodeksu cywilnego). Jest to norma bezwzględnie obowiązująca, która dotyczy wszystkich podmiotów niezależnie od kraju pochodzenia. W tym zakresie mamy do czynienia z tzw. przymusem notarialnym, który pojawia się wówczas gdy „państwo dostrzega potrzebę oddziaływania na stosunki prawne przez uzależnienie osiągnięcia określonego skutku prawnego od udziału notariusza” [17, s. 9]. W konsekwencji oznacza to, iż w odniesieniu do szczególnie ważnych czynności prawnych, a do takich niewątpliwie należy obrót nieruchomościami, państwo działa prewencyjnie, a rolą notariusza jest niedopuszczenie do dokonania czynności pozostającej w sprzeczności z prawem [17, s. 10].

Odnosząc wcześniejsze uwagi dotyczące statusu notariusza do jego obowiązków wynikających z ustawy z 1920 r. (przede wszystkim z art. 5) należy stwierdzić, iż powinien on przede wszystkim odmówić dokonania czynności mającej za przedmiot przeniesienie własności nieruchomości w sytuacji, gdy cudzoziemiec nie posiada (pomimo obowiązku) wymaganego prawem zezwolenia (art. 81 pr. o not.) [11, 142; 13, s. 165]. Dotyczy to również sytuacji, gdy w ocenie notariusza przedmiotowa czynność zmierza do obejścia prawa (tj. obowiązku uzyskania zezwolenia). Jak podkreślił SN w uzasadnieniu wyroku z dnia 12.06.2002 r. [III CKN 694/00, OSNIC 2003, nr 92, poz. 124] notariusz spisujący dokument jest z racji swojego urzędu zobowiązany do stwierdzenia rzeczywistej woli stron (w ramach tego obowiązku mieści się powinność notariusza rozpoznania oczekiwań stron). Nie sposób pogodzić funkcji osoby zaufania publicznego z dopuszczeniem do sporządzania czynności notarialnych sprzecznych z prawem.

Notariusz sporządzający akt notarialny na mocy którego dochodzi do przeniesienia własności zobowiązany jest do zamieszczenia w nim wniosku o dokonanie wpisu w księdze wieczystej oraz do przesłania z urzędu sądowi właściwemu do prowadzenia ksiąg wieczys-

tych wypisu aktu notarialnego zawierającego wniosek o wpis do księgi wieczystej wraz z dokumentami stanowiącymi podstawę wpisu, w terminie trzech dni od sporządzenia aktu (92 § 4 pr. o not.). Zezwolenie, jako dokument potwierdzający ważność dokonanej czynności, powinno być przesłane wraz z aktem notarialnym do sądu wieczystoskiego (stanowi załącznik do aktu notarialnego) [16, s. 183]. Z kolei przekazanie przez notariusza sądowi wypisu aktu notarialnego zawierającego wniosek o dokonanie wpisu do księgi wieczystej uważa się za złożenie wniosku przez uprawnionego (art. 626⁴ kodeksu postępowania cywilnego). W sytuacji gdy w zezwoleniu na nabycie nieruchomości zostały ustanowione „specjalne warunki”, na notariuszu ciąży obowiązek odniesienia się do takiego dokumentu w akcie notarialnym oraz przesłania go wraz z zezwoleniem MSWiA jako załącznik do wniosku wieczystoskiego (wypisu aktu notarialnego zawierającego wniosek).

Ponadto ustawa o nabywaniu nieruchomości przez cudzoziemców zobowiązuje notariusza do przesłania Ministrowi Spraw Wewnętrznych i Administracji (MSWiA), w terminie siedmiu dni od sporządzenia, wypisu aktu notarialnego mocą którego cudzoziemiec nabył lub objął nieruchomość (art. 8a ustawy z 1920 r.). Przesłane dokumenty stanowią dla MSWiA podstawowe źródło informacji o nabytych przez cudzoziemców nieruchomościach. Dzięki temu ma on możliwość kontroli transakcji (weryfikacji nadesłanych aktów notarialnych), w których jako nabywcy uczestniczyli cudzoziemcy. W oparciu o przesłane dokumenty MSWiA prowadzi dwa rejestry: rejestr nieruchomości, udziałów i akcji nabytych lub objętych przez cudzoziemców na podstawie zezwolenia Ministra Spraw Wewnętrznych i Administracji oraz rejestr nieruchomości, udziałów i akcji nabytych lub objętych przez cudzoziemców bez obowiązku uzyskiwania zezwolenia Ministra Spraw Wewnętrznych i Administracji. Przedmiotowe rejestry obrazują rzeczywistą skalę zainteresowania cudzoziemców nieruchomościami położonymi w Polsce.

Reasumując należy stwierdzić, iż przepisy ustawy prawo o notariacie zapewniają prawną realizację przez notariuszy obowiązku wynikającego z treści art. 5 ustawy z 1920 r. w odniesieniu do nabywania nieruchomości. W ramach staranności zawodowej powinni oni dokonać wykładni przepisów ustawy i udzielić wyjaśnień, co do konieczności uzyskania zezwolenia na nabycie nieruchomości. W sytuacji gdy podmiot zagraniczny nie posiada stosownego zezwolenia, na notariuszu ciąży obowiązek odmowy sporządzenia aktu notarialnego (art. 81 pr. o not.).

Pozytywnie należy ocenić ustawowe zobowiązanie notariuszy do przesyłania MSWiA dokumentów stanowiących podstawę nabycia nieruchomości – umożliwia to sprawdzenie, czy dokonane transakcje zostały przeprowadzone zgodnie z przedmiotową ustawą. Z drugiej strony zobowiązanie to sprawia, że notariusze są „zmuszeni” wykazać się wyjątkową starannością, by czynności te były sporządzone z zachowaniem wymogów ustawy [14, s. 218, 219].

Jednocześnie z niepokojem należy odnotować fakt, że do MSWiA są nadsyłane akty notarialne dokonane niezgodnie z przepisami ustawy o nabywaniu nieruchomości przez cudzoziemców. Z analizy sprawozdań Ministra Spraw Wewnętrznych i Administracji z realizacji ustawy o nabywaniu nieruchomości przez cudzoziemców za lata 2000-2009 wynika iż w roku 2000 r. minister otrzymał 10 wadliwych aktów notarialnych, w 2001 r. 19 aktów notarialnych, w 2002 r. 8 aktów notarialnych, w 2003 r. 21 aktów notarialnych, w 2004 r. 13 aktów notarialnych, w 2005 r. 33 dokumenty, w 2006 r. 64 akty notarialne, w 2007 r. 68, w 2008 r. 65 aktów notarialnych, w 2009 r. 69 aktów notarialnych. W świetle powyższych danych zauważyć należy, iż począwszy od roku 2005r. nastąpił znaczny wzrost wadliwych transakcji sporządzonych przez notariusza. Ten fakt może budzić zdziwienie gdyż z datą

akcesji Polski do Unii Europejskiej znaczna część cudzoziemców (z Europejskiego Obszaru Gospodarczego) została, co do zasady, zwolniona z obowiązku uzyskania zgody MSWiA na nabycie nieruchomości (tym samym zmalała liczba transakcji wymagających zezwoleń).

Ponadto jak wynika ze sprawozdania MSWiA z realizacji ustawy o nabywaniu nieruchomości przez cudzoziemców w roku 2009, akty notarialne dotyczące czynności prawnych nie zawierają wielu istotnych informacji, co uniemożliwia zbadanie legalności

i zarejestrowanie nabycia, a poza tym są przysyłane ministrowi z uchybieniem siedmiodniowego terminu. Tymczasem należy podkreślić, że szybkość przysyłania wypisów aktów notarialnych przez notariuszy ma istotny wpływ na zachowanie pewności obrotu prawnego z udziałem cudzoziemców. Sporządzenie umowy wbrew przepisom ustawy z 1920 r. powoduje jej nieważność, a więc czynność taka nie wywołuje żadnych skutków prawnych, a w szczególności nie powoduje przeniesienia prawa własności nieruchomości na cudzoziemca, nie rodzi więc uprawnień do rozporządzania rzeczą.

LITERATURA

1. Drozd E., Czynności notarialne z elementem zagranicznym w obrocie nieruchomościami (wybrane zagadnienia), [w:] II Kongres Notariuszy Rzeczypospolitej Polskiej, Poznań- Kluczbork 1999.
2. Gniewek E., O uniwersalnej zasadzie przestrzegania prawa przez notariusza, [w:] II Kongres Notariuszy Rzeczypospolitej Polskiej, Poznań- Kluczbork 1999.
3. Kuryłowicz M., Etyczne podstawy notariatu, Rejent 2001, nr 5.
4. Kawecka-Pysz J., Nabywanie nieruchomości przez cudzoziemców, Zakamycze 2004.
5. Kuniewicz Z., Pełnomocnictwo do udziału w zgromadzeniu spółki kapitałowej, Rejent 2001, nr 12.
6. Oleszko A., Obrót cywilnoprawny w praktyce notarialnej i wieczystoksięgowej, Zakamycze 2003.
7. Oleszko A., Prawo o notariacie, Poznań-Kluczbork 2008.
8. Oleszko A., Staranność zawodowa notariusz w świetle art. 80 prawa o notariacie, Rejent 1997, nr 9.
9. Oleszko A., Odmowa sporządzenia czynności notarialnej, Rejent 1996, nr 4-5.
10. Pazdan M., Cudzoziemiec klientem polskiego notariusza, Rejent 2001, nr 7-8.
11. Poździej R., A. Dudzic, Nabywanie nieruchomości w Polsce przez osoby fizyczne i prawne z Unii Europejskiej (uwagi na tle stanowiska negocjacyjnego), Rejent 2002.
12. Redelbach A., Prawo o notariacie. Komentarz, Toruń- Poznań 2002.
13. Rudnicki S., Nabywanie nieruchomości przez cudzoziemców, [w:] Nieruchomości. Problematyka prawna, Bieniek, G., Rudnicki, S., Warszawa 2004.
14. Szytk R., Zabezpieczenie praw słusznych interesów stron oraz innych osób czynności notarialnej, Rejent 2001, nr 5.
15. Szytk R., Obowiązki notariusza w postępowaniu wieczystoksięgowym, Rejent 2001, nr 11.
16. Szytk R., Aktualne zasady nabywania nieruchomości przez cudzoziemców, Rejent 2005.
17. Wrzecionek R., Prawo o notariacie, Warszawa 2009.
18. Ustawa z dnia 24 marca 1920 r. o nabywaniu nieruchomości przez cudzoziemców, t.j. Dz.U. z 2004 r. Nr 167, poz. 1758 ze zm.
19. Ustawa z dnia 14 lutego 1991 r. prawo o notariacie, tekst jednolity Dz.U. z 2008 r. nr 189, poz. 1158 ze zm.

ГОРОД И ДЕРЕВНЯ ЗАПАДА И ВОСТОКА: СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

М.С.Черкасова

*Вологодский государственный педагогический университет, г. Вологда,
Российская Федерация*

Одним из плодотворных ракурсов рассмотрения всемирной истории может быть взгляд на неё через призму категорий «город и деревня», их непрерывного, как говорил Ф.Бродель, диалога. В дореволюционной литературе были созданы два исследования о взаимодействии в русской истории города и деревни: Н. А. Рожковым в историко-социологическом [1], а В. П. Семеновым Тянь-Шанским - в экономико-географическом ключе [2]. Еще в науке Нового времени сложилось противопоставление города и деревни (=аграрного мира), однако в современном знании столь резкая антитеза не признаётся оправданной. Как пишет А.П.Ястребицкая, структурные особенности городской жизни не исключали её органической включенности в единую социальную и культурную систему средневековья [3, с.113].

В рамках цивилизационного подхода исследователи установили этапы и типологию урбанизационного процесса, его трансисторическое развертывание, стадийные типы урбанизма. В исторической, урбан-социологической, экономико-географической литературе город понимается как инструмент и фактор перехода человеческого общества от первобытности к состоянию цивилизации. В дальнейшем он исполнял роль перевода человечества на новый уровень развития, а урбанизация - это структурообразующая цивилизационного процесса. Можно говорить об античном, средневековом, капиталистическом, социалистическом, колониальном («третьем мире»), латиноамериканском и постиндустриальном урбанизме. Крупный современный востоковед, автор серии новаторских учебников по истории Востока и Запада, Л.С.Васильев именно с урбанизации ведёт отсчёт древнейшим цивилизациям [4, с.71-72]. На Востоке они, будучи первыми по времени появления, существенно отличались от античной цивилизации (последующей).

Древневосточный феномен урбанизации выразился прежде всего в монументальном строительстве храмов, дворцов, мавзолеев, пирамид, каналов, дамб и т.п. Здесь преобладающее значение приобрел институт власти-собственности, всеобъемлющая государственная регламентация общества, торгово-ремесленное население городов эксплуатировалось государством (это можно будет отнести в дальнейшем и к Византии). Напротив, в греко-римских городах-полисах сложились более развитые частнособственнические, товарно-денежные отношения, система демократического самоуправления и начала гражданского общества, уважение к праву и закону [4, с.17-18].

В коллективной монографии медиевистов средневековый западноевропейский город представлен как сосредоточение товарообмена и товарного (по преимуществу ремесленного) производства, институтов власти, религиозного культа и культуры. В городах раннего средневековья были еще весьма ощутимы аграрные черты, неполнота отделения от деревни, связь горожан с землей [5]. Импульсы хозяйственного подъёма, приведшего в XI-XIII вв. в новой волне урбанизации, исходили из деревни. Ф.Бродель пишет, что вторжение сельскохозяйственной деятельности в жизнь городов свидетельствует об их недостаточной специализации, несовершенстве общественного разделения труда. Этот фактор развития средневековых городов действовал

очень длительное время. [6, с.184]. Столь же долго сельская округа оставалась источником демографического роста городов. Ф Бродель образно называет подобные округа «демографическим бассейном», своего рода людским заказником, которыми обладал каждый город [6, с.198]. Преобладание сельского начала над городским Бродель считает характерной особенностью Европы до XV в., а затем утверждается город как высшая форма цивилизации.

При определении типа западноевропейских городов в ходе их дальнейшей эволюции (XIV-XV вв.) основным эмпирическим показателем, по мнению Л.П.Репиной, может служить масштаб зоны их регулярных товарообменов, характер рыночных связей. Город и его периферия были не автономными, а взаимно соотнесенными структурами, и чем больше был радиус базового ареала, тем дальше проникали и шире распространялись устойчивые хозяйственные, управленческие и культурные функциональные связи города [5, с.169].

В коллективной монографии востоковедов подчеркивается огромное влияние, оказываемое урбанизацией на ослабление средневекового партикуляризма, унификацию общественных условий и консолидацию новых классов и социальных слоев. И. А. Зевелев пишет о социально-трансформирующем, преобразующем потенциале городов в переходную эпоху от традиционного к индустриальному обществу, имея в виду размер, численность, темпы роста городов, их вклад в модернизацию экономики [7, с.324]. В работе дан комплексный анализ глобальных систем Востока и Запада как «мировой деревни» и «мирового города»: в первой была воплощена устойчивость, неподвижность, патриархальность, сращенность коллектива и индивида с местами проживания и присвоения производительной силы земли. Во второй - динамичность, гибкость и неустойчивость.

Город и деревня на Востоке и Западе анализируются как разные типы поселений, две ветви социально-территориальной организации общества. Коммуникационным каналом, через который устанавливаются связи между городом и деревней, служила сельско-городская миграция. Ее инструментальную функцию авторы видят в подтягивании населения с периферии к центрам формационного процесса. В ходе модернизации стран Востока во второй половине XX в. ускорялось влияние городов как вширь (по всему общественно-историческому пространству афро-азиатского региона), так и вглубь (по всем ступеням его социальной структуры сверху донизу). Авторы говорят о городских отношениях на Востоке - новое индустриальное качество им придавала усиливающаяся производственно-рыночная интеграция города и деревни.

Органической частью процесса модернизации на Западе в XVIII-XIX вв. стал «демографический переход»: увеличение брачного возраста, рациональное ограничение рождаемости, снижение смертности, повышение продолжительности жизни. На уровне ментального преодолевались традиционно-христианские представления о браке как таинстве, его священных узах, назначении семьи и детей. Однако в России процесс демографического перехода начался значительно позднее.

В двухтомной монографии Б. Н. Миронова одна из глав называется «Город и деревня в процессе модернизации». Урбанизацию, наряду с индустриализацией, социальной мобильностью и распространением печатного слова, автор считает мощным двигателем процесса модернизации России в XVIII-XIX вв., понимаемого как капиталистическая эволюция [8, с.282].

Процесс горообразования в России в эпоху позднего феодализма в значительной степени был стимулирован правительственными распоряжениями, а не ураган-

ным, как на Западе, процессом урбанизации в ходе капиталистической модернизации. В XVIII в. в России доля городского населения, служащая показателем уровня урбанизации, составляла не более 11-13% [9, с.193], и в документах Екатерининской административной реформы 1775-1785 гг. город понимался прежде всего как центр своего окружения, учрежденный «для доставления жителям ближайшего суда и расправы». В последней четверти XVIII в. в России в результате повышения статуса сёл и слобод в стране возникло 165 новых городов. На местах создается разветвленная система управления (городские собрания и думы, губернские и уездные магистраты, казенные палаты, управы благочиния, приказы общественного призрения, многочисленные судебные органы). Проведя глубокое источниковедческое изучение основных комплексов делопроизводственной документации местных учреждений городов Тверской губернии конца XVIII в., Н.В. Середа высказала мнение, что уровень урбанизации может определяться по степени разделения функций между органами городского самоуправления, по степени административно-правовой культуры тех, кто управляет [10, с.225].

Б. Н. Миронов показал иерархическую систему городов в России XVIII-XIX вв.: столичные, губернские, уездные, безуездные города, большие и малые посады, отражавшую в себе пережиточные феодально-крепостнические и новые буржуазно-капиталистические элементы [11, с.221]. Согласно предложенной им функциональной классификации городов России, во второй половине XVIII в. лишь 5-7% из них могут быть отнесены к торгово-промышленным, большинство же являлись аграрными городами: в 1760-е годы их было 59%, в 1790-е - 54%. Промежуточное положение занимали города смешанного типа, составлявшие в 1760-1790-е годы 30-36%. Б. Н. Миронов отмечает, что в малых, преимущественно аграрных, городах, состоявших главным образом из мещан-земледельцев, быт последних мало отличался от деревенского [8, с.297, 309, 499]. Автор имеет в виду, в том числе, и социальный быт, сохранение отношений общинного типа в купеческих, мещанских и ремесленных обществах. Таким образом, традиционализм как тип развития оставался ещё весьма существенной чертой социально-экономической эволюции России в эпоху нового времени.

О традиционализме можно говорить и обратившись к демографическим процессам. Применительно к России XVIII-XIX вв. они плодотворно изучаются на внушительной источниковой базе исповедных и метрических книг, материалов десяти ревизий, позволяющих раскрыть основные моменты движения народонаселения – рождаемость, брачность и смертность. Работы ведутся как на микро- (двор, селение), мезо- (уезд, губерния), так и макроуровне (крупные регионы, страна в целом) [12, с.455-483]. Применяются как общестатистические, так и методы моделирования, когортного анализа, ВИС («восстановления истории семей»), исторической генеалогии, микро- и устной истории. Исследования показывают, что в России в указанные столетия ещё сохранялась традиционная модель демографического развития: высокая рождаемость, компенсируемая столь же высокой смертностью (особенно младенческой и детской, достигающей порой 50 %), ранний брачный возраст, слабое проявление рациональных основ в регулировании рождаемости.

В совместном исследовании М.Миттерауэра и А.Кагана были обработаны данные третьей ревизии в Ярославской губернии (1762-1763 гг.), для населения которой были характерны смешанные формы аграрно-ремесленного труда, высокий уровень отходничества в города Поволжья. В результате было установлено принципиальное сходство семейных структур у деревенского и городского населения, их двух- или трёхпо-

коленный состав, патрилинейность как базовый принцип построения и вообще преобладание принципа старшинства по мужской линии, когда зачастую в домовом сообществе жили вместе женатые братья со своим потомством или отец с женатым сыном и его детьми [13, с.49-51, 67].

Интересный опыт исследования демографического поведения городского и сельского населения пореформенной России предложил В.Л.Дьяков. По его мнению, город и деревня представляли собой разносистемные образования, демографические типы поведения городского и сельского населения существенно отличались. Если для первого было характерно более равномерное, несмотря на церковные ограничения, помесячное распределение заключаемых браков и регистрируемых рождений, то для второго присущи природно-хозяйственные ритмы, заключение браков в более сытые месяцы (октябрь, ноябрь, январь). Мощный прилив крестьян в города пореформенной России, целая их волна - всё это можно рассматривать как способ избавления деревни от лишних ртов. Произошёл не плавный демографический переход, не щадящая адаптация, а болезненная ломка прежних биоритмов, сопровождаемая выбросом социокультурной и социально-политической агрессии [14, с.219-230].

Традиционализм сознания сказывался и в области трудовой этики, понимании того, как и во имя чего люди работают. Распространённым в старой России было минималистско-потребительское понимание труда (ради элементарного выживания, получения хлеба насущного, одежды, жилья). Буржуазное же понимание труда с его ориентацией на максимальную прибыль было чуждо массе русских крестьян и рабочих [15, с.69-115]. Элементы новой трудовой культуры находили почву лишь в узком слое рабочей аристократии. Труд и богатство оказались сильно разведёнными в народном сознании, ломка стереотипов в нём создавала огромное социальное напряжение, порождала конфликты и агрессию, наложила несомненный отпечаток на ход модернизационного процесса и последующие события нашей истории в XX в. [16, с.243-286].

ЛИТЕРАТУРА

1. Семёнов Тянп-Шанский В.П. Город и деревня Европейской России. Очерк по экономической географии. — СПб., 1910.
2. Рожков Н.А. Город и деревня в русской истории (Краткий очерк экономической истории России). — М., 1901.
3. Ястребицкая А.Л. Город // Словарь средневековой культуры / Под общ. ред. А.Я.Гуревича. 2-е изд. — М., 2007.
4. Васильев Л.С. История Востока. — М., 1998. — Т. 1.
5. Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Под ред. А.А.Сванидзе Т.1. — М., 1999.
6. Бродель Ф. Что такое Франция? — М., 1997. — Т. 2.
7. Город в формационном развитии стран Востока / Отв. ред. Н.А.Симония. — М., 1990.
8. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода Империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. — СПб., 1999. — Т.1.
9. Горская, Н.А. Историческая демография России периода феодализма. Итоги и задачи изучения. — М., 1994.
10. Середа, Н.В. Реформа управления Екатерины Второй. Источниковедческое исследование. — М., 2004.

11. Миронов, Б.Н. Русский город в 1740-1760-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. – М., 1990.
12. Канищев, В.В., Мизис Ю.А. Методологические проблемы интегрального социально-демографического исследования истории России XIX – начала XX в. // Actio Nova-2000 / Отв.ред.А.И.Филюшкин. – М., 2000.
13. Миттертауер, М., Каган А. Структуры семьи в России и в Центральной Европе: Сравнительный анализ // Семья, дом, узы родства в истории / Под общ. ред. Т.Зохолла, О.Кошелевой и Ю.Шлюмбома. – СПб., 2004.
14. Дьяков, В.Л. О женской доле, мужской роли и нашем месте под солнцем, или о том, что бывает за неправильное или несознательное демографическое поведение // Социальная история. Ежегодник.2000. – М., 2000.
15. Тяжелникова, В.С., Соколов А.К. Отношение к труду: факторы изменения и консервации традиционной трудовой этики рабочих в советский период // Социальная история. Ежегодник. 2001/2002 г. – М., 2004.
16. Миронов, Б.Н. «Послал Бог работу, да отнял чёрт охоту»: трудовая этика русских рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. – М., 1999.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СФЕРЕ РЕКРЕАЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Л.Н. Черчик

Луцкий Национальный технический университет, г. Луцк, Украина

Стремительный экономический рост 60-х годов двадцатого столетия завершился глобальным кризисом, который имел всеохватывающий, системный характер. Понимание этого привело к разработке концепции устойчивого развития мира, поддержанной правительствами многих стран на Конференции ООН в Рио-де-Жанейро (1992 г.). План действий, принятый на этой конференции, определял направления деятельности и меры по преодолению наиболее опасных и глобальных экологических проблем. Тем не менее подведенные итоги его выполнения (Международный экологический форум "Рио+5", "Рио+10") продемонстрировали ограниченность и локальность действий отдельных государств, которые не обеспечат кардинальных изменений состояния дел на нашей планете.

Ученые Украины активно работают над программами, национальными и региональными стратегиями устойчивого развития, которые были бы направлены на гармонизацию взаимодействия природы, общества, экономики. Ныне мы владеем значительным теоретико-методологическим потенциалом для всестороннего обоснования действий человечества во всех сферах деятельности, нацеленных на экологизацию экономики, изменение потребительских приоритетов и антропоцентрических амбиций.

Изучая сферу рекреационного природопользования, мы пришли к выводу, что необходимо работать над разработкой не отдельных экономических механизмов или аспектов экологического управления, а системных, всеохватывающих изменений, которые органически объединяли бы экологическую, социальную, экономическую компоненты развития мира. Результат наработок – концепция социоэкологоориентированного рынка рекреационных ресурсов и механизмы ее реализации.

Социоэкологоориентированный рынок естественных рекреационных ресурсов (СЭОРЕРР) – это среда, где взаимосвязанная совокупность рыночных и регуляторных механизмов обеспечивает принятие и выполнение решений относительно согласования целей и направлений развития отношений в сфере рекреационного природопользования с учетом социальных, экологических и экономических интересов его субъектов на основах постоянства. Такой рынок обеспечивает максимальное удовлетворение не только индивидуальных, но и общественных потребностей, сохранение и воспроизведение естественных рекреационных ресурсов, их рациональное использование с целью получения социального, экологического и экономического эффекта в долгосрочной перспективе.

СЭОРЕРР есть целостная сложная система, элементы которой тоже сложные системы. Структура системы характеризуется взаимосвязями между элементами, при этом заметим, что группы социальных и экономических элементов возникли, функционируют и развиваются в экологической системе.

В частности, экологическая подсистема охватывает живую и неживую природу, продукты природы, трансформированные человеческим трудом. Это естественные рекреационные ресурсы и условия, которые являются товаром рынка рекреационных ресурсов. Экологически-ориентирующая составляющая реализуется через установление приоритетов устойчивого развития вообще и первоочередности целевого эффективного использования, охраны, воспроизведение ценных естественных рекреационных ресурсов с целью сохранения их для следующих поколений, предотвращение деградации под влиянием антропогенной деятельности, в том числе и рекреационной, обеспечение экологически безопасных условий отдыха.

Социальная подсистема в нашем случае – это население с его потребностями, интересами, ожиданиями, которые определяются системой ценностей, культурным уровнем, обычаями и традициями и т.п., и общественное устройство. Социально-ориентирующая составляющая реализуется через политико-правовую систему, национальные ценности (ментальность), жизненный уровень, системы обеспечения индивидуальных и общественных потребностей, контроль за механизмом принятия государственных решений и реализацией государством его функций.

И третий определитель – экономический – это производственные отношения и отношения собственности, которые присущи определенной национальной экономике. Основой экономической составляющей является рыночный механизм, на который, согласно концепции социоэкологоориентированного рынка естественных рекреационных ресурсов, и направленное действие эколого- и социоориентирующих составляющих для того, чтобы интересы экономической подсистемы не реализовывались за счет и в ущерб двух других – приспособлявая или превращая элементы экологической подсистемы и повышая эффективность, игнорируя интересы социальной подсистемы.

В основе формирования социоэкологоориентированного рынка естественных рекреационных ресурсов лежит взаимодействие рыночного и регуляторного механизмов. Построение этого взаимодействия обуславливается совокупным действием экономических, нормативно-правовых, культурологических, социальных и экологических факторов влияния. Практически такое состояние обеспечивается действием комплексного регуляторного механизма (КРМ), то есть совокупности учреждений, методов, мероприятий и инструментов, предназначенных для направления действия отдельных рыночных элементов и связей целостной социоэкологоэкономической системы и недопущение (в идеале) неудовлетворительного состояния этой системы. То есть, общая

цель КРМ — это согласование экологических, социальных и экономических интересов в системе рекреационного природопользования как по вертикали — национальных, региональных, локальных, — так и по горизонтали — территориальных, ведомственных, между организациями.

В условиях становления рынка рекреационных ресурсов наиболее масштабными являются такие институциональные изменения, как формирование Фонда рекреационных земель; создание адекватной новым потребностям системы государственного управления и регулирования сферы рекреационного природопользования; внедрение в практику эффективных форм рекреационного природопользования; формирование рекреационного законодательства.

Фонд рекреационных земель (ФРЗ) — эти законодательно признанные, территориально определенные и функционально закрепленные земельные участки с соответствующими естественными ресурсами и условиями, которые оказывают (могут оказывать) позитивное влияние на воспроизведение жизненных и психических сил человека, его развитие, обуславливаемые особой лечебной, оздоровительной, воспроизведенной, познавательной, эстетической, научной и культурной их ценностью, ограниченностью, уникальностью и целесообразностью целевого использования в процессе рекреационной деятельности.

Основные цели формирования Фонда рекреационных земель: обеспечение условий для реализации права граждан на отдых, здравоохранение, безопасность жизнедеятельности; недопущение уничтожения, ухудшения свойств и характеристик рекреационных земель и отдельных естественных рекреационных ресурсов, их нерационального использования; создание условий для развития рекреационного предпринимательства и сопутствующих сфер деятельности; разработка действенной нормативной базы и организационной системы регулирования объектами Фонда рекреационных земель; обеспечение принятия обоснованных решений при приватизации, купле-продаже земель рекреационного назначения.

Все эти земли могут иметь национальную, региональную и местную ценность и такое же подчинение, которое отображается в соответствующем Реестре объектов Фонда рекреационных земель, который призван обеспечить целевое использование рекреационных земель; недопущение изменения их статуса, свойств, экологической ситуации, необоснованного изменения формы собственности и т.п.

Данные Реестра — основа для внесения изменений в систему кадастров, который является одновременно формой и механизмом учета земель. Комплексность отображения информации в системе рекреационного кадастра обеспечит четкое определение прав собственности и их гарантий, отображение общественной полезности естественных рекреационных ресурсов при их оценке и установлении за них платы и рыночной цены, базис для формирования маркетинга рекреационных территорий, уменьшение количества конфликтных ситуаций относительно прав собственности и видов деятельности на землях рекреационного предназначения, управление рекреационными землями государственной собственности, усовершенствование территориального планирования и организационных механизмов использования объектов Фонда рекреационных земель.

Разноведомственный характер управления рекреационными землями обуславливает отличия в системе планирования зон отдыха и организации деятельности по их расширению, методах управления и принципах организации территорий соответственно характеру рекреационного использования. Поэтому нужна четкая координация

деятельности организаций, которые используют естественные рекреационные ресурсы, и ведомств, которые занимаются рекреационной деятельностью. Базовым уровнем в институциональной структуре управления рекреационным природопользованием является Государственный комитет Украины по земельным ресурсам, где следует создать Управление Фондом рекреационных земель, основные функции которого состояли бы в разработке рекреационного законодательства, нормативной базы рекреационного природопользования, формировании Фонда рекреационных земель, обеспечении экологической и территориально-планировочной регламентации рекреационного освоения земель и контроля за ее соблюдением, разработке процедур, методов и организации процессов приватизации объектов фонда, организации и финансировании научно-исследовательских работ по разнообразнейшим аспектам использования естественных рекреационных ресурсов, разработке единой национальной стратегии для проведения политики государства в сфере рекреационного природопользования, предоставлении технической и юридической помощи в оформлении необходимой документации для получения лицензий, сертификатов для ведения рекреационной деятельности с использованием объектов ФРЗ и т.п.

Для выполнения указанных функций следует создать такие структурные подразделения Управления Фонда рекреационных земель: отдел приватизации, аукционов и конкурсов; службу Реестра объектов Фонда рекреационных земель; отдел лицензирования и заключения договоров; отдел экспертной оценки естественных рекреационных ресурсов; информационный отдел; консалтинговое бюро; службу маркетинга; службу мониторинга и аудита; научно-исследовательское бюро.

В больших городах в муниципалитетах важно создать Отделы пригородного отдыха для обеспечения его развития, эффективного использования рекреационных территорий, содействие деятельности частных лиц и общественности по освоению, эксплуатации, охране естественных рекреационных ресурсов.

Кроме изложенных вопросов, большое значение имеет решение проблем организации и регулирования процессов привлечения естественных рекреационных ресурсов в хозяйственный оборот, их использования, охраны и воспроизводства. Наиболее перспективное направление развития экономики в эпоху глобализации есть интенсивное использование инноваций. Поэтому активно начали разрабатывать и внедрять новейшие формы предпринимательства, территориальной организации деятельности, которые обеспечили бы возрастание конкурентоспособности фирм и регионов. Некоторые из них с успехом могут использоваться в рекреационном природопользовании. Последние десятилетия ознаменовались распространением деловых сетей, кластеров, рекреационных парков, региональных рекреационных корпораций, СЭЗ, деятельность которых на практике продемонстрировала их конкурентные преимущества.

Предложенные институциональные мероприятия составляют довольно гибкую и мобильную систему управления рекреационным природопользованием, которое обеспечит активизацию процессов становления и функционирования социоэколого-ориентированного рынка естественных рекреационных ресурсов. При этом будут поддержаны экологические приоритеты, рациональное объединение рыночных и административных инструментов регулирования отношений в сфере рекреационного природопользования; согласованное применение методов отраслевого и территориального управления; перенесение полномочий и ответственности на региональные органы управления и власти, широкое применение на практике специальных инструментов экполитики и внедрение сугубо рыночных подходов к решению экономических вопросов развития.

МНОГОМЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Д.А. Широканов

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

Идентичность как социокультурный феномен не является данностью: она формируется в контексте определенных культурно-исторических условий и меняется вместе с ними. Один из важных социокультурных и социально-политических результатов современной системной трансформации белорусского общества – постепенный отказ от универсальной модели идентичности, сформированной в советское время как модель советского человека. Эта модель была наднациональной: в ней были выхолащены любые этнические аспекты; не было в ней и собственно культурных элементов. Она абсолютизировала идеологический и политический аспекты, на которых, собственно говоря, строилась социальная солидарность и идейная сплоченность всего советского народа как новой формы исторической общности. В условиях советского общества данная модель была исторически обусловленной и функционировала адекватно. Однако вместе с крахом политической советской системы была низвергнута и данная модель.

Постсоветское развитие резко изменило структуру идентичности населения постсоветского региона: в каждой республике сформировалась своя композиция идентичностей, зависящая от исторического прошлого, культурных особенностей населения, менталитета народа, а также от ряда глобальных факторов, воздействующих на постсоветский регион независимо от государственных границ (массовая культура, глобальные СМИ, новые информационные технологии, туризм, и др.). Беларусь, как и другие постсоветские страны, подвергается этим множественным воздействиям.

Системная трансформация, связанная с социально-политическими переменами 1991 года, затронула и сферу идентичности: она уничтожила прежнее единообразие и жесткое регулирование развития гражданской идентичности как «советской» и открыла простор развитию разных форм и типов идентичностей. Поначалу некоторыми учеными этот отказ от унифицированной идентичности был воспринят как полный крах системы ценностей и системы идентификации личности и общности. Однако прошло немного лет, и учеными был зафиксирован факт развития многих форм идентичности – как традиционных (этническая, национальная, семейная, религиозная), так и новых для постсоветского общества, строящихся на индивидуальном выборе и позволяющих индивиду и группе позиционироваться в разных плоскостях, открыто заявляя о важности этих критериев и идентичностей (например, дачники, любители фантастики, члены спортивного клуба и пр.) Новые формы идентичности – от индивидуальных до групповых – не связаны с идеологией, как это было в советское время, они не зависят напрямую от тех или иных политических интересов властвующих элит; эти идентичности рефлексировали многообразие интересов населения и конструируются по мере их актуализации. Совокупность складывающихся идентичностей отражает не только социально-экономические статусы и политические взгляды современных белорусов, в ней нашли отражение новые иерархии связей, новые диспозиции тех или иных групп населения, которые включают в себя как временные, так и устойчивые отношения между людьми. Текучесть, динамизм стали важными характеристиками новой системы идентичностей. В этой ее особенности проявляется как постсоветская системная

трансформация, так и влияние глобализации, открытости современного белорусского общества всевозможным внешним факторам, его незащищенность от разнообразных мировых процессов.

Укажем на множественность подходов к формированию национальной белорусской идентичности, которое вызывает многие научные споры, участники которых дают самые разные оценки степени ее сформированности – от сугубо позитивных до негативных. Поскольку конструирование национальной идентичности белорусов не шло по классической модели, созданной в эпоху формирования национальных государств, когда общая территория и язык считались самыми важными признаками государства, определявшими и национальную идентичность, постольку у белорусов национальной идентичности в классической форме исторически не сложилось: они самоопределялись часто по религии, а еще чаще – по территориальному признаку. Национальную (государственную) идентичность заменяла территориально-локальная идентичность «тутэйших». Тутэйшие – жители одной местности, городского или сельского поселения, «малой родины», среди которых могут быть лица любого этнического происхождения, разного гражданства, ведь главное, что их объединяет, – это территория совместного проживания, локальность пространственно-временных связей. Отсутствие (или слабость) национальной элиты и традиционная толерантность населения, веками характерная для данного региона, внесли определенный вклад в этот процесс: вместо национального сознания, столь характерного для россиян, среди населения Беларуси была широко развита локальная, местечковая идентичность, которую принимало все население, проживавшее в том или ином регионе. «Тутэйшими» были и евреи, и поляки, и белорусы, если жили вместе. Ввиду широкого распространения межэтнических браков (за исключением татарского населения), вопрос об этнической идентичности ставился редко, да и этничность зачастую определялась через религиозность: если православный, значит белорус; если католик – то поляк (хотя эти критерии во многих случаях не совпадали, а навязывались «сверху» для упрощения картины).

Известный деятель белорусской культуры А.Мальдис в связи с этим вспоминает, что в его родном местечке в белорусско-литовском пограничье население свободно переходило (в зависимости от необходимости) с белорусского на литовский, а в официальных случаях на польский, и никто не выяснял этнического происхождения друг друга [1]. Данный тип идентичности и сегодня имеет место в странах культурного пограничья, он репрезентирует важность локального уровня идентичности людей, живущих, как правило, на периферии современных наций-государств [2, с.148]. Для многих представителей старшего поколения, живущих в малых поселениях, эта идентичность более актуальна, чем гражданская или этнонациональная: в современной Беларуси, по данным национальных опросов, ее выбирают «часто» около четверти населения. Причем эти процессы имеют место не только в белорусском пограничье: они характерны сегодня для пограничья польского, украинского, литовского [3, с.13; 4, с.102]. Вполне возможно, что в сохранении локальной идентичности проявляется общая закономерность нынешнего этапа социокультурного развития народов, история которых тесно переплетена и до конца непонятна без истории народов-соседей.

Однако локальная идентичность сегодня не доминирует в Беларуси, равно как и в других странах. Формирующаяся активно гражданская форма идентичности, несмотря на ее важность для Республики Беларусь, также не является преобладающей (практически, в исследованиях ее выбирает примерно столько же респондентов, что и локальную идентичность). Можно сказать, что имеет место «конкуренция» типов иден-

тичности, их взаимопереплетение, так что трудно бывает определить, какая же идентичность (из тех, что принадлежат большим социальным группам и не связаны с полом и возрастом) превалирует. Нынешняя ситуация многосторонности и многообразия идентификаций может рассматриваться как «конкуренция» идентичностей, при которой, однако, идентичности не борются за доминирование, не вытесняют друг друга из социокультурного поля, а сосуществуют. Иногда тот или иной тип идентичности получает чуть больше «выборов», но общая картина практически не меняется: в Беларуси имеет место плюрализм и динамизм идентичностей.

Таким образом, в современной Республике Беларусь сформировалась и продолжает набирать силу модель множественной идентичности. Все многообразие складывающихся видов и форм групповых идентичностей может быть интерпретировано и понято в рамках их социокультурной репрезентации разных сегментов населения и его интересов.

Конечно, не все существующие виды идентичностей равно представлены среди белорусского населения: в сельской местности преобладают одни виды (локальная, территориальная), в городе – другие (здесь более развита политическая, социально-статусная, европейская и др.). Есть разница поколенческого характера: старшее поколение чаще других возрастных групп сохраняет советскую идентичность, тогда как молодежь больше проявляет европейскую, гражданскую идентичность. Традиционная гендерная разница также сохраняется: как правило, для женщин намного более значима, чем для мужчин, религиозная идентичность, женщины чаще выбирают собственно культурные виды идентичности (такие, как читатели, покупатели, любительницы определенных видов отдыха). Зачастую одни виды идентичностей вступают в противоречие с другими, однако население, делая многие «выборы» не на рациональной основе, а с опорой на культурное наследие, политическую конъюнктуру, глобальные факторы (например, Интернет), не задумывается об этой противоречивости. Даже в таких важных вопросах, как национальное самоопределение, имеют место существенные несогласованности: например, две трети белорусов признают, что белорусы, русские и украинцы – три ветви одного народа, однако намного меньше согласны объединяться с россиянами в единое государство [5]. Видимо, современное массовое сознание, поддерживающее те или иные типы идентичности, не церемонится с тем, чтобы они составляли логически стройную систему. Типичным для эпохи позднего модерна образом это сознание отвергает всякую простоту и унифицированность, допускает всевозможные варианты и комбинации идентичностей.

Данные национального белорусского мониторинга (2008), проведенного Институтом социологии НАН РБ, подтверждают, что белорусская идентичность является многосторонней, ни одна большая идентификационная группа не доминирует [6, с.299]. В рамках плюралистической модели сосуществуют разные идентичности, которые имеют практическую или символическую значимость для разных сегментов белорусского населения. Судя по этим данным, более половины населения Беларуси в той или иной степени рефлексировало свою национальную принадлежность, свою гражданственность, как и принадлежность к определенному городу, территории, профессиональной группе, религиозной конфессии. Еще больше людей ощущают себя членами своей семьи, гендерной группы, своего поколения. Все вместе это создает мозаичную картину разнообразия видов идентичностей, одни из которых являются социально значимыми, другие – только личностно значимыми. Тем не менее, в практическом сознании людей, эти идентичности синкретичны, неразрывны.

Таким образом, конкуренция идентичностей в Беларуси, как и во всем мире, идет под влиянием многих векторов. Она отражает политические установки властей, отношение к стране в регионе, ее местоположение в миросистеме, а также ее историю, культуру, уровень развития национального самосознания и др. Видимо, Беларусь, которая исторически отличалась культурным многообразием и толерантностью, будет проявлять эти качества и в отношении растущего многообразия идентичностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мальдис, А.И. О главной болезни нации // Режим доступа: <http://www.bdg.org> – Дата доступа: 03.03.2006.
2. Jasinska-Kania, A. Zmieniajace sie identyfikacje Europejczykow: globalne, europejskie, narodowe, regionalne i lokalne // Globalizacja i co dalej. – W-wa, 2004.
3. Sadowski, A. Problemy społeczne w perspektywie socjologicznej // Społeczne problemy miejscowości północno-wschodnich w procesie transformacji. – Białystok, 2001.
4. Biaspamiatnych, M. Regional Identities in Contemporary Eastern Europe; Belarusian-Polish-Lithuanian Borderlands: Phenomenological Analysis // Limes. – Vilnius, 2008. – Vol.1. – No.2.
5. Что такое быть беларусом? – Режим доступа: <http://www.lisepts.org/press12.html> – Дата доступа 21.2.2010.
6. Титаренко, Л.Г. Перспективные модели развития национальной идентичности белорусов // Системная трансформация общества: исторический опыт, современность, перспективы: Сб.науч.трудов. Вып.6. – Брест: БрГТУ, 2009.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Я.С. Яскевич

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Беларусь

В современном мире продолжается уточнение сути, принципов, ценностей демократии, ее процедур и значимости, высказывается тезис об общем кризисе демократии, содержательном наполнении понятия «суверенная демократия», в том числе и в плане международного права, фиксирующего суверенность национального государства в пределах любых объединений, союзов, что чрезвычайно актуально именно сегодня. Поскольку суверенитет – это, по существу, и есть самостоятельность, самоправомочность государства и большинства его населения, то он напрямую касается демократии, а потому и нарушение суверенитета особенно болезненно сказывается в случае «импорта» и насаждения «готового демократического продукта», вопреки демократической воле народа, рождая хаос и недоверие к демократическим реформам, возникновение национализма, этнических конфликтов и даже войны.

В аналитических подходах о переоценке ценностей демократии, отмечают растущий критицизм в адрес демократии западного (европейского, американского) образца и усиливающееся недоверие населения разных стран мира, включая страны Европы, к либеральным ценностям и моделям демократического развития. Тенденции сужения базы демократии, ее «удушения» (Б. Барбер) проявляют себя в таких процессах, как недовольство широких слоев населения «опустошением» демократии,

ее ритуализацией, отсутствием контроля за социальными процессами, в том числе глобализацией, со стороны демократической общественности; слабость демократии перед лицом все более популярного, в том числе и в Европе, фундаментализма разного толка, тем более терроризма. Дается достаточно резкая оценка ошибок экономического и иного либерализма, которые широко используются для критики либеральной демократии как таковой. Там, где побеждает ортодоксия свободного рынка, умирает демократия, считает Н. Бирнбаум. Аналитики приходят к выводу, что страны, объявляющие себя или объявленные другими «эталонно-демократическими», отличаются многими плохо совместимыми с демократией и даже антидемократическими пороками управления политической жизнью народа. Наблюдающиеся же в XXI веке явления насильственной, «учреждаемой» через военное вмешательство демократии противоречат самой ее сути, что свидетельствует о «дефиците демократии», «отсутствии демократической субстанции» (Ю. Хабермас), выхолащивании демократических форм, «загрязнении» демократии.

Правящие элиты Запада «рекомендуют» некую «эталонную демократию», основанную на ценностях либеральной демократии, навязывая ее, нередко с помощью военной силы, развивающимся странам и новым государствам постсоциалистической системы [1, 3-13]. В то же время сама западная либеральная демократия переживает кризис, что отмечается и в средствах массовой информации, в том числе, во влиятельной американской газете «Вашингтон Таймс»: «Многие из нас... считают, что наш путь единственный (не самый лучший или не самый быстрый, а единственный) путь в рай. Более того, многие из нас убеждены: кто не верит в другой путь, проклят Богом, а поэтому мы можем с чистой совестью унижать и осуждать их» [2, 4]. Признание кризиса либеральной модели демократии, по мнению ответственного редактора данного издания, вовсе не означает отрицание ценностей демократии как таковой, как образа жизни. Нет и не может быть единого стандарта демократии. Она – не застывшая форма, а продукт политической, правовой, культурной, экономической деятельности человеческого общества и развивается вместе с ним, в том числе и посредством кризисов.

Распространение свободы и демократии в зарубежных странах рассматривается в качестве главной цели американской внешней политики в законопроекте, который был внесен в Конгресс 3 марта 2005 г. сенаторами Дж. Маккейном и Дж. Либерманом [3]. Поддерживая курс американской администрации на экспорт демократии и оправдывая участие Великобритании в военных действиях в Иране, бывший премьер-министр Т. Блэр четко заявил, что в этой войне речь идет не просто о безопасности и военной тактике. «Это – битва ценностей, которую можно выиграть в результате победы терпимости и свободы. Афганистан и Иран являются необходимыми начальными пунктами этой битвы... Мы можем победить, доказав, что наши ценности сильнее, лучше, справедливее, чем альтернативные ценности... Если мы хотим защищать наш образ жизни, то нет альтернативы, кроме как бороться за него. Это означает, что отстаивать наши ценности не просто и в наших странах, и по всему миру» [4]. Реагируя на такого рода установки, некоторые исследователи отмечают, что американцы и их союзники возомнили себя новыми крестоносцами, призванными нести всему остальному миру свет единственно верного учения – рыночно-демократического фундаментализма. «В качестве главной цели ставится ни много ни мало как изменение самого менталитета, ментальной или парадигмальной основы жизнеустройства всего незападного мира (это, примерно, 4/5 всего человечества)» [5, 26]. Парадоксом представляется то, что Америка, существующая в мире примерно 300 лет, поучает, по каким принципам

должны жить народы, культуры, цивилизации, которые старше ее на несколько тысячелетий. В свое время Ф. Ницше, иронизируя относительно попыток каждой эпохи быть судьей всему, что было в прошлом, писал: «В сущности, ни одна эпоха и ни одно поколение не имеют права считать себя судьями всех прежних эпох и поколений... В качестве судей вы должны стоять выше того, кого вы судите, тогда как, в сущности, вы лишь явились позже на историческую арену. Гости, которые приходят последними на званый обед, должны, по справедливости, получить последние места; а вы хотите получить первые» [6, 197-198]. Сегодня важно понять, что специфичность, уникальность, своеобразие не обязательно и не всегда означают отсталость от так называемых передовых культур, а «момент оценки должен быть раз и навсегда изгнан из этнологии и истории культуры, как и вообще из всех эволюционных наук. Ибо оценка всегда основана на эгоцентризме» [7, 33].

Кризис демократии XXI века связан с переосмыслением самой основы демократии – выборно-властных процессов, которые осуществляются сегодня с использованием очень больших, постоянно растущих денежных масс, административных ресурсов, вмешательства групп давления и т.п. Избиратели самых демократических стран хорошо знают, какими огромными деньгами оплачивается сегодня их демократия, и оправданно задают себе вопрос, совместимо ли это с сутью демократии. Корни болезней современной демократии связаны не только и даже не столько с выборами и другими подобными процедурами, а с фундаментальным вопросом: действительно ли за демократическим фасадом власти индивиды из самых широких слоев народа могут отстаивать свои коренные права и свободы, свое человеческое достоинство в реальном процессе жизни? Ведь коррупция, бюрократизм плохи не только сами по себе, но и потому, что они блокируют реализацию и развертывание демократии в повседневной жизни, оборачиваясь квазидемократией.

Сегодня необходимо продумывать *новые формы и процедуры демократии, учитывая глобализационно-цивилизационные повороты современного человечества и одновременно классические принципы демократии, т.е. реального участия широких слоев народа в определении собственной жизни и судьбы, ибо ценности демократии, в том числе и в их либеральном варианте, столь глубоко укоренены в сознании и деятельности современного человека, что устранение и ухудшение их, какой бы вид не принимали подобные попытки, уже невозможно и с исторической точки зрения.*

Все чаще исследователи говорят о *диалоге либеральных и традиционных ценностей при обосновании нравственных поворотов в современной демократии.* Альтернативы демократии как своего рода «социальной гигиены» в мире не существует при всех трудностях, противоречиях, имитациях и прямых провалах в развитии демократии в ряде стран. В связи с этим необходимы системные исследования для выявления динамики демократии в современных условиях, *формирования и развития демократических структур гражданского общества, роли национальных государств и государственного регулирования в контексте глобализационных процессов.*

Без опоры на базовые ценности и традиции народа, невозможен успех любых демократических реформ. Ведь провал либеральных реформ в постсоветской России, как отмечают многие ученые, был предопределен изначально самим выбором модели «догоняющей вестернизации», изжившей себя исторически и неадекватной социокультурному и цивилизационному генотипу России. Неолибералы напрочь пренебрегли историческим опытом и своеобразием страны, которую взяли реформировать, и потому, столь желанный капитализм получился у них «диким», насквозь коррумпиро-

ванным и криминальным. Главным препятствием в деле общенациональной стратегии развития российские ученые считают недооценку, по сути, игнорирование ценностных, смысложизненных аспектов исторически сложившегося бытия и самосознания [8,18-20].

Стратегическим приоритетом динамики современной демократии становится диалог и консенсус либеральных и традиционных ценностей. В условиях сосуществования цивилизации, открытости и нарастающей интеграции мира, ни одна модель общественного устройства не может претендовать на универсальность и навязывать себя в качестве эталонного образца. Несмотря на то, что в своих идеологических предпочтениях либеральная и традиционная системы ценностей существенно и заметно отличаются друг от друга, в сфере житейских ценностей – семья, безопасность, благополучие и т.д. – у них много сходного и общего. Если традиционализм принято упрекать в консервативности, этатизме и патернализме, то на том же основании либерализму следует вменить разрушительный антропоцентризм и подмену соперничества бездушной конкуренцией. Современный опыт модернизации таких стран, как Япония, Китай, Чехия показывает, что, встав на путь наращивания информационного ресурса и внедрения передовых технологий, они с максимальной отдачей и пользой использовали свой исторический опыт и культурное наследие, не отказываясь от собственной идентичности. Односторонняя же политика неолиберального глобализма, целенаправленно определяемая США и их геополитическими партнерами, странами так называемого «золотого миллиарда», в интересах транснациональных компаний, мало считается с национальными интересами других стран, увеличивает разрыв между богатыми и бедными, навязывает свои решения, обостряя межнациональные и межрегиональные конфликты. Такая политика и правила игры противоречат реалиям мировой экономики и политики. Не случайно в докладе ООН подчеркивается, что «глобализация с человеческим лицом» требует управления миром с целью *поддержания морали и прав человека, равенства, справедливости, безопасности, устойчивости природной среды, развития общества и противостояния маргинализации.*

Глобализация в ее нынешнем виде сузила возможности национальных сообществ влиять на мировую экономику, что не означает, однако, что эпоха национальных образований завершена, что все устремились к «миру без границ» и роль национального государства сошла на нет. Современные США, Франция, Германия, приняв вызовы глобализации, предельно ревниво и активно реагируют на малейшие ущемления своих национальных интересов. Влиятельные политические силы в любой стране, политические партии и движения не торопятся занимать космополитическую позицию по отношению к глобализации и ищут свои национальные ответы на ее вызовы. Чтобы сохранить демократию как систему народовластия, по мнению Ю.А. Красина, необходимо выйти за рамки либеральной представительной модели (предполагающей реализацию права принятия политических решений не лично гражданами, а через своих представителей, избранных ими и ответственных перед ними), равно как и более демократичной модели участия. Как форма политического правления, демократия должна базироваться на более широком основании – на ее понимании как «образа жизни граждан». Такой ракурс понимания демократии позволяет выявить проблему *национальной специфики форм политического развития любого общества.* Дело в том, что в разных культурах соотношение компонентов системы «индивид-социум» оценивается по-разному: в либеральной западной традиции акцент делается на свободе личности, тогда как в большинстве восточных стран приоритет отдается социуму.

Именно потому «попытки навязать либерально-западные критерии демократии страной с иной культурой, вызывают реакцию отторжения» [9, 131-133].

Становление и развитие демократических приоритетов способствует построению правового социального государства. Особенно важна активно-преобразовательная научная и политическая деятельность в контексте поиска механизмов преодоления социальных последствий мирового финансового кризиса, нравственной оценки глобализационных процессов и современной демократии, социокультурного и политического самоопределения нашей страны в новой исторической ситуации, обоснования современной парадигмы национального существования, опираясь на собственные традиции и ценности [10, 14]. *Стратегический вектор развития при этом должен соответствовать цивилизационно-культурной и национально-государственной идентичности Республики Беларусь, сохранять и укреплять ее статус в геополитическом и геостратегическом плане, международно-правовой и внутривнутриполитической сферах, опираться преимущественно на собственный капитал и стимулы трансформационных изменений. В решении такого рода многоплановых задач необходимы междисциплинарные взаимодействия различных социально-гуманитарных наук — истории, юриспруденции, социологии, экономики, политологии и др., а также диалог этих наук с реальной социально-политической практикой.*

Фундаментальными вопросами стратегии национального развития становятся вопросы: какое общество мы строим, какой тип государственного устройства, каковы ценностные ориентиры, идеологические приоритеты и цели общества, его общезначимые идеалы и демократические ценности. Сегодня особенно необходима обновленная парадигма общенационального развития, базирующаяся на духовно-нравственных ценностях собственной культуры, ориентированная на стабильность и единство общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зеленко, Б.И. Демократия и современная Россия: непростое сочетание. // Вопросы философии. — 2008. — № 5.
2. Западные СМИ о кризисе «эталонной демократии». — М., 2006.
3. <http://www.hudsoninstitute.org>
4. Blair, T. A Battle for global values // Foreign affairs, January/February, 2007
5. Гаджиев, К.С. Заметки о метаморфозах либеральных ценностей // Вопросы философии. — 200. — № 5.
6. Ницше, Ф. Сочинения. — М., 1990. — Т.1.
7. Трубецкой, Н.С. Европа и человечество // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. — М., 1990.
8. О стратегии российского развития. М., 2003.
9. Красин, Ю.А. Метаморфозы демократии в изменяющемся мире // Полис. — 2006. — № 4.
10. Яскевич, Я.С. Время кризиса — время надежды и диалога. — Мн., 2009.

СОДЕРЖАНИЕ

Акинчиц И.И. СЕМЬЯ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА	3
Бедулина Г.Ф. СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ	7
Borowska A. STARZENIE SIĘ SPOŁECZEŃSTWA POLSKIEGO: SKUTKI, PROBLEMY, I ROZWIĄZANIA	11
Браницкая И.Н. ИННОВАЦИОННЫЙ ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА	19
Бусленко В.В. МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ И ОППОЗИЦИЕЙ В СТРАНАХ ЕС.	21
Варич В.Н. К ВОПРОСУ О ЦЕННОСТЯХ ИННОВАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ	26
Винокурова С.П. РОЛЬ КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	31
Восович С.М. ОПЫТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА БЕЛАРУСИ ПО УТВЕРЖДЕНИЮ В НАРОДЕ ТРЕЗВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX В.	35
Ганчев П. НОВЫЕ ПРИНЦИПЫ И ИНСТИТУТЫ УПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	40
Гарматный В.П. СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В 1921-1939 ГГ.	45
Garczyk B. GORBACZOW – WOKÓŁ OKRĄGŁEJ ROCZNICY (PRÓBA PRZYPOMNIENIA)	49
Демянчик В.Т., Демянчик М.Г. ПРИРОДНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ БЕЛОРУССКОЙ ЧАСТИ ЕВРОРЕГИОНА «БУГ» И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В АГРОЭКОТУРИЗМЕ	54

Dyszkiewicz M. KORUPCJA JAKO PROBLEM SPOŁECZNY, GOSPODARCZY I POLITYCZNY	58
Ейдукене ОСОБЕННОСТИ РАННЕГО НЕМЕЦКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА	64
Жарикова А.А., Жарикова О.Н. НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ РЕСУРС ОБЩЕСТВА	70
Жук А.М. СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЗАЩИТЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОДХОДА В СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ	72
Zalejski J. EROTYKA W PRZEKAZACH REKLAMOWYCH	76
Ильюшенко Н.С. ПРОБЛЕМА САМОКОНСТРУИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ КРИЗИСА ИДЕНТИФИКАЦИИ	82
Ickiewicz-Sawicka M. KANUN LEKA DUKAŃJINI – ALBAŃSKI KODEKS HONOROWY	85
Карпович О.В. КРЕСТЬЯНСТВО БЕЛАРУСИ В ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ 1831 И 1863 гг.	92
Ковальчук И.А., Сытник А.И. ФЕНОМЕН ТОЛЕРАНТНОСТИ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА	97
Кривошей Д.А. МНОГОСТОРОННЕЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (1991-2008 ГГ.)	101
Лазаревич А.А. ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ НАН БЕЛАРУСИ. ФЕНОМЕН ГЛОБАЛИЗАЦИИ В ВЕК НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ	108
Лазаревич Н.А. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ	113
Лапина И.А. СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	118
Лапина С.В. СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: БЕЛОРУССКАЯ МОДЕЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ	121

Лысюк А.И., Соколовская М.Г.	
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МЕСТНЫХ ПОВЕСТОК-21	124
Медиченко Л.Е.	
ТРАНСФОРМАЦИЯ ФИЛОСОФСКИХ ИСКАНИЙ В БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	128
Мельничук И.Н.	
СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО РОССИИ И УКРАИНЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	134
Мисюк В.С.	
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В ПОЛЕССКОМ ВОЕВОДСТВЕ	139
Михайлов В.А.	
ХРИСТИАНСКИЕ НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ В 21 ВЕКЕ	142
Молочко П.А.	
ОСОБЕННОСТИ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ УКРАИНЫ И РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	148
Надольский И.Э., Ярош Я.Б.	
ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ НЕЗАВИСИМОЙ УКРАИНЫ	153
Наумова В.И.	
ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА ИЛИ ВЗГЛЯД СТУДЕНТА НА НАШУ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ	157
Нестерова А.А.	
РЫНОК ТРУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ	162
Новицкая Т.Е.	
ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ДЕТЕРМИНАНТА СТРУКТУРИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА	167
Палховская Е.Б.	
ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЗАНЯТОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ	170
Plewa A.	
WIE SOZIAL KANN GERECHTIGKEIT SEIN?	174
Предко Т.И.	
ПОЛЕССКИЕ ОБРЯДЫ КАК ЭЛЕМЕНТ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА	179

Ротар Н.Ю. ПРОБЛЕМЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В УКРАИНЕ	182
Smolarczyk A. ŻYCIE POLITYCZNE MNIEJSZOŚCI ROSYJSKIEJ W WOJEWÓDZTWIE POLESKIM W DWUDZIESTOLECIU MIĘDZYWOJENNYM	188
Сребалюс Й. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС В ЛИТВЕ	191
Стрелец М.В. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЙ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ: ПОПЫТКА СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА	194
Сумко А.В. МЕСТО И РОЛЬ ЦЕНЗУРНЫХ ОРГАНОВ В ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1939-1941)	199
Сытник Я.А. ГОСУДАРСТВО В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ. ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА	203
Титаренко Л.Г. ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ НОВОГО ЕВРОПЕЙСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ	207
Tomczonek Z. UKŁAD GEOPOLITYCZNY W XXI WIEKU	211
Czajkowska B. OBOWIĄZKI NOTARIUSZA W ZAKRESIE BADANIA LEGALNOŚCI OBROTU NIERUCHOMOŚCIAMI Z UDZIAŁEM CUDZOZIEMCÓW	215
Черкасова М.С. ГОРОД И ДЕРЕВНЯ ЗАПАДА И ВОСТОКА: СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА	220
Черчик Л.Н. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СФЕРЕ РЕКРЕАЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ	224
Широканов Д.А. МНОГОМЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА	228
Яскевич Я.С. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	231

Научное издание

СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ, СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

**СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ КАФЕДР
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

**Под общей редакцией доктора социологических наук,
профессора Лапиной С.В.**

Основан в 2004 г.

Текст печатается в авторской редакции

Ответственный за выпуск *Варич В.М.*

Редактор *Строкач Т.В.*

Компьютерная верстка *Боровикова Е.А.*

Корректор *Никитчик Е.В.*

Дизайн обложки *Ющенко Г.Л.*

Лицензия № 02330/0549435 от 8.04.2009 г.

Подписано в печать 17.06.2010 г.

Формат 70х90 1/16. Бумага «Снегурочка». Гарнитура Arial Narrow.

Усл. печ. л. 17,55. Уч.-изд. л. 15,0. Зак. № 644. Тираж 100 экз.

Отпечатано на ризографе учреждения образования

«Брестский государственный технический университет».

224017, г. Брест, ул. Московская, 267.